ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3 | 2022

E-ISSN: 2500-0225 18+

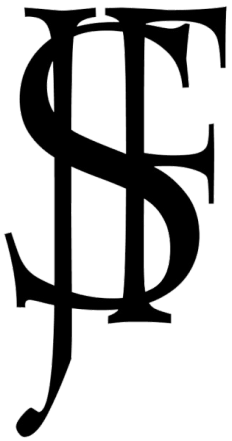
JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Academic E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Vol. 7, No 3

https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3

2022

E-ISSN: 2500-0225 18+

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Том 7, No 3

https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3

2022

Table of Content

LOCAL FRONTIER PRACTICES

Irina M. Suvorova & Liliya I. Kabanova
Influence of Modern Sociocultural Situation
on Axiosphere of Residents of Karelian Border 17

Vitaly N. Maslov, Elena V. Baranova & Mikhail M. Lopatin
"We Managed to Transport Furniture and Even a Cow, Sheep, and Goats": the Personal
Belongings of the Rural Immigrants Who Came to the Kaliningrad Region in 1946 34

Vasily V. Bublikov
Reasons for the Change in the Ethnic Composition of Areas Densely Populated
by Ukrainians in Russia in the Assessments of Modern Russian-Ukrainian Biethnors:
Forced vs Natural Assimilation 63

SOUTH RUSSIA FRONTIER

Konstantin A. Markelov, Pavel L. Karabushenko,
Rafik Kh. Usmanov & Sabina A. Velikaia
Caspian Elite Consensus: a Pact of Integration in a Globalizing World 92

Yuliya A. Davydova, Ekaterina V. Kargapolova,
Marina A. Simonenko & Andrey A. Lezhebokov
Cooperation between Russia and Kazakhstan
in Ensuring Integrated Security in the Caspian Macro Region 106

Andrey A. Avdashkin
Migration in the Russian-Kazakhstan Border Region (on the Example of the South Urals) 118

Sergey V. Vinogradov, Elena V. Savelyeva,
Oleg V. Likholet & Oleg N. Khotinetskiy
Problems of Transport Communication Development
on the Caspian Sea in the Context of the Discussion on the Construction
of the Caspian-Volga Channel in the Early 20th Century 140

Valery V. Kanishchev & Sergey K. Lyamin
Frontier Roots of Demographic Stability of Large Modern Russian Settlements
in the South of the European Part of Russia 153

Mariya A. Kolomeytseva & Alexandr N. Komandzhaev
The Image of a Man of the Frontier on the example of the Don's Nonresident Peasantry 178

Tatyana Yu. Vlaskina
Traditional Cuisine of the Nekrasov Cossacks 206

Viktor A. Avksentev, Galina D. Gritsenko,
Svetlana Y. Ivanova & Marina M. Shulga
Cultural Memory of the North Caucasian Communities
in the Conditions of the Risk-Generating Ethnopolitical Situation 219

GLOBAL FRONTIER

Dmitry V. Mikheev
Running From the Edge of Earth:
Desertion During Circumnavigations of the 16th Century 239

Asia A. Sarakaeva
Native Chieftains and Chinese Judges.
The Struggles for Power and Property in the Eighteenth-century South China Frontier 257

IDENTIFYING SELF AND THE OTHER

Rastyam T. Aliev & Olesya S. Yakushenkova
A Comparativistic Analysis of the Transformation of Alimentary
Aspect of the Other's Image: 2018-2022 283

Содержание

ЛОКАЛЬНЫЕ ФРОНТИРНЫЕ ПРАКТИКИ

Суворова И. М., Кабанова Л. И.
Влияние современной социокультурной ситуации на аксиосферу жителей карельского приграничья 17

Маслов В. Н., Баранова Е. В., Лопатин М. М.
«Нам удалось перевезти мебель и даже корову, овец и коз»: личное имущество сельских переселенцев, приехавших в Калининградскую область в 1946 году 34

Бубликов В. В.
Причины изменения этнического состава районов компактного проживания украинцев в России в оценках современных русско-украинских биэтноров: вынужденная vs. естественная ассимиляция 63

ЮЖНОРОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Маркелов К. А., Карабущенко П. Л., Усманов Р. Х., Великая С. А.
Каспийский консенсус элит: пакт интеграции в глобализационном мире 92

Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В., Симоненко М. А., Лежебоков А. А.
Сотрудничество России и Казахстана в системе комплексной безопасности Каспийского макрорегиона 106

Авдашкин А. А.
Миграции в Российско-Казахстанском приграничье (на примере Южного Урала) 118

Виноградов С. В., Савельева Е. В., Лихолет О. В., Хотинецкий О. Н.
Проблемы развития транспортных коммуникаций на Каспийском море в контексте дискуссии о строительстве Каспийско-Волжского канала в начале XX в. 140

Канищев В. В., Лямин С. К.
Фронтирные корни демографической устойчивости современных крупных русских поселений юга европейской части России 153

Коломейцева М. А., Команджаев А. Н.
Образ человека фронтира на примере иногороднего крестьянства Дона 178

Власкина Т. Ю.
Традиционная кухня казаков-некрасовцев 206

Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Иванова С. Ю., Шульга М. М.
Культурная память северокавказских сообществ в условиях рискогенности этнополитической ситуации 219

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Михеев Д. В.
Бегущие с края земли: дезертирство в ходе кругосветных экспедиций XVI века 239

Саракаева А. А.
Туземные вожди и китайские судьи.
Борьба за власть и собственность на южнокитайском фронтире XVIII века 257

ОПРЕДЕЛЯЯ СЕБЯ И ЧУЖОГО

Алиев Р. Т., Якушенкова О. С.
Компаративистский анализ трансформации
алиментарного аспекта образа Чужого: 2018-2022 гг. 283

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Journal of Frontier Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2016). The journal publishes scholarly articles, reviews, information resources, expeditions' reports, conferences and other scientific materials.

The journal was included in the top list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science in the following specialties:

5.6.1. Russian history;

5.6.2. General history;

5.6.4. Ethnography, Ethnology, and Anthropology;

24.00.01 – Theory and history of culture (history, philosophy, cultural studies);

10.01.03 – Foreign Literature.

We publish four issues in a year.

The working languages of the Journal are English and Russian.

The Journal is devoted to topical issues in the field of Frontier theory, Borders and Borderlands, problems of intercultural communication in contact zones, as well as the questions of functioning of Frontier tropes in modern mass culture.

Aim and Scope

Our goal is to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Frontier studies. With this goal in mind, we aim to ensure that our online publication performs important scientific functions – communication and information – that will not only accumulate new developments in this field, but will also serve as a basis for new discoveries and insights.

The Journal advocates the principles of dialogue of cultures and elimination of conditions for possible conflicts of civilizations. It adheres to the principles of the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial staff aims to remove language barriers and respect the boundaries of the national culture of each nation living on our small planet – Earth.

The journal assigns Crossref DOIs to all articles.

The main branches of science within which materials can be published in this publication are:

History;

Theory and history of culture;

Philosophy;

Literature.

But this does not mean at all that articles and other materials of the authors written in other branches of knowledge will be categorically rejected. We welcome articles on Frontier problems written from the perspective of a wide variety of Sciences or at the intersection of several branches, since this approach, in our opinion, may be the most effective and allows us to look at known problems from a new point of view. All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind reviews.

Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors. We do not accept works that Express disrespect for other peoples or contain politically incorrect language.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

Best regards,
Editors

- Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from March 7, 2015
- ISSN: 2500-0225
- The material published in the journal is intended for persons over 18 years of age

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Журнал фронтирных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);

5.6.4. Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

24.00.01 – Теория и история культуры (исторические науки) (философские науки) (культурология);

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки).

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтирной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтирных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтирной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевого издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

07.00.00 – Исторические науки;

24.00.00 – Теория и история культуры.

09.00.00 – Философские науки;

10.01.00 – Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронтира, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются неполиткорректные формулировки.

С уважением,
редакция

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	**Serguey N. Yakushenkov** Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Associate Editors	**Rastyam T. Aliev,** Ph.D. Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Science Editor	**Maksim V. Kirchanoff** Dr. Habilitatus in History, Associate Professor, Voronezh State University. Voronezh, Russia
Editorial Board	**Andrei Znamenski** Ph.D., professor, The University of Memphis. Memphis, USA
	Andrey V. Grinev Dr. Habilitatus in History, Professor, St. Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great (SPbPU). St. Petersburg, Russia
	Anna P. Romanova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
	Dittmar Schorkowitz Ph.D., professor, Max Planck Institute for Social Anthropology. Halle, Germany
	Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
	Elena V. Morozova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kuban State University. Krasnodar, Russia
	Elina A. Sarakava Ph.D., Hainan College of Economics and Business. Haikou, China
	Emilia A. Taysina Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia
	Isabeau Vollhardt B.A., Philosophy/English University of Washington. Washington, USA
	Lyudmila V. Burykina Ph.D., Adygea State University. Maykop, Russia
	Maria M. Fyodorova Dr. Habilitatus in Political Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Marina Ch. Larionova
Dr. Habilitatus in Philology, Federal State Budgetary Institution of Science "Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences", Southern Federal University.
Rostov-on-Don, Russia

Matthew P. Romaniello
Ph.D., professor, Weber State University. Ogden, USA

Michael Khodarkovsky
Ph.D., professor, Loyola University Chicago. Chicago, USA

Nadezhda Ye. Tropkina
Dr. Habilitatus in Philology, Volgograd State Pedagogical University. Volgograd, Russia

Natalia S. Kanateva
PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Nathan Hopson
Ph.D., professor, Nagoya University. Nagoya, Japan

Piotr Gorecki
Ph.D., professor, University of California. Riverside, USA

Robert P. Geraci
Ph.D., professor, University of Virginia. Charlottesville, USA

Sergey A. Troitskiy
PhD., Herzen Russian State Pedagogical University, Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, Sociological Institute, RAS.
St. Petersburg, Russia

Serguey V. Vinogradov
Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Willard Sunderland
Ph.D., professor, University of Cincinnati. Cincinnati, USA

Редакция

Главный редактор	**Сергей Николаевич Якушенков** д. ист. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
Заместитель главного редактора	**Растям Туктарович Алиев** к. ист. н., Астраханский государственный университет, Россия
Научный редактор	**Максим Валерьевич Кирчанов** д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Воронеж, Россия
Редакционная коллегия	**Андрей Вальтерович Гринев** д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ). Санкт-Петербург, Россия
	Андрей Знаменский Ph.D., профессор, Университет Мемфиса. Мемфис, США
	Анна Петровна Романова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия
	Диттмар Шорковиц Ph.D., профессор, Институт социальной антропологии им. Макса Планка. Галле, Германия
	Елена Васильевна Морозова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». Краснодар, Россия
	Елена Евгеньевна Завьялова д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия
	Ибитайо Самюэль Популa PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия
	Изабо Волхардт B.A., Вашингтонский университет. Вашингтон, США
	Людмила Васильевна Бурыкина к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет». Майкоп, Россия
	Марина Ченгаровна Ларионова д.филол.н., ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Южный федеральный университет (ЮФУ). Ростов-на-Дону, Россия
	Мария Михайловна Федорова д.полит.н., Институт философии РАН. Москва, Россия
	Михаил Ходарковский Ph.D., профессор, Университет Лойолы в Чикаго. Чикаго, США

Мэтью П. Романьелло
Ph.D., профессор, Государственный университет Уэбер. Огден, США

Надежда Евгеньевна Тропкина
д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград, Россия

Наталья Сергеевна Канатьева
к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Натан Хопсон
Ph.D., профессор, Нагойский университет. Нагойя, Япония

Пётр Горецкий
Ph.D., профессор, Калифорнийский университет. Риверсайд, США

Роберт П. Гераси
Ph.D., профессор, Университет Виргинии. Шарлотсвилль, США

Сергей Александрович Троицкий
к.филос.н., РГПУ им. А.И. Герцена, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН-Филиала ФНИСЦ РАН, РАН. Санкт-Петербург, Россия

Сергей Вадимович Виноградов
д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Уиллард Сандерленд
Ph.D., профессор, Университет Цинциннати. Цинциннати, США

Элина Алиевна Саракаева
к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу. Хайкоу, Китай

Эмилия Анваровна Тайсина
д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет». Казань, Россия

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”
Address	85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050
Editor-in-Chief	Serguey N. Yakushenkov
Email	editorialboard.jsf@jfs.today; editorialboard.jsf@gmail.com
CEO	Rastyam T. Aliev
Email	rastaliev@gmail.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2
Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенков
Email	editorialboard.jsf@jfs.today; editorialboard.jsf@gmail.com
Дирекция журнала	Алиев Растям Туктарович
Email	rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Local Frontier Practices | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.327

Influence of Modern Sociocultural Situation on Axiosphere of Residents of Karelian Border

Irina M. Suvorova[1] & Liliya I. Kabanova[2]

Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, Russia

Abstract

The article analyzes the problem of the specifics of the quality of life and value orientations of residents of the border Kalevala district of the Republic of Karelia. The retrospective aspect of the study is due to the tragic history of the separation of one people (northern Karelians) in the territory of two neighboring states (Finland and Russia) due to political events and decisions of the past. The historically established isolation (geographical and mental) of Kalevalians is also relevant in modern life. Therefore, the main goal of the study was to determine the degree of influence of socio-cultural factors on the quality of life and axiological dominants of local residents. The analysis of the modern sociocultural situation on the territory of the Kalevala National District was carried out during the complex scientific expedition "Kalevala-2021" and during the cameral processing of the results of field work. In the study a comprehensive methodology of humanities was used, as well as authoritative axiological and psychological methods. As a result of the validation axiological study, specific value dominants of Kalevals were identified, different from the "general cultural profile" of Schwartz, which coincided with the results of a psychological study of "existential fulfillment" and the quality of life of respondents. In sum, the authors of the article identified sociocultural factors that determine the axiological preferences and quality of life of Kalevalians in a modern situation aggravated by pandemic conditions. The article is recommended to specialists in philosophy, cultural studies, sociology and history.

Keywords

Values; Quality of Life; "General Cultural Profile"; Existential Fulfillment; Sociocultural Situation; Expedition; Sociocultural Factors; History; Axiology; Psychology

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: suvormih[at]list.ru
2 Email: lila31[at]yandex.ru

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Локальные фронтирные практики | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.327

Влияние современной социокультурной ситуации на аксиосферу жителей карельского приграничья

Суворова Ирина Михайловна[1], **Кабанова Лилия Ивановна**[2]

Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, Россия

Аннотация

В статье анализируется проблема специфики качества жизни и ценностных ориентаций жителей пограничного Калевальского района Республики Карелия. Ретроспективный аспект исследования обусловлен трагической историей разделения одного народа (северных карелов) на территории двух соседних государств (Финляндии и России) вследствие политических событий и решений прошлого. Исторически сложившаяся обособленность калевальцев (в географическом и ментальном плане) актуальна и в современной жизни. Поэтому главной целью исследования стало определение степени влияния социокультурных факторов на качество жизни и аксиологические доминанты местных жителей. Анализ современной социокультурной ситуации на территории Калевальского национального района осуществлялся в ходе комплексной научной экспедиции «Калевала-2021» и в ходе камеральной обработки результатов полевой работы. В исследовании использовалась комплексная методология гуманитаристики, а также авторитетные аксиологические и психологические методики.
В результате проведенного валидизирующего аксиологического исследования были выявлены специфические ценностные доминанты калевальцев, отличные от «общекультурного профиля» Шварца, что совпало с результатами психологического исследования «экзистенциальной исполненности» и качества жизни респондентов. В итоге авторами статьи были выявлены социокультурные факторы, определяющие аксиологические предпочтения и качество жизни калевальцев в современной ситуации, усугубленной пандемическими условиями. Статья рекомендуется специалистам в области философии, культурологии, социологии и истории.

Ключевые слова

ценности; качество жизни; «общекультурный профиль»; экзистенциальная исполненность; социокультурная ситуация; экспедиция; социокультурные факторы; история; аксиология; психология

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: suvormih[at]list.ru
2 Email: lila31[at]yandex.ru

Введение

Изучение проблемы влияния социокультурной ситуации на ценностные предпочтения и качество жизни населения традиционно носит междисциплинарный характер и имеет отношение к гуманитаристике в целом. Однако философско-культурологический подход предполагает не только использование авторитетных методик и проверенного инструментария, но и претендует на мировоззренческие выводы в области аксиологии. Допустимо предположить, что аксиологические предпочтения жителей приграничных территорий имеют свои оригинальные черты аксиосферы, которые сформировались под влиянием географических, экономических, исторических, культурных, демографических и политических факторов прошлого и настоящего. Под аксиосферой здесь будет пониматься изменчивая сложноструктурированная система взаимосвязанных ценностей, представленных в виде суждений, образов, идей и норм, разнообразных проявлений ценностного сознания, мотивирующих практическую и духовную деятельность человека (Суворова, 2014, с. 352).

Цель статьи: выявить и описать специфические черты аксиосферы и качества жизни жителей карельского приграничья, сформированные под влиянием комплекса социокультурных факторов.

Методология исследования

Исследование в приграничном Калевальском национальном районе Карелии проводилось учеными Петрозаводского государственного университета в ходе комплексной научно-исследовательской экспедиции Гуманитарного инновационного парка «Калевала – 2021» по проекту «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема Карелии» и привлекло 1018 респондентов из числа местных жителей.

Эмпирические данные по теме проекта были получены в результате применения комплексной методологии культурологии, социологии, экономики, истории, лингвистики, психологии и аксиологии. В ходе работы с взрослым населением Калевальского района были использованы фокус-группы по тематическим кейсам (история, социология), стандартные и нестандартные опросники (социология, психология, экономика), описание и интерпретация представлений человека, его реакций и оценок по проблемной теме (лингвистика, психология), глубинные интервью (аксиология, лингвистика, история, социология), анкетирование (лингвистика, социология, экономика), факторный анализ, статистический и нормативный методы (экономика). Для специального исследования особенностей ценностных предпочтений жителей приграничного района использовались глубинные интервью, опросник Шварца и диагностика «экзистенциальной исполненности» Лэнгле.

В ходе камеральной обработки полученных эмпирических данных оказалось возможным верифицировать предполагаемую гипотезу относительно важнейших факторов, формирующих ценностные предпочтения жителей приграничного района.

Результаты исследования и обсуждения

Влияние изменяющейся социокультурной ситуации на мировосприятие каждого человека и общества в целом является неоспоримым фактом в гуманитаристике. Анализ реальной социокультурной ситуации на уровне факторов внутреннего порядка (социальная динамика, экономическая модель развития, изменения в политическом режиме, государственном устройстве), исторических и географического фактора удаленности от столичных центров, а также фактора влияния глобальных процессов способен выявить наиболее влиятельные на сознание респондентов. В данном исследовании анализируются общепринятые в культурологии социокультурные факторы и не учитываются природно-климатические, которые также имеют влияние на формирование аксиосферы жителей Калевальского района, однако являются предметом более емкого междисциплинарного исследования.

Политический режим и государственное устройство как социокультурные факторы внутреннего порядка Калевальского района идентичны всем другим в Республики Карелия за исключением того, что району присвоен статус национального как месту компактного проживания карелов. Действительно калевальцы трепетно сохраняют свое культурное наследие на уровне языка, традиций, обрядов, фольклора, праздников, ремесел. Однако родной карельский язык калевальцев до сих пор не принят на уровне республики как второй государственный, хотя многочисленные попытки осуществлялись с 90-х годов XX века (Кряжков, 2018, с. 59). В глубинных интервью и анкетах респонденты признавались, что этот факт непризнания карельского языка ущемляет их национальное достоинство и права, а также негативно влияет на востребованность карельского языка во всех сферах. Большинство респондентов (74%) высказались за необходимость изучения и популяризации карельского языка, что демонстрирует высокий уровень национального самосознания калевальцев. Кроме того, в 2020 году Калевальский район был причислен к Арктической зоне РФ, что предполагало ряд преференций для его жителей в экономическом плане в виде льготного налогообложения и выделения «Арктического гектара» (Официальный сайт муниципального образования «Калевальский национальный район», 2021). Однако уровень средней заработной платы в Калевальском районе за 2020 год (47234 рубля), по данным местной администрации, ниже, чем в других арктических районах Карелии. Вероятно, что лесозаготовительная и деревообрабатывающая деятельность калевальцев

приносит меньшую прибыль, чем камнеобработка и энергетика Лоухского и Кемского районов Карелии.

Демографическая ситуация в Калевальском районе является проблемной: ежегодная стабильная убыль населения (естественная убыль и трудовая миграция) стала негативной тенденцией постсоветских десятилетий на территории всей республики. По сведениям Карелиястат за последние 22 года численность населения сократилась на 5371 человека (что составляет 54% от количества населения 1989 года), а за последние 7 лет – на 1036 человек с 7525 до 6489 жителей (Общие итоги миграции населения Республики Карелия, 2019). Таким образом, невысокая зарплата и отток населения из этой приграничной зоны создают условия для депрессивных настроений оставшихся жителей территории.

Особое значение в социокультурном плане имеет географическое местоположение Калевальского района, который значительно (на 550 км) удален от столицы Карелии – города Петрозаводска. В отсутствии железнодорожного и авиасообщения в период весенне-осенней распутицы Калевальский район становится труднодоступным, что ограничивает получение высококвалифицированной медицинской помощи, социальных услуг и элементарной доставки товаров населению. Подобная «обособленность», с одной стороны, оценивается местными жителями как ущемление их гражданских прав, но с другой стороны, позволяет сохранить местный колорит, а главное – уникальный природный ландшафт. Близость к финской границе (80 км) определяет постоянное взаимодействие местных жителей с соседями как в экономическом, туристском плане, так и в области сохранения культурных традиций и изучения богатой истории края.

Изначально (в период раннего средневековья), по данным исторических документов, территорию нынешнего Калевальского района Карелии и приграничную коммуну современной Финляндии Суомуссалми заселяли племена лопарей или саамов, занимавшихся охотой и рыболовством. Как свидетельствует Ю. Корпела:

> «У местных сообществ не было комплексной социальной и административной организации, потому что их хозяйственный уклад и социальная повседневность в этом не нуждалась. Хозяйство основывалось на годовом цикле периодических переселений семейных объединений. Взаимоотношения регулировались традицией и социально-бытовыми нормами. Связи между группами ограничивались неформальными встречами и не слишком регулярными торговыми отношениями. Для формирования племенных структур и идентичностей, равно как для складывания надрегионального сознания, этого было явно недостаточно» (Корпела, 2021, с. 35).

Активное заселение данной территории собственно карелами произошло, по сведениям историков, за счет миграции:

> «Во второй половине XVI столетия в окрестности озера Лексозера буквально устремился поток переселенцев из Приладожья; в их числе были родовитые карельские семьи, потомки местной средневековой знати – своеземцы, и все еще не попавшие в частнофеодальную зависимость крестьяне-аллодисты – чернокунцы; что эти карелы-переселенцы и принесли в окрестности Лексозера, Кимасозера и Куйтозера древнюю рунопевческую традицию и, живя здесь в последующие столетия, сумели ее сохранить, передавая детям и внукам, и что по иронии истории древние руны оказались записанными спустя столетия здесь, на далеком – относительно Приладожья – севере, в той именно стороне, с которой некогда народ, их создатель, олицетворял чужой, а, следовательно, враждебный мир Похъелы» (Чернякова, 2021а, с. 305).

Матти Пёлля в исследовании об изменениях в этническом составе Беломорской Карелии XV-XVII вв. отмечает, что «на берегах озера Куйто проживали, в основном, предположительно, карелы, однако там находилось также, вероятно, поселение лопи» (Pöllä, 1995, s. 143). А у Клементьева Е.И. мы находим более конкретную демографическую статистику: «По данным писцовых книг Водской и Обонежской пятины и другим источникам, предположительная численность карел ко второй половине XVI века составляла около 55-63 тысяч» (Клементьев, 2003, с. 172). В 1865 году численность карелов в Кемском уезде (куда входил и современный Калевальский район), по сведениям И.А. Черняковой, составляла 55% от всего населения, что позволяет считать их этническим большинством на обозначенной территории в то время (Чернякова, 2021б, с. 116). Именно в XIX веке на Калевальской земле финский фольклорист Элиас Леннрот записал большинство карельских рун для всемирно известного эпоса «Калевала», который сегодня признается наследием карельского и финского народов, несмотря на разницу в оценке историков, лингвистов и культурологов (Korpela, 2021).

Формальное разделение северных карелов произошло в 1617 году по Столбовскому договору между Россией и Швецией, (которая владела на тот момент территорией современной Финляндии), когда граница была определена с юга на север вблизи озера Куйто (Жуков, 2017). С тех пор этническая общность карелов оказалась разделенной в пределах двух разных государств. И даже несмотря на столетнее пребывание Финляндии в пределах Российской империи с 1809 по 1917 г. и многочисленные военные попытки передела территории в XX веке, граница, проходящая ныне между Финляндией и Россией, делит карельский народ на западную и восточную часть. Трагическую историю разделения карельского народа подробно исследовали историки Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу) и Петрозаводского государственного университета в проекте «Народ, разделенный границей» (Карелы российско-финского пограничья в XIX -XX вв., 2012).

На сегодняшний день, по данным местной администрации, в составе пограничного Калевальского района насчитывается только 30% жителей, относящих себя к карелам; невелика численность северных карелов и

на территории соседней коммуны Суомуссалми, где всего проживает 7727 человек (Стратегия Еврорегиона Карелия на 2021–2027 гг.). Поэтому разделенный границей карельский народ сейчас является малочисленным, а с 2010 года язык карел занесен ЮНЕСКО в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» со статусом «Есть угроза исчезновения» и пояснением: «Не изучается детьми как родной язык» (UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger, 2010). И несмотря на принятый закон о поддержке карельского языка в республике (Закон о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия от 19 марта 2004 года (с изменениями на 7 июня 2017 года), Карелия до сих пор остается единственным национальным образованием на территории Российской Федерации, где язык титульной нации не получил статуса второго государственного.

Таким образом, искусственное разделение этноса, военные и политические конфликты негативно отразились на судьбе северных карелов, поставив их под угрозу исчезновения к началу XXI века. Однако жители Калевальского района разных национальностей сегодня стараются сберечь язык и традиции, которые им достались в наследство, идентифицируя свою принадлежность к карельской культуре. Помимо этого, устойчивые связи местных жителей с приграничным финским населением (активно развивающиеся в постсоветское время), карело-финский эпос «Калевала» и общие страницы истории финно-угорских народов сближают наших современников по обе стороны границы на совместных мероприятиях и проектах.

Ежегодная статистика показывает, что количество значимых социальных объектов (по данным местной администрации) остается неизменным за последние 7 лет: 5 школ, 2 детских сада, 3 учреждения дополнительного образования, 13 социокультурных центров. В составе социокультурных центров района находятся многочисленные оригинальные музеи, сохраняющие материальное наследие северных карелов. Всего на территории Калевальского района насчитывается 164 объекта культурного наследия, 46 их которых имеют статус памятников федерального значения (Статистические сведения по дислокации объектов культурного наследия Республики Карелия). Подобная статистика позволяет предположить, что социокультурная инфраструктура способствует реализации образовательных и культурных программ и мероприятий по сохранению и популяризации родной карельской культуры.

Такой фактор внешнего порядка, как глобализация экономических, информационных и социальных процессов, безусловно, нашел свое отражение в жизни жителей приграничной территории. Наиболее ярко это проявляется в функционировании туристической индустрии района и создании информационной инфраструктуры района в области управления, социального и медицинского обеспечения, образования и культуры. Активная деятельность этнокультурного центра «Калевалатало», языковые курсы, преподавание карель-

ского языка с начальной школы, радиовещание и периодика на карельском языке в доступном цифровом формате – все это позволяет сохранять национальные традиции и язык карелов не только в местном, но и в международном масштабе (Дьяконова & Степанова, 2016).

В общем и целом, можно резюмировать, что социокультурная ситуация в приграничном Калевальском районе Карелии может быть охарактеризована как депрессивная в демографическом и экономическом плане, но стабильная – в области социального обеспечения, образования и культуры. Закономерно предположить, что подобная противоречивость социокультурной ситуации неоднозначно влияет на ценностные предпочтения местных жителей приграничья.

В исследовании аксиосферы жителей приграничного Калевальского района Карелии использовался кросс-культурный подход по опроснику Ш. Шварца и глубинные интервью, которые позволили выявить понимание респондентами обозначенных в опроснике ценностей. Однако в данной статье представлен только результат опроса, с помощью которого стало возможным изучение структуры аксиосферы респондентов на основе исследования их социального поведения. В данном случае уместным оказалось использование кросс-культурного валидизирующего исследования на основе сравнения «универсального набора ценностей» Ш. Шварца и ценностной сферы жителей Калевальского района. Такое исследование содействовало определению степени равноценности для разных культур ранее созданных измерений психологических конструкций. Ценностная сфера личности, по признанию Ш. Шварца, «…представляет собой мотивационный континуум, <…> мотивационные различия между ценностями могут рассматриваться скорее как непрерывные, чем как дискретные. Мы <…> рассматриваем их как отдельные, если это удобно для исследования, <…> но наше разделение континуума, основанное на теории, является произвольным» (Шварц и др., 2012). Апробированная в 83 странах мира методика Ш. Шварца позволила автору выявить так называемой «общекультурный профиль», в котором представлена следующая иерархия:

- «Доброта – расположенность к другим, забота о благополучии близких, честность, готовность прощать и помогать, лояльность и ответственность.
- Самостоятельность – руководство самим собой (выбор независимого мышления и поведения, творчество, склонность к исследованию, свобода, любопытство, постановка собственных целей).
- Универсализм – понимание другого, высокая оценка другого, забота о благополучии всех людей и природы, мудрость, широта мышления, социальная справедливость, равенство, всеобщий мир, социальная справедливость, мир красоты, единство с природой.

- Безопасность – надежность, гармония и стабильность общества, отношений и себя самого, безопасность семьи и государства, общественный порядок, чистота, взаимная полезность.
- Конформность – воздержание от действий, которые могли бы нанести вред другим людям, общественному порядку или принятым социальным нормам, вежливость, послушание, самодисциплина, уважение к родителям и старшим.
- Достижения – личный успех посредством демонстрации личной компетентности в соответствии с социальными стандартами, успешность, способность, амбициозность, влиятельность человека.
- Гедонизм – удовольствие и чувственное самовознаграждение, наслаждение жизнью.
- Стимуляция – азарт, новизна, стремление к глубоким переживаниям.
- Традиции – принятие и соблюдение традиций, обычаев и идей традиционной культуры и религии, скромность, благочестие, умеренность.
- Власть – достижение социального статуса или престижа, контроля над людьми и ресурсами, социальная власть, богатство, поддержание имиджа» (Шварц и др., 2012, с. 48).

На основе многочисленных исследований в разных странах и культурах Ш. Шварц сконструировал своеобразную иерархию ценностей, где первые места занимали доброта, самостоятельность и универсализм, а последние три позиции – гедонизм, стимуляция и власть. Сам автор утверждает, что такое положение дел содействует наилучшему функционированию общества.

> Ш. Шварц постулировал, «что все индивидуальные ценности основываются на базовых условиях человеческого существования (одном или более): а) потребности организма, б) стремление к социальным взаимодействиям и в) потребность в принадлежности к группе. 19 ценностей основываются на этих условиях и соответствуют функциональным требованиям, выработанным Ш. Шварцем (в 1992 и 2006 году) для базовых ценностей. Они фокусируются на: а) личной или социальной выгоде от результата, б) росте и саморазвитии или избегании тревожности и защите, в) открытости к изменениям или сохранении статус-кво, г) направленности на собственное благо или благо других» (2012, с. 47).

Насколько соответствует данному «общекультурному профилю» аксиосфера жителей в конкретном карельском районе, можно узнать на основе анализа результатов опросника. В опросе участвовали 34 респондента (по правилам стихийной социологической выборки, которая определяется только одним параметром – активностью респондентов) от 18 до 63 лет, все трудящиеся, из них 82% – женщины, 18% – мужчины; 45% респондентов заявились как карелы по национальности, 88% – уроженцы Калевальского района). Итоговые результаты по опроснику Ш. Шварца представлены, как и

подразумевает методика, на двух уровнях: на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных предпочтений.

На первом уровне среди приоритетных ценностных идеалов у жителей Калевальского района оказались безопасность, доброта и конформность. Данный результат показывает, что для представителей малочисленного народа безопасность семьи и государства, общественный порядок, чистота, взаимная полезность, воздержание от действий, которые могли бы нанести вред другим людям, вежливость, послушание, самодисциплина, уважение к родителям и старшим являются приоритетными. Не случайно, что ценность безопасности и на уровне индивидуальных предпочтений занимает первое место у жителей Калевальского района. Этот факт указывает на особый статус безопасности в приграничном районе, ведь сама история разделения народа и его территории напоминает местным жителям о возможных угрозах. Безусловную ценность безопасности можно назвать главной оригинальной характеристикой аксиосферы жителей Калевальского приграничного района в отличие от «общекультурного профиля» Шварца, где на первом месте базируется доброта. Важно указать разницу в аксиологических предпочтениях на данном уровне нормативных идеалов калевальцев и жителей соседнего муниципального объединения – Костомукшского городского округа, где по результатам подобного исследования лидирующая позиция принадлежит ценности доброты, как в «общекультурном профиле» Шварца (Суворова, 2020).

Необходимо отметить, что лидирующую позицию на уровне индивидуальных ценностей в аксиосфере жителей приграничного района занимает самостоятельность как «выбор независимого мышления и поведения, творчество, склонность к исследованию, свобода, любопытство, постановка собственных целей». Подобную характеристику местных жителей можно встретить в исторических документах и историографических описаниях, которые отмечают независимость, природную смекалку, предприимчивость калевальцев, которые еще с XVIII века «протаптывали» тропы в Финляндию, чтобы «заработать копеечку» и жить в достатке (Чернякова, 1998).

Абсолютное совпадение с «общекультурным профилем» Шварца в смысле менее востребованных ценностей оказались власть и гедонизм. Нетрудно догадаться, что за всю историю калевальцам трудно было рассчитывать на установление контроля над людьми и ресурсами в условиях периферийного положения территории на окраине государства. И даже кратковременная попытка захвата власти и установления независимой Ухтинской республики в 1919 году обернулась трагедией для местного населения, что, вероятно, нашло отражение в формировании аксиосферы калевальцев.

Противоречивым выглядит факт невостребованности ценности стимуляции на уровне нормативных ценностей и ценности достижений на индивидуальном уровне, ведь предпринимательской способности как раз свойственен азарт и стремление к достижениям. Объективной причиной подобного проти-

воречия может быть признана определенная ограниченность личной инициативы в период пандемии, а вот субъективные причины могут быть связаны с глубинными установками психологии личности, поэтому следующий этап исследования основывался на экзистенциально-психологической методологии.

Исследовательский интерес к использованию данной методологии был обусловлен двумя факторами обособленности: отдаленным пограничным географическим положением Калевалы и образом капсульной, закрытой для внешних влияний жизни местных жителей. С экзистенциальной точки зрения такая «естественная изоляция» не может не влиять на формирование характерных особенностей «миро-проекта» (Бинсвангер, 1999; Бинсвангер, 2014).

Кроме того, данная задача видится актуальной в связи с параллельным изучением аксиосферы или проблемы ценностных предпочтений жителей карельского приграничья, о чем шла речь выше. Напомним, общая социокультурная ситуация в этом исследовании была охарактеризована как депрессивная в демографическом и экономическом плане и стабильная в области образования и культуры. В качестве примера были приведены убедительные цифры статистики относительно обилия культурных, социальных и образовательных центров на территории района. Таким образом, мы видим явное противоречие между общим низким экономическим уровнем жизни и связанным с этим кризисом чувства защищенности и заинтересованности в обеспечении потребностей духовной сферы. Использование кросс-культурного валидизирующего исследования на основе сравнения «универсального набора ценностей» подтверждает данный вывод: наряду с выявленной в качестве приоритетной ценности безопасности, не менее значимым оказались ценности доброты и конформности.

С точки зрения проведенного исследования дополнительным может быть назван экзистенциальный подход. Нас интересовала проблема «экзистенциальной исполненности», для изучения которой был использован одноименный диагностический тест. «Экзистенциальная исполненность» (ЭИ) – понятие, впервые появившееся в психологии В. Франкла (Франкл, 2000) для описания качества жизни человека. «Уровень» экзистенциальной исполненности выявляет смысловые траектории, наполненность жизни смыслом. Речь, таким образом, не о том, как на самом деле живет человек, а о том, что он думает о своей жизни, субъективная оценка человеком своей жизни. Изначально (в версии Лэнгле) тест представляет собой опросник, состоящий из 46 пунктов (Лэнгле & Орглер, 2009). Мы использовали адаптированный русскоязычный вариант теста, разработанный и апробированный группой авторов из ВШЭ (Шумский, 2016, с. 763–788). Данный психометрический инструмент предназначен для оценки степени реализации фундаментальных экзистенциальных мотиваций и степени экзистенциальной исполненности. Тест был разработан для научных целей, а также для сопровождения терапевтического процесса.

Напомним, в основе исследования предложенная А. Лэнгле концепция фундаментальных экзистенциальных мотиваций. «Экзистенциальный анализ, поясняет Лэнгле, – концентрируется на том, чтобы сделать человека способным реализовывать свою сущность среди вызовов нашего беспокойного мира» (Лэнгле, 2009а).

Важным в его версии экзистенциального анализа является понятие Person. Мир Person представляет собой триединство телесного, психического и духовного измерений. «Persona – «per se una» – «единая сама по себе» – в соответствии с этой этимологией человек создан по образу и подобию Божьему, а поскольку Бог триедин, в человеке есть три начала: дух, душа и тело» (Лэнгле, 2009б). Обнаружение своей экзистенции или Person с точки зрения Лэнгле осуществляется исходя из отношения к четырем фундаментальным структурам экзистенции: окружающему миру, жизни, к самому себе как Person и широкому горизонту будущего и смысла.

Вопрос о самой возможности существования человека в мире – это первая фундаментальная структура экзистенции. Нравится ли мне моя жизнь? – вопрос второй фундаментальной мотивации. Постановка данного вопроса возможна лишь в опыте исполненности первого вопрошания. Исполненная вторая мотивация является одной из предпосылок для формулировки третьего вопроса: имею ли я право быть таким? Это основной вопрос третьей фундаментальной мотивации. Оценка себя является результатом нравственного самовопрошания. Основной вопрос четвертой фундаментальной мотивации: что я должен делать? Тема этой завершающей мотивации – собственное «Я», смысловая и экзистенциальная завершенность. В поисках ответа на все эти вопросы человек зачастую прячется в конформность.

В исследовании экзистенциальной исполненности в Калевальском районе приняли участие 25 человек. Основная выборка включала 30% детей в возрасте от 12 до 15 лет и 70% женщин в возрасте от 37 до 56 лет. Выбор обусловлен объективными условиями проведения исследования и также опорой на авторитетное мнение о том, что «гендер и возраст слабо связаны с показателями экзистенциальной исполненности и не требует разработки дифференцированных норм для представителей разных демографических групп» (Шумский, 2016, с.763-788).

Только 15% от всего числа респондентов набрали балл, соответствующий среднему показателю уровня экзистенциальной исполненности (ЭИ), из них 13 % – это дети в возрасте от 12 до 15 лет. 2 % – это взрослые в возрасте от 36 до 40 лет (от 121 до 138 – при нормированном значении от 120 до 144 баллов). 75 % респондентов показали общий балл, соответствующий низкому показателю уровня экзистенциальной исполненности (ЭИ), (от 93 до 119 – при нормированном значении от 86 до 119). Ни один респондент из тестируемых не набрал в сумме количество баллов, соответствующих высокому уровню ЭИ (при нормированном значении от 144 и выше).

При достаточно стабильных у всех респондентов показателях первой фундаментальной мотивации (ФМ 1 – окружающий мир) параметров «опора» и «защищенность» – средний показатель равен примерно 11-12 баллов, и третьей фундаментальной мотивации (ФМ 3 – отношение к самому себе, как Person) параметра «признание ценности» – средний показатель равен примерно 11-12 баллов, был выявлен низкий уровень показателя четвертой фундаментальной мотивации (ФМ 4 – широкий горизонт будущего и смысла). Средний показатель параметра «возможность для деятельности» составил всего 8-9 баллов. Таким образом, обращает на себя внимание видимое противоречие между декларированием чувства защищенности и отсутствием смысловых перспектив («ценность в будущем»). Данное противоречие также находит подтверждение в результатах изучения проблем ценностных предпочтений. Напомним, конформность была обозначена респондентами в качестве ключевого критерия благополучия. В ситуации, когда внешняя реальность плохо согласуется с миром внутренних устремлений индивида, конформность становится естественной защитной реакцией. Одним из основных следствий подобной установки, как правило, становится истончение смыслового измерения. Однако данные выводы требуют дальнейшего подтверждения с привлечением большего числа респондентов.

Выводы

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

- аксиосфера жителей Калевальского района отличается от «общекультурного профиля» Шварца на уровне нормативных и индивидуальных ценностей;
- специфической особенностью аксиосферы калевальцев является доминирующая ценность безопасности на уровне нормативных ценностей и самостоятельность на уровне индивидуальных ценностей;
- негативными социокультурными факторами, определившими подобную аксиологическую иерархию, являются экономический, исторический, географический и демографический;
- позитивными факторами, сформировавшими ценностные предпочтения калевальцев, можно назвать культурно-образовательный и информационный;
- уровень «экзистенциальной исполненности» как показатель качества жизни подавляющего числа респондентов оказался низким, что согласуется с результатами исследования ценностных предпочтений;

- тревожным в психологическом плане выглядит выявленное отсутствие смысловых перспектив респондентов, что может быть обусловлено не только указанными социокультурными факторами, но и пандемической ситуацией.

Таким образом, в исследовании выявлены и описаны факторы современной социокультурной ситуации, определяющие ценностные предпочтения и качество жизни жителей карельского приграничья в период пандемии, что может быть использовано для изучения развития аксиосферы калевальцев и в постпандемический период.

Список литературы

Lonnrot, E., & Korpela, J. (2021). *Kalevala: The Epic of the Finnish People* (E. Friberg, Trans.). Penquin Books.

Pöllä, M. (1995). *Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600-1800-luvulla [Changes in the ethnic composition of Viena Karelia in the 1600-1800s]*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Finnish).

Арктика. (2021). Официальный сайт муниципального образования «Калевальский национальный район». https://visitkalevala.ru/arktika

Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения. (2010). UNESCO. http://ru.unesco.kz/unesco-s-atlas-of-the-world-s-languages-in-danger

Бинсвангер, Л. (1999). *Бытие-в-мире*. Ваклер.

Бинсвангер, Л. (2014). *Экзистенциальный анализ*. Институт общегуманитарных Исследований.

Дьяконова, М. В., & Степанова, С. В. (2016). Роль учреждений культуры в сохранении и развитии этнотерриторий Республики Карелия. *Современные Проблемы Сервиса и Туризма*, 10(3), 91–98. https://doi.org/10.12737/21106

Жуков, А. Ю. (2017). Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии и ее значение в жизни карельского народа. *Альманах Североевропейских и Балтийских Исследований*, 2, 13–13. https://doi.org/10.15393/j103.art.2017.761

Закон о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия от 19 марта 2004 года (с изменениями на 7 июня 2017 года). (2004). Консорциум Кодекс. https://docs.cntd.ru/document/919316706

Карелы российско-финского пограничья в XIX-XX вв. (2012). Издательство ПетрГУ.

Клементьев, Е. И. (2003). История и расселение карел в XVI-XIX вв. В Е. И. Клементьев & Н. В. Шлыгина (Ред.), *Прибалтийско-финские народы России* (сс. 172–178). Наука.

Корпела, Ю. (2021). Таежный ландшафт накануне европеизации: Олонецкая Карелия к началу XVI века. В *Трансформация и интеграция: Карельская периферия в Российской империи* (сс. 19–54). Наука.

Кривцова, С. В., Лэнгле, А., & Орглер, К. (2009). Шкала экзистенции (Existenzskala). *Экзистенциальный анализ, Бюллетень*, 1, 141–170.

Кряжков, В. А. (2018). Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: Конституционно-правовые вопросы. *Государство и право*, 5, 52–59. https://doi.org/10.7868/S0132076918050062

Лэнгле, А. (2008a). Грандиозное одиночество: Нарциссизм с точки зрения экзистенциально-аналитической антропологии Person. В *Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности* (сс. 41–78). Генезис.

Лэнгле, А. (2008b). Психотерапия: Научный метод или духовная практика? В *Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности* (сс. 112–153). Генезис.

Общие итоги миграции населения Республики Карелия. (2020). Официальный сайт Карелиястат. https://krl.gks.ru/storage/mediabank/WBdS9jGa/75161_614310.pdf

Статистические сведения по дислокации объектов культурного наследия Республики Карелия. (б. д.). Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия. https://monuments.karelia.ru/ob-ekty-kul-turnogo-nasledija/statisticheskie-svedenija-po-dislokacii-ob-ektov-kul-turnogo-nasledija-respubliki-karelija/

Стратегия Еврорегиона Карелия на 2021- 2027 гг. (2021). Euregiokarelia. https://www.euregiokarelia.com/yhteistyostrategia2021-2027

Суворова, И. М. (2014). Аксиосфера культуры как синергетическая система. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 2, 352–355.

Суворова, И. М. (2020). Особенности аксиосферы жителей северного карельского приграничья. *Studia Humanitatis Borealis*, 16(3), 45–49. https://doi.org/10.15393/j12.art.2020.3642

Франкл, В. (2000). *Основы логотерапии. Психотерапии и религия*. Речь.

Чернякова, И. А. (1998). *О чем не рассказал Э. Леннрот… К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа*. Издательство ПетрГУ.

Чернякова, И. А. (2021a). Карельская периферия и государственное администрирование: от воеводской избы до губернского правления. В *Трансформация и интеграция: Карельская периферия в Российской империи* (сс. 108–138). Наука.

Чернякова, И. А. (2021b). Карельское приграничье в XVII – XIX веках. В *Трансформация и интеграция: Карельская периферия в Российской империи* (сс. 305–306). Наука.

Шварц, Ш., Бутенко, Т. П., Седова, Д. С., & Липатова, А. С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: Применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 43–70. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2012-2-43-70

Шумский, В. Б., Уколова, Е. М., Осин, Е. Н., & Лупандина, Я. Д. (2016). Диагностика экзистенциальной исполненности: Оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(4), 763–788. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-763-788

References

Arctic. (2021). Official website of the municipality “Kalevala National District”. https://visitkalevala.ru/arktika (In Russian).

Atlas of the World's Endangered Languages. (2010). UNESCO. http://ru.unesco.kz/unesco-s-atlas-of-the-world-s-languages-in-danger (In Russian).

Binswanger, L. (1999). *Being-in-the-World*. Wackler. (In Russian).

Binswanger, L. (2014). *Existential Analysis*. Institute for General Humanitarian Studies. (In Russian).

Chernyakova, I. A. (1998). *What E. Lennroth did not tell about... To the history of the region, where the epic songs of the ancient people were preserved and recorded*. PetrSU Publishers. (In Russian).

Chernyakova, I. A. (2021a). Karelian Periphery and State Administration: From Provincial House to Provincial Administration. In *Transformation and Integration: The Karelian Periphery in the Russian Empire* (pp. 108–138). Nauka. (In Russian).

Chernyakova, I. A. (2021b). Karelian borderland in the 17th - 19th centuries. In *Transformation and Integration: The Karelian Periphery in the Russian Empire* (pp. 305–306). Nauka. (In Russian).

Diakonova, M. V., & Stepanova, S. V. (2016). Cultural Offices in Preservation and Development of Ethnoterritories of the Republic of Karelia. *Service & Tourism: Current Challenges*, 10(3), 91–98. https://doi.org/10.12737/21106 (In Russian).

Euroregion Karelia Strategy 2021-2027. (2021). Euregiokarelia. https://www.euregiokarelia.com/yhteistyostrategia2021-2027 (In Russian).

Frankl, W. (2000). *Fundamentals of Logotherapy. Psychotherapy and Religion*. Rech. (In Russian).

General results of migration in the Republic of Karelia. (2020). Official site of KareliaStat. https://krl.gks.ru/storage/mediabank/WBdS9jGa/75161_614310.pdf (In Russian).

Klement'ev, E. I. (2003). History and Settlement of Karelians in the 16th-19th Centuries. In E. Klementiev & Shlygina (Eds.), *Baltic-Finnish peoples of Russia* (pp. 172–178). Nauka. (In Russian).

Korpela, Y. (2021). Taiga landscape on the eve of Europeanization: Olonets Karelia by the beginning of the 16th century. In *Transformation and Integration: The Karelian Periphery in the Russian Empire* (pp. 19–54). Nauka. (In Russian).

Krivtsova, S. V., Langle, A., & Orgler, K. (2009). Existence Scale. (Existenzskala). *Existential Analysis, Bulletin*, 1, 141–170. (In Russian).

Kryazhkov, V. A. (2018). The State Language of the Republic in the Context of the Karelian Situation: Constitutional and Legal Issues. *Government and Law*, 5, 52–59. https://doi.org/10.7868/S0132076918050062 (In Russian).

Langle, A. (2008a). Grandiose Solitude: Narcissism from the Perspective of Existential Analytic Anthropology Person. In *Person. The Existential Analytic Theory of Personality* (pp. 41-78). Genesis. (In Russian).

Langle, A. (2008b). Psychotherapy: Scientific method or spiritual practice? In *Person. The Existential Analytic Theory of Personality* (pp. 112–153). Genesis. (In Russian).

Law on state support for the Karelian, Vepsian and Finnish languages in the Republic of Karelia of March 19, 2004 (as amended on June 7, 2017). (2004). Codex Consortium. https://docs.cntd.ru/document/919316706 (In Russian).

Lonnrot, E., & Korpela, J. (2021). *Kalevala: The Epic of the Finnish People* (E. Friberg, Trans.). Penquin Books.

Pöllä, M. (1995). *Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600-1800-luvulla [Changes in the ethnic composition of Viena Karelia in the 1600-1800s]*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Finnish).

Schwartz, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S., & Lipatova, A.S. (2012). Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(2), 43–70. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2012-2-43-70 (In Russian).

Shumsky, V. B., Ukolova, E. M., Osin, E. N., & Lupandina, Y. D. (2016). Measuring Existential Fulfillment: An Original Russian Version of Test of Existential Motivations. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(4), 763–788. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-763-788 (In Russian).

Statistical data on the location of cultural heritage objects in the Republic of Karelia. (n. d.). Republican Center for State Protection of Cultural Heritage Objects. https://monuments.karelia.ru/obekty-kul-turnogo-nasledija/statisticheskie-svedenija-po-dislokacii-ob-ektov-kul-turnogo-nasledija-respubliki-karelija/ (In Russian).

Suvorova, I. M. (2014). Axiosphere of Culture Being a Synergetic System. *Historical and Socio-Educational Thought*, 2, 352–355. (In Russian).

Suvorova, I. M. (2020). Specific Axiosphere of thee Residents og the Northern Karelian Border Area. *Studia Humanitatis Borealis*, 16(3), 45–49. https://doi.org/10.15393/j12.art.2020.3642 (In Russian).

The Karelians of the Russian-Finnish borderland in the 19th-20th centuries. (2012). PetrSU Publishers. (In Russian).

Zhukov, A. Yu. (2017). The 1621 Russian-Swedish Border in Karelia and Its Meaning in the Life of the Karelian People. *Nordic and Baltic Studies Review*, 2, 13–13. https://doi.org/10.15393/j103.art.2017.761 (In Russian).

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Локальные фронтирные практики | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.388

“We Managed to Transport Furniture and Even a Cow, Sheep, and Goats”: the Personal Belongings of the Rural Immigrants Who Came to the Kaliningrad Region in 1946

Vitaly N. Maslov[1], Elena V. Baranova[2] & Mikhail M. Lopatin[3]

Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia

Abstract

The article deals with the problem of provision with personal property of rural settlers in the Kaliningrad region after World War II. A significant role in the material well-being of workers of collective and state farms was played by subsidiary farms. Basing on materials included in the database of immigrants to the new Russian region, the presence of cows, calves, goats, sheep, pigs, poultry, forage, food and household items in the immigrant families is analyzed for the year 1946. Well-being of households arriving in the region from different regions is compared according to each type of possessings. Taking into account the places of exit, the resettlement families are divided into further groups: low-income, medium-income, and high-income households with livestock and belongings. Property disproportions are explained by the consequences of the Great Patriotic War and the specifics of the places of exit. The study of migrants’ interviews made it possible to determine the composition of the items included in the “household possessions” category. In the difficult first post-war year, not all the villagers who came to domesticate the Kaliningrad region were provided with cattle, furniture and utensils, food stock. There was not enough roughage for domestic animals. However, half or more of the migrating families had cows, sheep, goats and poultry in their private farms, which was one of the factors that helped them to survive the post-war famine.

Keywords

Kaliningrad Region; 1946; Migrations; Personal Farming; Property; Domestic Animals; Poultry; Fodder; Victuals; Household Items

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

1 Email: VMaslov[at]kantiana.ru
2 Email: gortransort[at]gmail.com
3 Email: mikhaillopatin28[at]gmail.com

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Local Frontier Practices | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.388

«Нам удалось перевезти мебель и даже корову, овец и коз»: личное имущество сельских переселенцев, приехавших в Калининградскую область в 1946 году

Маслов Виталий Николаевич[1], **Баранова Елена Вячеславовна**[2], **Лопатин Михаил Михайлович**[3]

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Калининград, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема обеспеченности личным имуществом сельских переселенцев в Калининградскую область после Второй мировой войны. Значительную роль в материальном благополучии работников колхозов и совхозов играли подсобные хозяйства. На основе материалов, включенных в базу данных переселенцев в новый российский регион, анализируется наличие в переселенческих семьях в 1946 г. коров, телят, коз, овец, свиней, домашней птицы, фуража, продовольствия и домашних вещей. По каждому виду имущества сравнивается благосостояние домохозяйств, прибывавших в область из разных регионов. Переселенческие семьи с учетом мест выхода разделены на группы – малообеспеченные, среднеобеспеченные и высокообеспеченные домашним скотом и вещами. Имущественные диспропорции объясняются последствиями Великой Отечественной войны, спецификой мест выхода. Изучение интервью мигрантов позволило определить состав предметов, входивших в категорию «домашнее имущество». В тяжелый первый послевоенный год не все селяне, приехавшие осваивать Калининградскую область, были обеспечены скотом, мебелью и утварью, запасом продовольствия. Для домашних животных было недостаточно грубых кормов. Однако половина и более мигрировавших семей имели коров, овец, коз и домашних птиц в личных хозяйствах, что было одним из факторов, который помог им пережить послевоенный голод.

Ключевые слова

Калининградская область; 1946 год; миграции; личное подсобное хозяйство; имущество; домашние животные; домашняя птица; фураж; продовольствие; домашние вещи

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: VMaslov[at]kantiana.ru
2 Email: gortransort[at]gmail.com
3 Email: mikhaillopatin28[at]gmail.com

Введение

В 1946 г. началось массовое перемещение мигрантов из России и Белоруссии для организации сельскохозяйственного производства в Калининградской области, образованной после Второй мировой войны на части Восточной Пруссии, переданной решением Потсдамской конференции Советскому Союзу. Преодолеть трудности по переносу советской модели аграрного производства на новую территорию планировалось с помощью сельских жителей как одного из значительных компонентов социально-экономического и демографического развития Калининградской области в первые годы после ее образования. В свою очередь для рабочих совхозов и колхозников большим подспорьем в обустройстве на новом месте стало имущество, вывезенное из личных подсобных хозяйств, включая домашних животных, вещи, сельхозинвентарь, зерно и т. д.

Личное подсобное хозяйство – явление историческое, присущее советской социалистической системе. «Возникнув в 30-е годы XX века как закономерный результат сплошной коллективизации в сельском хозяйстве СССР, как временная переходная форма социализации деревни, оно превратилось в неотъемлемый, необходимый элемент колхозно-совхозной модели и сохранилось таковым на протяжении всего периода ее существования... Историческая практика, основу которой составило развитие колхозного строя в СССР, показала, что личное подсобное хозяйство оказалось не просто удивительно живучим, но и крайне необходимым для страны, дополняя собой колхозный строй, а в ряде случаев даже заменяя его в производстве отдельных важнейших видов сельскохозяйственной продукции» (Агоева, 2010, с. 6).

Цель нашей работы – проанализировать данные из хранящихся в Государственном архиве Калининградской области (ГАКО) эшелонных и других списков о количестве личного имущества переселенцев, прибывших в регион в первый год массового организованного заселения его сельских районов для создания в них сельскохозяйственного производства. В рамках статьи рассматриваются разные виды имущества – как скот и птица, так и домашние вещи, сельхозинвентарь, фураж. Власти, организуя масштабную миграцию, стремились минимизировать некоторые затраты и разрешали вывозить значительный объем личного имущества, впрочем, объективно ограничивавшийся возможностями грузоперевозок железнодорожным транспортом и наличием этого имущества у переселенцев.

Историография и источники

В научной литературе в основном обращается внимание на правительственные решения о количестве скота и вещей, которые можно было перевозить переселенцам, на условия погрузки, перевозки и кормления животных в эшелонах, приводятся статистические сведения об общем числе домашних

животных, доставленных в регионы вселения во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (см, например, Костяшов, 2015; Пискунов, 2017). Однако обеспеченность переселенческих семей личным скотом, фуражом и продовольствием, домашними вещами не исследовалась детально. Из-за этого порой высказывается неверное мнение, что все переселенцы прибыли в Калининградскую область почти без вещей и домашних животных.

Основными источниками для характеристики имущественного положения переезжавших мигрантов являются эшелонные и различные сводные списки переселенцев. В них имелись графы, в которые вписывали информацию о наличии у сельских переселенцев коров, телят, свиней, овец, коз, домашних птиц, продовольствия, фуража и домашних вещей, справок о бескоровности и сданном картофеле. Все эти сведения в рамках совместного проекта БФУ им. И. Канта и ГАКО вносятся в базу данных сельских переселенцев в самый западный российский регион в 1946–1947 гг.

На основе имеющихся статистических материалов в научной литературе констатируется, что в 1946 г. в села области переселились по неполным данным почти 59 тыс. человек (Гусев, 2006, с. 43). К настоящему времени в базу данных сельских мигрантов в Калининградскую область включены сведения о 58582 переселенцах, или 12092 семьях. На калининградскую землю в 1946 г. переселились из Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) 10160 семей, в том числе из Брянской – 601, Великолукской – 392, Владимирской – 418, Воронежской – 896, Горьковской – 934, Калининской – 612, Калужской – 265, Кировской – 277, Костромской – 311, Куйбышевской – 224 и Курской областей – 958, Марийской – 218 и Мордовской АССР – 307, Московской – 420, Новгородской – 367, Орловской – 300, Пензенской – 502, Псковской – 316, Рязанской – 659, Тамбовской – 372 и Ульяновской областей – 138, Чувашской АССР – 304, Ярославской области – 369 семей. Из Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) прибыли 1932 домохозяйства, в том числе из Бобруйской – 443, Брестской – 1, Витебской – 242, Гомельской – 51, Минской – 272, Могилёвской – 728, Полесской областей – 195 семей. Внесенный объем данных позволяет проанализировать имущественное положение сельских мигрантов в первый год массового заселения новой советской области.

Дополнительная информация об имуществе переселенцев, прежде всего о домашних вещах, взята из интервью мигрантов. Эти материалы, собранные в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и в 2000-е – начале 2010-х гг., хранятся в ГАКО в фонде Р-1191 (Коллекция документов первых жителей Калининградской области с 1945 по 1952 гг.). Проблемы, связанные с обеспечением сельских мигрантов скотом, продовольствием, личным имуществом зафиксированы в отчетах и справках, составленных в переселенческом отделе Калининградской области, в приказах и распоряжениях Переселенческого управления РСФСР.

Они отложились в фонде Р-183 (Комитет по труду и социальным вопросам Калининградской области) ГАКО.

Конечно, имеется проблема достоверности материалов об имуществе в эшелонных и сводных списках, интервью. Например, уже в сентябре 1946 г. при проверке эшелонов обнаружилось расхождение между списочными данными и реальным количеством скота. Так, в первом же железнодорожном составе, прибывшем из Брянской области, в бланках указано 89 коров, а фактически переселенцы привезли 105 животных; телят по документам было 3, в реальности – 29, свиней соответственно 24 и 44 (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, сс. 132–133). Однако в последующем сведения об имуществе вносились более тщательно. Сравнение данных эшелонных списков, составлявшихся в регионах выхода, и различных посемейных перечней, подготовленных в Калининградской области или перед прибытием в нее, не выявляет значительной разницы между количественными показателями в этих документах. Имеющаяся в госархиве отчетная документация и решения республиканского переселенческого управления также позволяют проверить достоверность эшелонных и сводных списков, фактов из интервью.

В часть списков сведения об имуществе совсем не вносились. Примерно у 25% переселенческих дворов из Горьковской области информация об имуществе не фиксировалась; неполнотой отличались такие сведения и в перечнях, подготовленных на переселенческие дворы из Полесской области Белорусской ССР. В документах остальных регионов доля таких семей была не столь велика. При анализе количественных показателей ввезенного скота, продовольствия, кормов и домашних вещей в статье указывается доля семей с незаполненными данными об имуществе, расчеты производятся по домохозяйствам, у которых есть такие сведения.

Личное имущество переселенцев: предварительные замечания

При характеристике благосостояния мигрантов с учетом регионов выхода можно разделить на три группы: 1) малообеспеченные семьи; 2) среднеобеспеченные личные хозяйства и 3) переселенческие дворы, имевшие сравнительно много того или иного вида имущества. К местам выхода с малообеспеченными семьям условно отнесены области и автономные республики, в которых 50 и менее процентов переселенческих хозяйств владели каким-либо имуществом. Среднеобеспеченными считаем регионы, если из них 51–75% дворов прибыли в Калининградскую область с определенным видом имущества. Наличие имущества в 75 и более процентах домохозяйствах является основанием для

отнесения региона-донора к территориям, направившим семьи, хорошо снабженных скотом или продуктами.

При этом необходимо учитывать, что личное «богатство» советских переселенцев не было каким-то значительным. Во-первых, благосостояние мигрантов существенно снизилось во время войны, особенно в регионах, пострадавших от военных действий и оккупации. Во-вторых, в Советском Союзе действовали ограничения на размеры личных подсобных хозяйств сельских тружеников. Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1935 г., установил, что

> «каждый колхозный двор в зерновых... районах может иметь в личном пользовании корову, до 2 голов молодняка рогатого скота, 1 свиноматку с приплодом или, если правление колхоза найдет необходимым, 2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев. Каждый колхозный двор в земледельческих районах с развитым животноводством может иметь в личном пользовании 2 - 3 коровы и, кроме того, молодняк, от 2 до 3 свиноматок с приплодом, от 20 до 25 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев» (Примерный Устав сельскохозяйственной артели, 1935, с. 7-8).

В уставы калининградских колхозов вносились ограничения на разведение домашнего скота, соответствовавшие зерновым районам (Костяшов, 2014, с. 72). Из таких мест в основном и приезжали мигранты. Только полесские территории Белоруссии, из которых в Калининградскую область могли прибывать переселенцы, относились к земледельческим районам. Впрочем, тяготы военных лет привели к тому, что скота в личном пользовании мигрантов оказалось меньше установленных норм, не каждое переселенческое хозяйство обладало домашними животными, птицей, необходимым запасом продовольствия.

Переселенцы могли переместить на поездах к новому месту жительства домашний скот, птицу, продовольствие, фураж и домашние вещи. В постановлении Совета министров СССР «О первоочередных мероприятиях по заселению и развитию сельского хозяйства Калининградской области» от 9 июля 1946 г. за счет государства мигрантам предоставлялось право провоза скота. Переселенцам даже рекомендовалось «перевозить с собой имеющиеся у них скот, птицу и пчелосемьи». Позднее в постановлении Совета министров СССР «О переселении колхозников и другого населения в колхозы и совхозы Калининградской области» от 21 июля 1947 г. Совету министров РСФСР вменялось в обязанность «обеспечить перевозку переселенцам всего имеющегося у них в личном пользовании скота, птицы и пчелосемей» (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 95, 317). Действительно, в переселенческой документации, наряду с обеспеченностью мигрантов крупным и мелким рогатым скотом, свиньями и птицей, отражены факты перевозки пчел и кроликов.

Крупный рогатый скот

В эшелонных и сводных списках зафиксировано, что в переселенческих эшелонах в Калининградскую область в 1946 г. доставили 9213 коров. При этом в 5,2% домохозяйств сведения о наличии или отсутствии коров в документации не указаны. Однако в разных перечнях коровы отмечены у 8999 переселенческих семей (78,5% от домохозяйств с имуществом), в том числе в 81,53% российских переселенческих дворов и 61,32% белорусских семьях. Такая диспропорция связана с тем, что все белорусские регионы пострадали от войны и оккупации, в них существенно сократилось поголовье крупного рогатого скота (КРС) в личных приусадебных хозяйствах (см., например: Селеменев, 2018, с. 6; Сакович, 1999, с. 116), а часть российских регионов-доноров Калининградской области не были районами непосредственных боевых действий и оккупации. На этих территориях разрушительные последствия войны проявились в меньшей степени. В Куйбышевской области, например, поголовье КРС во всех категориях хозяйств за годы войны не уменьшилось, а увеличилось (Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы, 1966, с. 268). Хотя в целом по стране поголовье коров сократилось (Народное хозяйство СССР в 1963 году: стат. сборник, 1965, с. 311).

В 1946 г. приехавшие в Калининградскую область переселенцы имели по 0,8 коров на одну семью. В 2,28% домохозяйств было учтено более одной коровы; почти 27,4% дворов их не имели, хотя союзное правительство обязало власти регионов выхода выделить бескоровным переселенцам по одному животному из колхозного стада (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 95). Впрочем, в ряде областей данное указание выполнили. Например, в Псковской области по настоянию облисполкома колхозы в 1946 г. выделили мигрантам «222 коровы со своих ферм, сократив, таким образом, собственное дойное стадо. В результате переселенцы выехали в Калининградскую область, имея на каждую семью по дойной корове». Также псковские переселенцы получили 30 т прессованного сена для прокорма в пути крупного и мелкого рогатого скота (Филимонов, 2015, с. 181).

Сельхозбанк мог выдавать мигрантам долгосрочную ссуду на приобретение КРС (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 95; Пискунов, 2017, с. 294). При этом справку о бескоровности имели только 2,35% хозяйств, которым в месте вселения разрешалось приобрести корову на таких условиях (см., также: ГАКО, ф. Р-183, оп. 5, д. 9, лл. 30, 77, 78, 83). Впрочем, это право реализовывалось «не без определенных трудностей» (Чернышева, 2017, с. 134). В январе 1947 г. коллегия Пере-

селенческого управления при Совете министров РСФСР констатировала, что «недопустимо задержано выявление количества хозяйств переселенцев, сдавших скот в местах выхода под обменные квитанции, а также бескоровных хозяйств по областям выхода, что до настоящего времени не дало возможности внести на рассмотрение Правительства вопрос о помощи бескоровным в приобретении скота» (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 204).

По обеспеченности коровами с учетом места выхода переселенцев можно разделить на три группы. К регионам, малообеспеченным коровами, относились белорусские Бобруйская, Полесская, Брестская, Гомельская области и российские Горьковская, Тамбовская области. В них на одну семью приходилось от 0,3 до 0,5 животных, а с коровами переезжали от 29,9 (Бобруйская область) до 44,3% (Тамбовская область) хозяйств. Среднеобеспеченными являлись Минская, Витебская, Брянская и Владимирская области (по 0,5–0,7 коров на семью; соответственно 52,8; 55,1; 64,8 и 72,5% хозяйств с КРС), Марийская АССР (0,7 голов; 64,8%). В большей части мест выхода, в 19 из 30, имели коров свыше 75% переселенческих семей. Почти все мигранты из Курской (96,6%), Псковской (по 96,8%), Великолукской (97,2%) и Новгородской (98,1% хозяйств) областей прибыли в Калининградскую область с коровами. В среднем по 0,97 коров приходилось на одну семью из Мордовской АССР, но владели коровами только 86,6 дворов.

Регионы выхода	Переселенческие хозяйства, имевшие коров		Коров	
	всего	доля от всех хозяйств, %*	всего голов	на одну переселенческую семью, голов*
		РСФСР		
Брянская обл.	387	64,8	395	0,7
Великолукская обл.	380	97,2	385	0,98
Владимирская обл.	279	72,5	280	0,7
Воронежская обл.	752	84,7	796	0,9
Горьковская обл.	375	52,3	379	0,5
Калининская обл.	513	84,4	525	0,9
Калужская обл.	208	87,0	211	0,9
Кировская обл.	227	86,6	232	0,9
Костромская обл.	271	90,3	275	0,9
Куйбышевская обл.	180	81,4	182	0,8
Курская обл.	922	96,6	947	0,99
Марийская АССР	139	64,4	141	0,7
Мордовская АССР	271	88,6	298	0,97
Московская обл.	397	94,7	397	0,9
Новгородская обл.	354	98,1	357	0,99

Орловская обл.	226	75,8	234	0,8
Пензенская обл.	432	86,1	451	0,9
Псковская обл.	305	96,8	307	0,97
Рязанская обл.	514	82,6	519	0,8
Тамбовская обл.	148	44,3	159	0,5
Ульяновская обл.	128	92,8	130	0,9
Чувашская АССР	237	78,5	247	0,8
Ярославская обл.	295	81,0	302	0,8
		БССР		
Бобруйская обл.	114	29,9	114	0,3
Брестская и Гомельская обл.[1]	23	44,2	24	0,5
Витебская обл.	87	55,1	87	0,6
Минская обл.	115	52,8	115	0,5
Могилёвская обл.	635	87,7	639	0,9
Полесская обл.	85	43,8	85	0,4
Всего по РСФСР и БССР	8999	78,5	9213	0,8

Таблица 1. Обеспеченность переселенческих хозяйств коровами в 1946 г.

Table 1: Provision of resettlement farms with cows in 1946.

** Здесь и далее при подсчете не учитывались семьи, у которых данные о виде имущества не были внесены в переселенческую документацию.*

Кроме коров, в Калининградскую область переселенцы привозили телят. В 4,15% домохозяйств зафиксировано более одного теленка. Однако показатели обеспеченности молодняком КРС были низкими. Телята были у 23,55% российских и у 8,75% белорусских хозяйств, имевших отметки о наличии или отсутствии животных (у 9,6 % семей такие записи не сделали). Только 21,6% от всех переселенческих семей владели телятами, а на один двор приходилось всего 0,2 теленка. На этом фоне выделялись Куйбышевская, Орловская, Тамбовская, Воронежская области и Мордовская АССР. В них на семью в среднем в документах зафиксированы по 0,4–0,5 голов молодых животных; они значились в 36,3–47,9% переселенческих дворов. Следует отметить, что большинство семей везло с собой только коров (75,8%), лишь у 18,6% владельцев коров были и телята (по 5,6% домохозяйств данных нет). Среди бескоровных семей 31,6% дворов прибыли с телятами (по 5,8% семей информация отсутствует).

1 Здесь и далее сведения о соседних Брестской и Гомельской областях суммированы, так как в самый западный российский регион из Брестской области в 1946 г. приехала только одна семья.

Мелкий рогатый скот

В переселенческих списках применялась разные варианты указания количества овец и коз в домохозяйствах. В одних случаях их записывали раздельно, в других суммировали и вносили в одну графу. В связи с этим не представляется возможным установить точное число каждого вида животных, поэтому анализируются данные, в которых объединены количественные сведения о мелком рогатом скоте (МРС). При этом овец было явно больше, чем коз. Это следует из соотношения численности этих животных в личных подсобных хозяйствах сельских жителей в масштабах Советского Союза в начале 1946 г. Овец в это время в приусадебных хозяйствах было в 2,9 раза больше, чем коз (РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 66 об.: Статистические динамические ряды за 1913 – 1951 годы.).

В документах у 7% переселенческих семей не внесены данные на наличие или отсутствие овец или коз. В Калининградскую область в 1946 г. 7079 личных хозяйств (63% из имевших отметки) завезли 15408 овец и коз. У мигрантов из российских регионов МРС был в 66,43% дворов, из белорусских – в 40,91%. В среднем на каждую переселенческую семью приходилось по 1,4 головы мелкого рогатого скота; 79,83% дворов держали более одной овцы или козы. Однако данный показатель не означал, что каждая семья имела этих домашних животных.

В 9 регионах выхода овцами и козами владели менее 50% переселенческих хозяйств. Например, на всех переселенцев из Гомельской области числились только две овцы. Менее 20% бобруйских и брянских семей приехали в Калининградскую область с овцами и козами. У переселенцев из Могилёвской, Пензенской, Псковской, Орловской, Владимирской, Кировской областей, Мордовской АССР, Воронежской, Костромской, Калужской, Рязанской и Калининской областей в 54,1–75% хозяйств был МРС. Высокие показатели обеспеченности овцами и козами демонстрировали Курская (91,4% семей), Московская (93,3%), Великолукская (93,4%) и Новгородская (94,3%) области. В них на каждое хозяйство приходилось от 1,9 до 2,2 голов этих домашних животных. Также от 2 до 2,1 единиц МРС зафиксировано в ярославских, куйбышевских, ульяновских и чувашских переселенческих дворах.

Регионы выхода	Переселенческие хозяйства, имевшие овец и коз		Овцы и козы	
	всего	доля от всех хозяйств, %	всего голов	на одну переселенческую семью, голов
РСФСР				
Брянская обл.	63	10,6	100	0,2
Великолукская обл.	366	93,4	855	2,2
Владимирская обл.	213	55,3	467	1,2
Воронежская обл.	592	67,0	1512	1,7

Горьковская обл.	358	49,9	768	1,1
Калининская обл.	457	75,0	946	1,6
Калужская обл.	169	71,0	328	1,4
Кировская обл.	146	55,7	272	1,0
Костромская обл.	210	70,0	436	1,5
Куйбышевская обл.	178	79,8	471	2,1
Курская обл.	866	91,4	1755	1,9
Марийская АССР	67	32,8	106	0,5
Мордовская АССР	197	64,6	424	1,4
Московская обл.	391	93,3	878	2,1
Новгородская обл.	342	94,7	745	2,1
Орловская обл.	165	55,2	323	1,1
Пензенская обл.	272	54,2	564	1,1
Псковская обл.	171	54,3	306	1,0
Рязанская обл.	460	74,0	1156	1,9
Тамбовская обл.	99	29,4	198	0,6
Ульяновская обл.	121	87,7	301	2,2
Чувашская АССР	269	89,1	636	2,1
Ярославская обл.	286	78,4	739	2,0
		БССР		
Бобруйская обл.	61	16,1	97	0,3
Брестская и Гомельская обл.	4	7,7	5	0,1
Витебская обл.	72	48,6	143	1,0
Минская обл.	93	43,3	157	0,7
Могилёвская обл.	391	54,1	720	1,0
Полесская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Всего по РСФСР и БССР	7079	63,0	15408	1,4

Таблица 2. Обеспеченность переселенческих хозяйств мелким рогатым скотом в 1946 г.

Table 2. Provision of resettlement farms with small ruminants in 1946.

Свиньи

В имеющейся переселенческой документации за 1946 г. у 6,7% переселенческих семей не зафиксировано наличие или отсутствие свиней, но отмечено, что в эшелонах в 1946 г. в Калининградскую область доставили 4891 свинью. Таким образом, 37,6%, или 4108 мигрировавших семей привезли свиней, в том числе в 7,9% дворов было более одного животного. Однако они имелись только в 40,4% хозяйствах переселенцев из российских регионов и лишь в 21% семей из белорусских областей. В среднем в каждом хозяйстве насчитывалось

по 0,4 свиньи. В большинстве регионов – 23 области и автономных республик – на мигрировавшие семьи приходилось по 0,1–0,5 животному на переселенческое хозяйство.

В группе регионов, из которых прибыло значительное число семей, малообеспеченных свиньями, обращает на себя внимание ситуация, связанная с витебскими переселенцами. Лишь у одной витебской семьи в документах отмечено наличие свиньи. До 10% домохозяйств из Тамбовской, Пензенской, Псковской, Полесской и Ульяновской областей были обеспечены свиньями. В этой категории регионов наибольшая доля семей (40,2–46,4%), державших данный вид домашних животных, принадлежала Горьковской, Орловской, Калужской, Ярославской и Калининской областям.

Среднее количество семей по обеспеченности свиньями характерно для мигрантов из Рязанской и Великолукской областей, Чувашской АССР – соответственно 52,6, 65,7 и 59,4% хозяйств. При этом у переселенцев из Чувашии на одну семью в среднем значилось более одной свиньи – это наибольший показатель из всех регионов выхода. По 0,8 голов свиней на один двор зафиксировано у переселенцев из Московской (71,6% хозяйств), Новгородской (75,2%) и Курской (78%) областей. Наибольшее число семей (по 60), имевших более одной свиньи, зарегистрировано у переселенцев из Чувашии и Могилёвской области. Для чувашских и особенно могилевских переселенцев было присуще неравномерное распределение свиней между мигрировавшими семьями. В 28,7% могилевских домохозяйств содержалось всё поголовье этих животных.

Переселение крестьян осуществлялось из административных единиц как полностью или частично оккупированных в годы войны, так и не подвергшихся оккупации. Поголовье свиней за годы войны, по официальным данным, сократилось в российских личных приусадебных хозяйствах – почти в 3 раза, в белорусских – в 4,3 раза (подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году (Статистический ежегодник), 1966, с. 278, 279; Народное хозяйство Белорусской ССР: статистический сборник, 1957, с. 138). В частности, в Калининской области за 1940–1945 гг. число свиней уменьшилось в 1,9 раза (подсчитано по: Тверская область в цифрах. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Статистический сборник, 2020, с. 66). Однако это не означало катастрофической ситуации с поголовьем свиней во всех без исключения личных хозяйствах. В научной литературе приводятся статистические сведения о том, что в оккупированных районах, например, Орловской области, в личных подворьях почти не осталось свиней, но на территории, не подвергшейся оккупации, их число возросло (Щекотихин, 2015, с. 35–36). В Могилёвской области уже в 1944 г. у части крестьян в личном хозяйстве было большое количество свиней, которых селяне не желали продавать колхозам из-за тяжелого продовольственного положения (Селеменев, 2018, с. 20, 206). В то же время после завершения военных действий в Псковской области, к примеру, с января 1945

по январь 1946 г. численность свиней выросла в 1,4 раза (ГАПО, Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). В Ярославской области поголовье скота во всех видах хозяйств за годы войны увеличилось, но после войны в освобожденные районы отправили часть продуктивных животных, поэтому к середине 1946 г. в регионе поголовье свиней от довоенного уровня составило 81% (Руденко, 2002, с. 8). В Ульяновской области даже в 1950 г. поголовье свиней ненамного превышало численность животных в 1940 г. – соответственно 97,9 и 89,6 тыс. голов (Ульяновская область к 70 годовщине Великой Победы. Статистический сборник, 2015, с. 56). В Марийской АССР за 1943–1944 гг. поголовье свиней сократилось на 66% (Кошкина, 2008, с. 18).

Регионы выхода	Переселенческие хозяйства, имевшие свиней		Свиньи	
	всего	доля от всех хозяйств, %	всего голов	на одну переселенческую семью, голов
РСФСР				
Брянская обл.	94	16,4	155	0,3
Великолукская обл.	251	65,7	272	0,7
Владимирская обл.	143	37,8	147	0,4
Воронежская обл.	309	36,1	340	0,4
Горьковская обл.	280	40,2	323	0,5
Калининская обл.	278	46,4	300	0,5
Калужская обл.	105	45,5	126	0,5
Кировская обл.	37	14,2	41	0,2
Костромская обл.	66	22,4	77	0,3
Куйбышевская обл.	59	26,9	69	0,3
Курская обл.	708	78,0	764	0,8
Марийская АССР	23	12,0	34	0,2
Мордовская АССР	34	11,3	47	0,2
Московская обл.	288	71,6	324	0,8
Новгородская обл.	267	75,2	275	0,8
Орловская обл.	120	40,7	126	0,4
Пензенская обл.	41	8,3	54	0,1
Псковская обл.	25	8,9	34	0,1
Рязанская обл.	308	52,6	363	0,6
Тамбовская обл.	25	7,6	29	0,1
Ульяновская обл.	14	10,1	14	0,1
Чувашская АССР	142	59,4	275	1,2
Ярославская обл.	163	45,7	177	0,5

		БССР		
Бобруйская обл.	58	15,8	78	0,2
Брестская и Гомельская обл.	17	13,2	27	0,2
Витебская обл.	1	2,3	1	0,0
Минская обл.	47	26,0	68	0,4
Могилёвская обл.	186	28,7	325	0,5
Полесская обл.	19	9,9	26	0,1
Всего по РСФСР и БССР	4108	37,6	4891	0,4

Таблица 3. Обеспеченность переселенческих хозяйств поголовьем свиней в 1946 г.

Table 3. Provision of resettlement farms with livestock of pigs in 1946.

Домашняя птица

В переселенческих списках не было сведений о домашней птице у 12 % переселенческих семей. У остальных домохозяйств в документах отсутствовало единообразие во внесении сведений о птице. В документах указано, что у переселенцев в 1946 г. были гуси, утки, куры или делалась обобщенная запись о наличии птиц без уточнения видовой принадлежности. В среднем на двор выходило по 3,6 птиц. Их привезли 52,5%, или 5570 переселенческих хозяйств, в том числе из российских регионов 52,8%, из белорусских областей половина семей.

В 13 регионах выхода 47,1% и менее дворов имели домашнюю птицу. Наименьшие показатели обеспеченности были в Брестской и Гомельской областях. В них только в 6 семьях было 30 птиц, а в среднем на все переселенческие хозяйства приходилось 0,6 птиц. Из Мордовской АССР, Куйбышевской, Минской, Кировской, Костромской, Курской, Воронежской, Витебской, Калининской, Орловской, Бобруйской, Калужской и Ярославской областей от 52,6 до 74,2% дворов прибыли с пернатой живностью. Самое большое количество птиц было у бывших жителей Орловской области (по 6,1 на семью), но птицами владели 68,7% мигрировавших хозяйств. По 6 голов птицы зафиксировано у семей из Великолукской и Новгородской областей (соответственно в 81,9 и 88,3% дворов). Новгородские показатели были самыми высокими среди переселенческих домохозяйств. Впрочем, и они не все прибыли с домашней птицей, а почти во всех семьях, их имевших, было не более 20 кур, уток или гусей.

Регионы выхода	Переселенческие хозяйства, имевшие домашних птиц		Домашняя птица	
	всего	доля от всех хозяйств, %	всего голов	на одну переселенческую семью, голов
РСФСР				
Брянская обл.	219	39,8	1410	2,6
Великолукская обл.	313	81,9	2304	6,0
Владимирская обл.	91	24,3	540	1,4
Воронежская обл.	533	61,1	4484	5,1
Горьковская обл.	322	45,0	1957	2,7
Калининская обл.	375	63,2	2767	4,7
Калужская обл.	164	69,8	1218	5,2
Кировская обл.	147	57,4	623	2,4
Костромская обл.	169	58,9	951	3,3
Куйбышевская обл.	122	54,5	828	3,7
Курская обл.	478	59,2	4452	5,5
Марийская АССР	48	23,6	313	1,5
Мордовская АССР	159	52,6	887	2,9
Московская обл.	59	14,0	278	0,7
Новгородская обл.	271	88,3	1838	6,0
Орловская обл.	204	68,7	1810	6,1
Пензенская обл.	236	47,1	1412	2,8
Псковская обл.	131	43,7	651	2,2
Рязанская обл.	271	44,7	1810	3,0
Тамбовская обл.	73	22,1	474	1,4
Ульяновская обл.	58	42,0	293	2,1
Чувашская АССР	237	78,5	1480	4,9
Ярославская обл.	271	74,2	2018	5,5
БССР				
Бобруйская обл.	164	68,9	859	3,6
Брестская и Гомельская обл.	6	12,5	30	0,6
Витебская обл.	92	62,6	508	3,5
Минская обл.	105	55,0	590	3,1
Могилёвская обл.	252	41,1	1519	2,5
Полесская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Всего по РСФСР и БССР	5570	52,5	38304	3,6

Таблица 4. Обеспеченность переселенческих хозяйств домашней птицей в 1946 г.

Table 4. Provision of settler households with poultry in 1946.

Продовольствие

В типовой форме эшелонного списка имелись две графы «Прод. зерно и мука» и «Овощи», которые должны содержать информацию о весе в центнерах продовольствия, привезенного переселенцами в места вселения. Конкретизация овощей по видам не предусматривалась. В типографском бланке списка имелась пустая колонка, в которую часто вписывали сведения о загруженном в эшелон картофеле. При этом у части семей могли одинаковый вес указать в графе «Овощи» и в дополнительной колонке «Картофель». Записи никакими пояснениями не сопровождались, поэтому остается неясным, допускалось ли дублирование информации или были еще какие-либо овощи, по весу совпадавшие с картофелем. Кроме того, встречаются случаи объединения данных по картофелю и продовольственному зерну в импровизированном столбце «Продовольствие». Всё это затруднило раздельный анализ данных по продовольственному зерну, муке и овощам, однако итоговые сведения позволяют в целом представить объемы привезенных в область личных продовольственных запасов. В литературе также отмечается, что в ряде регионов переселенцам выдали продукты для питания в дороге. Например, псковичей, кроме хлеба, снабдили мясом, яйцами, рыбой, мукой, крупами, маслом, жирами, сахаром и кондитерскими изделиями (Филимонов, 2015, с. 182).

В официальной документации отсутствуют сведения об обеспеченности овощами мигрантов из Брестской и Гомельской, Кировской, Пензенской, Ульяновской областей, но в эшелонные списки внесена информация о доставленных в Калининградскую область в 1946 г. почти 2685 т овощей у 38,3% переселенческих семей из других регионов. На каждое такое домашнее хозяйство приходилось немногим более 580 кг овощей. Обменные квитанции на 307,2 т картофеля, сданных в месте выхода, имели только 2,4 %, на зерно – 0,5% (14,6 т) дворов. В основном это были семьи, которые уехали до уборки урожая и не получили причитавшиеся по трудодням картофель и овощи (Филимонов, 2015, с. 182). В 1946 г. мигранты в местах вселения могли претендовать на продукты, равные по весу сданным овощам (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 95), однако это право у переселенцев не всегда получалось своевременно реализовать (см., например: Костяшов, 2015, с. 50).

Неполнота и нечеткость сведений о продовольствии не позволяют сделать вывод о достаточности или недостаточности привезенных продуктов для пропитания с учетом позднего приезда переселенцев, когда они не смогли

заготовить овощи, фрукты, муку на зиму и весну, и начинавшегося в стране, в том числе в Калининградской области послевоенного голода. В научной литературе констатируется, что мигрантам продовольствия, «материальных и продовольственных ссуд явно не хватало» (Чернышева, 2015, с. 56). В марте 1947 г. начальник областного управления по гражданским делам В. А. Борисов на собрании партийного актива Калининграда заявил, что колхозники приехали поздно, не успели наладить свою хозяйственную деятельность. В силу этого зима 1946/1947 гг. оказалась для калининградских колхозов очень тяжелой (подробнее см.: Костяшов, 2015, с. 217-227), даже несмотря на решения союзных властей об освобождении мигрантов на два года от обязательных поставок сельхозпродуктов, кроме молока, продаже переселенцам в 1946 г. по государственным ценам продовольственного зерна из расчета 1,5 ц на главу семьи и 0,5 ц на каждого члена семьи (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 95). По сложившейся практике селяне могли получить помощь зерном, соломой и сеном из колхозного сектора (Конышев, 2011, с. 103). Однако в 1946 г. оказалось невозможно решить часть продовольственных проблем за счет калининградских коллективных хозяйств. Они находились на этапе создания, преодолевали организационные трудности, у них почти не было имущества, деятельность сельскохозяйственных артелей только начиналась (Костяшов, 2015, с. 35–41). В марте 1947 г. начальник переселенческого отдела Калининградской области И. И. Терехов сообщил в Переселенческое управление при Совете министров РСФСР:

> «Большинство переселенческих семей основных продуктов питания, как хлеб и овощи, не имеет. Продовольственное зерно, проданное переселенцам по государственным ценам из расчета 3–3,5 ц (в среднем) на семью, все использовано. Картофеля нет, такие овощи, как капусту, свеклу, морковь переселенцы с собой привезти не могли... Внутреннего рынка в области нет, купить продуктов питания переселенцы внутри области не могут... В январе месяце, когда не было еще большого снега, переселенцы находили старую полусгнившую картошку, оставшуюся от немцев, отмывали ее, добывали крахмал и приготовляли с разной примесью хлеб, в данное время этой возможности нет: выпал большой снег и находить эту картошку переселенцы не могут. Мелкий скот (овцы, козы, свиньи), привезенный переселенцами, больше половины забит. Начали резать коров, причем режут стельных коров, которые должны в апреле-мае дать приплод» (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 239).

Корм для скота

В эшелонных и сводных списках отсутствуют сведения о доставленном зернофураже из Калужской, Кировской, Пензенской и Ульяновской областей. В целом весьма мало мигрантов привезли в Калининградскую область фураж –

6,3%, или 765 семей, у которых было всего 222 т кормового зерна, т. е. В среднем только по 18,4 кг на каждый переселенческий двор. В хозяйствах из 17 регионов менее 10% семей имели зернофураж. От 10,2 до 17,2% домохозяйств из Московской, Курской, Калининской, Витебской и Могилёвской областей были обеспечены зерном для кормления скота. Лишь 24,1 и 27,6% переселенческих семей соответственно из Куйбышевской области и Чувашской АССР прибыли в самую западную российскую область в 1946 г. с фуражным зерном. Крайне неравномерно оно было распределено между переселенцами из Минской (примерно 11,5 т фуража на 8 семей) и Рязанской (30,5 т на 23 семьи) областей.

Регионы выхода	Переселенческие хозяйства, имевшие зернофураж		Зернофураж	
	всего	доля от всех хозяйств, %	всего, кг	на одну переселенческую семью, кг
РСФСР				
Брянская обл.	37	6,2	4420	7,4
Великолукская обл.	18	4,6	6250	15,9
Владимирская обл.	8	1,9	3510	8,4
Воронежская обл.	32	3,6	6017	6,7
Горьковская обл.	48	5,1	15140	16,2
Калининская обл.	65	10,6	25660	41,9
Калужская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Кировская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Костромская обл.	2	0,6	50	0,2
Куйбышевская обл.	54	24,1	8000	35,7
Курская обл.	99	10,3	17041	17,8
Марийская АССР	13	6,0	3400	15,6
Мордовская АССР	30	9,8	6770	22,1
Московская обл.	43	10,2	34450	82,0
Новгородская обл.	9	2,5	1550	4,2
Орловская обл.	6	2,0	1450	4,8
Пензенская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Псковская обл.	1	0,3	60	0,2
Рязанская обл.	23	3,5	30500	46,3
Тамбовская обл.	8	2,2	1450	3,9
Ульяновская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Чувашская АССР	84	27,6	8631	28,4
Ярославская обл.	11	3,0	3340	9,1
БССР				
Бобруйская обл.	10	2,3	2550	5,8

Брестская и Гомельская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Витебская обл.	26	10,7	4211	17,4
Минская обл.	8	2,9	11466	42,2
Могилёвская обл.	125	17,2	25394	34,9
Полесская обл.	5	2,6	801	4,1
Всего по РСФСР и БССР	765	6,3	222111	18,4

Таблица 5. Обеспеченность переселенческих хозяйств зернофуражом в 1946 г.

Table 5. Provision of resettlement farms with grain forage in 1946.

Несколько лучше обстояли дела с грубыми кормами. В документах отсутствует информация о перевозке сена из Кировской, Пензенской, Рязанской, Ульяновской, Брестской и Гомельской областей. Из остальных регионов переселенцы (32,7%, или 4503 семьи) доставили в Калининградскую область 1559,6 т грубых кормов по 4,5 т на домохозяйство. Из Белоруссии корма привезли 38,4%, из России – 37% дворов. Такую невысокую обеспеченность грубыми кормами можно объяснить, в частности, для российских регионов нехваткой площадей естественных сенокосов и низкой урожайностью трав (см., например: Аврех, 2012, с. 10).

В эшелонах из 15 регионов менее 50% семей приехали с кормами для крупного и мелкого рогатого скота. Меньше всего грубых кормов привели переселенцы из Костромской области – около 3 т на 311 семей; сеном и другими кормами оказались обеспечены лишь 10,6% хозяйств. Среди мигрантов из Мордовской АССР, Калининской, Курской, Великолукской и Владимирской областей от 53 до 63,2% переселявшихся дворов имели грубые корма. Сеном была обеспечена сравнительно большая доля хозяйств из Могилёвской (76%), Куйбышевской (77,2%), Псковской (82,3%) областей и Чувашской АССР (88,5%).

В среднем на одну семью наибольшее количество грубых кормов зафиксировано у переселенцев из Калининской (477,9 кг), Великолукской (307,4 кг), Куйбышевской (255,3 кг) и Минской (252,8 кг) областей. При этом только у половины калининских и великолукских дворов были грубые корма. Еще более неравномерно распределялось сено у мигрантов из Минской области. Только 18,4% минских семей владели всеми привезенными грубыми кормами.

Регионы выхода	Переселенческие хозяйства, имевшие грубые корма		Грубые корма	
	всего	доля от всех хозяйств, %	всего, кг	на одну переселенческую семью, кг
РСФСР				

Брянская обл.	274	45,6	38137	63,5
Великолукская обл.	216	55,1	120482	307,4
Владимирская обл.	264	63,2	48980	117,2
Воронежская обл.	396	44,2	142493	159,0
Горьковская обл.	161	17,2	47930	51,3
Калининская обл.	336	54,9	292467	477,9
Калужская обл.	35	13,2	20200	76,2
Кировская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Костромская обл.	33	10,6	2990	9,6
Куйбышевская обл.	173	77,2	57185	255,3
Курская обл.	526	54,9	190915	199,3
Марийская АССР	107	49,1	24200	111,0
Мордовская АССР	164	53,4	53790	175,2
Московская обл.	158	37,6	58000	138,1
Новгородская обл.	98	26,7	24715	67,3
Орловская обл.	127	42,3	31420	104,7
Пензенская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Псковская обл.	260	82,3	38717	122,5
Рязанская обл.	0	нет свед.	0	нет свед.
Тамбовская обл.	48	12,9	7549	20,3
Ульяновская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Чувашская АССР	269	88,5	60623	199,4
Ярославская обл.	117	31,7	43050	116,7
		БССР		
Бобруйская обл.	49	11,1	39890	90,0
Брестская и Гомельская обл.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Витебская обл.	30	12,4	1332	5,5
Минская обл.	50	18,4	68766	252,8
Могилёвская обл.	553	76,0	137240	188,5
Полесская обл.	59	30,3	8561	43,9
Всего по РСФСР и БССР	4503	37,2	1559632	129,0

Таблица 6. Обеспеченность переселенческих хозяйств грубыми кормами в 1946 г.

Table 6. Provision of resettlement farms with roughage in 1946.

Привезенного сена было явно недостаточно для зимовки крупного и мелкого рогатого скота, имевшегося в области к концу 1946 г. Если на зиму для коровы требовалось не менее 3 т сена, а козы или овцы – 1 т (ГАКО, ф. Р-183,

оп. 5, д. 9, лл. 13, 26), то доставленных грубых коров в среднем приходилось на одно домашнее животное только несколько десятков килограмм.

Домашние вещи

Переселенцы имели возможность провезти к новому месту жительства до 2 т домашнего имущества на каждую семью (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 95). В интервью, жительница Калининградской области Л. И. Пудовикова, к примеру, сообщила: «Вещей взяли довольно много. Даже пришлось их отправлять багажом. Но ничего особенного среди них не было. Это был обычный набор вещей для людей, едущих на новое место жительства» (ГАКО. ф. Р-1191, оп. 1, д. 53, л. 69). Однако во многих интервью констатируется: «Какое было имущество переселенца? С собой ничего не было» (см., например: д. 37, л. 65; д. 39, л. 43).

Из материалов за 1946 г., включенных в базу данных переселенцев в Калининградскую область, следует, что домашние вещи привезли 53,9% переселенческих хозяйств (у 6521 семьи было почти 2412 т вещей). Остальные семьи или действительно не имели домашнего скарба, или информация о нем не была внесена в эшелонные списки их составителями. В переселенческой документации нет сведений о том, что вещи везли с собой жители Кировской, Брестской и Гомельской областей.

Наименьшим количеством домашнего скарба располагали переселенцы из Ульяновской области. Наличие вещей отмечено только в двух семьях. Из 12 регионов выхода взяли в Калининградскую область домашние вещи от 15,8 до 48,8% семей мигрантов. Немного лучше были обеспечены разными предметами домашнего обихода выходцы из семи регионов. Из Брянской, Орловской, Калининской областей, Марийской АССР, Владимирской, Пензенской и Воронежской областей с вещами ехали от 53,6 до 69,6% домохозяйств. Много семей (81,6–89,7%) из Великолукской области, Мордовской АССР, Могилёвской и Курской областей имели домашние вещи. А из Куйбышевской и Полесской областей, Чувашской АССР почти все переселенцы прибывали с предметами домашнего обихода.

Регионы выхода	Переселенческие хозяйства, имевшие домашние вещи		Домашние вещи	
	всего	доля от всех хозяйств, %	всего, кг	на одну переселенческую семью, кг
РСФСР				
Брянская обл.	322	53,6	103282	171,9
Великолукская обл.	320	81,6	191597	488,8
Владимирская обл.	271	64,8	158180	378,4

Воронежская обл.	624	69,6	243749	272,0
Горьковская обл.	250	26,8	140280	150,2
Калининская обл.	362	59,2	128895	210,6
Калужская обл.	100	37,7	78459	296,1
Кировская обл.	нет. свед.	нет. свед.	нет. свед.	нет. свед.
Костромская обл.	49	15,8	32870	105,7
Куйбышевская обл.	203	90,6	88950	397,1
Курская обл.	859	89,7	209985	219,2
Марийская АССР	132	60,6	58000	266,1
Мордовская АССР	253	82,4	86695	282,4
Московская обл.	141	33,6	92480	220,2
Новгородская обл.	179	48,8	111843	304,7
Орловская обл.	165	55,0	75267	250,9
Пензенская обл.	343	68,3	55960	111,5
Псковская обл.	103	32,6	52552	166,3
Рязанская обл.	141	21,4	5315	8,1
Тамбовская обл.	115	30,9	25968	69,8
Ульяновская обл.	2	1,4	1400	10,1
Чувашская АССР	297	97,7	99280	326,6
Ярославская обл.	153	41,5	83924	227,4
		БССР		
Бобруйская обл.	201	45,4	46495	105,0
Брестская и Гомельская обл.	нет. свед.	нет. свед.	нет. свед.	нет. свед.
Витебская обл.	53	21,9	4873	20,1
Минская обл.	89	32,7	85295	313,6
Могилёвская обл.	617	84,8	129500	177,9
Полесская обл.	177	90,8	20571	105,5
Всего по РСФСР и БССР	6521	53,9	2411665	199,4

Таблица 7. Обеспеченность переселенческих хозяйств домашними вещами в 1946 г.

Table 7. Provision of settler households with household goods in 1946.

По набору домашнего имущества переезжавших можно разделить на три большие группы – а) те, кто привез минимум личных вещей; б) прибывшие с большим количеством имущества и в) имевшие некоторое количество домашних предметов, утвари. Это деление совершенно условное, так как в интервью и в архивных документах нет посемейных перечней вещей, доставленных в калининградские села. Вместе с тем из материалов интервью, даже несмотря на то, что опрашиваемые за давностью лет могли в чем-то преуменьшать или преувеличивать число вещей, можно получить близкую к реальности

характеристику объемов и предметов домашнего имущества, взятого переселенцами в местах выхода.

Переселенцы из районов боевых действий объясняли немногочисленность скарба последствиями войны, в которой погибло все их имущество, поэтому с собой «брать особенно-то и нечего было. Каких-то больших вещей у нас не было» (д. 29, л. 98; д. 39, л. 29; д. 46, л. 205; д. 52, л. 11). Часть переселенцев везла совершенно мало личных вещей, так как некоторые селяне поверили словам вербовщиков о том, что переселенцы всё получат в Калининградской области (д. 37, л. 2). Третьи говорили о бедной жизни и отсутствии значительного имущества (д. 47, л. 38).

В ряде интервью утверждается, что переселенцы брали лишь «самое необходимое», не поясняя, что под этим подразумевается (д. 38, л. 52), «везли, только то, что было одето на себе» и ехали с узелками (д. 30, л. 14, 157; д. 38, л. 7; д. 50, л. 18; 25), имели только один или два чемодана (д. 36, л. 238; д. 46, л. 2; д. 54, л. 40). В одном интервью говорилось о вещах, которые «зашили в одеяло; получился такой клубок» (д. 4, л. 43). К. М. Шустова, переехавшая в Полесский район, вспоминала: «Когда мы уезжали, то часть вещей, что смогли продать, продали, а что не смогли – раздавали даром. Часть вещей так и оставили в квартире. С собой взяли большой сундук, в него положили посуду и матрацы, которые потом набивали соломой» (Захарюгина, 2016, с. 11).

В.П. Гольцев рассказал:

> «Мы взяли только самые необходимые вещи. Взяли одежду, вещи личного пользования и вот, в принципе, и все. Никаких крупных вещей даже и не думали с собой брать, все это оставили в деревне. Все это в расчете на то, что на новом месте, будем с помощью уже новых вещей обустраивать свой быт… Мы не привезли с собой какой-либо мебели» (ГАКО. ф. Р-1191, оп. 1, д. 54, л. 11).

В ряде интервью, действительно, говорится о переезде лишь с вещами личного пользования, одеждой и какими-либо предметами домашнего обихода (см., например: д. 31, л. 10; д. 30, л. 32; д. 36, л. 83; д. 48, л. 12; д. 50, л. 148). Р. И. Морзобитова вспоминала: «У нас были вещи: матрац, фуфайка, стол, табуретка… корыто. Наша мать богатая была, у нас самовар был, и весь колхоз к нам ходил» (д. 24, л. 109).

Какую одежду брали с собой? В. В. Кикоть «взяла… пару ситцевых платьев, и одно праздничное» (д. 47, л. 38). Е. В. Гатилина забрала «мамино свадебное платье, так как она всегда хотела, чтобы я вышла замуж именно в этом платье. Взяли немного одежды, а также несколько книг» (д. 50, л. 3). Е. М. Есипов вспомнил, что из вещей у него были «штаны ватные, длинные, ватник и шапка, еще сапоги» (д. 46, л. 205). А. М. Петрова говорила об одежде на себе и комплекте сменной одежды (одна рубашка, «сорочка, штанишки, трусики») (д. 48, л. 3). По словам С. К. Сердюкова, в двух чемоданах, рюкзаке и сумке привезли «вещи первой необходимости, личные и теплые вещи» (д. 38, л. 70). Другие семьи «из имущества… везли лишь сундуки с одеждой» или

постельным бельем (д. 4, л. 61; д. 10, л. 74; д. 31, л. 27). В семье Е. И. Симкиной, по ее мнению, имущество «составляли различные тряпки, кое-какая одежда». А еще ее родственники, уезжая из Брянской области, забрали лапти. Однако в Калининградской области они лаптями перестали пользоваться (д. 30, л. 144, 145). О.Ф. Карасёва взяла ткань, чтобы сыну пошить одежду (д. 36, л. 33).

Немалое число переселенцев говорили в интервью не только о личных вещах и одежде, но и о постельных принадлежностях («спальном белье») – подушках, одеялах, покрывалах, простынях, матрацах (д. 29, л. 111; д. 30, л. 51; д. 40, л. 39; д. 46, л. 81; д. 50, л. 38; д. 52, л. 127; д. 53, л. 31). В. А. Хотеева так оценила свое добро: «Наша семья взяла минимум — это одеяла, подушки» (д. 31, л. 68; см. также: д. 50, л. 25).

Многие переселенцы рассказали о посуде и домашней утвари, бочках, швейных машинках, баяне, гитаре, деревянной игрушке, самотканых коврах, велосипедах, деревянном корыте, прялке, вышитых полотенцах, привезенных в Калининградскую область, и даже о стекле, предусмотрительно перед отъездом заготовленном главой семьи (д. 30, л. 116, 124; д. 31, л. 57, 68; д. 32, л. 25; д. 46, л. 11, 205; д. 48, л. 113; д. 52, л. 158-159, 199; д. 53, л. 31, 69; 22, с. 11). Е. И. Симкина и М. М. Самойлова упомянули о приготовлении в пути на остановках каши, похлебки и картошки в чугунках и котелках. Их, конечно, тоже взяли на новое место жительство (д. 30, л. 124, 144). Без сомнения, и другие семьи сохранили такую утварь.

Сельскохозяйственный инвентарь

В типовых эшелонных списках имелась графа, в которую следовало вносить информацию о перевозимом переселенцами сельхозинвентаре. Эта колонка заполнялась крайне редко, поэтому сведения о соответствующих предметах отрывочные и неполные, не позволяющие получить хотя бы примерное представление об объеме перемещенных предметов. Можно лишь отметить, что записи о сельхозинвентаре содержатся у 248 семей, что составляло всего 2% от всех переселенческих семей. Среди рабочего инструмента наряду с обобщенной записью о сельхозинвентаре указаны 37 кос, 11 вил, по 8 тяпок и пил, 7 граблей. В интервью первых переселенцев в Калининградскую область упоминаются также лопаты.

Выводы

Внесенные в базу данных сведения показывают, что не каждая переселенческая семья была обеспечена всеми видами домашних животных. Только у 551 хозяйств, или в 4,7% переселенческих дворов, были все типы домашней живности. В экономически сложное послевоенное время фактически оказалось невыполненным положение постановления Совета министров СССР

от 9 июля 1946 г. о выделении мигрантам, не имевшим личного скота и переселявшимся в Калининградскую область, «по одной корове, две овцы, одному поросенку и 5–10 голов птицы с ферм колхозов» (В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947), 2004, с. 95).

Вместе с тем половина и более мигрировавших семей имели в личном подсобном хозяйстве или коров, или овец и коз, или птиц, что было одним из факторов, который помог им выжить в голодные времена. При этом почти 79% переселенческих хозяйств владели коровами. Интересным представляются данные о том, что в семьях с наличием лишь одного вида домашнего скота преобладали коровы (72,58%) и телята (13,61%). В переселенческой документации отмечено, что 9,19% семей привезли только птицу, 4,7% – коз и овец, 1,98% – свиней, не имея в хозяйстве других животных. Относительно высокая доля семей с коровами объясняется, с одной стороны, тем, что корова была кормилицей и в тяжелые военные годы, и при обустройстве на новой родине. Большую часть года корова могла давать молоко, поэтому многие переселенцы стремились приехать с коровой, надеясь, что ее удастся обеспечить кормом в месте вселения. С другой стороны, постановления союзного правительства нацеливали на выдачу коров переселявшимся хозяйствам, поэтому в ряде регионов и колхозов, совхозов выхода по возможности постарались или были вынуждены данное указание выполнить.

В 63% переселенческих дворов был МРС; свиней завезли в самую западную российскую область только 36,7% хозяйств. Такая ситуация соответствовала положению в личных хозяйствах сельских жителей всего СССР. На начало 1947 г. в них число овец и коз было больше, чем коров, в 1,8 раза, а количество коров превышало поголовье свиней в 2 раза (подсчитано по: РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 66 об.). Соотношение овец, коз, свиней и коров в Калининградской области в конце 1946 г. почти не отличалась от этих общесоюзных показателей.

Несмотря на то, что домашнюю птицу можно было провозить в большем количестве, чем крупный и мелкий рогатый скот, она была только в половине семей, переехавших в Калининградскую область. Транспортировка кур, уток и гусей на большие расстояния была хлопотным делом, требовала соблюдения особых условий для их размещения и кормления, нередко сопровождалась гибелью птиц, что делало невыгодным их перемещение в переселенческом эшелоне. Проще было завести домашних птиц в местах вселения.

Весьма сложной оказалась проблема с кормами для скота. Сена и фуража было явно недостаточно для прокорма домашних животных. Часть кормов была израсходована в пути. Переселенцы, которые прибывали в область осенью 1946 г., не смогли заготовить много сена; колхозы и совхозы, переживавшие стадию организационного становления, также не имели возможности оказать работникам существенной помощи.

В 1946 г. почти половина переселявшихся семей прибыла в регион без домашних вещей. Они либо не имели их на прежнем месте жительства, либо рассчитывали получить мебель и утварь в поселках вселения, поэтому не обременяли себя заботами по перевозке домашнего скарба.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–09–43039 «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности” в Калининградской области (1945—1991)»

Список литературы

Аврех, А. Л. (2012). Из истории кризиса советского сельского хозяйства в послевоенный период: Животноводческая трехлетка в Тамбовской области (1949 – 1951 гг.). *Ineternum*, 2, 7–21.

Агоева, М. М. (2010). Становление и развитие в СССР личного подсобного хозяйства колхозников: Исторические коллизии и опыт преобразований. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 12, 6–13.

В начале нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). (2004). ИП Мишуткина И. В.

Государственный архив Калининградской области (ГАКО). (б. д.). *Ф. Р-1191. Оп.* 1.

Государственный архив Калининградской области (ГАКО). (1946). *Ф. Р-183. Оп.* 5.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). (б. д.). *Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.: Ведомость о количестве поголовья скота Псковской области по состоянию на 1 января 1940 г., 1 января 1945 г., 1 января 1946 г. 27 января 1946 г.* https://archive.pskov.ru/vedomost-o-4

Гусев, А. Л. (2006). *История сельского хозяйства Калининградской области*. ИП Мишуткина И.В.

Захарюгина, Т. В. (2016). *Первые переселенцы – детям XXI века [сборник воспоминаний]*. б. и.

Конышев, Д. Н. (2011). Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.). *Российская история*, 3, 102–111.

Костяшов, Ю. В. (2014). Личные подсобные хозяйства: Из истории повседневности калининградских переселенческих колхозов (1946-1953 годы). *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 12, 70–77.

Костяшов, Ю. В. (2015). *Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953 гг.* Политическая энциклопедия.

Кошкина, О. А. (2008). *Сельское хозяйство и колхозное крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)* [Автореферат диссертации кандидата исторических наук] б. и. https://dlib.rsl.ru/01003167236

Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Документы и материалы. (1966). Книжное издательство.

Народное хозяйство Белорусской ССР: статистический сборник. (1957). Государственное статистическое издательство.

Народное хозяйство РСФСР в 1965 году (Статистический ежегодник). (1966). Статистика.

Народное хозяйство СССР в 1963 году: Статистический сборник. (1965). Статистика.

Пискунов, С. А. (2017). *Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР (2-я половина 1940-х – 1980-е годы)* [Диссертация доктора исторических наук]. б. и.

Примерный Устав сельскохозяйственной артели. (1935). Сталгиз.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (б. д.). *Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 66 об.: Статистические динамические ряды за 1913 – 1951 годы*.

Руденко, Л. Д. (2002). Последствия войны для сельского хозяйства Ярославской области. *Ярославский педагогический вестник*, 4(33), 1–10.

Сакович, В. С. (1999). Сельское хозяйство Беларуси: Исторический очерк развития. *Белорусский экономический журнал*, 3, 114–125.

Селеменев, В. Д. (Ред.). (2018). *Восстановление сельского хозяйства Беларуси. 1943-1945. Документы и материалы*. Национальный архив Республики Беларусь.

Тверская область в цифрах. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. (2020). Тверьстат.

Ульяновская область к 70 годовщине Великой Победы. Статистический сборник. (2015). Ульяновскстат.

Филимонов, Л. В. (2015). Организация переселения псковских колхозников в Калининградскую область в первые послевоенные годы (1946-1948). *Северо-Запад в аграрной истории России*, 21, 178–190.

Чернышева, Н. В. (2015). Участие кировчан в освоении территории бывшей германской Восточной Пруссии (Калининградской области) в конце 40-х–начале 50-х гг. XX века. В *Немцы в России: Взгляд из провинции: Сборник материалов III Всероссийской научной конференции с международным участием, Киров, 22-23 октября 2015 года* (сс. 51–57). Радуга-ПРЕСС.

Чернышева, Н. В. (2017). Советская переселенческая политика и ее реализация в 1945—1953 гг. (На материалах Кировской области). *Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал*, 1(18), 128–140.

Щекотихин, Е. Е. (2015). Социум довоенной и послевоенной советской деревни (на примере Орловской области). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2(65), 32–37.

References

Agoeva, M. M. (2010). Formation and Development of Collective Farmers' Personal Subsistence Farming in the USSR: Historical Collisions and the Experience of Transformation. *Scientific problems of humanitarian research*, 12, 6–13. (In Russian).

At the Beginning of a New Path. Documents and materials on the development of the Kaliningrad region during the years of activity of extraordinary governing bodies (April 1945 – June 1947). (2004). IP Mishutkina I. V. (In Russian).

Avrekh, A. L. (2012). From the History of the Crisis in Soviet Agriculture in the Postwar Period: Livestock Three-Year Plan in the Tambov Region (1949 – 1951). *Ineternum*, 2, 7–21. (In Russian).

Chernysheva, N. V. (2015). Participation of Kirovsk residents in the development of the territory of the former German East Prussia (Kaliningrad Oblast) in the late 1940s-early 1950s. In *Germans in Russia: A View from the Province: Proceedings of the III All-Russian Scientific Conference with International Participation, Kirov, October 22-23, 2015* (pp. 51–57). Raduga-Press. (In Russian).

Chernysheva, N. V. (2017). Soviet Resettlement Policy and Its Implementation in 1945-1953 (On the Materials of the Kirov Region). *The Contemporary History of Russia. Interdisciplinary Scientific and Theoretical Journal*, 1(18), 128–140. (In Russian).

Filimonov, L. V. (2015). Organization of resettlement of Pskov collective farmers to Kaliningrad Oblast in the first postwar years (1946-1948). *The Northwest in the Agrarian History of Russia*, 21, 178-190. (In Russian).

Gusev, A. L. (2006). *History of agriculture in the Kaliningrad region*. IP Mishutkina I. V. (In Russian).

Konyshev, D. N. (2011). State Policy of Restricting Private Household Farms (Late 1950s – Early 1960s). *Russian History*, 3, 102–111. (In Russian).

Koshkina, O. A. (2008). *Agriculture and Collective Farmers in the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941-1945)*. [PhD Thesis] n. p. https://dlib.rsl.ru/01003167236 (In Russian).

Kostyashov, Y. V. (2014). Personal Subsistence Farms: From the History of Everyday Life of Kaliningrad Resettlement Collective Farms (1946 – 1953). *Bulletin of I. Kant Baltic Federal University*, 12, 70-77. (In Russian).

Kostyashov, Yu. (2015). *The Everyday Life of the Postwar Village: From the History of the Resettlement Collective Farms of the Kaliningrad Region. 1946-1953*. Political Encyclopedia. (In Russian).

Kuibyshev Region during the Great Patriotic War (1941-1945): Documents and materials. (1966). Book Publishers. (In Russian).

National Economy of the Byelorussian SSR: Statistical Digest. (1957). State Statistical Publishing House. (In Russian).

National Economy of the RSFSR in 1965 (Statistical Yearbook). (1966). Statistics. (In Russian).

National economy of the USSR in 1963: Statistical collection. (1965). Statistics. (In Russian).

Piskunov, S. A. (2017). *State policy of agricultural resettlement and its implementation in the RSFSR (2nd half of the 1940s-1980s)* [PhD thesis]. n. p. (In Russian).

Rudenko, L. D. (2002). Consequences of the War for the Agriculture of the Yaroslavl Region. *Yaroslavl Pedagogical Newsletter*, 4(33), 1–10. (In Russian).

Russian State Archive of Economy (RSAE). (n. d.). *F. 1562. In. 41. C. 65. L. 66 ob.: Statistical dynamic series for 1913 – 1951*. (In Russian).

Sakovich, V. S. (1999). Agriculture in Belarus: A Historical Sketch of Development. *Belarusian Economic Journal*, 3, 114–125. (In Russian).

Sample Charter of an agricultural artel. (1935). Stalgiz. (In Russian).

Selemenev, V. D. (Ed.). (2018). *The Restoration of Agriculture in Belarus. 1943-1945. Documents and materials*. National Archives of the Republic of Belarus. (In Russian).

Shchekotikhin, E. E. (2015). Socium of the Prewar and Postwar Soviet Village (the Example of the Oryol Region). *Scientific Notes of Oryol State University*, *2*(65), 32–37. (In Russian).

State Archive of the Kaliningrad Region (SAKR). (1946). F. *R-183. In.* 5. (In Russian).

State Archive of the Kaliningrad Region (SAKR). (n. d.). F. *R-1191. In.* 1. (In Russian).

State Archive of the Pskov Oblast (SAPO). (n. d.). F. *R-903. In.* 1. *C.* 7. *L.* 9.: *Register on the number of cattle in the Pskov region as of January* 1, 1940, *January* 1, 1945, *January* 1, 1946 *January* 27, 1946. https://archive.pskov.ru/vedomost-o-4 In Russian).

The Tver Region in Figures. To the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Statistical collection. (2020). Tver'stat. (In Russian).

Ulyanovsk region to the 70th anniversary of the Great Victory. Statistical collection. (2015). Ul'janovsk-stat. (In Russian).

Zakharyugina, T. V. (2016). *The first settlers to the children of the twenty-first century [a collection of memoirs]*. n. p. (In Russian).

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Local Frontier Practices | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.413

Reasons for the Change in the Ethnic Composition of Areas Densely Populated by Ukrainians in Russia in the Assessments of Modern Russian-Ukrainian Biethnors: Forced vs Natural Assimilation

Vasily V. Bublikov

Belgorod State University. Belgorod, Russia. Email: v.bublikov[at]mail.ru

Abstract

The article deals with the data of official statistics of ethnic Ukrainian population in the modern territory of the Russian Federation for the late 19th – early 21st centuries, which indicate a multiple reduction in the number of Ukrainians in Russia, the disappearance of areas of their compact residence. At present, only territories with a large bi-ethnic Russian-Ukrainian population have survived in the Russian Federation, which is primarily due to the change in the identity of the "former" Ukrainians. Most Russian researchers consider the decline in the number of Ukrainians to be a process of natural assimilation. However, studies carried out under the guidance of the author in 2020-2021 in the regions of compact residence of Ukrainians show that among the biethnors the point of view prevails, about the political nature of this assimilation caused by the repressions of the period of Stalin dictatorship, the change in the "status" of Ukrainians after the collapse of the USSR and cultural and educational policy, which does not provide the possibility of learning Ukrainian language and obtaining education, even in places densely populated by Ukrainians. More often, respondents speak about the political reasons for the "rewriting" of Ukrainians into Russians in the regions bordering Ukraine. In the Asian part of the country, opinions about the forced or natural assimilation form two numerically approximately equal groups.

Keywords

Ukrainians in Russia; Biethnors; Russian-Ukrainians; Natural Assimilation; Forced Assimilation; Ethnic Composition

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Локальные фронтирные практики | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.413

Причины изменения этнического состава районов компактного проживания украинцев в России в оценках современных русско-украинских биэтноров: вынужденная vs. естественная ассимиляция

Бубликов Василий Валерьевич

Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. Email: v.bublikov[at]mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются данные официальной статистики численности украинского населения на современной территории РФ за период конца XIX – начала XXI вв., которые свидетельствуют о многократном сокращении числа украинцев в России, исчезновении районов их компактного проживания. В настоящее время в РФ сохранились лишь территории с многочисленным биэтничным русско-украинским населением, что связано, прежде всего, с изменением идентичности «бывших» украинцев. Большинство российских исследователей считают сокращение численности украинцев процессом естественной ассимиляции. Однако исследования, выполненные под руководством автора в 2020-2021 гг. в регионах компактного проживания украинцев в России, показывают, что среди самих биэтноров преобладает точка зрения о политическом характере этой ассимиляции, вызванной репрессиями периода сталинской диктатуры, изменением «статуса» украинцев после распада СССР и культурно-образовательной политикой, не предусматривающей возможности изучения украинского языка и получения на нем образования даже в местах компактного проживания украинцев. Чаще о политических причинах «переписывания» украинцев в русские говорят респонденты в пограничных с Украиной регионах. В азиатской части страны мнения о вынужденном или естественном характере ассимиляции составляют две численно примерно равные группы.

Ключевые слова

украинцы в России; биэтноры; русско-украинцы; естественная ассимиляция; вынужденная ассимиляция; этнический состав

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Россия – исторически многонациональное, поликультурное государство, само формирование которого является перечнем «вхождений» в его состав территорий различных народов. В ходе территориальной экспансии и колонизации в XVII-XIX вв., как правило, происходил процесс заселения присоединенных территорий представителями, прежде всего, русского этнического большинства, но во многих регионах значимую роль в заселении играли и иные народы – украинцы, белорусы, немцы и др.

В этом ряду особо выделяются украинцы, которые сыграли огромную роль в заселении (нередко вторичном, как например, на Кубани и в Предкавказье) многих территорий Российской империи, а позднее СССР, и прежде всего речь идет о фронтирных регионах современной России, как в европейской, так и в азиатской части страны. Например, «в течение 1897-1916 гг. на окраинах империи поселилось 5,2 млн. человек <…> [из которых – В.Б.] на долю украинцев приходилось не менее 2 млн. человек <…> Составляя на рубеже XX в. около 18% общего народонаселения империи, украинцы дали почти 39% всех земледельческих мигрантов» (Кабузан, 2006, с. 239-240). Таким образом, Российская империя и СССР активно использовали демографические ресурсы Украины в целях колонизации окраинных регионов, а украинцы в целом являлись второй по масштабам этногруппой в переселенческом движении.

Однако в течение последнего столетия официальная статистика переписей населения показывала практически неуклонное падение доли украинцев, как в населении территории Российской Федерации в целом, так и в населении тех районов, где в первой половине XX в. они составляли большинство. Как будет показано ниже, смена официальной национальной принадлежности большинством украинского населения России в XX в., особенно в местах компактного проживания, была в значительной степени номинальной; на практике приобретение русской идентичности и редуцирование украинской было более плавным.

Полевые исследования автора и иных ученых свидетельствуют, что в настоящее время значительная часть потомков украинцев в регионах их традиционного проживания в России имеет биэтничное самосознание: они в той или иной степени одновременно считают себя и русскими, и украинцами, т.е. являются биэтнорами[1]. Нередко также в качестве эндоэтнонима они применяют к себе название «хохлы», не вкладывая в него негативной коннотации.

1 В данной работе мы используем термин *биэтноры*, предложенный украинским социологом, президентом компании «Киевский международный институт социологии» (КМИС) В.Е. Хмелько для обозначения лиц, идентифицирующих себя в той или иной степени с двумя этническими группами (Хмелько, 2004). Некоторые исследователи используют в аналогичном значении также термин биэтнофоры (Митрофанова, Сущий, 2017).

Несмотря на наличие ряда эмпирических исследований, выполненных различными учеными в ряде российских регионов, вопросы самосознания русско-украинских биэтноров остаются малоисследованными. Поскольку, как справедливо отмечает Н.В. Люля, «обращение к этничности и поиски идентичности традиционно усиливаются в период этнополитических конфликтов» (Люля, 2019, с. 111), идентичность потомков украинцев в России в настоящее время безусловно подвергается трансформации, вследствие развития российско-украинского конфликта в 2014 и в последующие годы.

В центре исследовательского интереса данной статьи находятся вопросы:

1. Как сами русско-украинские жители объясняют статистическое изменение национального состава их районов, – с преимущественно украинского на русское?
2. Насколько эти представления соответствуют историческим реалиям?

Ответы на эти вопросы дадут представление о таком важном сегменте этнической идентичности как историческая память, позволят оценить «естественность» трансформации официальной (т.е. в документах и по переписям) этничности биэтноров.

Украинцы России: от крупнейшего этнического меньшинства к биэтничности

По данным первых российских / советских переписей населения конца XIX – первой трети XX вв., украинцы являлись вторым по численности народом (после русских) на территории России в ее современных границах, многократно превосходя по численности все остальные этнические меньшинства. Так, по переписи 1897 г., на территории, ныне составляющей РФ, проживало 4 074 тыс. лиц с родным «малорусским» языком, что составляло 6,11% всего населения (рассчитано по: Демоскоп). По данным переписи 1926 г., число лиц с родным украинским языком составило 4 605 тыс. человек (4,98%), а украинцев по национальности 6 871 тыс. (7,42% всего населения) – рис. 1. В 1926 г. украинцы являлись крупнейшим этническим меньшинством РСФСР, превосходя по численности следовавших за ними татар в 2,7 раза.

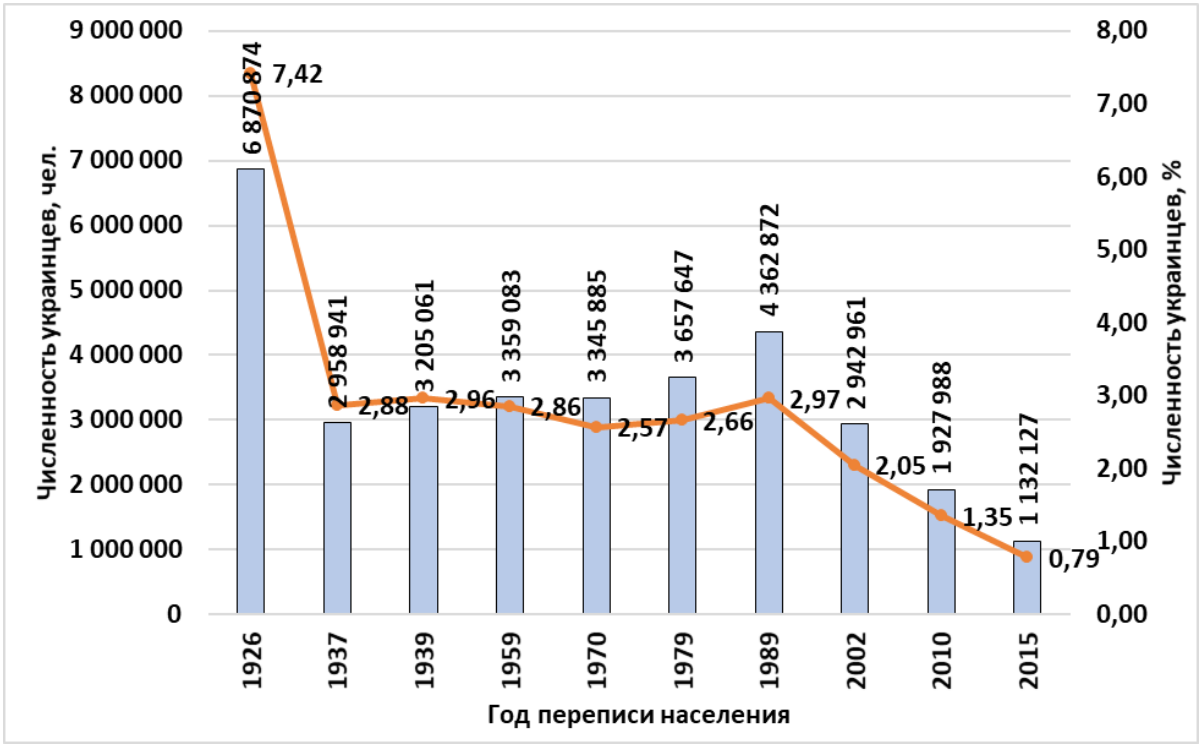

Рис. 1. Абсолютная и относительная численность украинцев в России (в границах 2010 г.) по данным переписей населения 1926-2015 гг. (2015 г. – оценка на основе данных микропереписи), чел., % (рассчитано по: Демоскоп... ; Всесоюзная... 2007; Росстат...)

Fig. 1. Absolute and relative number of Ukrainians in Russia (within the 2010 borders) according to censuses in 1926-2015 (2015 - estimate based on microcensus data), people, % (calculated from: Demoscope...; All-Union... 2007; Rosstat...).

Украинское население в России в первой трети XX в. характеризовалось преобладанием компактного проживания в регионах и районах, заселенных ими в европейской части страны еще в XVII-XVIII вв., а в азиатской – в конце XIX – начале XX вв. Так, по данным переписи 1926 г. почти три миллиона украинцев проживали в регионах, непосредственно примыкавших к УССР: губернии Центрального Черноземья (Воронежская и Курская – 1 633 тыс.), территория нынешней Ростовской обл. – 1 174 тыс. и Брянская губ. – 132 тыс. (рис. 2). Вторым по численности украинским этническим массивом в России были Кубань, Ставрополье и Предкавказье – в целом 1 951 тыс. Также украинцы составляли значительное число на юге Западной Сибири (734 тыс.), в Поволжье (524 тыс.), на юге Дальнего Востока (305 тыс.).

На многих этих территориях они составляли абсолютное большинство: например, в Россошанском уезде Воронежской губ. – украинцы 90%, Богучарском уезде – 73%, Грайворонском уезде Курской губ. – 56% (рассчитано по: Всесоюзная... 1928), в Таганрогском округе Северо-Кавказского края – 72%, Кубанском округе – 62% и т.д. (рассчитано по: Демоскоп...). Такое компактное территориальное размещение препятствовало развитию процессов есте-

ственной ассимиляции. А в некоторых районах, как например, в отдельных волостях Воронежской и Курской губерний, число украиноязычных жителей было выше, чем число этнических украинцев, т.е. языковой, бытовой ассимиляции иногда подвергалось русское население.

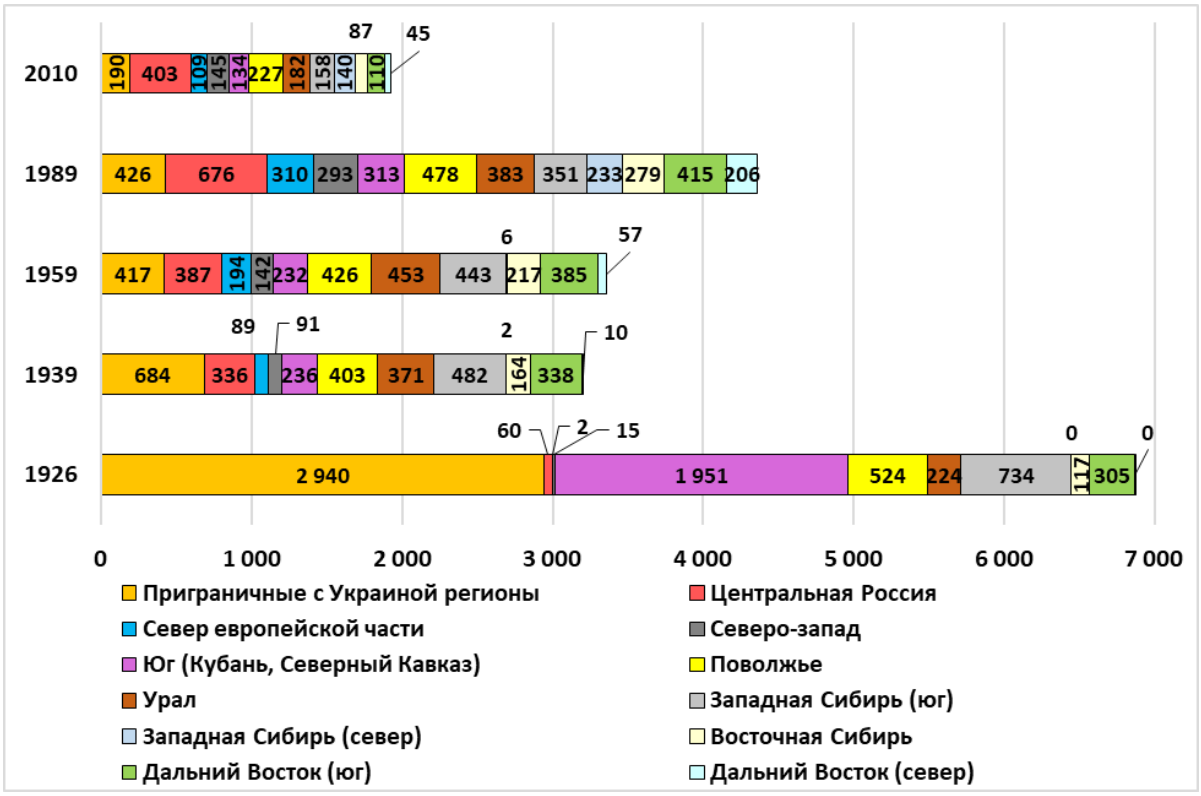

Рис. 2. Территориальное размещение украинцев в России (в границах 2010 г.) по данным переписей населения 1926, 1939, 1959, 1989, 2010 гг., тыс. чел. (рассчитано по: Демоскоп...)

Fig. 2. Territorial distribution of Ukrainians in Russia (within the borders of 2010) according to censuses in 1926, 1939, 1959, 1989, 2010, thousand people. (Calculated from: Demoscope...)

Однако в течение XX в. изменения политического режима и, как следствие, национальной политики привели и к изменению самосознания украинцев, проживавших на территории современной России. Относительно короткие периоды Украинской революции (1917-1921 гг.), в той или иной степени затронувшей и украинцев на территории России, и советской «коренизации» 1920-х гг., были «зажаты» гораздо более длительными периодами: с одной стороны, царской «политикой национального угнетения украинцев» (Кабузан, 2006, с. 15-16) второй половины XIX – начала XX вв., а с другой стороны, сталинского тоталитаризма 1930-1950-х гг., в рамках которого «курс на построение “советского народа” – единой надэтнической общности, активи-

зирует процессы русификации многочисленных национальных сообществ СССР, в том числе и деукраинизацию украинцев России» (Дроздов, 2016, с. 457).

Несмотря на все различия царского и сталинского режимов в идеологии, в отношении украинцев они имели много общего. К.С. Дроздов отмечает:

> «В период царской России и после прекращения политики украинизации в РСФСР в середине 1930-х гг. трансформация [идентичности украинцев – В.Б.] проходила на основе целенаправленной политики русификации и деукраинизации: запреты/ограничения на развитие украинского языка и открытие украинских школ, техникумов, вузов (школа только на русском языке); государственная и военная служба с делопроизводством на русском языке; борьба с украинской национальной интеллигенцией; репрессии против "мазепинцев", "сепаратистов", "петлюровцев"» (Дроздов, 2016, с. 76).

Как следствие, советские переписи 1937 и 1939 гг., показывают более чем двукратное сокращение численности украинцев в России (при масштабном приросте русских и большинства остальных этногрупп[1]), а также кардинальное изменение географии их проживания. Так, в целом по переписи 1939 г. в России проживало 3 205 тыс. украинцев (рис. 1). В приграничных с Украиной регионах их осталось всего 684 тыс. (в 1926 г. – 2 940 тыс.), на Кубани и регионах Северного Кавказа – 236 тыс. (в 1926 г. – 1 951 тыс.) – рис. 2. Если в 1926 г. на эти территории традиционного проживания приходился 71% всех украинцев России, то в 1939 г. уже только 29%. Вторым по величине ареалом проживания украинцев в 1930-е гг. стали регионы юга Западной Сибири (482 тыс.), затем – Поволжье (403 тыс.), Урал (371 тыс.) и юг Дальнего Востока (338 тыс.).

Такое масштабное, катастрофическое снижение абсолютной и относительной численности украинцев в местах их традиционного, компактного проживания в 1930-е гг. было обусловлено физическими (гибелью) и политическими последствиями голода 1932-1934 гг., выразившимися в запрете на практику «коренизации», директивном переводе всех украиноязычных институций в РСФСР на русский язык и, как следствие, стигматизация украинской идентичности.

Вот, например, какие сведения приводят о деукраинизации Кубани в 1930-е гг. А.П. Скорик и В.А. Бондарев:

> «Чекисты измышляли существование в Северо-Кавказском крае многочисленных националистических организаций "украинизаторов"-антисоветчиков, дабы публично переложить вину за кризисное состояние аграрного производства и нарастание материальных трудностей в регионе со сталинского режима (прямого виновника этих негативных явлений) на мифических "врагов" и "вредителей" <…> В результате [смены курса национальной политики – В.Б.] запретили выпуск почти 20 украинских газет и журналов, прекратилось радиовещание на украинском языке, закрылись несколько сотен школ, ликвидировали украинский педагогический и научно-исследовательский институты, все укра-

1 Между переписями 1926 и 1939 гг. численность русских в России выросла на 24%, татар на 43%, чувашей на 21% и т.д., украинцев же сократилась на 53% (рассчитано по: Демоскоп…).

> инские педагогические техникумы. Кроме того, “по специальному указанию были сожжены все украинские библиотеки”, а с 1933 г. на литераторов, профессоров и студентов … обрушены репрессии» (Скорик, Бондарев, 2013, с. 71).

В такой общественно-политической атмосфере среди украинцев в местах их компактного проживания в европейской части РСФСР, как пишет С.А. Филонович, «началась массовая смена идентичности: быть русским считалось безопаснее, чем украинцем, поскольку русских нельзя обвинить в национализме <…> К моменту распада СССР большинство украинцев стали называть себя русскими по политическим соображениям» (Филонович, 2019, с. 142). В регионах компактного проживания украинцев в азиатской части России (юг Западной Сибири и Дальнего Востока) процессы смены этнического самосознания были более медленными, видимо, в силу меньшей политизации там этничности, в связи с их территориальной удаленностью от Украины. Хотя это предположение не следует трактовать как отсутствие политического давления на украинское население в азиатских регионах страны, просто там оно было менее брутальным, чем в европейских. Вот, например, какие сведения приводят исследователи из Западной Сибири:

> «Важной тенденцией, влияющей на этносоциальные характеристики украинцев, является процесс русификации, под воздействием которого украинское население со второй половины 1930-х гг. нередко записывалось в документах хозяйственного учета как “русские”. Например, в … селе Благовещенка (Калачинский район, Омская область) в 1937 г. русскими стали несколько семей Анищенко. Однако, как показывают полевые материалы, такое обозначение в документах не обязательно означало полный отказ от самоидентификации людей как украинцев. Вплоть до настоящего времени часть респондентов четко идентифицирует себя в качестве украинцев, хотя в документах многие записаны русскими» (Грибанова и др., 2017, с. 25).

В данном случае авторы хотя и не говорят о прямом влиянии общественно-политической ситуации в стране на национальную идентичность, однако вряд ли можно считать «естественным» процесс переписывания в русские в документах и сохранение украинской идентичности, как пишут авторы, «вплоть до настоящего времени», т.е. на протяжении восьми десятилетий. Если бы «национальный вопрос» в СССР не был политизирован, чтобы мешало записываться жителям теми, кем они себя действительно считали?

К.С. Дроздов напрямую увязывает смену национальности большинством автохтонного украинского населения России и общественно-политическую ситуацию в стране в 1930-е гг.: «Прекращение политики украинизации в РСФСР, репрессии против украинизаторов и первые этнические чистки отразились и на русско-украинских взаимоотношениях: теперь национальность стала восприниматься местным населением как один из критериев политической благонадежности» (Дроздов, 2016, с. 458). Но он же отмечает, что «точнее будет говорить о смене национальной идентичности с украинской на общерусскую советскую, … а этничность осталась прежней» (Дроздов, 2016, с. 456).

То есть, украинская (в просторечии часто «хохляцкая») идентичность продолжила сохраняться у значительной части «бывших» украинцев, особенно в районах их компактного проживания, но она стала для них иметь более интимный, семейный, неофициальный характер, нередко скрываться от чужих.

О во многом формальном переходе из украинцев в русские в местах их компактного проживания на юге России пишет и В.Я. Сущий:

> «Констатируя коллапс регионального “украинства”, обнаруживаемый результатами предвоенной переписи, необходимо принять во внимание формализм голых цифр, не способных улавливать все многообразие этнокультурных оттенков <…> Население, массовым образом перешедшее из украинцев (1926 г.) в русские (1939 г.), на деле оставалось со своим сложным сдвоенным русско-украинским ментальным и социокультурным содержанием» (Сущий, 2017, с. 66-67).

Переписи населения, проведенные после Второй Мировой войны, уже не демонстрировали столь кардинального изменения численности и географии проживания украинцев в России: в 1959 г. – 3 359 тыс. (или 2,86% всего населения), в 1970 г. – 3 346 тыс. (2,57%), в 1979 г. – 3 658 тыс. (2,66%), в 1989 г. – 4 363 тыс. (2,97%) – рис. 1.

Стабилизация численности украинцев в 1940-1960-х гг. и даже некоторый их прирост в 1970-1980-х гг. были обусловлены действием двух факторов. Во-первых, снижением темпов сокращения остатков автохтонного украинского населения в ареалах его традиционного проживания, что по всей видимости стало возможным в силу смягчения политического режима в СССР после смерти Сталина. Во-вторых, масштабным притоком жителей Украины, прежде всего, в регионы освоения природных ресурсов Севера РСФСР и крупные города. По переписи 1989 г., крупнейшим ареалом проживания украинцев в РСФСР стали области Центральной России (676 тыс.), прежде всего за счет их миграции в Московский регион (рис. 2).

После распада СССР в России происходит второй по масштабам (после 1930-х гг.) этап деукраинизации. Общее число украинцев сокращается за два десятилетия в 2,3 раза (с 4 363 тыс. в 1989 г. до 1 928 тыс. в 2010 г.) – рис. 1. Причины столь масштабного сокращения лежат прежде всего в ассимиляции, поскольку ни естественно-демографические факторы, ни миграция не могут объяснить такую убыль. Однако формы и причины ассимиляции украинцев России после 1991 г. существенно отличались от причин вынужденной ассимиляции 1930-х гг.

Во-первых, в конце XX в. большинство российских украинцев проживало в этнически смешанных семьях, в то время как в 1930-х гг. смешанных браков между русскими и украинцами было относительно немного. Ассимиляционные процессы постсоветского периода носили гораздо более естественный характер, чем в сталинский период. Во-вторых, переписывание многих «бывших» украинцев (по переписи 1989 г.) в русские (по переписям 2002 и

2010 гг.) было обусловлено не столько изменением этнокультурной идентичности, сколько идентичности гражданской. Распад пусть и номинально интернационального СССР и образование «независимой» России, большинством жителей воспринимаемой как национальное государство, где «титульная нация» – русские, привел и к переписыванию многих представителей этнических меньшинств в русские.

Таким образом, данные переписей населения за последние без малого сто лет (1926-2010 гг.) свидетельствуют, что общая численность украинцев в России сократилась в относительных цифрах в 5,5 раз (с 7,42% до 1,35%), а жителей с родным украинским языком в 14,2 раза (с 4,98% до 0,35%), даже несмотря на то, что практически весь этот период из Украины в Россию направлялся многомилионный миграционный поток. Если по данным переписи населения 1926 г. число этнических украинцев в России превышало численность татар в 2,7 раза, то в 2010 г. уже татары численно превосходили украинцев в 2,8 раза.

Основным фактором такого масштабного редуцирования численности украинцев в России является ассимиляция, в 1930-е гг. вынужденная, обусловленная общественно-политической ситуацией в стране, а в последующие десятилетия приобретшая более естественные формы; но и ее считать естественной ассимиляцией, на наш взгляд, нельзя, т.к. институциональные возможности сохранения украинской идентичности даже в местах их компактного проживания практически равны нулю (отсутствие школьного образования на родном языке и т.п.).

Тем не менее, по нашей оценке, реальное число жителей России с хотя бы частично украинской идентичностью многократно превосходит число тех, кто в переписях записывается украинцами. В целом, исходя из оценки В.В. Степанова численности всех биэтноров в России в примерно 10-15% населения или порядка 20 млн. чел. (Степанов, 2018, с. 68), можно предположить, что частично украинскую этничность в России имеют от 3 до 10 млн. жителей. Численность русско-украинских биэтноров очевидно более высока в регионах с многочисленным, по прошлым переписям, украинским населением.

Особенности идентичности современных русско-украинских биэтноров в России

Для части «бывших» украинцев России и их потомков характерно сохранение украинской идентичности, но при наличии и идентичности русской, т. е. распространение биэтничности или смешанной идентичности. Как пишет В.В. Степанов:

> «российские украинцы сократились… без какого-либо заметного переселения на Украину или другие государства. Это результат процесса самоидентификации и одно из проявлений двойственной идентичности» (Степанов, 2018, с. 81).

Русская компонента этничности таких людей возрастала постепенно, по мере ухода украинского языка, вследствие отсутствия его институциональной поддержки и фактического запрета на использование в системе образования и общественной жизни (издание прессы и т.п.). Кроме того, русская идентичность нередко выполняет роль гражданской идентичности (*русский* как синоним *российского*), а украинская («хохляцкая») идентичность, хотя, безусловно, и редуцируется с каждым поколением, но все же сохраняется у значительной части жителей мест компактного проживания украинцев. Как отмечает Т.А. Листова:

> «Резкое уменьшение численности украинцев в пользу русских по переписи 2010 г. далеко не всегда является свидетельством обретения местными жителями новой этнической идентичности, …, этнический фактор значительной части населения весьма неопределен и не играет заметной роли в их самосознании» (Листова, 2014, с. 138).

Некоторые исследователи также считают, что «элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей» (Гриценко, Крылов, 2012, с. 135), т.е. произошел некоторый трансфер элементов украинской культуры и идентичности из этнической в региональную. Эта гипотеза находит свое подтверждение, например, в довольно широко распространившемся мнении потомков украинцев, что их разговорный «хохляцкий» язык – суржик, возникший вследствие постепенной русификации украинского – это некий региональный диалект не то русского, не то украинского языка, хотя как показывают наши полевые исследования, в реальности «хохлячий» язык в пограничных с Украиной регионах (Белгородская и Воронежская области) практически не отличается от «хохляцкого» в местах компактного проживания украинцев в Западной Сибири (Алтайский край и Омская область). Потомки украинцев в двух территориально удаленных друг от друга ареалах проживания полагают, что их «хохляцкий» язык – это регионализм, хотя он таковым не является. Более того, суржик является весьма распространенным бытовым языком и значительной части населения самой Украины.

Многие исследователи в разных регионах страны пишут о фактически симметричном процессе формирования некой субэтнической группы – «хохлов», но чаще говорят об этом процессе как о региональном явлении. Например, Е.Ф. Фурсова «приходит к выводу о формировании плавающей или ситуативной идентичности столыпинских переселенцев Западной Сибири, которая включает также промежуточные русско-украинские варианты (“хахлы”)» (Фурсова, 2019, с. 748). Т.А. Листова, на материалах исследования в Воронежской области, пишет:

> «потомки местных украинцев называют хохлами, прежде всего, жителей бывшей Слобожанщины, проживающих на русско-украинском пограничье <…> С нашей точки зрения хохлы – это этнокультурная общность, объединенная

общими историческими корнями, общим языком и культурными традициями» (Листова, 2014, с. 137).

К аналогичному выводу приходит и Н.В. Проскурина:

«Результатом длительного русско-украинского симбиоза на территории современной Воронежской области, на наш взгляд, можно считать образование самостоятельной субэтнической группы – “хохлов”» (Проскурина, 2017, с. 97-98) и т.д.

Таким образом, основываясь на мнениях самих респондентов, вполне уместно говорить об общероссийском процессе формирования субэтнической группы «хохлов» в местах компактного проживания украинцев, особенно ускорившемся после 1991 г. Этноним «хохлы», безусловно, широко использовался в течение всего XX в., однако его значение трансформировалось от синонимичного украинцам (в первой половине XX в.), до восприятия в качестве некоей переходной, смешанной группы русско-украинского населения (в конце XX – начале XXI вв.).

К формированию «хохляцкой» идентичности как переходной или симбиозной безусловно привела культурно-образовательная политика в районах проживания украинцев: отсутствие преподавания на украинском языке и даже самой возможности его изучения привели к постепенному русификированию языка местного населения, что вызвало и изменения в этническом самосознании. Вместе с этим, следует подчеркнуть, что далеко не все русско-украинские биэтноры ассоциируют себя с этнонимом «хохлы»[1].

Основой сохранения украинской компоненты этничности биэтноров является память о предках, представления об украинском (у большинства частичном) происхождении. Вместе с этим, в данном случае речь идет чаще о небольшой глубине генеалогических познаний жителей, на два-три, редко больше, поколения. Особенно низка роль исторической памяти в передаче украинской этничности в регионах европейской части, пограничных с Украиной. Как пишет об этом Т.А. Листова: «сохранившаяся историческая память содержит, как правило, лишь рассказы о недалеких предках, в лучшем случае – это рассказы о времени и условиях переселения, причем часто они имеют явно вторичный характер, то есть, привнесены в сознание через школы и средства массовой информации. Практически отсутствует какая-либо соотнесенность воспоминаний с местами выхода – различными украинскими землями» (Листова, 2018, с. 169). В регионах азиатской части ситуация иная. Здесь относительно широко сохранились семейные рассказы о переселении предков

1 По данным нашего опроса 2021 г., в местах компактного проживания биэтноров («бывших» украинских районах) 67% из них в той или иной степени ассоциирует себя с этнонимом «хохлы» (30% не идентифицируют, 3% – затруднились ответить); в крупных городах (территориях дисперсного проживания русско-украинского населения) «хохлами» себя идентифицируют 56% (38% – нет, 6% – затруднились ответить). По регионам исследования, «хохлами» себя считают: 71% биэтноров в Воронежской области (26% – нет, 3% – затруднились ответить); 66% – в Алтайском крае (31% – нет, 4% – затруднились ответить); 64% – в Белгородской области (31% – нет, 5% – затруднились ответить); 61% – в Омской области (34% – нет, 5% – затруднились ответить); 47% – в Приморском крае (47% – нет, 6% – затруднились ответить).

из Украины, часто хорошо представлена история колонизации на уровне местных музеев, деятельности краеведов и даже местной культурной политики – наличие украинских фольклорных коллективов, мероприятий и т.п., чего практически нет в «бывших» украинских районах европейской части России.

Мнения биэтноров о причинах деукраинизации районов их компактного проживания

Как было показано выше, в течение последнего столетия в России фактически «исчезли» районы, в которых этническое большинство составляют украинцы. При этом изменение этнического состава в них, прежде всего, было обусловлено не естественно демографическими или миграционными процессами, а сменой национальности, которую указывали жители в переписях населения.

Итак, каково мнение самих современных биэтноров об этом процессе? Как они объясняют столь резкие изменения в статистике национального состава? На эти вопросы мы попробуем ответить при помощи анализа результатов этносоциологических исследований, проведенных в два этапа (в 2020 и 2021 гг.), качественными и количественными методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в том числе с районами, где ранее украинцы составляли этническое большинство (Белгородская[1], Воронежская[2], Омская[3] области, Алтайский[4] и Приморский[5] края) – рис. 3.

1 Краснояружский район (численность украинцев: 1926 г. – 88% (волость, 30 123 украинцев из 34 143 всего населения); 1939 г. – 3% (1 274 из 37 408); 2002 г. – 4% (613 из 15 128); 2010 г. – 3% (455 из 14 845)).

2 Россошанский район (численность украинцев: 1926 г. – 93% (волость и г. Россошь, 53 013 из 57 070); 1939 г. – 78% (50 718 из 65 403); 2010 г. – 12% (11 453 из 94 694)).

3 Павлоградский район (численность украинцев: 1926 г. – 81% (19 049 из 23 452); 1939 г. – 65% (18 807 из 28 769); 2010 г. – 25% (4 935 из 19 859)).

4 Романовский район (численность украинцев: 1926 г. – 38% (часть более крупного Завьяловского района, 17 615 из 46 329); 1939 г. – 23% (7 556 из 33 271); 1989 г. – 11% (1 825 из 16 230); 2010 г. – 6% (754 из 13 121)).

5 Хорольский район (численность украинцев: 1939 г. – 52% (9 071 из 17 528); 2010 г. – 6% (1 739 из 28 734)).

Рис. 3. Фрагмент карты «Национальности СССР» из «Географический атлас СССР для средней школы», Главное управление геодезии и картографии при СНК СССР. Москва, 1941 г. (судя по данным карты, эмпирическим материалом к ее составлению послужили результаты переписи населения 1926 г.). Автором круговыми знаками отмечены регионы проведения полевых исследований среди русско-украинских биэтноров в 2020-2021 гг.

Fig. 3. Fragment of the map "Nationalities of the USSR" from the "Geographic Atlas of the USSR for Secondary Schools", Chief Directorate of Geodesy and Cartography under the USSR Council of People's Commissars. Moscow, 1941 (according to the data of the map the results of 1926 population census served as an empirical material for its compilation). The author marked with circular signs the regions of field research among the Russian-Ukrainian bi-ethnorities in 2020-2021.

Респондентами стали совершеннолетние, постоянные жители регионов проведения исследований, которые в ходе предварительной беседы подтвердили наличие у себя и русской, и украинской компонент этничности[1]. В 2020 г. было проведено 100 глубинных структурированных интервью (по 20 в каждом регионе), в 2021 г. – анкетирование 800 респондентов (по 160 в каждом регионе). Внутри регионов выборка делилась в равном соотношении: половина респондентов опрашивалась в районах компактного проживания биэтноров («бывших» украинских районах, сельская местность и малые города), вторая половина – в крупных городах, где биэтноры проживают дисперсно, среди численно преобладающего «только русского» населения[2].

1 Допускалось также участие респондентов, имеющих третью и последующие компоненты этничности, а также идентифицирующие себя с этнонимом «хохлы», при условии, что этот этноним воспринимается ими как соотносящийся и с русской, и с украинской этничностью, своего рода самоназвание этой этногруппы.

2 Соответственно это города: Белгород, Воронеж, Омск, Барнаул, Владивосток.

Выбор такой методики исследования – проведение сначала интервью (качественный метод), а затем анкетирования (количественный метод) – был обусловлен, во-первых, необходимостью сбора мнений респондентов без эффекта «навязывания ответа», который в той или иной степени присутствует при закрытом или полузакрытом (с вариантами ответа) анкетировании. Интервьюирование позволило сформулировать нам те варианты ответа для анкеты количественного исследования, которые чаще всего давали сами респонденты при проведении интервью. Во-вторых, материалы интервью раскрывают те взаимосвязи этнических процессов, которые, по мнению самих жителей, происходили и происходят в регионах их проживания.

Анкета интервью состояла из 60 вопросов, анкета анкетирования – из 59, и в обоих случаях им был задан вопрос: «*По данным статистики в прошлом на многих территориях Вашего региона численно преобладало украинское население. Однако в настоящее время во всех районах региона преобладает этнически русское население. Как Вы думаете, чем вызвано такое изменение?*».

В целом результаты интервью показали, что мнения биэтноров о причинах деукраинизации/русификации их районов делятся на следующие группы (в порядке уменьшения распространенности)[1]:

1. Мнения, объясняющие этнические процессы общественно-политическими событиями, отсутствием возможности обучаться (использовать) украинский язык в образовании, «непрестижностью» украинской этничности и т.п., т.е. ассимиляцией в той или иной степени вынужденной. Прежде всего эти мнения выражают жители пограничных с Украиной регионов, в меньшей степени – жители регионов азиатской части:

> «*Образование, просвещение, пропаганда – да отчасти она* [пропаганда] *нужна, молодежи особенно, потому что иногда включишь телик и оно каждый день, мне, например, оно понятно и немножко надоело, а кому-то надо все-таки, чтобы оно дошло до них, чтобы не было как на Украине*» (муж., 1959 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местный уроженец).

> «*Я думаю те же самые, кто назывался украинцами – сейчас только русскими называются, не могу сказать, что они уехали все, все корни здесь … Стали называться русскими все же по политическим каким-то вопросам, наверное. Может им неудобно, за то, что они украинцы*» (муж., 1972 г.р., г. Белгород, уроженец Винницкой обл. Украины, переехал в 2000-е гг.).

> «*Какая политика велась, так оно и получилось, что преобладал русский язык, на русском языке, русская идентичность. Исподволь, не прямо, а получилось так, что преобладает русская вся система*» (жен., 1948 г.р., г. Белгород, уроженка Ольховатского р-на Воронежской обл., переехала в 1960-е гг.).

1 Далее мы приводим типовые и / или наиболее развернутые ответы респондентов из всех регионов проведения исследования. Выдержки из интервью даются в порядке расположения регионов, с запада на восток.

«*Тем, шо они сэбэ считают, ти ж люды, что считали себя украинцами 25 или 30 лет назад, теперь считают себя руськимы.* [А почему это произошло?] *Навязывание культуры, языка, вот всего. Я еще маленькая была, в любое учреждение государственное зайды и можно было балакать по-хохлячьи, а сейчас зайды и на тэбэ будут дывыться, типо: "Ты шо языка не знаешь родного, государством установленного?!"*» (жен., 1993, г. Белгород, местная уроженка, на суржике).

«*Ну это як же путч пройшов, тем оно и вызвано. Як развалывся Советский Союз, вот так и пишло. Если бы был СССР, то так бы украинцами и булы. А раз Россия, стали жить у России, то ж они и пишлы – руськи*» (муж., 1949 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец, на суржике).

«*Политика. Союз – бах, развалился и перестроилось*» (муж., 1955 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец).

«*Сама я нэ знаю, чого оно так? … Так оно як стало, что Россия, чи шо, они русским запысалы та и всэ. Шо ж они нас если мы тут* [в России] *жывемо, а напышуть украинци?*» (жен., 1957 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местная уроженка, на суржике).

«*Это сложный вопрос. Может в связи с тем, что с Украиной там происходит, может это… То ж мы вроде как единое целое булы, ездили куда хотели, ездили по чем хотели*» (муж., 1961 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец, частично на суржике).

«*Наверное событиями в стране … Оно ж ни чувствовалось до послиднего врэмэни, а це ж яко стало всэ происходыть, тоди ж началы…*» (жен., 1960 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., уроженка Ивано-Франковской обл. Украины, переехала в 1980-е гг., на суржике).

«*Я думаю, что это было связано в середине XX века, основная и главная причина – это в паспортах как-то более выгодно, удобно было писать "русский". Поэтому я думаю, что это наследие середины XX века, даже не конец, не 90-е, не распад* [СССР], *а именно это было в … середине XX века, для карьеры выгодно, для своих детей, для поступления там в высшее учебные заведения записать ребенка русским.* [А это имело реальные основания, такие представления людей?] *Да, это было реально, проще сделать карьеру русским. Была такая паспортизация, сначала же вообще в крестьянской среде паспортов не было, чтобы не уезжали в город, потому что кому-то нужно было работать в селе. А потом, когда начали эти паспорта давать, то прекрасно понимали, что лучше записать русским ребенка, и ребенка продвинуть, не в селе он будет в земле, а получит высшее образование, станет там механиком, ветврачом и так вот происходило в паспортах это изменение национальности*» (жен., 1974 г.р., г. Воронеж, уроженка Кантемировского р-на Воронежской обл., переехала в 1980-е гг.).

«*Политический момент. Могу пояснить: ну ты живешь в стране, в Российской Федерации и проще жить, когда ты основная часть населения, тебе не* [надо] *доказывать, что у тебя там другая национальность, но ты гражданин этой страны. То есть, просто проще выживать, а если к этим же людям прийти домой, они будут говорить уже на другом языке, быт у них будет другой, мировоззрение другое, культура другая*» (жен., 1973 г.р., г. Воронеж, уроженка Казахстана, переехала в 2000-е гг.).

«*Ну, я думаю, люди просто перекрасились на почве политических событий, и стали, наверное, себя идентифицировать больше с русскими. Потому что, как бы, вот это украинское происхождение большинства населения Острогожского, Богучарского, Кантемировского, Воробьевского районов, наверное, там идет какая-то русификация, и эта русификация она не произвольная, она, скорее всего, пассивная русификация, просто разукраиневание этнических украинцев. Потому что над противоположным никто не работает, никто не собирается сохранять украинские традиции, украинский язык, по-моему, с этим связано. И плюс еще политика влияет, что слово Украина, украинец становится ругательным, во многих контекстах с 14-го года*» (муж., 1966 г.р., г. Воронеж, уроженец Сумской обл. Украины, проживает с младенчества).

«*Раньше люди как-то все говорили, что они украинцы, либо те, с кем я общалась, ну что большинство, а после уже* [нет]. *Ну вот украинцы по происхождению…, но они говорят: "Нет, мы русские". Может с этим это связанное, то, что дети почему-то стесняются этого*» (жен., 2001 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка).

«*Многие бывшие украинцы они там и остались жить, просто они стали идентифицировать себя с русскими, писать в паспортах, что мы русские… Это вызвано неразвитостью средств культуры, которые бы пропагандировали украинскую культуру, внутренним каким-то непониманием интереса к своим корням*» (муж., 1973 г.р., г. Омск, местный уроженец).

«*Политическими моментами, то есть украинцы, политика же меняется, и люди, которые живут, считают себя только русскими, потому что говорок то есть во многих районах Омской области у пожилого населения*» (муж., 1981 г.р., г. Омск, местный уроженец).

«*Наверное связано с политической ситуацией в стране, чтобы не было каких-либо проблем, все стали скрывать свою настоящую национальность*» (жен., 1995 г.р., г. Барнаул, уроженка Романовского р-на Алтайского края, переехала в 2010-е гг.).

«*Политикой. Это исторически сложилось так: у нас репрессии и поэтому усреднение было. Боишься что-то сказать. "Пускай тебя лучше русским запишут?!", "Да пускай!" … Это политика, у нас даже евреи русскими записаны*» (жен., 1965 г.р., г. Барнаул, уроженка Завьяловского р-на Алтайского края, проживает с детства).

«*Ну с политикой государства, которая была в Советском Союзе, которая не совсем поддерживала национальные культуры, если честно. Ну праздники – это мало, это нужно было как-то, наверное, на другом уровне, ну как это, я не буду сейчас говорить – я не знаю, но этого было мало. Если допустим, в те же 30-е годы в селах были украинские школы, да, обучали украинскому языку, все равно было какое-то замкнутое пространство в селе, один стиль общения, и тот же русский мог общаться на украинском, это было нормально*» (жен., 1960 г.р., г. Барнаул, уроженка Карасукского р-на Новосибирской обл., переехала в 1970-е гг.).

«*Тем, что при оформлении паспорта многие стали писать русские. Поэтому и поменялось процентное соотношение … Советский Союз дал многое: с одной стороны – это было сближение народа, а с другой стороны – главным был*

русский язык и учились все в школе русскому языку, культуре, поэтому человек, даже если у него были украинские какие-то корни, он все равно стал соблюдать больше каких-то русских обычаев, обрядов, язык. Поэтому начал ближе ощущать себя русским, чем украинцем» (муж., 1974 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец).

«Я думаю в связи с последними событиями на Украине … Мне кажется записываться скорее всего [стали русскими]*… Ну конечно не очень естественный* [это процесс]*, но у каждого человека свои на это есть причины, может быть что-то, какие-то факторы повлияли на это и они переписались, ну мало ли, ну может у нас хохлы и мы как бы разницу не чувствуем. А где-то есть такие деревни, что какие-то условия им поставлены»* (жен., 1981 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хабаровского края, переехала в 1990-е гг. с родителями на их родину).

«Ну конечно руководством это все такое вызвано, изменения, а чем [еще]*? Не сами же люди того захотели, а высшее руководство это все сотворило … Ну потому что в России же живут … Ну вот какая у меня дочь будет украинка, если она здесь родилась и ни одного слова не знает* [по-украински]*… И я тут родилась, но я росла еще с родителями, они по-хохлацки говорили и я с ними… А когда родители поумирали, мы в школу, замуж повыходили, начали общаться, эти телевизоры пошли, радио – все по-русски … Если бы учились на украинском, конечно больше бы знали. Как вот немцы изучали немецкий язык у нас … они изучали – мы немецкий и они немецкий»* (жен., 1948 г.р. Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

«… 33 год коллективизация, это геноцид и русского и украинского народа, и потомки украинцев стали русскими. Потом очень много исход в рыбную промышленность … очень много в рыбной промышленности работало переселенцев, они получали паспорта, где было уже потом написано, что он русский. То есть тут в Приморском крае были и украинские общества, и был еще распространен в начале 20-х годов, 30-х годов был украинский язык имел хорошее хождение, ну а потом это постепенно политика… Знаете сейчас: «Уууу хохол!», вот такой вот нацизм вдалбливался в голову, и люди постепенно становились русскими, вот поэтому сейчас нет практически здесь украинского чистого населения … Конечно [это процесс] *искусственный, естественный процесс если бы они все-таки были украинцами»* (муж., 1949 г.р., г. Владивосток, местный уроженец).

2. Мнения, объясняющие статистические трансформации, прежде всего, естественно-ассимиляционными процессами, а также совмещением гражданского и этнического самосознания. Эти мнения чаще выражают жители регионов Сибири и Дальнего Востока, реже – жители приграничных с Украиной областей:

«Потому что многие поженились наши и рождались дети, которые уже с российским гражданством … Мы то были признаны россиянами, поэтому, наверное, все указывали, что они русские и все» (жен., 1980 г.р., г. Белгород, уроженка Ровеньского р-на Белгородской обл., переехала в 2000-е гг.).

«*Наверное те традиции, которые тут все-таки сложились и приверженность к корням стала меньше, ну к корням я имею ввиду генеалогическому древу, к предкам, каждый стал считать себя больше русским так как тут проживают, и за счет этого поменялось такое восприятие самого себя*» (муж., 1989 г.р., Красноярский р-н Белгородской обл., местный уроженец).

«*Думаю, что пожилое население, которое, например, 30-е, 40-е, 50-е, 60-е год рождения, они ассоциируют себя с семьей, с традициями, они украинцы, потому что все знают, что Павлоградка – это сугубо украинское село… А те, кто помоложе – 80-й, 90-й год – они уже ассоциируют себя с глобальным, космополиты … Они ассоциируют себя не с национальностью, а с гражданством … живут в России и считают себя русскими*» (муж., 1995 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местный уроженец).

«*Я же вам рассказывал, что был Каюк, а стал Каюков – русский, он хохол сам, да, а в паспорте написал* [русский]. *И вот они чувствуют себя, хоть и русскими, как и я вот, а все равно, я то хохол же. Правильно? Вот и все так. В паспорте был Драный, стал Дранов. Сами меняли, да*» (муж. 1950 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местный уроженец).

«*Ну две вещи. Во-первых, очень многие украинцы, теперь уже потомки украинцев, уже не считают себя украинцами. То есть, если условно говорить допустим переехало миллион населения, а было всего населения три миллиона. Из них полтора миллиона русские, полмиллиона местные народы, а миллион украинцы, то их дети они уже не ощущали себя украинцами, потому что представители русской культуры* [численно преобладали], *а это означает, что в два раза увеличилось население, соответственно украинское население не увеличивалось. А русское население увеличивалось. Это естественный процесс. Вторая причина, в начале XX века мы были многонациональной страной, а в начале XXI века мы страна, в которой русское население составляет едва ли не 80%*» (муж., 1977 г.р., г. Барнаул, уроженец Восточно-Казахстанской обл. Казахстана, переехал в 2010-е гг.).

«*Сами себя стали самоидентифицировать по-другому, наверное, их дети, потомки… Это естественно*» (муж., 1988 г.р., г. Барнаул, уроженец Восточно-Казахстанской обл. Казахстана, переехал в 2000-е гг.).

«*В поколениях смешивание русский и украинец. Это естественный процесс. Миграции много, много уезжают…, браки. Сила традиции она прерывается…*» (муж., 1979 г.р., г. Барнаул, уроженец Родинского р-на Алтайского края, переехал в 2000-е гг.).

«*Потому что позаписывались* [русскими] *в основном, ассимилировались все*» (жен., 1957 г.р., г. Барнаул, уроженка Родинского р-на Алтайского края, переехала в 2000-е гг.).

«*Связано с ассимиляцией, украинцы постепенно растворяются в русскоязычном населении, перестают считать себя украинцами и их кровь смешивается с русской, они растворяются. Ну этот процесс для малых народов он неизбежный, они всегда поглощаются большими народами. Нету тут никакого злого умысла, а вот скорее всего это естественный процесс слияния наций и народностей*» (муж., 1967 г.р., г. Барнаул, местный уроженец).

«*Тем, что мы живем то в России, и что в нас хохляцкого, это все идет из поколения в поколение и с каждым поколением это теряется … Я считаю это естественный процесс*» (муж., 1987 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец).

«*Ну вы знаете, я не думаю, что хохлы прям, эти же украинцы полетели и уехали на Украину. Значит, наверное, вот то поколение, в которое был бум, когда приезжали, оно ведь уходит из жизни и ихние дети уже становятся русскими, только такое объяснение*» (жен., 1957 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Ивано-Франковской обл. Украины, переехала в 1980-е гг.).

«*Ну чем вызвано, поколения, дети, рождаемость. Например, повыходили замуж за русских, и уже детей записывают русскими, тем более, если здесь и живут. Если украинец за украинца вышел, поженились, может и дают национальность свою*» (жен., 1961 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Ровеньской обл. Украины, переехала в детстве).

«*Общение шло на русском языке в основном, украинский никто не препятствовал где-то слова употреблять, но они в основном вымывались с течением времени. За последние 30 лет со времени распада Советского Союза очень много вымылось всего этого, еще тогда я начинал после института работать, еще очень много в деревнях допускали смеси украинского и русского, сейчас почти нету, редко какое-нибудь слово*» (муж., 1963 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженец Анучинского р-на Приморского края).

«*Изменением идентичности, потому что и предки, и люди, и поколения остались те же, просто они записали себя везде русскими. Это естественный процесс плавильного котла*» (муж., 1944 г.р., г. Владивосток, уроженец Михайловского р-на Приморского края, переехал в 1950-е гг.).

3. Объяснения естественно-демографического (рождаемость и смертность) или миграционного характера, хотя они часто по смыслу связаны с процессами естественной ассимиляции. В подавляющем большинстве эти мнения выражают жители азиатской части России:

«*Потому что многие уехали обратно, а многие уехали дальше, то есть Московский регион, Брянский. Даже знаю конкретно людей, которые уехали. У меня одно время я даже поражался – у меня на даче, наверное, процентов на 30 заселены были вот именно хохлами, потом они год-два обтерлись, пожили и уехали дальше. Мне кажется из-за этого*» (муж., 1983 г.р., г. Белгород, местный уроженец).

«*Потому что коренные жители уезжают в другие места, а приезжают с Казахстана ближнего, там гонения были, а мы союзники. Многие в Омск уезжают, на Север. Работы нет, мужчины устраиваются на Севере (Сургут, Ханты-Мансийск) и туда семью перевозят*» (жен., 1970 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка).

«А *ти* [украинцы] *повымыралы … А руськи приезжають*» (муж., 1948 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местный уроженец, на суржике).

«*Изменение вызвано только тем, что то поколение уходит. У меня … за полтора года … в основном поумирали … Внуки – половина как бы тоже*

хохлами [считает себя], *ну то что поразъезжались, они не живут же ни в Омске, ни в Омской области. Хотя они хохлы, они все также знают традиции»* (жен., 1954 г.р., г. Омск, уроженка Полтавского р-на Омской обл., переехала в 1970-е гг.).

«*Ну дело в том, что украинцы — это народ, рассыпанный по всей Земле, более всего они мигрируют. Говорят, что в любой точке Земли они есть. … Поэтому либо они возвращаются, что у нас имеет место назад на историческую родину, либо они находят места компактные здесь в Сибири и там, туда уезжают*» (муж., 1959 г.р., г. Омск, местный уроженец).

«*Потому что появилось новое поколение, из-за прироста населения, наверное. Может быть кто-то приехал. Ну навряд-ли кто-то сюда приедет жить. Отсюда только уезжают. Наверное, это естественно*» (жен., 2000 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

«*Наверное же повымыралы ти стари люды … А молодежь яки воны тоби украинцы, если они уже пережэнылыся и они уже и знать не знают, хто они*» (жен., 1960 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хмельницкой обл. Украины, переехала в 1970-е гг., на суржике).

«*Отток населения, случившийся в 1990-е годы. Сильнейший отток*» (жен., 1965 г.р., г. Владивосток, уроженка Уссурийского р-на Приморского края).

4. Мнения, отрицающие сам факт смены этнического состава, подчеркивающие номинальный характер «официальной» национальности (в документах и переписях населения). Эти мнения выражают прежде всего жители приграничных с Украиной областей:

«*Да ничего оно не преобладает, просто пишут русский, как в паспорте, а также остались люди все равно, вот так же как и я, что думают, что они все-таки хохлы. Но некоторые не пишут, кто-то стесняется этого, кто-то боится. Раньше ведь репрессии были, и многие умалчивали о своем происхождении*» (жен., 1977 г.р., г. Воронеж, местная уроженка).

«*Я думаю, что скорее всего именно отделением, то что у нас стала Украина отдельно, Россия отдельно и соответственно эти люди, они, так как живут в России, они стали себя считать россиянами. То есть, это чисто такая техническая часть. Хотя я лично езжу, у меня родственники живут в Богучаре, и я туда езжу. И вот мы и в Кантемировке были по работе, там как были люди такие же как из Луганской и Донецких областей, они разговаривают на вот этом суржике, они по менталитету как-то ближе вот к нам и то есть, да можно сказать, они абсолютно, наверное, даже одинаковые с нами, ну с нами, которые вот с тех областей. То есть поэтому ничего не поменялось. И в речи прям приезжаешь и там: "Украинска мова льется!"*» (жен., 1980 г.р., г. Воронеж, уроженка Луганской обл. Украины, переехала в 2010-е гг.).

«*Я думаю, что это больше, вот, формальные вещи и это все на бумаге так, а так как себя люди чувствуют, это оценить невозможно. Ну, причиной этому могут быть, вот, все-таки ваше телевидение, которое очень много кричит о том, о том, что не является действительностью, вот, поэтому, может быть это вот как информационная такая движуха*» (муж., 1980 г.р., г. Воронеж, уроженец Саратовской обл., переехал в 2010-е гг.).

> «*Люди формально просто переоформляют гражданство, потому что так удобнее … Я думаю, в душе так и остались украинцами*» (жен., 1971 г.р., г. Владивосток, уроженка Полтавской обл. Украины, переехала в 1990-е гг.).

> «*Не, ну, я не верю. Я переписи не верю … Лично я по Хорольскому району знаю … Че тут изменилось? Хохлы повымирали?! Так диты появылысь … В душе они все равно они хохлы*» (муж., 1946 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженец Луганской обл. Украины, переехал в 1960-е гг., на суржике).

При проведении анкетирования в качестве вариантов ответа на вопрос о причинах изменения национального состава районов компактного проживания украинцев в России респондентам были предложены варианты, объясняющие изменение этнического состава:

- демографическими причинами (варианты: «*выездом украинцев или притоком русских*», «*разницей в уровне рождаемости и смертности русских и украинцев*»);
- естественной ассимиляцией (вариант: «*естественной ассимиляцией украинского населения*»);
- общественно-политической, в той или иной степени, вынужденной ассимиляцией (варианты: «*вынужденной ассимиляцией украинского населения*», «*политическими причинами*», «*тем, что в России комфортнее назвать себя русским*»).

При ответе респонденты не были ограничены количеством выбранных вариантов ответа.

Результаты массового опроса показывают отсутствие какой-либо одной преобладающей точки зрения на причины изменения этнического состава в исследованных регионах. Значительная часть опрошенных (26,6%) вообще затруднилась ответить на вопрос (рис. 4), что главным образом обусловлено массовым незнанием этнической истории и тем более статистики национального состава в прошлом и настоящем, а также низким уровнем рефлексии об этнических процессах, в том числе рефлексии и о личной идентификации. Как правило, вопрос определения своей национальности возникает лишь при необходимости ее указания в некоторых документах или в переписях населения. Чаще всего затруднялись назвать причины изменения этнического состава представители молодежи – 28,6%, жители сельской местности (т. е. собственно тех районов, о которых и идет речь в вопросе) – 27,3%, жители Белгородской обл. – 30,0%, Алтайского края – 28,1% и Воронежской обл. – 27,5%.

Рис. 4. Ответы русско-украинских биэтноров в разных возрастных и территориальных подгруппах на вопрос: «*По данным статистики в прошлом на многих территориях Вашего региона численно преобладало украинское население. Однако в настоящее время во всех районах региона преобладает этнически русское население. Как Вы думаете, чем вызвано такое изменение?*», опрос 2021 г.

Fig. 4. Responses of Russian-Ukrainian bi-ethnos in different age and territorial subgroups to the question: "*According to statistics in the past many territories of Ukrainian population was numerically predominant in many areas of your region. However, currently the ethnically Russian population predominates in all areas of the region. What do you think, What do you think caused such a change?*", 2021 survey.

Результаты количественного исследования в целом примерно отображают соотношение мнений, которое было нами зафиксировано в ходе интервьюирования биэтноров. Чаще всего респонденты называли причины изменения национального состава, которые мы относим к группе «вынужденная или общественно-политическая ассимиляция»: «*политическими причинами*» – 24,0%, «*тем, что в России комфортнее назвать себя русским*» – 23,4%, «*вынужденной ассимиляцией украинского населения*» – 5,5%. Эти мнения нельзя

суммировать, т.к. респонденты могли указывать одновременно несколько вариантов ответа, но, тем не менее, эта группа численно несколько превосходит количество сторонников мнения о «естественной ассимиляции».

Отметим, что респонденты довольно часто выбирали ответы *«политическими причинами»* и *«тем, что в России комфортнее назвать себя русским»* (их назвали по четверти опрошенных), а вот напрямую назвали этот процесс *«вынужденной ассимиляцией»* примерно в пять раз меньшее число респондентов, хотя выбор национальности по политическим причинам или в силу большей комфортности одной этнической идентичности перед другой и является, по нашему мнению, вынужденной ассимиляцией.

Многие жители считают вполне естественной, нередко даже правильной, ту ситуацию, что люди меняют этничность вследствие самого факта проживания в России. Восприятие русской этничности как титульной, а, следовательно, более престижной у большинства не вызывает отторжения, хотя с точки зрения Конституции РФ все этносы являются равноправными, а поддержка культуры и языков народов России гарантируется законодательно.

Существенно чаще общественно-политический характер ассимиляции украинцев отмечают респонденты в регионах, пограничных с Украиной, в сравнении с азиатской частью страны. Например, вариант *«политическими причинами»* указали 33,1% биэтноров в Белгородской обл., 31,3% – в Воронежской обл., и лишь 19,4% – в Омской обл., 18,8% – в Приморском крае, 17,5% – в Алтайском крае (рис. 4). Также более высока доля выбирающих варианты, соотносящиеся с вынужденной ассимиляцией в самих «бывших» украинских районах: *«политическими причинами»* – 26,3% (в городах 21,8%), *«тем, что в России комфортнее назвать себя русским»* – 23,8% (в городах 23,0%), *«вынужденной ассимиляцией»* – 4,3% (в городах 6,8%)[1].

На естественный характер ассимиляции компактно проживающих в России украинцев указали в среднем 27,8% опрошенных. Значительно более высока эта цифра в регионах, территориально удаленных от Украины: в Приморском крае – 40,6%, в Алтайском крае – 38,8%, в Омской обл. – 25,0%, в Белгородской обл. – 18,1%, в Воронежской обл. – 16,3%. Помимо территориального удаления исследованных регионов от Украины, на процесс восприятия ассимиляции как «естественной», по всей видимости, большое влияние оказал масштаб численности украинского населения в этих регионах в прошлом, компактность его проживания[2]. Поэтому доля выбирающих вариант *«есте-*

1 Данный вариант чаще выбирали респонденты в городах, однако, как мы уже отмечали выше, все три анализируемых здесь варианта следует считать, в той или иной степени, вынужденной ассимиляцией. По всей видимости, более частый выбор конкретно этого варианта ответа в городах обусловлен более высоким уровнем правового просвещения в них, понимания неестественности ассимиляции по общественно-политическим причинам.

2 Например, по данным переписи 1939 г., на территории современной Белгородской обл. был 1 район с численно преобладающим украинским населением, в Воронежской обл. – 7, в Омской обл. – 4,

ственная ассимиляция» несколько выше в Белгородской обл. в сравнении с Воронежской, а в Алтайском крае выше, чем в Омской обл. Кроме того, значительно чаще естественный характер ассимиляции отмечают жители крупных городов – 32,3% (в сельской местности – 23,3%), более молодые респонденты – 29,5% (средний возраст – 28,4%, старший – 25,3%) – рис. 4.

Естественно-демографические и миграционные причины изменения этнического состава «бывших» украинских районов отмечает наименьшая доля опрошенных: *«выездом украинцев или притоком русских»* – 8,3%, *«разницей в уровне рождаемости и смертности русских и украинцев»* – 4,3%. Как показывают данные статистики, демографических причин изменения этнического состава ни в одном из названных районов не существовало, т.к. уровень рождаемости и смертности русских и украинцев в них практически не отличался. Миграционный фактор снижения численности украинского населения имел место лишь в Приморском крае, где после распада СССР действительно наблюдался довольно масштабный отток украинцев, прибывших туда в позднесоветский период.

Миграционную причину изменения национального состава чаще называют жители Приморского края – 10,6% опрошенных, реже Омской обл. – 9,4%, Алтайского края – 8,1%, Белгородской обл. – 6,9%, Воронежской – 6,3%. Разницу в уровне рождаемости русских и украинцев в качестве причины назвало от 3,1% в Белгородской обл. до 5,6% в Омской обл. (рис. 4). Интересно также, что «нереальные» причины изменения этнического состава (демографическую и миграционную) значительно чаще называли молодые биэтноры (5,0% и 12,9%, соответственно), в сравнении с поколением среднего (4,3% и 6,5%) и старшего возраста (3,6% и 5,9%).

Выводы

Статистика национального состава территории Российской Федерации показывает, что за последнее столетие относительная численность украинского населения неуклонно сокращалась, даже несмотря на постоянный миграционный обмен населением с Украиной. Изменения общественно-политического строя, национальной политики в 1930-е гг. привели к обвальному сокращению численности автохтонного украинского населения в регионах европейской части России, где украинцы проживали совместно с русскими с XVII-XVIII вв. (Черноземье, Кубань). В регионах азиатской части (юг Западной Сибири и Дальнего Востока), куда массовая миграция украинцев началась в конце XIX в., процесс смены населением «официальной» этнической идентичности был более «плавным», видимо, в силу меньшей политизации «украинского вопроса» в удаленных от Украины регионах.

в Алтайском крае – 3, в Приморском – 1. В 1989 г. таких районов осталось: в Белгородской обл. – 1, в Воронежской – 3, в Омской – 1, и ни одного в Алтайском и Приморском краях.

Второй по масштабам этап сокращения общей численности украинцев в России и территорий их компактного проживания произошел после распада СССР. Формы этой ассимиляции были более естественны, т.к. большинство украинцев проживало уже в этнически смешанных браках (как правило, с русскими). Тем не менее, в местах компактного проживания эту смену национальности сложно считать естественной, т.к. десятилетиями на получение образования на родном языке, его изучение, поддержание этнической культуры был наложен негласный запрет. И тот факт, что ареалы компактного проживания украинцев сохранились вплоть до конца XX в., скорее, свидетельствует о «силе» идентичности, нежели, как считают некоторые, о «естественном отказе» украинцев от своего языка, культуры и, как следствие, идентичности.

Проведенные в пяти регионах РФ исследования показывают, что жители «бывших» украинских районов являются, как правило, биэтнорами, т. е. в их самосознании присутствует и украинская (постепенно «угасающая», но передаваемая в семьях из поколения в поколение), и русская (возникшая вследствие общественно-политических процессов и институциональной культурно-образовательной политики) компоненты идентичности. Кроме того, в среднем 67% биэтноров в «бывших» украинских районах и 56% в крупных городах ассоциирует себя в той или иной степени с этнонимом «хохлы», чаще всего воспринимая его как самоназвание.

Мнения биэтноров о причинах смены национального состава в районах компактного проживания украинцев разделяются следующим образом. Наибольшую группу (примерно 40%) составляют респонденты, указывающие на общественно-политические причины смены национальности (распад СССР и, как следствие, изменение «статуса» украинцев, бóльшую комфортность и престижность русской этничности, бóльшие возможности сделать карьеру, отсутствие возможности обучаться на родном языке и т.д.); существенно выше доля таких респондентов в регионах, пограничных с Украиной (свыше 50%), в регионах азиатской части их меньше (около 35%).

Количественно вторую группу составляют мнения, считающие ассимиляцию украинцев естественной. Аргументация таких мнений в принципе повторяет набор причин, выраженных в группе мнений о политическом характере ассимиляции, но сами респонденты считают этот процесс естественным. Естественный характер ассимиляции объясняется также смешанными браками. В целом эта группа составляет около 28%, но существенно выше она в удаленных от Украины регионах Сибири и Дальнего Востока (около 35%), тогда как в регионах на границе с Украиной – 15-20%.

Третью группу составляют респонденты, полагающие, что смена этнического состава произошла вследствие демографических и/или миграционных причин (в реальности последнее лишь отчасти характерно для регионов Дальнего Востока) – таковых около 10% (в европейской части 8-10%, в азиатской –

примерно 12%). Кроме того, по данным анкетирования, более четверти опрошенных затруднились назвать причины изменения национального состава, хотя при интервьюировании количество таких ответов было небольшим (около 8%).

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

Список литературы

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Выпуск 4: Народность и родной язык населения СССР. (1928). ЦСУ Союза ССР.

Всесоюзная перепись населения 1926 года: Т. III. Центрально-черноземный район. Средневолжский район. Нижне-волжский район. (1928). ЦСУ Союза ССР.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. (2007). РОССПЭН.

Грибанова, Н. С., Чернова, И. В., Люля, Н. В., & Свидовская, А. С. (2017). *Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке*. Алтайский государственный педагогический университет.

Гриценко, А. А., & Крылов, М. П. (2012). Этнокультурный градиент: Региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины. *Культурная и гуманитарная география*, 1(2), 126–140.

Дроздов, К. С. (2016). *Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923- 1933 гг.* Центр гуманитарных инициатив.

Кабузан, В. М. (2006). *Украинцы в мире*. Наука.

Листова, Т. А. (2014). Воронежские украинцы-русские хохлы. *Вестник антропологии*, 2, 116–139.

Листова, Т. А. (2018). Влияние границ на современную этнокультурную ситуацию на юго-западе России. В В. В. Зотов (Ред.), *Межнациональные и межконфессиональные отношения в приграничном регионе: Состояние и тенденции* (сс. 161–171). Курская академия государственной и муниципальной службы.

Люля, Н. В. (2019). Этническая идентичность потомков украинских переселенцев Алтайского края в период обострения российско-украинских отношений. В М. Ю. Мартынова (Ред.), *XIII Конгресс антропологов и этнологов России* (с. 111). ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Микроперепись населения 2015. (б. д.). Росстат. https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

Митрофанова, И. В., & Сущий, С. Я. (2017). Русские на Украине: Геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы. *Социологические исследования*, 8, 45–58. https://doi.org/10.7868/S0132162517080050

Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. (б. д.). Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Проскурина, Н. В. (2017). Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*, 4, 95–99.

Скорик, А. П., & Бондарев, В. А. (2013). Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: Осуществление и ликвидация (1920-е – нач. 1930-х гг.). *История в подробностях*, 10, 62–71.

Степанов, В. В. (2018). Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений. В В. А. Тишков & В. В. Степанов (Ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (сс. 62–88). ИЭА РАН.

Сущий, С. Я. (2017). История, современность и перспективы украинцев юга России: Демографо-расселенческий аспект. *Народонаселение*, 20(3), 63–74.

Филонович, С. А. (2019). История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов. *Вестник Армавирского Государственного Педагогического Университета*, 1, 135–145.

Фурсова, Е. Ф. (2019). Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, 25, 748–753. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753

Хмелько, В. (2004). Лінгво-етнічна структура України: Регіональні особливості й тенденції змін за роки незалежності [Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости]. *Наукові записки НаУКМА [Научные записки НаУКМА]*, 32, 3-15. (На украинском).

References

All-Union Population Census of 1926: Vol. III. Central Black Earth Region. Srednevolzhskiy district. Nizhne-Volzhskiy district.. (1928). Central Statistical Bureau of the USSR. (In Russian).

All-Union Population Census of 1937: General Results. Collection of documents and materials. (2007). ROSSPEN. (In Russian).

All-Union Population Census of December 17, 1926: Brief summaries. Issue 4: Nationality and native language of the USSR population. (1928). Central Statistical Bureau of the USSR. (In Russian).

Censuses of the Russian Empire, the USSR, the 15 newly independent states. (n. d.). Demoscope Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php (In Russian).

Drozdov, K. S. (2016). *Ukrainianization policy in the Central Black Earth Region, 1923-1933*. Humanitarian Initiatives Center. (In Russian).

Filonovich, S. A. (2019). Istorija zaselenija Central'nogo Chernozem'ja v zone russko-ukrainskih kontaktov. *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 1, 135–145. (In Russian).

Fursova, E. F. (2019). Problems of Ethnic and Cultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 25, 748–753. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753 (In Russian).

Gribanova, N. S., Chernova, I. V., Lyulia, N. V., & Svidovskaya, A. S. (2017). *Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia in the late 19th – 20th century*. Altai State Pedagogical University. (In Russian).

Gritsenko, A. A., & Krylov, M. P. (2012). Ethno-Cultural Gradient: Regional Identity and Historical Memory in the Neighboring Regions Of Russia And Ukraine. *Cultural and Humanitarian Geography*, 1(2), 126–140. (In Russian).

Kabuzan, V. M. (2006). *Ukrainians in the world*. Nauka. (In Russian).

Khmelko, V. (2004). Linguistic and Ethnic Structure of Ukraine: Regional Peculiarities and Trends in the Years of Independence. *Scientific Notes of NaUKMA*, 32, 3-15. (In Ukranian).

Listova, T. A. (2014). Voronezh Ukrainians-Russian Khokhlyas. *Vestnik antropologii*, 2, 116–139. (In Russian).

Listova, T. A. (2018). The Impact of Borders on the Modern Ethnocultural Situation in Southwest Russia. In V. V. Zotov (Ed.), *Interethnic and Interconfessional Relations in the Border Region: Status and Trends* (pp. 161–171). Kursk Academy of State and Municipal Service. (In Russian).

Lyulia, N. V. (2019). Ethnic Identity of Descendants of Ukrainian Resettlers of Altai Krai during the Aggravation of Russian-Ukrainian Relations. In M. Yu. Martynova (Ed.), *XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia* (p. 111). IEA RAS, KFU, Institute of History named after Sh. Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).

Microcensus 2015. (n. d.). Rostat. https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (In Russian).

Mitrofanova, I. V., & Suschii, S. Ya. (2017). The Russians in Ukraine: Geodemographic Results of the Post Soviet Period and Middle Term Prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 8, 45–58. https://doi.org/10.7868/s0132162517080050 (in Russian).

Proskurina, N. V. (2017). Russian-Ukrainian Symbiosis within the Territory of the Voronezh Region. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, 4, 95–99. (In Russian).

Skorik, A. P., & Bondarev, V. A. (2013). Ukrainizacija na Juge Rossii kak nacional'no-politicheskaja kampanija: Osushhestvlenie i likvidacija (1920-e – nach. 1930-h gg.). *Istorija v podrobnostjah*, 10, 62–71. (In Russian).

Stepanov, V. V. (2018). Ethnocultural Diversity of Russia and the Possibility of Statistical Measurement. In V. A. Tishkov & V. V. Stepanov (Ed.), *Russia's Ethnic and Religious Diversity* (pp. 62–88). IEA RAS. (In Russian).

Suschii, S. Ya. (2017). The History, the Present and the Prospects for the Ukrainians of Southern Russia: Demographic Settlement Aspect. *Population*, 20(3), 63–74. (In Russian).

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.425

Caspian Elite Consensus: a Pact of Integration in a Globalizing World

Konstantin A. Markelov[1], Pavel L. Karabushenko[2], Rafik Kh. Usmanov[3] & Sabina A. Velikaia[4]

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Abstract

Contemporary activities in the geopolitical space including the countries of the Caspian Sea Basin and its adjacent regions give relevance to the problem under study. Globalism has an impact on the development of regional processes, making adjustments in their course. This article aims to analyze the consensus achieved by the political leaders of the Caspian states regarding their integration. The leading approach in the research explores the position of modern Russian elitology, taking professional elites to be a synergetic system striving for the acmeological pinnacle of their (elites') competence. This approach helps to find out the adequacy of their professional activities, the objectivity of their assessments of reality, and the impact of their political decisions. Comparative analysis has made it possible to identify the points of convergence, while the use of political conflictology techniques has made it possible to identify and curb the emergence of threats in a timely manner. The combination of such methods and approaches enhances the objectivity of conclusions and assessments of the Caspian leaders' actions.

The paper analyses the activities of regional political elites who created a political and legal platform for a new stage of constructive development of dialogue between cultures and socio-economic cooperation. It is noted that this process had a complex gradual nature of harmonizing different positions, compromises and smoothing over the contradictions of national interests. In this process, the Caspian countries have demonstrated genuine tolerance, political correctness and democracy in addressing the complex geopolitical challenges and reaffirmed their desire to resolve existing problems in a peaceful manner. The materials of this paper may prove useful for the development of further integration strategies, as well as for the expert support of the critical decisions on security issues and the formation of independent regional financial, political and cultural systems.

Keywords

Elites; Globalisation; Post-Industrialism; Caspian Sea; Integration; Consensus

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: asu[at]asu.edu.ru
2 Email: pavel_karabushenko[at]mail.ru
3 Email: usmanr[at]mail.ru
4 Email: velikaya.s.a[at]gmail.com

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.425

Каспийский консенсус элит: пакт интеграции в глобализационном мире

Маркелов Константин Алексеевич[1], Карабущенко Павел Леонидович[2], Усманов Рафик Хамматович[3], Великая Сабина Азеровна[4]

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Аннотация

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возросшей активностью геополитического пространства вокруг стран бассейна Каспийского моря и прилегающих к нему регионов. Глобализм оказывает свое влияние на развитие региональных процессов, внося свои корректировки в их ход. Цель статьи заключается в анализе достигнутого политическими лидерами Прикаспийских государств консенсуса относительно проводимой ими интеграции. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является позиция современной российской элитологии, рассматривающей профессиональные элиты как синергетическую систему, стремящуюся к акмеологическим вершинам своей компетентности. Данный подход позволяет выяснить адекватность их профессиональной деятельности, объективность даваемых ими оценок действительности и эффективность принимаемых политических решений. Компаративистский анализ позволил выявить точки сближения позиций, а использование приемов политической конфликтологии – своевременно идентифицировать и купировать возникновение угроз. Комбинация подобных методов и подходов усиливает объективность выводов и оценок деятельности руководства Прикаспийских государств.

В работе дается анализ деятельности региональных политических элит, создавших политико-правовую платформу для нового этапа конструктивного развития диалога культур и социально-экономического сотрудничества. Отмечается, что данный процесс носил сложный поэтапный характер согласования различных позиций, компромиссов и сглаживания противоречий национальных интересов. При этом Прикаспийские страны проявили подлинную толерантность, политкорректность и демократичность в решении сложных геополитических вызовов и подтвердили свое стремление мирно решать существующие проблемы. Материалы статьи могут быть полезны для развития дальнейших интеграционных стратегий, экспертного сопровождения принятия важнейших решений по вопросам безопасности и формирования самостоятельных региональных финансовых, политических и культурных систем.

Ключевые слова

элиты; глобализация; постиндустриализм; Каспийское море; интеграция; консенсус

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: asu[at]asu.edu.ru
2 Email: pavel_karabushenko[at]mail.ru
3 Email: usmanr[at]mail.ru
4 Email: velikaya.s.a[at]gmail.com

Введение

Заключенная в августе 2018 г. в Казахстане (г. Актау) лидерами пяти прикаспийских государств Конвенция, стала свидетельством продолжения их интеграционного сближения и укрепления добрососедских отношений (Гуревич & Филатов, 2011). Конвенция включила в свой состав все договоренности, которые странам региона удалось ранее достичь в ходе многочисленных консультаций и переговоров. Но если раньше эти договоренности носили форму отдельных протокольных заявлений, то в 2018 г. они стали международно-правовой, обязательный для исполнения системой. Был сделан серьезный шаг по определению правового статуса Каспия. В будущем именно на этом основании будут выстраиваться взаимоотношения прикаспийских государств в едином международном правовом поле. Прикаспийский регион будет постепенно переходить от некоторой разобщенности его субъектов в определенный наднациональный орган или союз с общими нормами, принципами, правилами, т.е действительно Конвенция — это, по сути, *конституция Каспийского моря*. Это предоставляет возможность более эффективно и цивилизовано взаимодействовать между собой и избегать острые противоречия, конфликты и разногласия между субъектами каспийского региона. Это возможность создавать новые формы взаимоотношений и вырабатывать стратегию единой позиции в условиях экономического и политического противостояния в непростых конкурентных отношениях ресурсной политики, санкционных войн, терроризма и т.д. Таким образом, «создаются новые интеграционные форматы, которые будут способствовать развитию региона» (Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 2018).

Постановка проблемы

В самой глобализации мы отчетливо видим попытки скорректировать ранее наметившиеся планы, привести их в соответствие с национальными интересами. Главным уязвимым моментом глобализации по-американски стало уменьшение суверенитета тех стран, которые активно включились в предшествующий период в данный процесс. Суверенитет некоторых государств уменьшился настолько, что их национальные элиты забили тревогу (Венгрия, Италия, Греция и др.). Перед другими элитами назрела угроза т. н. «цветных революций» (Маркелов, Головин & Усманов, 2018). Перед политическим классом Каспийских государств всегда остро стоял вопрос о том, насколько эффективно и адекватно они справляются с глобальными вызовами современности, и обеспечивают безопасность своих национальных интересов.

Вопросы исследования

Проблема роли мировых элит является одной из ключевых тем политической и экономической наук. Исходя из этого, *объектом* настоящего исследования является консенсус политических элит прикаспийских государств, а в качестве *предмета* выступают интеграционные процессы в условиях мировой глобализации. Ключевым вопросом в оценке деятельности элитных сообществ является вопрос об их профессиональной компетенции и эффективности в решении стратегических проблем, именуемыми «вызовами эпохи».

Цель исследования

Из вышеизложенного мы выводим *цель* настоящей работы – дать анализ консенсусу политических региональных элит, сумевших договориться о правовом статусе Каспия и выработать общий план интеграции в условиях современной глобализационной трансформации. Региональные особенности Каспийского региона диктуют политикам свой алгоритм решения поставленных перед ними проблем и задач. Только учитывая сумму всех этих особенностей, можно сформулировать правильный ответ на вызов современности.

Методы исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы российских и западных авторов, занимающихся концептуализацией интеграции, проблемами безопасности, конфликтологии и регионалистики. При работе над данным проектом авторами использовался целый комплекс научных методов исследования. Среди наиболее значительных следует указать методы: компаративистики, историзма, статистики, методы неоинституционализма (О'Доннелл Г., Шмиттер Ф., Карл Т.). Теоретической основой анализа профессиональной деятельности политических элит и их лидеров служат труды известных российских элитологов (Г.К. Ашина, А.В. Понеделкова, О.В. Крыштановской и др.). Авторы опирались на принцип целостного подхода к изучаемому материалу, а также системного подхода в изучении деятельности профессиональных политических элит.

Обзор исследований

Данная тема уже неоднократно поднималась и обсуждалась в российской политической научной литературе. Чаще всего затрагивался вопрос правового статуса Каспийского моря и особенности его реализации на практике (Гуревич & Филатов, 2011). Помимо этого анализировались проблемы способности политических элит и их лидеров к диалогу и поиску взаимовы-

годного консенсуса (Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 2018; Максимова, 2020). Обсуждались вопросы интеграционного потенциала и формата сопротивления внешним геополитическим угрозам. При этом сама тема геополитических вызовов ставших угрозой для каспийского региона стала одной из самых обсуждаемых в последнее время (Маркелов, 2020a; Карабущенко, 2020; Карабущенко, 2021). Отдельно звучала тема коллективной безопасности и формирование концепции предотвращения военных угроз, в том числе т.н. «цветных революций» (Маркелов, Головин & Усманов, 2018; Чернов, 2016).

Проблема регионального консенсуса

Чаще всего критические замечания в адрес процесса глобализации касаются утраты им «человеческого лица» и отстаивания интересов крупных транснациональных компаний. Антиглобалистами данный проект воспринимается и оценивается как антигуманный. «В силу своей *агрессивной природы*, глобализация за предельно короткие сроки стала одним из главных регуляторов политических, социальных, экономических и общественных процессов, и, что самое главное, *заняла глобальное место в общественном сознании и самосознании человека*. Люди, придумавшие глобализацию и реализовавшие эту идею во всех сферах общественной жизни, мгновенно стали заложниками, слугами и рабами глобализации. И ничего нет удивительного в том, что с наступлением эпохи глобального порабощения человека поток публикаций на тему глобализации мгновенно иссяк. Действительно, какой смысл рассуждать о том, что уже является неотъемлемой реальностью нашей жизни? Человек этого уже не замечает, так же как он не обращает внимания на процесс своего дыхания» (Хатами, 2001b, с. 11).

Один из лидеров идеологии глобализации и автор концепции мировой американской гегемонии нового типа, З. Бжезинский утверждал, что США – это единственная сверхдержава, способная «стать гарантом стабильности и безопасности для всего остального мира» (Parenti, 1996, p. 8). По его словам, «для Америки слово глобализация имеет противоречивое значение. Оно означает наступление новой эры всемирной доступности информации, прозрачности и сотрудничества и в то же время символизирует моральную глухоту и безразличие к проявлениям социальной несправедливости, что, как считают, характеризует богатейшие страны мира, в первую очередь Соединённые Штаты» (1996). Эксперты считают, что своей агрессивной природой глобализация создаёт соответствующую агрессивную среду – стимулирует рост уголовных преступлений, расширение практики международного терроризма, наркотрафик и т.д. Причем, эти деструктивные силы весьма успешно используют в своей практике высокие технологии, что в разы увели-

чивает их угрозу для безопасности традиционных государств. (Питер, 1990, с. 13).

В этой связи российские философы с тревогой отмечают:

> «На наших глазах рождается эпоха глобальной конкуренции. Обозначается новый виток межэтнических и геополитических столкновений. Информация как социальный фактор отнюдь не выравнивает возможности всех стран... Напротив, возникают новые противоречия. Мир стремительно поляризуется. Устойчивое развитие оказывается прерогативой "золотого миллиарда". Использование компьютерных технологий в политическом процессе отнюдь не вызвало углубления демократии. Напротив, возникла опасность тотальной манипуляции общественным мнением» (Гаджиев, 2007, сс. 335-336).

Странам Каспия в целом удалось избежать целого ряда «ловушек», притаившихся в глобализационном проекте США. Речь идет об искушении вестернизацией политической системы, и о попадании в финансовую зависимость от мировых кредиторов, и о том, что их общественное сознание не стало жертвами популярных мифов о глобализации. Если вчера это рассматривалось как трагическое отставание, сегодня это понимается уже как счастливый случай, помогший избежать ряд серьезных системных проблем, то завтра это может оцениваться уже как благо, позволяющее создать свой альтернативный проект глобализации и «приручения» глобализма на региональных выгодных условиях. Странам каспийской пятерки необходимо *районирование глобалистских проектов*, адаптация мировых трендов под свои местные условия.

Эталоном глобалистского проекта до недавнего времени были США. Именно глобалистские элиты этой страны утвердили идеологию геополитического превосходства супердержавы, подведя под это господство соответствующую идеологию (З. Бжезинский, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и др.). Однако, как выясняется, не все благополучно в этом «сияющем граде на холме». Благодаря М. Паренти мы знаем, что в политических играх в США побеждает тот, кто наиболее эффективно умеет использовать демократические институты в своих личных целях. Демократия в Америке существует лишь для избранных, т.е. для элиты (Parenti, 1995). И также благодаря ему мир знает, что истинная цель американского империализма – установление своей власти над миром (2010). Страны Каспийского региона в целом благополучно пережили искушение демократией и создали такие политические институты, которые в большей степени ориентированы на их национальные традиции.

Глобализация задумывалась как проект увековечивания мирового господства сверхдержавы (США). Это был проект не только по распространению по всему миру американских стандартов, но и недопущению усиления возможных конкурентов. По мнению известного американского политолога-диссидента М. Паренти, Всемирный банк и МВФ лишь на словах помогают странам в их развитии, а на самом деле через займы усиливают финансовую кабалу бедных стран. Попавшие в их кабалу страны бывают не в состоянии

вернуть займы Всемирному банку и «должны занимать снова, на этот раз у МВФ. Но МВФ навязывает «программу структурных преобразований», по которой страна-должник обязана снизить налоги на ТНК, уменьшить зарплаты и не делать никаких усилий по защите местных предприятий от зарубежного импорта или взятия под контроль» (Parenti, 2010). Страны-должники попадают под политическую зависимость стран-доноров. Их обязывают провести приватизацию, выгодную для кредиторов, обязывают сокращать субсидии на социальную сферу, образование, сельское хозяйство, «чтобы больше денег можно было потратить на выплату долга» (2010). Странам Каспийского региона удалось избежать этой глобалистской финансовой ловушки (хотя Россия в 1990-е гг. была на грани подобной катастрофы).

Глобализм самым тесным образом связан с проблемами геополитики. К этому региону приковано внимание всего мира, поскольку интересы мирового сообщества активно вращаются вокруг углеводородных ресурсов и крайне выгодного его осевого евразийского местоположения. «Геополитическое пространство Каспия – это сообщество государств, объединённых географическими, политическими, социально-экономическими, культурными, религиозными и этническими ценностями. Здесь далеко не последнюю роль играют заложенные многовековой историей традиции международных и межличностных отношений» (Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 2018). В битве за Каспий игроков больше, чем кажется. Здесь незримо присутствуют геополитические и экономические интересы тех сторон (ведущих держав и квазигосударств), нахождение которых в этом регионе крайне нежелательно для общей безопасности и стабильности прикаспийской пятерки.

Несмотря на то, что страны Прикаспийского региона имеют различия в формулировании своих национальных интересов, им все-таки удается находить и принимать компромиссные решения, выгодные всем сторонам этого геополитического диалога. Компромиссное сближение позиций носило сложный поэтапный характер и по времени заняло практически четверть века. При этом особенно следует подчеркнуть, что в ходе этой сложной дипломатической работы, политические элиты проявили подлинную добрососедскую толерантность, политкорректность и склонность мирного решения возникающих в их взаимоотношениях проблем. Они полностью исключают принципы конфликта цивилизаций и стоят на позициях обеспечения коллективной безопасности.

В противовес западной концепции конфликта цивилизаций (С. Хантингтона), страны Прикаспия выдвинули и активно продвигают свою доктрину диалога культур. Во время своей инаугурационной речи 1997 г. Президент Ирана (1997 – 2005 гг.) С.М. Хатами заявил:

> «Диалог между цивилизациями – необходимость в современном мире. Любая акция, которая может вызвать международную напряжённость, будет избегаться. Мы будем иметь отношения с каждым государством, которое уважает нашу неза-

висимость. Но мы будем выступать против тех доминирующих держав, которые пытаются навязать нам свою волю» (Цитирование по Бжезинский, 2006, с. 511).

Именно концепт диалога культур стал своего рода альтернативой выдвинутой сторонниками глобализма теории конфликта цивилизаций (Хатами, 2001а, с. 28). Противники такого сближения, как правило, находятся и влияют со стороны. Так, Вашингтон постоянно пытается помешать установлению этого диалога, постоянно подбрасывая в этот регион надуманные проблемы (как, например, соблюдения прав сексуальных меньшинств) и стимулируя реальные угрозы (поддержку международного терроризма и наркотрафика).

Весьма серьезной проблемой является проблема коррупции. Апологеты американской исключительности и мировой гегемонии постоянно упрекают страны Каспийского региона в хронической коррупции и покровительстве теневой экономики. Так, например, неокосы утверждают, что природа российской власти может быть определена как клептократия, потому что воровство стало нормой профессиональных практик высших чиновников (Dawisha, 2014). Однако критически настроенные американские аналитики всё чаще приходят к неутешительным для Вашингтона выводам – американское законодательство и поведение правящего класса США должны открыть американцам глаза на то, что все претензии к России – не более, чем лицемерие. Это не снимает обвинений политических систем Прикаспийских государств в коррупции, но показывает, что и у самих этих критиков не все в порядке с честностью и прозрачностью их власти.

Анализ политических отношений стран Каспийской пятерки показывает, что они пока весьма успешно справляются со своими внутренними трудностями. Есть и коррупция, и проблемы с бюрократией и чиновничьим произволом. Но эти проблемы не замалчиваются, а решаются по мере сил и возможности. Это тернии, через которые приходится проходить политическим элитам Каспийского региона. Об эффективности их деятельности следует судить по проделанной ими работе и её положительным результатам.

В августе 2018 г. политические элиты пяти стран Каспийского региона заключили консенсус, пакт, который систематизирует евразийскую ось и стабилизирует экономическую интеграцию (Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 2018). Президент Казахстана Н.Н. Назарбаев назвал эту Конвенцию *Каспийской Конституцией*. Заключенный на Каспии консенсус – свидетельство сбалансированной геополитики и конструктивного поведения региональных политических элит. То, что элиты смогли договориться, делает их не просто конструктивными (договороспособными), но и креативными, поскольку они создали новую политическую реальность. При этом настойчиво проводится идея о том, что страны этого региона должны сами без посторонней помощи решать свои проблемы. Принцип самодостаточности свидетельствует не только об их суверенитете, но и о конкурентоспособности.

Тем более им надлежит объединить усилия в проблеме обеспечения коллективной безопасности и противостояния глобальным угрозам современности.

Экспертное сообщество прекрасно понимает, что «подписанную Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, следует рассматривать как политический базовый международный договор, выработанный на основе консенсуса и взаимного учета интересов всех сторон, т.к. предстоит выработать многочисленные механизмы и соглашения о сотрудничестве в различных отраслях и сферах деятельности как на многосторонней, так и на двух- и трехсторонней основах. Необходимо урегулировать вопросы сочетания исключительных компетенций и суверенных национальных интересов прикаспийских стран, обеспечить подготовку и решение согласительных межгосударственных процедур и др.» (Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 2018). И здесь возникает один весьма непростой вопрос: как эта Конвенция будет вписываться в мировой глобализационный процесс и как изменится влияние мировых финансово-экономических и геополитических трендов.

Объективно глобализация в той или иной сфере, тем или иным образом затрагивает страны участниц Каспийского консенсуса. Изолироваться от мировых процессов невозможно, да и не нужно. Но необходимо научиться регулировать эти процессы, с целью недопущения проникновения сюда деструктивных сил и возобладания негативных тенденций. Эти страны опоздали к первой волне глобализации, но зато им удалось избежать и тех ошибок, которые совершили лидеры мирового глобализационного проекта. Чаще всего при слове «глобализация» речь идет о крупномасштабных количественных изменениях. Однако, как было еще замечено Л.Дж. Питером, «…неустанное приращение богатства и власти приносят человеку не больше пользы, чем получил бы её динозавр от постоянного увеличения своего туловища или саблезубый тигр от непрерывного роста клыков» (Маркелов, 2020a, сс. 298-299). Необходимы качественные изменения, с которыми у глобализма как раз и выходят все чаще системные затруднения.

В эпоху глобализации в уточнении нуждаются многие понятия, в том числе и такой термин, как «интеграция».

> «Интеграция – это *естественный принцип развития*, который включается в глобализацию лишь как инструмент, способствующий реализации собственных целей глобализации, которая в той же мере использует и дезинтеграционные *инструменты*, например инструмент “глобальной конкуренции”». (Хатами, 2001b, с. 10). Г

осударства Каспийского региона демонстрируют высокую степень конкурентоспособности в плане добычи и транспортировки углеводородов, но традиционно уступают в финансовом секторе и логистике. Усилия политических лидеров Прикаспийских государств как раз и направлены на преодоления этого отставания, минимизации вытекающих из этого негативных последствий.

Еще одним вызовом, с которым необходимо будет справиться, является умение эффективно противостоять глобалистской мифологии. Речь идет о том, что идеологи глобализации по-американски пытаются представить явные недостатки этого процесса (в которых наиболее остро проявляется эгоизм стремления США к монопольному доминированию в мире), как не заслуживающие доверия мифы (Israel, 2015). Речь фактически идет о подмене объективной реальности некой фейковой конструкцией, оправдывающей поведение Вашингтона в глазах мировой общественности. В оценках этого процесса все чаще начинают звучать конспирологические мотивы и все чаще они начинают исходить от спецслужб тех государств, которые являются лидерами этого международного процесса. Цель такого мифотворчества обелить и снять с себя ответственность за неудачные решения в руководстве глобалистского проекта. Именно этим во многом и объясняется существующий ныне в США раскол элит: на сторонников глобализма и приверженцев защиты национальных интересов. И в Вашингтоне прекрасно понимают, что главной угрозой для США является не мировой финансово-экономический кризис, а внутренний раскол элит.

В самих Штатах начинается обрушение здания «американской мечты». Уже ушел в небытие главный тезис глобалистов о том, что каждое новое поколение американцев будет жить лучше предыдущего. Теряется вера в такие фундаментальные принципы и институты американской демократии, как свобода слова, открытость судебных состязаний, концепт либерализма перестает быть «священной коровой», а идея «невидимой руки рынка» уже покрылась музейной пылью. На фоне этого западные элиты утрачивают свою идентичность, перестают адекватно воспринимать и понимать значение текущего момента.

По оценкам экспертов, усиление глобальных процессов по-новому расставляет акценты в прежние проблемные блоки. Порождаются новые виды конкуренции и корректируются старые правила и принципы (Чумаков, 2019, с. 42). В этих условиях элитам следует уделять более пристальное внимание тем требованиям, которые к ним самим предъявляются, в связи с развитием и распространением т.н. высоких технологий, в том числе и цифровизации (Карабущенко & Понеделков, 2021). Все это и многое другое указывает на то, что элиты ожидает серьезная системная перестройка, на которую они будут вынуждены пойти , если намерены и дальше выступать в роли руководящего политического центра. Именно эта способность станет важнейшим показателем того, насколько элиты обладают способностью к трансформации при сохранении базовых ценностей своей политической культуры.

Консервативно настроенная критика все чаще сравнивает глобализм с Вавилонской башней и пророчит неминуемое крушение этой системы. О Вавилоне как городе великого блуда говорилось еще в Откровении Иоанна Богослова [Откр. 14:8; 18:2-3] Глобалистские элиты действительно слишком

часто злоупотребляют своим превосходством, объявляя свой проект единственно конструктивным вектором развития человечества. Каспийские страны — это преимущественно страны с традиционной системой ценностей и консервативными политическими культурами. Демократические институты здесь развиваются под сильным влиянием авторитарных традиций. Поэтому для этих стран является неприемлемым механический перенос политического опыта западных демократий на их традиционное поле (Максимова, 2020).

Заключение

В заключении еще раз коснемся темы перспектив, которые открываются перед Прикаспийскими странами с учетом их интеграционных возможностей. Из приведенного материала можно сделать вывод о том, что у стран участниц Каспийского консенсуса есть уникальный исторический шанс построить принципиально новую модель глобалистских отношений, с учетом тех ошибок, которые этот проект уже сделал до этого. Использование опыта других региональных организаций возможно в случае успешного предотвращения вмешательства в эти процессы посторонних стран. Иными словами, реализация указанного проекта возможна в случае сохранения и усиления суверенитета Прикаспийских государств и планомерном отстаивании их совместных интересов.

В качестве следующего этапа развития интеграции можно указать на необходимость развития Прикаспийскими государствами своей независимой от международных структур финансовой системы, формирования транспортных коридоров, создание единого образовательного пространства, усиления концепции диалога культур и коллективной безопасности. Выработка общих механизмов противодействия внешним и внутренним угрозам обусловлена общностью культурных кодов и спецификой политической традиции стран данного региона. И в основе этих традиций лежит традиция многовековых добрососедских отношений и потребность в углублении политико-экономической интеграции и расширение культурных связей. Проблема роли мировых элит является одной из ключевых тем политической и экономической наук.

Авторский вклад

Статья написана коллективом авторов, все авторы принимали равное участие в теоретическом анализе проблемы и проведении исследования.

К.А. Маркелов провел анализ современной литературы по теме исследования, обобщил основные данные и представил некоторые выводы по теме. П.Л. Карабущенко обобщил представленные данные, включил актуальную и оригинальную информацию и написал оригинальную рукопись. Р.Х. Усманов

отвечал за сбор, анализ и интерпретацию результатов работы. С.А. Великая провела анализ и внесла вклад в редактирование статьи.

Список литературы

Dawisha, K. (2014). *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* Simon & Schuster.

Israel, J. (2015). Is the U.S. less corrupt than Russia? *The Baltimore Sun*.

Parenti, M. (1995). *Against Empire*. City Lights.

Parenti, M. (1996). *Dirty Truths*. City Lights Books.

Parenti, M. (2010). *Democracy for the Few* (9th ed). Thomson-Wadsworth.

Бжезинский, З. (2006). *Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство*. Международные отношения.

Гаджиев, К. С. (2007). *Геополитические горизонты России: Контуры нового мирового порядка*. Экономика.

Гуревич, П. С., & Филатов, О. К. (2011). *Философия образования, книга вторая: Философия воспитания,*. Старик Ватулинг.

Карабущенко, П. Л. (2020). Геополитическая космология: «Слоны Евразии». *Современная наука и инновации*, 2 (30), 171–179. https://doi.org/10.33236/2307-910X-2020-2-30-127-131

Карабущенко, П. Л. (2021). Осевой регион геополитической истории Евразии. *Caspium Securitatis: Журнал каспийской безопасности*, 1(1), 35–54.

Карабущенко, П. Л., & Понеделков, А. В. (2021). Геополитическое измерение современной Евразии. В *«Геополитические, социокультурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола* (сс. 290–301). Издательство Южно-Российского института управления.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. (2018). Президент России. http://www.kremlin.ru/supplement/5328

Максимова, Е. Н. (2020). Политические элиты как ведущий фактор цветных революций на постсоветском пространстве. *Вопросы элитологии*, 1(2), 116–129. https://doi.org/10.46539/elit.v1i2.20

Маркелов, К. А. (2020a). *Большой Каспийский регион в геополитическом измерении*. Издательский дом «Экон-Информ».

Маркелов, К. А. (2020b). Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств. *Вопросы элитологии*, 1(1), 147–170. https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.9

Маркелов, К. А., Головин, В. Г., & Усманов, Р. Х. (2018). Изменение правового статуса Каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3 (56), 58–73.

Питер, Л. Дж. (1990). *Принцип Питера, или почему все идет не так*. Прогресс.

Хатами, М. (2001a). *Ислам, диалог и гражданское общество*. РОССПЭН.

Хатами, М. (2001b). *Страх перед бурей*. МГУ.

Чернов, С. В. (2016). Человек и образование в эпоху глобальных перемен. *Труды Института непрерывного профессионального образования*, 6, 9–20.

Чумаков, А. Н. (2019). *Глобальный мир: Столкновение интересов*. Проспект.

Чумаков, А. Н. (2021). Глобальный мир с литературной точки зрения (по работе М.И. Веллера). *Век глобализации*, 1(37), 32–44.

References

Brzezinski, Z. (2006). *The Choice: World Domination or Global Leadership*. International Relations (In Russian).

Chernov, S. V. (2016). Man and Education in the Era of Global Change. *Proceedings of the Institute for Continuing Professional Education*, 6, 9–20 (In Russian).

Chumakov, A. N. (2019). *The Global World: The Clash of Civilizations*. Prospect (In Russian).

Chumakov, A. N. (2021). The Global World from a Literary Perspective (on the Work of M. I. Weller. *Century of Globalization*, 1(37), 32–44 (In Russian).

Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. (2018). http://www.kremlin.ru/supplement/5328 (In Russian).

Dawisha, K. (2014). *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* Simon & Schuster.

Gadzhiev, K. S. (2007). *Russia's Geopolitical Horizons: Contours of the New World Order*. Economics (In Russian).

Gurevich, P. S., & Filatov, O. K. (2011). *Philosophy of Education, Book Two: Philosophy of Education*. Old Man Vatuling (In Russian).

Israel, J. (2015). Is the U.S. less corrupt than Russia? *The Baltimore Sun*.

Karabushchenko, P. L. (2020). Geopolitical Cosmology: "Elephants of Eurasia". *Modern Science and Innovation*, 2(30), 171–179. https://doi.org/10.33236/2307-910X-2020-2-30-127-131 (In Russian).

Karabushchenko, P. L. (2021). The Axial Region of Eurasia's Geopolitical History. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security*, 1(1), 35–54 (In Russian).

Karabushchenko, P. L., & Ponedelkov, A. V. (2021). Geopolitical Dimension of Modern Eurasia. "*Geopolitical, Socio-Cultural, and Elitological Aspects of the Formation, Degradation, and Revival of Imperial Intentions*": *Proceedings of the Roundtable*, 290–301 (In Russian).

Khatami, M. (2001a). *Fear of the Storm*. MSU (In Russian).

Khatami, M. (2001b). *Islam, Dialogue and Civil Society*. ROSSPEN (In Russian).

Markelov, K. A. (2020a). Modern Geostrategic Concepts of the Political Elites of the Caspian States. *Issues in Elitology*, 1(1), 147–170. https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.9 (In Russian).

Markelov, K. A. (2020b). *The Greater Caspian Region in the Geopolitical Dimension*. Econ-Inform Publishing House (In Russian).

Markelov, K. A., Golovin, V. G., & Usmanov, R. K. (2018). Changing the legal status of the Caspian Sea in the context of geopolitical and economic integration of the region. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3(56), 58–73 (In Russian).

Maximova, E. N. (2020). Political Elites as a Leading Factor of Color Revolutions in the Post-Soviet Space. *Issues in Elitology*, 1(2), 116–129. https://doi.org/10.46539/elit.v1i2.20 (In Russian).

Parenti, M. (1995). *Against Empire*. City Lights.

Parenti, M. (1996). *Dirty Truths*. City Lights Books.

Parenti, M. (2010). *Democracy for the Few* (9th ed). Thomson-Wadsworth.

Peter, L. J. (1990). *The Peter Principle, or Why Things Go Wrong*. Progress (In Russian).

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.426

Cooperation between Russia and Kazakhstan in Ensuring Integrated Security in the Caspian Macro Region

Yuliya A. Davydova[1] (a), Ekaterina V. Kargapolova[2] (a), Marina A. Simonenko[3] (a) & Andrey A. Lezhebokov (b)

(a) Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia

(b) North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia. Email: leghebokov[at]yandex.ru

Abstract

The article identifies the main areas of cooperation between Russia and Kazakhstan in the Caspian Sea region. As the most promising, we see cooperation in fuel and energy industry, military cooperation and humanitarian cooperation in science and higher education. Yet, Russia now has to compete with Turkey and China for the influence in the region, as Kazakhstan tends to promote multi-vector foreign policy. Moreover, the US and the EU share a strong determination to keep Kazakhstan's fuel and energy industry under their total control, and this is the reason why they maintain sanctions policy in this territory. We conclude that Russia-Kazakhstan relations have a potential for constructive cooperation.

Keywords

Cooperation between Russia and Kazakhstan in the Caspian Region; Atomic Engineering; Fuel and Energy Industry; Humanitarian Cooperation; Integrated Security

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: ylkadav[at]mail.ru
2 Email: k474671[at]list.ru
3 Email: masimonenko[at]yandex.ru

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.426

Сотрудничество России и Казахстана в системе комплексной безопасности Каспийского макрорегиона

Давыдова Юлия Александровна[1] (a), Каргаполова Екатерина Владимировна[2] (a), Симоненко Марина Александровна[3] (a), Лежебоков Андрей Александрович (b)

(a) Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. Москва, Россия

(b) Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.
Email: leghebokov[at]yandex.ru

Аннотация

В статье определены основные направления сотрудничества России и Казахстана в Каспийском регионе. В качестве наиболее перспективных рассматриваются кооперация в топливно-энергетической отрасли, военное взаимодействие и гуманитарное сотрудничество в области науки и высшего образования. Однако сейчас России приходится конкурировать с Турцией и Китаем за влияние в регионе, поскольку Казахстан склонен к многовекторной внешней политике. Более того, США и ЕС разделяют твердую решимость держать топливно-энергетическую промышленность Казахстана под своим полным контролем, и именно по этой причине они поддерживают санкционную политику на этой территории. Мы делаем вывод, что российско-казахстанские отношения имеют потенциал для конструктивного сотрудничества.

Ключевые слова

сотрудничество России и Казахстана в Каспийском регионе; атомная энергетика; топливно-энергетическая промышленность; гуманитарное сотрудничество; комплексная безопасность

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: ylkadav[at]mail.ru
2 Email: k474671[at]list.ru
3 Email: masimonenko[at]yandex.ru

Introduction

Leading world countries pay particular attention to the Caspian region, since it is not only an important economic region, but also a source of strategic resources, including oil, sulfates, natural gas, sand, lime, etc. Main traffic arteries cross the region connecting Europe and South Caucasus with Central Asia. Moreover, the Caspian Sea is a unique biosystem and a source of valuable commercial fish. Therefore, cooperation between Russia and Kazakhstan in the Caspian Sea is an important part of the foreign policy in both countries.

Over the past thirty years, Russia and Kazakhstan have maintained constructive and mutually beneficial relations. The support of Russia's close allies Kazakhstan and Belarus is particularly important in view of the growing aggravation in the current geopolitical situation, when sanctions, information wars and increasing pressure of Western countries act against Russia. Kazakhstan would also strongly appreciate friendly relations with Russia which still remains the guarantor of its security, taking into account China's increasing political and economic expansion.

Both Russian and Kazakh scientific discourse highlights various aspects of cooperation between Russia and Kazakhstan. Scientists in both countries emphasize that collaborative Russian-Kazakh relations facilitate stability in the Caspian region (Dzhantaleyeva, 2013, Mirzazadeh, 2018, Tsvetkov & Dudin, 2019).

T.K. Trokal (Trokal, 2019), V.A. Tsvetkov and M.N. Dudin (Tsvetkov & Dudin, 2019) study the history of cooperation between Russia and Kazakhstan in the foreign policy. A.I. Litvinov (Litvinov, 2019), A.M. Myrzakhmetova, D.U. Alshimbaeva, K.A. Turkeeva, A.T. Erimpashaeva (Myrzakhmetova et al., 2020) analyze various aspects of trade and economic cooperation between the two countries. E.A. Degtereva, A.M. Chernyshova (Degtereva & Chernysheva, 2019), M.S. Karpenko (Karpenko, 2019) investigate into challenges and threats of cooperation in security matters.

N.A. Efremova-Shershukova, A.K. Kollegov, V.E. Mineev-Li (Efremova-Shershukova et al., 2020), P. Iun (Yun Peizhi, 2020) bring up the issues of humanitarian cooperation between Russia and Kazakhstan. L.F. Mirzazadeh (Mirzazadeh, 2018) and M. Malmir (Malmir Mohammadreza, 2019) highlight the prospects for cooperation between the two countries. We should note that the scientific data on the current state of Russia-Kazakhstan cooperation in the Caspian Sea are rather scarce; therefore, when working at this article we mainly used Internet sources and statistical data.

Methodology

The study aims to analyze the current state of cooperation between Russia and Kazakhstan in the Caspian region and identify strategic areas for further cooperation. In our research we used such general scientific methods as analysis, synthesis

and comparison. Works of modern Russian and Kazakhstani scientists, who study issues related to the bilateral cooperation, served as the basis for our theoretical part. The empirical part provides analysis of statistical data and evaluation of social and political writing on current affairs.

The main areas of cooperation between Russia and Kazakhstan

Cooperation between the two countries dates back to the period following the disintegration of the Soviet Union. When deciding on the legal status of the Caspian Sea, the two countries shared similar positions. In April 1996, during Boris Yeltsin's visit to Kazakhstan, Russia and Kazakhstan signed a Joint Statement on Cooperation in the Caspian Sea. The Russian government became the founder of the Caspian Pipeline Consortium. Since the mid-90s, Russian companies have been actively investing in the economy of Kazakhstan. They acted under the Agreements on deepening economic cooperation and integration, including those in the Caspian region. By 1998, Kazakhstan had received about 200 million US dollars of Russian capital in the form of investments (Trokal, 2019), which were then used to develop the oil refining sector and machine manufacturing. The governments regularly discussed the areas of cooperation in the Caspian Sea at the Eurasian Economic Union (EAEU) summits.

However, in recent years, Kazakhstan has been gradually shifting away from close cooperation with the EAEU and Russia, which is associated with anti-Russian sanctions after the incorporation of the Crimea. Moreover, Kazakhstan has changed its strategy as a member of the EAEU. In the early years of the EAEU, the political leaders of Kazakhstan tended to take the Union as the first step in further integration of the CIS countries, while these days they see the EAEU only as a mechanism of economic cooperation. The concept of foreign and domestic policy coordination has never been put into life because the countries were not ready to compromise even on part of their sovereignty. Another significant factor was active counteraction of Western countries, trading partners, primarily the EU and the United States. China also offers Kazakhstan its own economic integration projects and they look rather attractive from an economic perspective due to huge investments that China is ready to offer. Kazakhstan recognizes such risk factors for the Eurasian integration as insufficient financing and poor coordination of macroeconomic policy. Kazakhstan needs new technologies and production modernization and thus it seeks to establish close cooperation with China.

The Government of the Republic of Kazakhstan offered Foreign Policy Concept 2014-2020 which borrowed much from the development strategy "Kazakhstan – 2050". The strategy aimed to rank Kazakhstan among the top 30 most developed countries of the world. The Concept confirmed the multi-vector nature of Kazakhstan's foreign policy and promoted the idea of cooperation with various countries. The Concept highlighted the geopolitical potential of Central Asia and

the Caspian region. It declared that Kazakhstan stands for economic stability and it is ready to use instruments for maintaining collective security and make efforts to deepen integration processes within the EAEU (Turgambayev, 2019).

Kazakhstan applied the principle of multi-vector foreign policy to their economy. For example, Kazakhstan participated in two projects simultaneously: it constructed the Caspian oil pipeline going across Russia to the West and the Kazakh-Chinese pipeline going to the East. Kazakhstan also participated in the construction of the Southern oil pipeline on the Turkish Mediterranean coast under the US guidance. In 2022, Kazakhstan plans to increase its export of energy resources through the Caspian Sea to Azerbaijan via the pipeline going to the Turkish port of Ceyhan. This is a strategic artery of the Caspian and Central Asian oil, supplying oil to the EU and competing with the Russian South Stream Pipeline.

On March 6, 2020, the new President of Kazakhstan K.-Zh. Tokayev introduced the Roadmap for Kazakhstan's foreign policy development for 2020-2030. It declares continuity of the state policy regarding principles of multi-vector and balanced foreign policy, which suggests positive dynamics in relations between Kazakhstan and the leading foreign partners including Russia. It was the first time that the country's leader declared the ambition to assert Kazakhstan's leadership across the region as one of the foreign policy goals, which stands in stark contrast to the previous concept of intraregional integration in Central Asia. The country intends to maintain maximum neutrality and stay-away from conflicts of the world powers. The Foreign Policy Roadmap introduced a new principle of multilateralism meaning formation of a collective vision and development of effective tools to assist the international community in tackling a wide range of global and regional issues. The Roadmap also confirmed ambitions for close cooperation within the EAEU and plans for expanding cooperation in the Caspian Sea. Particularly, K.-Zh. Tokayev emphasized that "he sees special prospects for cooperation in the joint development of the cross-border oil fields" in the Caspian Sea (Forum of Interregional Cooperation between Russia and Kazakhstan, 2019).

The nearest economic goal of Kazakhstan is to further develop transit and logistics. This involves introduction of the "open sky" regime, further expansion of national exports and promotion of international projects, such as Astana international financial center, Khargos International Center for Cross-border cooperation and the Central Asia Center for Trade and Economic Cooperation. Currently, there are about 400 different agreements between Kazakhstan and Russia (Trade between Russia and Kazakhstan in 2019, 2020). Kazakhstan and Russia have steady partnership relations in energy engineering, space research and commerce. The countries shared participation in such joint research projects as KazSat satellites development and integrated use of GLONASS.

Kazakhstan sees cooperation with Russia in the Caspian region as extremely beneficial, since a significant part of the oil from Tengiz and Kashagan deposits

comes into foreign markets across Russia. Russian companies also take an interest in Kazakhstan oil and actively participate in fuel and energy joint projects. In particular, Kazakhstan develops Tsentralnoye field in cooperation with the Russian oil company LUKOIL. Lukoil also signed a joint contract with JSC NC "KazMunayGas" and Kazakhstan Ministry of Energy for exploration and production of hydrocarbons in Zhenis, near Aktau (Myrzakhmetova et al., 2020). Russia's competitors in this area are Azerbaijan and Iran; the latter has escaped economic isolation and is rapidly increasing its economic potential. In addition, Iran can provide a short and cost-effective route for Kazakhstan goods through the Persian Gulf to the World Ocean. This transit corridor will give Kazakhstan access to the markets of the Arab states, Iraq, India and Pakistan. The two countries have already envisaged a number of joint logistics projects in the ports of the Caspian Sea. Therefore, Russia has to think of financing major projects, including those in logistics.

Another strategic area in Russia-Kazakhstan cooperation is atomic engineering. The Caspian regions of Kazakhstan, particularly, Aktau, are seen as a construction site for a nuclear power plant. Until 1999, this region hosted a Russian reactor used for water desalination.

As the army of Kazakhstan is the most powerful in the Central Asian region, the country is an important strategic military partner. Russian weapons and air defense systems are the best in the world, and both countries will definitely benefit from military trade. Maintaining security of Kazakhstan borders is currently important in the situation when Taliban took over Afghanistan.

In mid-August 2020, Russian Minister of Defense Sergei Shoigu visited Kazakhstan and the two states signed an agreement on cooperation. During the visit the parties discussed a number of issues, particularly, activation of test sites of the Russian Ministry of Defense, transit of Russian military cargo across Kazakhstan to Syria, export of military products and international peacekeeping efforts. In the 2020-2021 academic year, Russia allocated the maximum number of quotas for training Kazakhstani military personnel (Efremova-Shershukova et al., 2020). The Defense Ministers also discussed operational and combat training and the development of a unified regional air defense system. Russia provided 2 ships to guard Kazakhstan border waters on the Caspian Sea, the crews were trained in Russian naval schools.

Kazakhstan implements policies for encouraging closer relations with Turkey and Azerbaijan and prioritizing national interests over interests of the EAEU.

Turkey and Kazakhstan signed an agreement on military cooperation in 2018. The agreement coordinates joint training programs for military cadres, joint military field maneuvers and transit of military machinery. In August 2020, Turkish Minister of Defense Hulusi Akar arrived in Kazakhstan immediately after his Russian colleague had left. Turkey and Kazakhstan discussed prospects for cooperation agreements within Turkish project "Turan army" (a new military and political bloc of Turkestani states under the leadership of Turkey). However, we must note that

Kazakhstan experts and politicians are very skeptical about ambitions of Turkey for building a unified army of the Turkic states (Trokal, 2019).

Kazakhstan also maintains close cooperation with Azerbaijan, another Turkic Caspian country. Nur-Sultan helped to train Turkish military for the war in Nagorny Karabakh. For this purpose Kazakhstan offered its training facilities and allocated quotas at the National University of Defense ("Russian Spring": Kazakhstan Was Training Turkish Officers for the War in Nagorno-Karabakh, 2020).

Russia and Kazakhstan appreciate cooperation within the Collective Security Treaty Organization (CSTO), which ensures territorial integrity and sovereignty of its members. Using this significant integration mechanism the countries take cooperative efforts to stand against international terrorism, illegal drug trade, illegal migration and hack attacks. We again emphasize a particular role of the Caspian macro region for maintaining security in both countries, especially in view of the American army withdrawal from Afghanistan bordering on Iran and Turkmenistan that have an access to the Caspian Sea.

Another promising area for cooperation is humanitarian sphere. According to N. Nazarbayev, in the XXI century Kazakhstan-Russia dialogue must presumably focus on integration within the "triangle of knowledge", i.e. education, research and innovations (Nurtazin, 2018). For this purpose Russia and Kazakhstan developed a cooperation program in science and new technologies (Nurtazin, 2018). Over 73 thousand students from Kazakhstan are currently studying at Russian universities (Borodavkin, 2019), including universities in the Caspian region, particularly, Astrakhan region. By setting up branch campuses in Kazakhstan, Russian top universities grant Kazakhstani students a chance to obtain their degrees in Russian universities (Moscow State University, Moscow Aviation Institute, Plekhanov Russian University of Economics). Since 2018, Kazakhstan has implemented about 240 scientific projects. Scientists from 50 Russian universities and research institutes actively participated in the joint researches (Borodavkin, 2019).

Prospects for further cooperation between Russia and Kazakhstan

Assessing the prospects for further cooperation between Russia and Kazakhstan, we should note that Kazakhstan still finds it important to maintain close cooperation with Russia within the existing integration projects. It expects to receive Russian investments and gain access for its producers to the Russian market (Zhiltsov, 2016, p. 12). Since 1993, Russia has invested no less than $40 billion into various projects in Kazakhstan (Trade between Russia and Kazakhstan in 2019, 2020). Among the largest market players in Kazakhstan are the Russian companies: AvtoVAZ, Gazprom, Lukoil, Beeline, Sber[bank]. Russia is still the largest business partner of Kazakhstan. 76 out of 85 subjects of the Russian Federation have trade relations with Kazakhstan (Trade between Russia and Kazakhstan in 2019, 2020).

Currently, the Russian Federation is the main consumer of goods from Kazakhstan (Fig. 1).

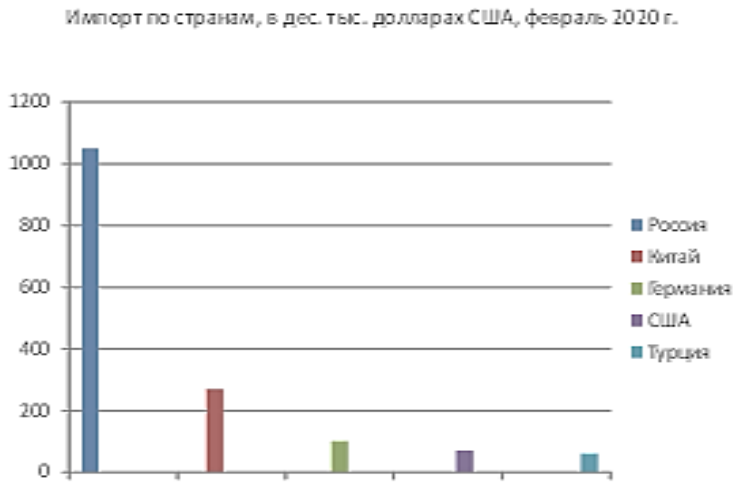

Figure 1. Kazakhstan's imports (Serikpayev, 2019)

However, we have to note that transition of Kazakh language from the Cyrillic to Latin alphabet sets additional barriers for mutually beneficial relations between the countries. According to some linguists, the Latin alphabet is not historically relevant for the Turkic people, which makes its adaptation to Kazakh language rather difficult. In addition, the new alphabet does not find support with the Kazakhstanis, who have already adapted to the Cyrillic alphabet (Trukhachev, 2011). Such reforms reveal the fact that the Westernised elites are determined to stop using "the alphabet enforced by the Russians" and then to move out of Russia's geopolitical influence with maximum benefits gained from the West. However, we have to admit that the Russian Federation, as compared to China, cannot currently ensure partnership in major joint infrastructure projects, which reduces prospects for cooperation in the short term.

Ankara, London and Washington encourage Kazakhstan's intention to drift away from the EAEU and the CSTO and endorse its apparent interest in the "alternative" strategy of Turkey and its Western allies. A negative effect on Russia-Kazakhstan cooperation can have a steady trend for developing Turkic cooperation, which often ends up with growing Russophobia, manifesting itself through rewriting history, driving Russian cadres out of the country and renaming cities and streets constructed by Russian architects and engineers (Trukhachev, 2011).

Another threat to further mutually beneficial cooperation between Russia and Kazakhstan is the Chinese "One Belt, One Road Initiative" that went public in 2013. In fact, the Initiative means further Chinese economic expansion, and it considers the Caspian territories of Russia and Kazakhstan as strategic regions. The Initiative

sets an objective to build a transport corridor from St. Petersburg to Aktau and then across Iran to the Persian Gulf, with total length of 6191 km. As part of the Initiative, investors have already committed $ 20 billion to Kazakhstan; the funding enables the government of Kazakhstan to transfer production sites and build new industrial facilities (Serikpayev, 2019). The goal of the Initiative is to provide markets for Chinese products and expand supply to other countries.

Evidently, the Initiative interferes with the interests of the Eurasian Economic Union. Kazakhstan is now actively involved in the project drifting away from the EAEU, anticipating a number of profits, i.e. loans, investments and major infrastructure projects. However, Kazakhstan should remember that, as a rule, the dynamics of bilateral trade with China develops according to the single scenario when a business partner supplies raw materials and energy resources to China, buys Chinese end products, primarily machinery and technologies, and, as a result, encounters stagnation and production decline. In fact, this is neocolonialism as the Chinese see it. This can cost you too much; you can even lose your economic independence and take the role of "an obedient younger brother of China" on the foreign policy arena.

Conclusion

Summing up, Kazakhstan and Russia have encountered a lot of challenges in their bilateral relations. On the one hand, the countries willingly searched for constructive solutions to such issues as delimitation of borders, joint exploitation of the space center Baikonur, cooperation on the Caspian Sea. On the other hand, some issues caused controversy, i.e. social feeling of the Russian community, migration and re-emigration, cooperation with Western countries as viewed from two different perspectives. By 2021, Russia and Kazakhstan have built up warm and cooperative relationship; they actively cooperate in economic, military, cultural and educational areas and have no claims against each other. Their cooperation in the Caspian macro region will be mutually beneficial for the countries' economies and for integrated security.

Authors' contributions

Yekaterina V. Kargapolova, supervised the research work, collected and analyzed the data, interpreted the findings, contributed to the final version of the manuscript.

Yulia A. Davydova, performed critical analysis of the theory, wrote the primary version of the manuscript, analyzed the collected data.

Marina A. Simonenko, performed critical analysis of the findings, contributed to the final version of the manuscript, analyzed the theory, checked the validity of the findings.

Andrey A. Lezhebokov, contributed to the primary version of the manuscript, developed formalized approach to the data analysis, contributed to the analysis of the theory.

References

"*Russian Spring*": *Kazakhstan was training Turkish officers for the war in Nagorno-Karabakh – Argumenty Nedeli*. (2020). Argumenty Nedeli. https://argumenti.ru/world/2020/11/696655 (In Russian)

Borodavkin, A. N. (2019, December 6). Russia and Kazakhstan - Allies and Integration Partners. *Russian Eurasia*. https://rusevr.asia/rossiya-i-kazaxstan-soyuzniki-i-integracionnye-partnery/ (In Russian)

Degtereva, E. A., & Chernysheva, A. M. (2019). Security Cooperation between Russia and Kazakhstan: Challenges and Threats. *Russia in the 21st Century: Global Challenges and Development Prospects. Proceedings of the 8th International Forum*, 28–35. (In Russian)

Dudin, V. A., & Tsvetkov, M. N. (2019). Foreign Economic Cooperation of Russia and Kazakhstan: from history to the present. *Market economy problems*, 1, 80–92. https://doi.org/10.33051/2500-2325-2019-1-80-92 (In Russian)

Dzhantaleeva, M. Sh. (2013). Russian and Kazakhstan relations as one of the factorto stabilities in the Caspian Region. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 333–339. (In Russian)

Efremova-Shershukova, N. A., Kollegov, A. K., & Mineev-Lee, V. E. (2020). International Cooperation between Russia and Kazakhstan in Higher Education as a Factor in the Innovative Development of Society. *Professional education in Russia and abroad*, 1, 139–142. (In Russian)

Forum of Interregional Cooperation between Russia and Kazakhstan. (2019, November 7). The President of Russia. http://kremlin.ru/events/president/news/61997 (In Russian)

Karpenko, M. S. (2019). Cross-border dimension of Eurasian integration of Russia and Kazakhstan: challenges for cooperation. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 1, 24–36. https://doi.org/10.31857/S2587-55662019124-36

Litvinov, A. I. (2019). Trade and economic cooperation between Russia and Kazakhstan. *Russian Foreign Economic Journal*, 11, 101–111. (In Russian)

Malmir, M. (2019). Security in the Caspian Rgion - a stronghold of international legal cooperation. *Eurasian Law Journal*, 4, 23–25. (In Russian)

Mirzazadeh, L. F. (2018). Caspian dilemma and perspective of cooperation countries of the Caspian Region. *Sciences of Europe*, 27–1, 40–45. (In Russian)

Myrzakhmetova, A. M., Alshimbaeva, D. U., Turkeeva, K. A., & Yerimpasheva, A. T. (2020). Trade and economic cooperation between Kazakhstan and Russia: features and development priorities. *Economics: the strategy and practice*, 15(3), 127–139. https://doi.org/10.51176/JESP/issue_3_T9 (In Russian)

Nikonorov, A. (2019, October 16). *Kazakhstan's main trade partners: 10 countries with the highest trade turnover*. inbusiness.kz. https://inbusiness.kz/ru/news/glavnye-torgovye-partnery-kazahstana-10-stran-s-naibolshim-tovarooborotom (In Russian)

Nurtazin, M. M. (2018). The role of the Republic of Kazakhstan in geopolitical transformation in the framework of the "Eurasian project". *Post-Soviet Issues*, 5(2), 191–202. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-191-202 (In Russian)

Serikpayev, D. (2019, September 12). *What does China mean for Kazakhstan? Figures and facts*. Forbes-KZ. https://forbes.kz/process/expertise/chto_znachit_kitay_dlya_kazahstana/ (In Russian)

Trade between Russia and Kazakhstan in 2019. (2020, February 13). Russian foreign trade. https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2019-g/ (In Russian)

Trokal, T. V. (2019). Main aspects of modern political and economic cooperation between Russia and Kazakhstan. *Post-Soviet Issues*, 2(3), 1078–1084. (In Russian)

Trukhachev, V. (2011, January 28). *Kazakhstan accelerates derusification*. Pravda.ru. https://www.pravda.ru/world/1065025-kazakhstan/ (In Russian)

Turgambayev, A. (2019). The main stages of development of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan. *International life*, 7, 56–65. (In Russian)

Yun, P. (2020). Cooperation of Russia and Kazakhstan in the field of higher education in the context of a unified (general) educational space. *Education and the law*, 4, 286–290. https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10441 (In Russian).

Zhiltsov, S. (2016). Eurasian Integration: Problems and Development Scenarios. *Central Asia and the Caucasus*, 17(4), 7–20.

Список литературы

Zhiltsov, S. (2016). Eurasian Integration: Problems and Development Scenarios. *Central Asia and the Caucasus*, 17(4), 7–20.

Бородавкин, А. Н. (2019, декабрь 6). Россия и Казахстан – союзники и интеграционные партнеры. *Русская Евразия*. https://rusevr.asia/rossiya-i-kazaxstan-soyuzniki-i-integracionnye-partnery/

Дегтерева, Е. А., & Чернышева, А. М. (2019). Сотрудничество России и Казахстана в области безопасности: Вызовы и угрозы. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Материалы восьмого международного форума*, 28–35.

Джанталеева, М. Ш. (2013). Российско-казахстанские отношения как один из факторов стабильности в Прикаспийском регионе. *Каспийский Регион: политика, экономика, культура*, 4, 333–339.

Дудин, В. А., & Цветков, М. Н. (2019). Внешнеэкономическое сотрудничество России и Казахстана: От истории к современности. *Market economy problems*, 1, 80–92. https://doi.org/10.33051/2500-2325-2019-1-80-92

Ефремова-Шершукова, Н. А., Коллегов, А. К., & Минеев-Ли, В. Е. (2020). Международное сотрудничество России и Казахстана в сфере высшего образования как фактор инновационного развития общества. *Профессиональное образование в России и за рубежом*, 1, 139-142.

Карпенко, М. С. (2019). Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: Вызовы для сотрудничества. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 1, 24–36. https://doi.org/10.31857/S2587-55662019124-36

Литвинов, А. И. (2019). Торгово-экономическое сотрудничество России и Казахстана. *Российский внешнеэкономический вестник*, 11, 101–111.

Малмир, М. (2019). Безопасность в Каспийском регионе—Оплот международно-правового сотрудничества. *Евразийский юридический журнал*, 4, 23–25.

Мирзазаде, Л. Ф. (2018). Каспийская дилемма и перспектива сотрудничества стран Прикаспийского региона. *Sciences of Europe*, 27–1, 40–45.

Мырзахметова, А. М., Алшимбаева, Д. У., Туркеева, К. А., & Еримпашева, А. Т. (2020). Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России: Особенности и приоритеты развития. *Экономика: стратегия и практика*, 15(3), 127–139. https://doi.org/10.51176/JESP/issue_3_T9

Никоноров, А. (2019, октябрь 16). *Главные торговые партнеры Казахстана: 10 стран с наибольшим товарооборотом*. inbusiness.kz. https://inbusiness.kz/ru/news/glavnye-torgovye-partnery-kazahstana-10-stran-s-naibolshim-tovarooborotom

Нуртазин, М. М. (2018). Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта». *Проблемы постсоветского пространства*, 5(2), 191–202. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-191-202

«Русская весна»: Казахстан готовил турецких офицеров для войны в Нагорном Карабахе - Аргументы Недели. (2020). Аргументы Недели. https://argumenti.ru/world/2020/11/696655

Серикпаев, Д. (2019, сентябрь 12). *Что значит Китай для Казахстана? Цифры и факты*. Forbes-KZ. https://forbes.kz/process/expertise/chto_znachit_kitay_dlya_kazahstana/

Торговля между Россией и Казахстаном в 2019 г. (2020, февраль 13). Внешняя торговля России. https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2019-g/

Трокаль, Т. В. (2019). Основные аспекты современного политико-экономического сотрудничества между Россией и Казахстаном. *Постсоветские исследования*, 2(3), 1078–1084.

Трухачев, В. (2011, январь 28). *Казахстан ускоряет дерусификацию*. Правда.Ру. https://www.pravda.ru/world/1065025-kazakhstan/

Тургамбаев, А. (2019). Основные этапы развития внешней политики Республики Казахстан. *Международная жизнь*, 7, 56–65.

Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. (2019, ноябрь 7). Президент России. http://kremlin.ru/events/president/news/61997

Юнь, П. (2020). Сотрудничество России и Казахстана в области высшего образования в контексте единого (общего) образовательного пространства. *Образование и право*, 4, 286–290. https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10441

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.306

Migration in the Russian-Kazakhstan Border Region (on the Example of the South Urals)

Andrey A. Avdashkin

South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.
Email: adrianmaricka[at]mail.ru

Abstract

After the collapse of the USSR, the contours of the new state borders crossed the areas of settlement of ethnic groups, making the issue of the nature of the frontier actual. In the Russian-Kazakh sector, this was clearly manifested in the discrepancy between the areas of settlement of the Russian-speaking population and the very line of the state border. The challenges generated by the Kazakhization policy and the difficulties of post-socialist transit stimulated the outflow of the population from the northern regions of Kazakhstan to Russia. The purpose of the article is to reconstruct the migration of the Russian-speaking population in the Russian-Kazakh border area using the example of the South Urals. The source database was made up of archival documents, information from the regional statistics committee on migration, and materials from interviews with Russian-speaking migrants from Kazakhstan. The basis of Central Asian migration to the region was the Russian-speaking population of the border regions of Kazakhstan (Russians, Tatars, Ukrainians, Germans). Two waves of migration stand out clearly: "forced" in the 1990s., and more "pragmatic" in 2000-2019 allowed to significantly compensate for the demographic losses, contributed to the influx of a young and economically active population into the region. The main areas of their exodus were Kostanay and Rudny (Kostanay region). The developed practices of cross-border cooperation and the presence of previously established communities allowed the newcomers to maintain strong ties with their "homeland", to facilitate the recruitment of new migrants. In the course of the study, the author identified the quantitative and qualitative parameters of migration from Kazakhstan, and determined the role of the frontier in the migration processes to the South Urals.

Keywords

Migration; Frontier; Russian-Kazakh Border Area; Mobility; Diaspora; Russian-Speaking; Northern Kazakhstan; Kostanay; Rudny; Southern Urals

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.306

Миграции в Российско-Казахстанском приграничье (на примере Южного Урала)

Авдашкин Андрей Александрович

Южно-Уральский государственный университет;
Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.
Email: adrianmaricka[at]mail.ru

Аннотация

После распада СССР контуры новых государственных границ пересекли ареалы расселения этнических групп, актуализировав вопрос о природе фронтира. На российско-казахстанском участке это ярко проявилось в несоответствии районов расселения русскоязычного населения и самой линии государственной границы. Вызовы, порожденные политикой казахизации и трудностями постсоциалистического транзита, стимулировали отток населения из северных областей Казахстана в Россию. Цель статьи реконструировать миграции русскоязычного населения в российско-казахстанском приграничье на примере Южного Урала. Источниковую базу составили архивные документы, сведения областного комитета статистики о миграции и материалы интервью с русскоязычными мигрантами из Казахстана. Основу среднеазиатской миграции в регион составляло русскоязычное население приграничных районов Казахстана (русские, татары, украинцы, немцы). Отчетливо выделяются две волны миграции: «вынужденная» в 1990-е гг. и более «прагматичная» в 2000-2019 гг. позволили ощутимо восполнить демографические потери, способствовали притоку в регион молодого и экономически активного населения. Основными районами их исхода стали Кустанай и Рудный (Кустанайская область). Развитые практики трансграничной кооперации и наличие сложившихся ранее сообществ позволяли прибывшим сохранять прочные связи с «родиной», содействовать рекрутированию новых мигрантов. В ходе исследования выявлены количественные и качественные параметры миграции из Казахстана, определена роль фронтира в миграционных процессах на Южный Урал.

Ключевые слова

миграция; фронтир; российско-казахстанское приграничье; мобильность; диаспора; русскоязычные; северный Казахстан; Кустанай; Рудный; Южный Урал

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

После распада СССР русскоязычное население за пределами России стало объектом пристального внимания ученых. Значительный интерес фокусировался на социальных и демографических параметрах русской диаспоры, ее политическом потенциале и др. (см. подробнее: Сущий, 2021; Peyrouse, 2007; Laruelle, 2015; Laruelle, 2016; Laruelle, Royce & Beyssembayev, 2019). Однако фактор границы, фронтира реального или символического в Средней Азии оставался долгое время на периферии дискуссий (один из интересных примеров таких исследований см.: Flynn, 2007). Границы простираются не только на новых политических картах, но и в представлениях больших групп населения, проживающих по обе их стороны. При этом границы, возникшие после 1991 г., носят противоречивый и неоднородный характер.

Показателен пример российско-казахстанского фронтира. В первое постсоветское десятилетие через него прошли масштабные миграции, зачастую вынужденного характера. Цель статьи реконструировать миграции русскоязычного населения в российско-казахстанском приграничье в постсоветский период на южноуральском участке. Обращение к этой проблеме позволит ответить на ряд проблемных вопросов: каков характер перемещений из Казахстана в Россию на этом участке на разных хронологических этапах, как выглядел социальный и этнический состав мигрантов, насколько значима роль приграничных регионов в процессах миграции.

Выбор южноуральского кейса обусловлен следующими соображениями. Челябинск – это город миллионник, расположенный в полосе российско-казахстанской границы. В Челябинской области сосредоточено значительное количество промышленных предприятий, развит агропромышленный комплекс, регион обладает гибким рынком труда. Кроме того, местные учреждения и предприятия поддерживали тесную кооперацию с северным Казахстаном.

Материалы и методы

Источниковую базу составили архивные документы, сведения областного комитета статистики о международной миграции в регион в 2000-2019 гг., 34 глубинных и 16 экспресс-интервью с русскоязычными мигрантами из Казахстана. Сбор интервью проходил в Челябинске, Копейске и Магнитогорске в 2014-2020 гг. Имена информантов изменены по их просьбе.

Отношение к миграции, в том числе с территории Казахстана, позволили проследить данные массового социологического опроса, прошедшего в 15 муниципальных образованиях области (крупные города – Челябинский, Магнитогорский, Миасский, Златоустовский, Копейский городские округа, средние и малые города (муниципальные районы) – Верхнеуфалейский, Чебаркульский, Южноуральский, Усть-Катавский городские округа, Коркинский и

Каслинский муниципальные районы; сельская местность – Красноармейский, Варненский, Кунашакский, Верхнеуральский муниципальные районы). Среди опрошенных 47,6% мужчин и 52,4% женщин. Респондентов в возрасте 18-29 лет – 24,0%, 30-49 лет – 39,7%, 50 лет и старше – 36,3%. По уровню образования 46,0% респондентов с высшим или незаконченным высшим образованием, 41,3% имеют среднее специальное образование, 6,8% – начальное профессиональное образование, а 5,9% среднее общее образование. По социальному положению это 46,5% рабочих, 16,2% служащих, специалистов, 8,8% неработающих пенсионеров, 7,0% руководителей, главных специалистов, 3,9% студентов, 3,0% предпринимателей, 1,5% безработных. Среди других категорий населения в опросе приняли участие самозанятые и военнослужащие. Выборка областная, случайная, представительная, серийная (крупные, средние и малые муниципальные образования, сельская местность) по полу, возрасту и социальному положению. Статистическая погрешность результатов опроса составила 2,2% при доверительном интервале 95%.

Для реконструкции миграционных потоков из Казахстана привлечены следующие документы: из архива Челябинской области (ОГАЧО) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); областной администрации (ОГАЧО. Ф. Р-700); миграционной службы (ОГАЧО. Ф. Р-705), а также комитета статистики (ОГАЧО. Ф. Р-485). Кроме того, это материалы федеральной миграционной службы (ГАРФ. Ф. 10120) и министерства по делам федерации (ГАРФ. Ф. 10156).

Следуя логике Р. Брубейкера (2005), русские в Казахстане оказались «диаспорой катаклизма». Государственные границы пересекли ареал расселения этнических групп, и 25 млн. русских оказались «мигрантами» (Harris, 1993). Методологически наш обзор затрудняет неоднородность представлений о российско-казахстанском фронтире. В общественно-политическом дискурсе он присутствовал в виде двух конструкций. Первая исходила из формального определения границы между двумя государствами, а вторая предполагала ареал расселения титульных и не титульных групп (Панарин, 1999). Попытка провести границу на основе этих ареалов затруднительна. Вместе с тем в этом не возникало функциональной необходимости, поскольку для самих русскоязычных, проживающих на севере Казахстана, равно как и для населения России, восприятие фронтира в пространстве определялось не столько административными границами, сколько этнокультурными ареалами, устоявшимися еще в советское время отношениями поверх границ (Siegelbaum & Moch, 2016).

Понятие «фронтир» интерпретируется в литературе не только как физическая или административная граница. Локации, не образующие «фронтир» в географическом или политико-юридическом смысле, могут приобретать эти свойства под воздействием иных факторов. На постсоветском пространстве такой «болевой точкой» является представление о реальных границах России

и ареалах расселения русскоязычного населения (Панарин, 1999; Cheskin & Kachuyevski, 2019). В рамках представленного проекта большим эвристическим потенциалом обладает совокупность подходов, интерпретирующих границы в русле «воображаемой географии». Опираясь на них, автор исходит из того, что «фронтир» образует не столько государственная граница, сколько территория расселения русскоязычного населения в северных регионах Казахстана. В этом смысле «фронтир» возникает в тот момент, когда индивиды и группы его «увидят», включат в нарративы о самих себе, повседневную жизнь, придавая ему множество черт и смыслов.

Для решения комплекса данных вопросов мы применяем транснационализм, объясняющий динамику и характер связей поверх государственных границ в современном мире (Faist, 2010; Капустина & Борисова, 2021). Внимание сосредоточивается на отдельном участке фронтира, поэтому большой эвристический потенциал имеет локальность (Абашин, 2012). Она предполагает территориальное и отчасти совпадающее с ним социальное измерение практик мобильности, возвращений на родину, обменов с ней и др. По этой причине целесообразно различать и изучать процессы отдельно для каждого специфического участка, через который происходят перемещения.

Российско-Казахстанский фронтир: характеристика населения

Население северной части Казахстана к моменту распада СССР складывалось из двух примерно равных категорий: казахи и условно «европейское» население (русские, немцы, украинцы, поляки и др. этнические группы). Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., русскоязычное население составляло порядка 70% в областях северного Казахстана. На юге казахи образовывали большинство и соседствовали с меньшинствами «европейского» и «азиатского» происхождения (например, дунгане и корейцы).

Пять из семи областей с высокой концентрацией русскоязычного населения примыкали к РСФСР, образуя очертания будущего фронтира. Добавим сюда историческую память об освоении этих земель русскими переселенцами в советском и имперском прошлом. Все это в совокупности формировало образ северного Казахстана как зоны концентрации русскоязычного населения (Тертри, 2017; Kolstø, 1996).

Важно отметить отсутствие в Казахстане «ядра», консолидирующего пространство. Крупные социокультурные и производственные центры, инфраструктура, районы концентрации населения – все они расположены преимущественно на периферии. При этом они скорее тяготели не к интеграции между собой, а ориентировались на регионы в соседних государствах (Масанов, 1995). По этой причине столицу перенесли ближе к «центру»

в Астану, чтобы консолидировать пространство, привлечь население и др. (Wolfel 2002; Anacker 2004; Bissenova, 2017).

Название области	Доля русскоязычного населения
Кокчетавская	69,6%
Павлодарская	70,2%
Восточно-Казахстанская	72%
Целиноградская	75,1%
Кустанайская	75,3%
Карагандинская	78,3%
Северо-Казахстанская	80,5%

Таблица 1. Доля русскоязычных в структуре населения северных областей Казахстана в 1989 г.

Table 1. Proportion of Russian-speakers in the structure of the population of northern regions of Kazakhstan in 1989.

После обретения независимости элиты Казахстана столкнулись с проблемами национального строительства в стране, где соотношение русского (даже не русскоязычного) и казахского населения составляло 39,7% к 37,8%. Результатом стал сложный и неоднозначный процесс казахизации. Более подробно с его содержанием и динамикой можно ознакомиться в солидной серии публикаций на эту тему (Kaiser & Chinn, 1995; Sarsembayev, 1999; Faranda & Nolle, 2011; Kesici, 2011; Spehr & Kassenova, 2012; Beacháin, & Kevlihan, 2013). Увеличение численности казахского населения за счет репатриации казахов (Zeveleva, 2014; Kaiser & Beimenbetov, 2020) сопровождалось высоким уровнем рождаемости среди титульной группы, естественной убылью и оттоком русских вместе со многими европейскими этническими группами (Савин, 2010; Алексеенко, Аубакирова & Жанбосинова, 2019). Этот период характеризуются массовыми вынужденными миграциями, пик которых пришелся на 1994 г., когда страну покинула 481 тыс. (Садовская, 2009). В итоге к 2017 г. численность русского населения сократилась почти на 40% (с 6,1 млн. до 3,6 млн.), и основную роль здесь сыграла именно миграция (Сущий, 2018). Наиболее активный отток происходил в полосе российско-казахстанского фронтира (Diener, 2015).

Русскоязычное население столкнулось с целым рядом вызовов, проявлявших себя в языковой и кадровой политике, сфере административных преобразований и маркировки пространства новыми символами и топонимами (Панарин, 1999). В этих условиях ответом большинства стала внешняя миграция. Период наиболее динамичного оттока русскоязычных групп насе-

ления – русских, украинцев и немцев – пришелся на середину 1990-х гг. К 1997 г. только официально Казахстан покинули 900 тыс. русских. Большая часть мигрантов устремилась в Россию. Так, по данным ФМС и Росстата, в 1992-2006 гг. свыше 4 млн. человек приняли российское гражданство. Из них 1,3 млн. до этого состояли в гражданстве Казахстана. Это наибольший показатель среди других государств.

Хотя масштабы миграции из Казахстана менялись на протяжении последних 30 лет, сегодня возможность переезда рассматривается ограниченно, поскольку экономические или социальные условия в Казахстане стали более приемлемы, а для достижения схожего уровня жизни в России необходимо выдержать ощутимую конкуренцию. Приграничная русская община Казахстана, похоже, согласовала свое восприятие родины как точки компромисса, в которой этническая идентичность переносится на более широкую гражданскую казахстанскую принадлежность. Они стали «русскими-казахстанцами» (Diener, 2022). Об этом свидетельствует, к примеру, увеличение частоты межэтнических браков и постепенное стирание межгрупповых барьеров (Казиев, Могунова & Могунов, 2020). Однако это не отменяет многочисленных трудностей формирования и наполнения этой гибридной идентичности, складывающейся на основе этнической, гражданской и территориальной составляющей (Нысанбаев, Бурова & Сайлаубекқызы, 2019; Rees & Williams, 2017; Rees, Williams & Diener, 2021). На широком эмпирическом материале показан «разрыв» в идентичности русскоязычных, вызванный нестабильностью их материального положения, ощущением исключенности из общества и своего рода самоизоляцией (Jašina-Schäfer, 2019; Blackburn, 2019). Фактор «границы с Россией» и «большого количества русских» в северных районах страны сегодня играет важную роль в представлениях студенческой молодежи о регионах Казахстана (Есимова & Валитова, 2018).

Миграция из приграничных областей Казахстана: Южноуральский участок

В 1992-2000 гг. российско-казахстанскую границу пересекли масштабные миграционные потоки, носившие однонаправленный характер. Только из Казахстана прибыло около 1,8 млн. человек, Узбекистана – 676 тыс., Киргизии – 323 тыс., Таджикистана – 325 тыс., Туркменистана – 135 тыс. В обратном направлении проследовали около 610 тыс. человек. Так прирост населения России за счет среднеазиатской миграции на фоне тяжелейших социально-экономических потрясений конца XX в. составил 2,7 млн. человек (свыше 70% русские). (См.: Мкртчян, 2002).

В постсоветские годы Челябинская область приняла значительное количество трансграничных мигрантов. Основная их часть прибыла из приграничных областей Казахстана. Этот процесс претерпел две стадии. Первая

пришлась преимущественно на 1990-е гг. и была связана с вызовами политики казахизации. Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве спровоцировали масштабный исход населения. Однако в середине 1990-х гг. векторы вынужденных миграций заметно сместились на Урало-Поволжский регион и Западную Сибирь, в первую очередь в приграничные с Казахстаном регионы (ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 13).

В 1992-1994 гг. в Уральский регион приехали только по официальным данным 65 тыс. вынужденных мигрантов. На территории Челябинской области находились около 6 тыс. человек (из них 5 тыс. русских). В условиях катастрофической нехватки ресурсов у государства многие предпочитали обустраиваться с опорой на свои силы. Нельзя забывать о психологических и организационных факторах, которые затрудняли подсчеты. Осознавая значительные психологические издержки и трудности в преодолении бюрократических процедур, заметное количество не оформляло официальный статус беженцев или вынужденных переселенцев. В 1992-1998 гг. в миграционную службу Челябинской области поступило более 30 тыс. обращений. Однако официальный статус получили лишь 22 тыс. (Рассчитано автором по: ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 727. Л. 2, 16, 26, 37, 48, 59, 70; ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 16. Л. 22).

Этнический состав образован преимущественно русскоязычным населением. Из 22 тыс. официально зарегистрированных вынужденных мигрантов 17 тыс. составляли русские (Рассчитано автором по: ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 80. Л. 3; Д. 727. Л. 80; Суворова, Журавлев, Иванова, 1997. С. 12). По регионам исхода ведущие позиции занимает Казахстан; порядка 7,6 тыс. мигрантов прибыли из этой страны (ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп 1. Д. 583. Л. 12). На наш взгляд, русскоязычных мигрантов было больше, но источники, которые позволили бы провести более достоверные подсчеты, не обнаружены. Ориентиром служат материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. Общая численность только русских, выехавших к 2002 г. из Казахстана и живших в Челябинской области, оценивается в районе 47 тыс. Сюда стоит прибавить еще 1900 немцев и 6200 украинцев. Всего русских из Средней Азии насчитывалось около 60 тыс. (ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 5. Л. 1-8). Это позволило существенно компенсировать негативные эффекты, вызванные естественной убылью населения и низкой рождаемостью.

Практически нет достоверных сведений о том, из каких районов Казахстана прибывали мигранты. Н. Мкртчян уточнил роль обменов между приграничными регионами Казахстана и России на 1995 г (Мкртчян, 2002). Вплоть до 1996 г. Госкомстат России собирал полные данные о миграции между отдельными регионами государств нового зарубежья. В дальнейшем от такой детализации отказались[1], и данные аккумулировались уже по государствам в

1 В российские регионы в зоне фронтира в 1997-2000 гг. прибыло 498,3 тыс. человек, в т.ч. 406 – из Казахстана и других государств Средней Азии (81,5% всех прибывших). Выбыли 94 тыс., иными словами на 5 прибывших приходился 1 выбывший. При том, что на 12 приграничных областей приходится немногим более 17% населения России, в российско-казахстанском приграничье осели 46% прибывших в Россию

целом, что ощутимо сократило источниковую базу для исследования региональных кейсов.

Субъекты Российской Федерации	Во всей миграции в РФ	В миграции со странами СНГ и Балтии	В миграции с Казахстаном
Алтайский край	17,7	34,7	52,1
Республика Алтай	3,3	9,4	14,4
Астраханская область	4,7	12,3	41,3
Волгоградская область	1,2	2,9	12,1
Курганская область	15,3	34,8	60,9
Оренбургская область	13,3	26,2	25,2
Омская область	23,5	42,8	59,2
Новосибирская область	3,5	8,6	17
Самарская область	1,9	4,3	13
Саратовская область	3,5	7,4	27
Тюменская область	6,2	17,6	38,5
Челябинская область	7,3	18,9	43,1

Таблица 2. Доля прибытий из приграничных областей Казахстана в общей численности прибывших в приграничные регионы России в 1995 г. в %

Table 2. Proportion of arrivals from the border regions of Kazakhstan in the total number of arrivals to the border regions of Russia in 1995

Челябинская область в середине 1990-х гг. входила в число регионов, где основу миграции из Казахстана составляли жители приграничья. В дальнейшем эти тренды сохранялись или приобретали более выраженный и устойчивый характер. Об этом же говорят данные глубинных интервью. Большинство опрошенных нами мигрантов говорят о том, что для «кустанайцев» основной вектор перемещений пролегал именно в Челябинскую область (обычно из таких городов как Рудный или Кустанай).

из Казахстана, 28% прибывших из Киргизии, 25% прибывших из Таджикистана и Узбекистана.

Когда мы ехали в Челябинск, мы уже знали, что здесь сложилась своя большая «кустанайская диаспора». Низкий уровень возможностей на старте влек всех в самые ближайшие города.

Миграционные сценарии не предполагали опасности для жизни или эвакуацию из зоны вооруженного противостояния. Напротив, выходцы из Казахстана имели определенные возможности подготовить свой переезд. Это включало продажу имущества, оформление документов, предварительный сбор информации или разведку, поиск работы, достижение договоренностей с родственниками или знакомыми о приеме и др. По этой причине многие на начальном этапе не имели возможности доказать вынужденный характер переселения. В этих непростых условиях миграционные службы шли навстречу и регистрировали их как вынужденных переселенцев.

Год	Прибыл	Выбыл	Прирост
2000	8492	998	+7494
2001	3328	932	+2396
2002	3110	798	+2312
2003	1663	773	+890
2004	1618	683	+935
2005	3509	879	+2630
2006	2137	714	+1423
2007	2307	634	+1673
2008	2582	535	+2047
2009	2420	589	+1831
2010	1310	518	+792
2011	1568	412	+1156
2012	1999	399	+1600
2013	2334	453	+1881
2014	3213	569	+2644
2015	4098	1486	+2612
2016	5473	1758	+3715
2017	5494	2250	+3244
2018	5049	3079	+1970
2019	7438	3970	+3468

Таблица 3. Миграция из Казахстана в Челябинскую область в 2000-2019 гг.

Table 3. Migration from Kazakhstan to the Chelyabinsk region in 2000-2019.

В начале 2000-х гг. численность вынужденных переселенцев и беженцев, по данным Челябинскстата, не превышала 1 тыс. чел., подавляющее большинство которых прибыло из Казахстана (в 2000 г. – 991, в 2001 – 413, в 2002 г. – 162). По состоянию на 2019 г. этот показатель не превышал 53 чел. В последние два десятилетия миграционный поток из Казахстана в Челябинскую область несколько стабилизировался. По данным наших информантов, его основу на современном этапе составляли образовательные мигранты, а также семьи с детьми до 18 лет. Среди основных мотивов переезда из Казахстана в Россию названы: высокий уровень коррупции и отсутствие перспектив. Эти данные в целом коррелируют с результатами проекта, посвященного миграции молодежи из Центральной Азии (Внешняя молодежная миграция….2019).

Согласно данным ФОМ, выходцы из Казахстана относятся к группе «желательных» мигрантов для жителей РФ[1] (Иммиграция в Россию: благо или вред?). Выходцы из приграничных областей Казахстана за прошедшие десятилетия стали «привычны» для местного населения. Благодаря минимальной культурной дистанции и притоку квалифицированных кадров, ксенофобия, черты которой время от времени фиксировались в отношениях выходцев из Казахстана и принимающей стороны на начальном этапе, ощутимо снизилась.

> Первое время ощущалась некоторая напряженность. Хотя мы русские, нас воспринимали как понаехавших. Когда брали на работу, «местные» укоряли руководителей: «А что, своих нет?». Время такое было…сейчас привыкли и уже не обращают внимание.

Согласно данным финансового университета при Правительстве РФ Челябинск в 2021 г. занял 9 строчку в рейтинге российских городов, привлекательных для квалифицированных мигрантов. Южноуральская столица оказалась в приоритете у жителей Казахстана (Подольская, 2021). Это служит подтверждением того, что в ближайшие годы миграции в российско-казахстанском приграничье сохранят свою положительную динамику и направленность. По данным социологического опроса, проведенного в Челябинске в 2021 гг., мигранты из Казахстана среди всех групп, прибывающих из государств Азии, вызывают у южноуральцев меньше всего отрицательных эмоций (см.: таблица 4).

1 Представители Республики Беларусь (25%), Украины (21%), Германии (16%) и Казахстан (15%) находятся на первых строчках в «народном» рейтинге для въезда в Россию. В антирейтинге оказались представители таких стран, как Таджикистан (15%), Узбекистан (14%), Украина (13%), США (11%), Китай (9%).

	Казахстан	Китай	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан
Положительное	14,6	8,2	4,7	4,7	4,1
Нейтральное	77,1	61,1	67,3	70,7	65,7
Отрицательное	5,9	27,9	24,7	21,0	26,7

Таблица 4. Отношение жителей Челябинской области к мигрантам из стран Азии в 2021 г. (в % к общему числу опрошенных)

Table 4. The attitude of residents of the Chelyabinsk region to migrants from Asian countries in 2021 (in % of the total number of respondents)

Анализ собранных нарративов позволил рассмотреть транснациональные практики наших информантов. Долгое время жители приграничья даже не воспринимали границу как «настоящий» рубеж. Между территориями, разделенными новой государственной границей, были развиты сложные и многоуровневые личные, семейные, хозяйственные и др. отношения. Как отметила Юлия:

> Какая граница? Многим сады и дачи давали на территории, которая стала потом казахстанской. Просто через реку переплыть….

В этих сложных переходных экономических условиях по обе стороны границы процветала контрабандная торговля, развивались практики перевоза мигрантов через границу. Такое трансграничное посредничество становилось ключевым источником дохода для многих жителей приграничных территорий. Один из информантов рассказал, как происходило пересечение границы:

> …На приграничных станциях в Казахстане люди сходили с поезда и пешком доходили до условного места, где я их брал в машину и провозил. Поле сплошное же по сути.

Некоторое время, когда в Челябинске активно функционировал «китайский» рынок (1990-е гг.), китайские товары провозили на фурах через российско-казахстанскую границу, минуя пограничный контроль. Крайне сложный сюжет повествований связан с кражей скота, техники и др. имущества по обе стороны границы. Как отметил Руслан:

> …в те годы (1996-1998 гг.) привозил раз в неделю партию мяса из Казахстана на продажу. Если честно, не всегда у меня была уверенность, что эта говядина не была украдена вчера у моих соседей кем-то из казахстанцев на днях….[1]

Одним из важных постулатов транснационализма выступает смещение исследовательского фокуса с принимающего общества в сторону пропорционально равного изучения отправляющей и принимающей стороны (Капустина & Борисова, 2021). Нельзя забывать, что приграничные регионы северного

1 Обзор местной печати действительно показал, что это было серьезной проблемой для приграничных районов

Казахстана фактически представляют собой периферию, удаленную от развитых рынков труда и услуг. По этой причине население многих приграничных районов ориентируется на ближайшие экономические и культурные центры, расположенные на территории России. Информанты подчеркнули, что жителям приграничья Северо-Западной области Казахстана удобнее ехать в Оренбург или Самару, Атырауской – в Астрахань, Кустанайской – в Челябинск, Магнитогорск и (или) Екатеринбург. Перемещения в приграничье происходили на сравнительно небольшие расстояния. К примеру, Челябинск и Кустанай разделяет всего 321 км., тогда как расстояние между Екатеринбургом и Челябинском составляет около 215 км., расстояние до Уфы – 420 км., а до Оренбурга и вовсе превысит 700 км. По причине транспортной доступности и наличия большого количества знакомых многие выбирают именно Челябинск.

Большинство описаний сосредоточены на крайне малом влиянии фактора границы, ее барьерности на повседневную жизнь – «…она словно есть, но ее нет». Граница воспринимается не как жесткая линия разделения, а скорее как неминуемая рутинная процедура в устоявшихся за много лет отношениях. Например, в исследовании О. Вединой (2015, с. 48) информанты описали эти повседневные транснациональные отношения примерно так: «… вон казахи, сейчас поедем к ним, водки попьем, приедут к нам, они у нас попьют. Шашлык сделаем, бешбармак».

Помимо этого собранные интервью показывают, что из России информанты едут в основном с целью навестить родственников, сделать выгодные покупки для своих нужд или последующей перепродажи. Широко распространены и неформальные виды занятости, имеющие транснациональный характер. В частности, речь идет об активной челночной торговле и теневом бизнесе. Это поставка недорогой алкогольной продукции и кондитерских изделий из Казахстана (речь шла как раз о кондитерской фабрике в Кустанае). Так, Николай регулярно привозил под заказ небольшие партии коньяка, сигарет, конфет и пряников, «которые намного лучше и дешевле челябинских».

В свою очередь, основные причины приездов из Казахстана – это покупки (показателен пример «рейдов за айфонами» и автомобилями в 2014 г. после обвала курса рубля), получение образовательных и медицинских услуг (Зотова, Гриценко & Себенцов, 2018, с. 70-71). Челябинск как крупный центр их предоставления расположен для жителей приграничья существенно ближе и удобнее, нежели аналогичные казахстанские.

Обучение детей в крупных российских образовательных центрах (в данном случае в Челябинской области) становится одной из долговременных жизненных стратегий жителей регионов северного Казахстана. В основном абитуриенты приезжают из Кустаная. Большинство наших информантов упоминали ЮУрГУ, ЧелГУ, вузы Магнитогорска. В Кустанае действует

филиал ЧелГУ, через который многие продолжали обучение в магистратуре, но уже в Челябинске.

Уровень доступности медицины в России намного выше, чем в крупных городах Казахстана. В зоне российско-казахстанского фронтира за медицинскими услугами – роды, операции на сердце, диагностика и лечение онкологических заболеваний – едут обычно в Россию. Некоторые информанты в ходе наших бесед даже рассказали о том, как они сами или их знакомые ездили в Челябинск делать платно МРТ, сложные операции или для лечения катаракты. Платные консультации предпочтут получать у российских врачей. Вот что нам рассказала Людмила.

> В Казахстане больше денег придется отдать за лечение. Всем, на всех уровнях (!) надо что-то поднести и не факт, что сделают хорошо. В России все намного проще. Понятно кому и за что платишь, платишь, но один раз.

Анализ рассказов недавних мигрантов позволяет выделить и такую стратегию, как периодические возвращения в Казахстан, совершаемые с целью «проведать близких и друзей». При условии успешного сценария адаптации такие поездки служат триггером для снятия с места все новых мигрантов, приезжающих на «разведку».

Обзор собранных нарративов показал нам несколько основных стратегий миграционного поведения, которые реализуются мигрантами из Казахстана. Первая характерна для недавних русскоязычных мигрантов. Она предполагает закрепление семьи в Челябинске и переезд детей в другой крупный город. Обычно это Новосибирск, Тюмень, Екатеринбург, Москва. Логика их выбора исходит из того, что там успешно устроился кто-то из знакомых, опять же из Казахстана. Вторая наблюдается чаще у немцев, корейцев и поляков. Разница с первой только в том, что часто рассматриваются варианты репатриации на историческую родину (Германия, Польша) или переезд в США (характерно для корейцев).

Важной единицей анализа транснациональных пространств выступает семья (Капустина & Борисова, 2021). В изучении транснациональных семей нас интересовали не только контакты и эмоциональная сопричастность, но и межпоколенческие изменения, анализ принятия решений о переезде (или возвращении), многомерность семейных связей и стратегий наших информантов. Миграция из Казахстана постепенно сокращается и приобретает более прагматичный характер. Представители нетитульной группы ожидают момента выхода на пенсию, завершения учебы детей в школе и др.

> Я сам – казах, жена – украинка. Дочери не воспринимались как казашки. Их то азербайджанками называли, то татарками. Решили уехать, когда старшая школу закончила. Мы останемся в Челябинске, а они пусть уезжают. Старшая дочь уже в Новосибирске работала и в Твери. Пока молодая, пусть ищет свое место в жизни.

В ходе полевого этапа исследований удалось обнаружить множество таких семей. Чаще всего это представители старшего поколения, которые не смогли или не захотели покинуть Казахстан в 1990-х или начале 2000-х гг. Яркий пример сестры нашего информанта Людмилы. Будучи высококвалифицированными специалистами (врачи), сестры Людмилы не решились уезжать в Россию, отправили туда только детей. Это позволило сохранить «запасной аэродром» в Казахстане и не подвергаться резкой девальвации статуса («кто сразу возьмет на должность в России?») Такие семьи регулярно поддерживают между собой связь, постоянно общаясь в мессенджерах и социальных сетях.

> У меня не бывает дней, когда не позвонила бы дочери и внукам в What's App. Почти каждый день звоню сестрам, узнаю как здоровье. Делимся фотографиями с ценниками из магазинов.

Заключение

Близость фронтира оказала определяющее влияние на миграционную ситуацию на Южном Урале в постсоветский период. Основу миграционного прироста составляло русскоязычное население из приграничных областей Казахстана (в данном случае Кустанайской). В этом смысле основу среднеазиатской миграции образовывали не иноэтничные мигранты, а группы, культурно близкие для принимающей стороны (русские, татары, украинцы и немцы). Миграционные потоки благотворно сказывались на Челябинской области, позволяя восполнить демографические потери экономически активным населением.

На смену широким потокам вынужденной миграции, вызванным трудностям постсоциалистического транзита и последствиями казахизации, приходят более продуманные и прагматичные сценарии миграционного поведения. Переезд тщательно продумывается, по каналам, созданным прежними волнами мигрантов, происходит сбор всей необходимой информации. Челябинск воспринимается как «трамплин» для закрепления в России. В скором времени после переезда формулируются новые миграционные сценарии, но уже в масштабах России, и в приоритете находятся другие, более успешные города-миллионники или страны дальнего зарубежья.

В этнополитическом измерении мы видим, как фронтир в интерпретации ареала расселения русскоязычного населения постепенно движется на север. Он медленно, но верно приходит в соответствие с фронтиром как политико-юридической категорией. В результате бурных преобразований фронтир, если угодно «дрогнул», утратив уверенность в том, что сохранится под воздействием внешних процессов. В результате близость к России, наличие крепких связей с жителями соседних российских областей – иными словами то, что раньше придавало уверенность и сдерживало отток, в новых условиях стало его стимулировать. Повествования наших информантов говорят,

что в ближайшие десятилетия воображаемый фронтир сравняется с реальным (т.е. границей). Тем самым трансграничные миграции и практики приобретут иную динамику, постепенно исчезая.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007. Автор благодарит заведующую кафедрой Социологии ЮУрГУ Е.И. Салганову за помощь в сборе данных социологического опроса населения Челябинской области.

Список литературы

Anacker, S. (2004). Geographies of Power in Nazarbayev's Astana. *Eurasian Geography and Economics*, 45(7), 515–533. https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.7.515

Beacháin, O. D., & Kevlihan, R. (2013). Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building. *Nations and Nationalism*, 19(2), 337–356. https://doi.org/10.1111/nana.12022

Bissenova, A. (2017). The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana. *Europe-Asia Studies*, 69(4), 642–667. https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1325445

Blackburn, M. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey*, 38(2), 217–236. https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409

Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19. https://doi.org/10.1080/0141987042000289997

Cheskin, A., & Kachuyevski, A. (2019). The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 1–23. https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467

Diener, A. C. (2015). Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan's northern oblasts. *Eurasian Geography and Economics*, 56(5), 469–492. https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1103660

Diener, A. C. (2022). Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland. *Geographical Review*, 112(1), 125–146. https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676

Faist, T. (2010). Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam University Press. https://doi.org/10.5117/9789089642387

Faranda, R., & Nolle, D. B. (2011). Boundaries of ethnic identity in Central Asia: Titular and Russian perceptions of ethnic commonalities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Ethnic and Racial Studies*, 34(4), 620–642. https://doi.org/10.1080/01419870.2010.516004

Flynn, M. (2007). Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan. *Nationalities Papers*, 35(2), 267–288. https://doi.org/10.1080/00905990701254359

Harris, C. D. (1993). The New Russian Minorities: A Statistical Overview. *Post-Soviet Geography*, 34(1), 1-27. https://doi.org/10.1080/10605851.1993.10640919

Jašina-Schäfer, A. (2019). Where Do I Belong? Narratives of *Rodina* among Russian-speaking Youth in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 97–116. https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1508645

Kaiser, M., & Beimenbetov, S. (2020). The Role of Repatriate Organisations in the Integration of Kazakhstan's Oralmandar. *Europe-Asia Studies*, 72(8), 1403–1425. https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1779183

Kaiser, R., & Chinn, J. (1995). Russian-Kazakh Relations in Kazakhstan. *Post-Soviet Geography*, 36(5), 257–273. https://doi.org/10.1080/10605851.1995.10640992

Kesici, O. (2011). The Dilemma in the Nation-Building Process: The Kazakh or Kazakhstani Nation. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 10(1), 31–58.

Kolstø, P. (1996). The new Russian diaspora - an identity of its own? Possible identity trajectories for Russians in the former Soviet republic. *Ethnic and Racial Studies*, 19(3), 609–639. https://doi.org/10.1080/01419870.1996.9993927

Laruelle, M. (2015). Russia as a "Divided Nation," from Compatriots to Crimea: A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 62(2), 88–97. https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1010902

Laruelle, M. (2018). Why No Kazakh Novorossiya? Kazakhstan's Russian Minority in a Post-Crimea World. *Problems of Post-Communism*, 65(1), 65–78. https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1220257

Laruelle, M., Royce, D., & Beyssembayev, S. (2019). Untangling the puzzle of "Russia's influence" in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*, 60(2), 211–243. https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1645033

Peyrouse, S. (2007). Nationhood and the minority question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 59(3), 481–501. https://doi.org/10.1080/09668130701239930

Rees, K. M., Webb Williams, N., & Diener, A. C. (2021). Territorial Belonging and Homeland Disjuncture: Uneven Territorialisations in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 73(4), 713–739. https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1891206

Rees, K. M., & Williams, N. W. (2017). Explaining Kazakhstani identity: Supraethnic identity, ethnicity, language, and citizenship. *Nationalities Papers*, 45(5), 815–839. https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1288204

Sarsembayev, A. (1999). Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s. *Central Asian Survey*, 18(3), 319–346. https://doi.org/10.1080/02634939995605

Siegelbaum, L. H., & Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union. *Slavic Review*, 75(4), 970–986. https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0970

Spehr, S., & Kassenova, N. (2012). Kazakhstan: Constructing identity in a post-Soviet society. *Asian Ethnicity*, 13(2), 135–151. https://doi.org/10.1080/14631369.2012.638802

Wolfel, R. L. (2002). North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh(stani) capital. *Nationalities Papers*, 30(3), 485–506. https://doi.org/10.1080/0090599022000011723

Zeveleva, O. (2014). Political aspects of repatriation: Germany, Russia, Kazakhstan. A comparative analysis. *Nationalities Papers*, 42(5), 808–827. https://doi.org/10.1080/00905992.2014.916663

Абашин, С. Н. (2012). Среднеазиатская миграция: Практики, локальные сообщества, транснационализм. *Этнографическое обозрение*, 4.

Алексеенко, А. Н., Аубакирова, Ж. С., & Жанбосинова, А. С. (2019). Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 64(4), 1368–1385. https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413

Вендина, О. (2019). Жить в пограничье: Интерпретация проблем пограничной безопасности жителями приграничных городов России. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 11(2). https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69

Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: Анализ рисков и минимизация негативных последствий. (2019). Международная организация по миграции.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (б. д.).

Есимова, А. Б., & Валитова, З. Х. (2018). Представления студенческой молодежи Казахстана о регионах страны (опыт использования ментальных карт). *Социологические исследования*, 4, 36–42. https://doi.org/10.7868/S0132162518040049

Зотова, М. В., Гриценко, А. А., & Себенцов, А. Б. (2018). Повседневная жизнь в российском пограничье: Мотивы и факторы трансграничных практик. *Мир России*, 27(4), 56–77. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77

Иммиграция в Россию: Благо или вред? (2019, декабрь 19). ВЦИОМ. Новости. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-blago-ili-vred

Казиев, С. Ш., Могунова, М. В., & Могунов, С. В. (2020). Межэтнические браки в среде городских русских и казахов Северного Казахстана. *Вестник антропологии*, 51(3), 136–152. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/136-152

Капустина, Е., & Борисова, Е. (2021). Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма. В С. Н. Абашина & О. Е. Бредниковой (Ред.), *Жить в двух мирах: Переосмысляя транснационализм и транслокальность* (сс. 14–29). Новое литературное обозрение.

Масанов, Н. Э. (1995). Национально-государственное строительство в Казахстане: Анализ и прогноз. *Вестник Евразии*, 1, 117–128.

Мкртчян, Н. (2002). *Этническая структура миграционных потоков из Центральной Азии в российское приграничье*. Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/2002/087/analit03.php#3

Нысанбаев, А. Н., Бурова, Е. Е., & Сайлаубекқызы, А. (2019). Особенности идентичности казахстанцев в условиях поликультурного общества. *Социологические исследования*, 7, 37–47. https://doi.org/10.31857/S013216250005791-3

Панарин, С. (1999). Русскоязычные у внешних границ России: Вызовы и ответы (на примере Казахстана). *Диаспоры*, 2–3, 137–169.

Подольская, Е. (2021). *Челябинск вошел в топ-10 городов, привлекательных для мигрантов с профессией*. Южноуральская панормама. http://www.up74.ru/articles/news/128485/

Савин, И. С. (2010). Русские в современном Казахстан. *Социологические исследования*, 8, 81–88.

Садовская, Е. Ю. (2009). Казахстан в Центральноазиатской миграционной субсистеме. В Ж. А. Зайончковская & Г. С. Витковская (Ред.), *Постсоветские трансформации: Отражение в миграциях* (сс. 279–321). ИТ «АдамантЪ».

Суворова, Н. Н., Журавлев, А. В., & Иванова, Т. М. (1997). *Анализ миграционных процессов на территории Челябинской области*. Челябинск.

Сущий, С. Я. (2018). Русские Казахстана – геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI в. *Социологические исследования*, 8, 22–37. https://doi.org/10.31857/S013216250000759-7

Сущий, С. Я. (2021). Русские ближнего зарубежья в постсоветский период: Геодемографические, этносоциальные, социокультурные аспекты. *Народонаселение*, 24(1), 103–116. https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.10

Тертри, Д. (2017). Русский вопрос в постсоветский период. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 62(1), 43–56. https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104

Челябинский государственный архив Российской Федерации (ОГАЧО). (б. д.).

Чудиновских, О. (2008). *За 1992-2006 годы гражданство России приобрели более 6 миллионов человек*. Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema03.php

References

Abashin, S. N. (2012). Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Ethnographic Review*, 4. (In Russian).

Alekseenko, A. N., Aubakirova, Zh. S., & Zhanbosinova, A. S. (2019). Ethno-demographic evolution and the formation of a sovereign demographic system in Kazakhstan. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 64(4), 1368–1385. https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413 (In Russian).

Anacker, S. (2004). Geographies of Power in Nazarbayev's Astana. *Eurasian Geography and Economics*, 45(7), 515–533. https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.7.515

Beacháin, O. D., & Kevlihan, R. (2013). Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building. *Nations and Nationalism*, 19(2), 337–356. https://doi.org/10.1111/nana.12022

Bissenova, A. (2017). The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana. *Europe-Asia Studies*, 69(4), 642–667. https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1325445

Blackburn, M. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey*, 38(2), 217–236. https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409

Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19. https://doi.org/10.1080/0141987042000289997

Chelyabinsk State Archives of the Russian Federation (OGACHO). (n. d.). (In Russian).

Cheskin, A., & Kachuyevski, A. (2019). The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 1–23. https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467

Chudinovskikh, O. (2008). *In 1992-2006, more than 6 million people acquired Russian citizenship*. Demoscope Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema03.php (In Russian).

Diener, A. C. (2015). Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan's northern oblasts. *Eurasian Geography and Economics*, 56(5), 469–492. https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1103660

Diener, A. C. (2022). Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland. *Geographical Review*, 112(1), 125–146. https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676

Esimova, A. B., & Valitova, Z. Kh. (2018). Representations of the student youth of Kazakhstan about the regions of the country (experience of using mental maps). *Sociological Research*, 4, 36–42. https://doi.org/10.7868/S0132162518040049 (In Russian).

External Youth Migration in Central Asia: Analyzing Risks and Minimizing Negative Effects. (2019). International Organization for Migration. (In Russian).

Faist, T. (2010). Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam University Press. https://doi.org/10.5117/9789089642387

Faranda, R., & Nolle, D. B. (2011). Boundaries of ethnic identity in Central Asia: Titular and Russian perceptions of ethnic commonalities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Ethnic and Racial Studies*, 34(4), 620–642. https://doi.org/10.1080/01419870.2010.516004

Flynn, M. (2007). Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan. *Nationalities Papers*, 35(2), 267–288. https://doi.org/10.1080/00905990701254359

Harris, C. D. (1993). The New Russian Minorities: A Statistical Overview. *Post-Soviet Geography*, 34(1), 1-27. https://doi.org/10.1080/10605851.1993.10640919

Immigration to Russia: Good or Harm? (2019, декабрь 19). VCIOM. News. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-blago-ili-vred (In Russian).

Jašina-Schäfer, A. (2019). Where Do I Belong? Narratives of *Rodina* among Russian-speaking Youth in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 97–116. https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1508645

Kaiser, M., & Beimenbetov, S. (2020). The Role of Repatriate Organisations in the Integration of Kazakhstan's Oralmandar. *Europe-Asia Studies*, 72(8), 1403–1425. https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1779183

Kaiser, R., & Chinn, J. (1995). Russian-Kazakh Relations in Kazakhstan. *Post-Soviet Geography*, 36(5), 257–273. https://doi.org/10.1080/10605851.1995.10640992

Kapustina, E., & Borisova, E. (2021). Review of the theoretical discussion about the concept of transnationalism. In S. N. Abashina & O. E. Brednikova (Ed.), *Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality* (pp. 14-29). New Literary Review. (In Russian).

Kaziev, S. Sh., Mogunova, M. V., & Mogunov, S. V. (2020). Interethnic marriages among urban Russians and Kazakhs of northern Kazakhstan. Hearld *of Anthropology*, 51(3), 136–152. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/136-152 (In Russian).

Kesici, O. (2011). The Dilemma in the Nation-Building Process: The Kazakh or Kazakhstani Nation. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 10(1), 31–58.

Kolstø, P. (1996). The new Russian diaspora - an identity of its own? Possible identity trajectories for Russians in the former Soviet republic. *Ethnic and Racial Studies*, 19(3), 609–639. https://doi.org/10.1080/01419870.1996.9993927

Laruelle, M. (2015). Russia as a "Divided Nation," from Compatriots to Crimea: A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 62(2), 88–97. https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1010902

Laruelle, M. (2018). Why No Kazakh Novorossiya? Kazakhstan's Russian Minority in a Post-Crimea World. *Problems of Post-Communism*, 65(1), 65–78. https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1220257

Laruelle, M., Royce, D., & Beyssembayev, S. (2019). Untangling the puzzle of "Russia's influence" in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*, 60(2), 211–243. https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1645033

Masanov, N. E. (1995). Nation-building in Kazakhstan: analysis and forecast. *Bulletin of Eurasia*, 1, 117-128. (In Russian).

Mkrtchyan, N. (2002). *Ethnic structure of migration flows from Central Asia to the Russian border area*. Demoscope Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/2002/087/analit03.php#3 (In Russian).

Nysanbaev, A. N., Burova, E. E., & Sailaubekkyzy, A. (2019). Features of the identity of Kazakhstanis in a multicultural society. *Sociological Research*, 7, 37–47. https://doi.org/10.31857/S013216250005791-3 (In Russian).

Panarin, S. A. (1999). Russian-speaking people at the external borders of Russia: challenges and answers (on the example of Kazakhstan). *Diaspora*, 2–3, 137–169. (In Russian).

Peyrouse, S. (2007). Nationhood and the minority question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 59(3), 481–501. https://doi.org/10.1080/09668130701239930

Podolskaya, E. (2021). *Chelyabinsk entered the top 10 cities attractive for migrants with a profession*. South Ural Panormama. http://www.up74.ru/articles/news/128485/ (In Russian).

Rees, K. M., & Williams, N. W. (2017). Explaining Kazakhstani identity: Supraethnic identity, ethnicity, language, and citizenship. *Nationalities Papers*, 45(5), 815–839. https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1288204

Rees, K. M., Webb Williams, N., & Diener, A. C. (2021). Territorial Belonging and Homeland Disjuncture: Uneven Territorialisations in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 73(4), 713–739. https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1891206

Sadovskaya, E. Yu. (2009). Kazakhstan in the Central Asian Migration Subsystem. In J. A. Zayonchkovskaya & G. S. Vitkovskaya (Eds.), *Post-Soviet transformations: reflected in migrations* (pp. 279–321). IT "Adamant". (In Russian).

Sarsembayev, A. (1999). Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s. *Central Asian Survey*, 18(3), 319–346. https://doi.org/10.1080/02634939995605

Savin, I. S. (2010). Russians in modern Kazakhstan. *Sociological Studies*, 8, 81–88. (In Russian).

Siegelbaum, L. H., & Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union. *Slavic Review*, 75(4), 970–986. https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0970

Spehr, S., & Kassenova, N. (2012). Kazakhstan: Constructing identity in a post-Soviet society. *Asian Ethnicity*, 13(2), 135–151. https://doi.org/10.1080/14631369.2012.638802

State Archives of the Russian Federation (GARF). (n. d.). (In Russian).

Sushiy, S. Ya. (2018). Russians of Kazakhstan – geodemographic dynamics of the post-Soviet period and the prospects for the first half of the 21st century. *Sociological Research*, 8, 22–37. https://doi.org/10.31857/S013216250000759-7 (In Russian).

Sushiy, S. Ya. (2021). Russians of the Near Abroad in the Post-Soviet Period: Geodemographic, Ethnosocial, Sociocultural Aspects. *Populations*, 24(1), 103–116. https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.10 (In Russian).

Suvorova, N. N., Zhuravlev, A. V., & Ivanova, T. M. (1997). *Analysis of migration processes in the Chelyabinsk region*. Chelyabinsk. (In Russian).

Tertree, D. (2017). Russian question in the post-Soviet period. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 62(1), 43–56. https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104 (In Russian).

Vendina, O. (2019). Living in the Borderland: Interpretation of Border Security Problems by Residents of Russia's Border Cities. *Laboratorium: Journal of Social Research*, 11(2). https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69 (In Russian).

Wolfel, R. L. (2002). North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh(stani) capital. *Nationalities Papers*, 30(3), 485–506. https://doi.org/10.1080/0090599022000011723

Zeveleva, O. (2014). Political aspects of repatriation: Germany, Russia, Kazakhstan. A comparative analysis. *Nationalities Papers*, 42(5), 808–827. https://doi.org/10.1080/00905992.2014.916663

Zotova, M. V., Gritsenko, A. A., & Sebentsov, A. B. (2018). Everyday life in the Russian borderlands: motives and factors of cross-border practices. *Universe of Russia*, 27(4), 56–77. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77 (In Russian).

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.427

Problems of Transport Communication Development on the Caspian Sea in the Context of the Discussion on the Construction of the Caspian-Volga Channel in the Early 20th Century

Sergey V. Vinogradov[1], Elena V. Savelyeva[2], Oleg V. Likholet[3] & Oleg N. Khotinetskiy[4]

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Abstract

The relevance of the study stems from the considerable interest of the academic community in the history of the Caspian region. The aim of the study is to study the development of transport communications on the Caspian Sea in the early twentieth century. Several previously unexamined discussion materials and articles in the Astrakhan economic journals "Report of the Astrakhan Exchange Committee" for 1909-1911 and "Nash Krai" (Eng. Our Region) for 1925-1927 on the problems of the construction of the Caspian-Volga channel made the main source base for this study. The materials of collective works and monographs on the history of Astrakhan Region as well as the works of modern Astrakhan researchers were also used in the article. The methodology of the research is represented by a set of general scientific principles of research (systematicity, objectivity, and historicism), and specific historical methods. Based on the materials studied, the authors conclude that due to bureaucratic red tape and corruption in the early 20th century, the construction of a major infrastructure project, namely the Caspian-Volga shipping channel, which was supposed to ensure the unimpeded flow of commercial goods through the mouth of the Volga to Astrakhan, was abandoned. This failure slowed down further development of the Caspian-Volga transport route, which, among other products, carried important goods such as paraffin and fish products. The inefficiency of the bureaucracy was heavily criticized by the representatives of major oil producing and shipping firms and sparked a lively discussion in the Astrakhan press about the possibilities of resolving the transport problem in the Caspian Sea.

Keywords

Caspian Sea; Volga; Astrakhan; Baku; Caspian-Volga Channel; Oil; Trade; Navigation

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: dissovetdm[at]yandex.ru
2 Email: law[at]asu.edu.ru
3 Email: oleg.liholet[at]mail.ru
4 Email: nomail[at]nomail.ru

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.427

Проблемы развития транспортных коммуникаций на Каспийском море в контексте дискуссии о строительстве Каспийско-Волжского канала в начале XX в.

Виноградов Сергей Вадимович[1], Савельева Елена Викторовна[2], Лихолет Олег Владимирович[3], Хотинецкий Олег Николаевич[4]

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена значительным интересом со стороны научного сообщества к истории Каспийского региона. Целью является изучение развития транспортных коммуникаций на Каспийском море в начале XX в. Основной источниковой базой стали неизученные ранее дискуссионные материалы и статьи в астраханских экономических журналах «Отчет Астраханского биржевого комитета» за 1909-1911 гг. и «Наш край» за 1925-1927 гг. о проблемах строительства Каспийско-Волжского канала. Наиболее яркими участниками дискуссии зарекомендовали себя такие авторы как Боголюбов Н.П., Антонов Н.А., Лактионов С.И. Лактионов С.И., Баланин В.И. и др. В статье использовались материалы коллективных работ и монографий по истории Астраханского края, а также труды современных астраханских исследователей. Методология представлена совокупностью общенаучных принципов научного изычкания (системность, объективность, историзм) и конкретно-исторических методов.

На основе изученных материалов авторы приходят к выводу о том, что из-за чиновничьей волокиты и коррупции в начале XX в. было фактически провалено строительство крупного инфраструктурного проекта: Каспийско-Волжского судоходного канала, который должен был обеспечить беспрепятственное продвижение торговых грузов через устье р. Волги в Астрахань. Этот провал замедлял дальнейшее развитие каспийско-волжского транспортного пути, по которому, в том числе, шли такие важные товары как керосин и рыбные продукты. Неэффективная работа бюрократического аппарата подвергалась острой критике со стороны представителей крупных нефтедобывающих и судоходных фирм, а также породила оживленную дискуссию в астраханской прессе о возможностях разрешения транспортной проблемы на Каспии.

Ключевые слова

Каспийское море; Волга; Астрахань; Баку; Каспийско-Волжский канал; нефть; торговля; навигация

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: dissovetdm[at]yandex.ru
2 Email: law[at]asu.edu.ru
3 Email: oleg.liholet[at]mail.ru
4 Email: nomail[at]nomail.ru

Introduction

Since the second half of the 19th century, due to the rapid development of the all-Russian market and significant progress in the development of maritime and river shipbuilding, the turnover of Astrakhan in domestic and foreign trade has grown considerably. The city was a major transit centre for Russian trade with Central Asia, the Caucasus, and Iran. In addition, the Astrakhan fishing industry became a major supplier of fish and fish products to domestic and foreign markets, the demand for which was steadily growing primarily in the country's large industrial centres.

From the 1880s, Astrakhan became an important transit point for oil and oil products from Baku to the central parts of the country. In the late 19th and early 20th centuries, paraffin was the most valuable product made from oil. Paraffin lamps qualitatively improved the evening leisure time of the wide range of population, first of all of those living in cities. Therefore, the timely delivery of this oil product, most of which was delivered by the Caspian-Volga transit through Astrakhan, became not only an important economic, but also socio-political task, which was controlled at the governmental level (Yergin, 2008, p. 542).

The growth of Caspian-Volga transit facilitated the formation of powerful shipping companies with flotillas of sea and river vessels serving the growing trade turnover and engaged in passenger traffic. The largest shipping companies of the early twentieth century were "Ocean", "Caucasus and Mercury", and the firm of N.I. Artemyev. The latter cooperated closely with the major Baku oil company, the Nobel Brothers' Oil Production Association (Ushakov, 2000, p. 389).

In 1910, the Astrakhan port's cargo turnover serving trading with eastern countries was comparable to that of Russia's largest seaports, namely Odessa and Saint Petersburg, and continued to grow rapidly (Istomina, 1991, p. 184). However, the prospects for the Caspian-Volga transit route in the second half of the 19th century were significantly hindered due to technical difficulties associated with the impossibility of passing the mouth of the Volga by ships (Trifonov & Lemachko, 2009, pp. 542–548). Creation of the Caspian-Volga navigation channel could be a solution to this problem. This article examines the initial stage of the construction of the channel and analyses public discussions and disputes regarding this project.

Materials and methods

The previously unexamined discussion materials and articles in Astrakhan economic journals "Report of the Astrakhan Exchange Committee" for 1909-1911 and "Nash Krai" (Eng. Our region) for 1925-1927 on the problems of the Caspian-Volga channel construction made the main source base for this study. Such authors as V.I. Balanin, S.I. Laktionov, S.V. Maksimovskiy and others proved to be the brightest participants of the discussion (Balanin, 1925; Laktionov, 1925; Maksimovsky, 1925).

Valuable informative material concerning cargo transportation along the Caspian-Volga trade route and problems in the organization of the port as well as the sea and river trade fleets are represented by the unpublished documents deposited in the State Archive of the Astrakhan Region, in the collections of the Astrakhan office of the Joint Stock Company of Shipping and Trade "Caucasus and Mercury", the Board of the Joint Stock Company "Ocean" and the Astrakhan office of the Artemyev shipping company. Of greatest interest are the reports and minutes of the meetings of the offices and boards of directors of the joint-stock companies, plans and reports on the development of the Caspian Sea ports and the improvement of ships, information on the loss of ships and cargo during storms in the Caspian Sea, calculations of the cost of voyages, circulars on administrative and production issues, agreements between the shipping companies on the regulation of ships, and the flow of goods.

Information on the list of oil cargoes and directions of their transportation is reflected in the records of the General Office of the Nobel Brothers' oil company. This information is also covered in the firm's correspondence with foreign and Russian shipping companies regarding the transportation of oil products and the lease of steamships, circular orders and instructions to ship captains and machinists, contracts for the volume of distribution, shipment, and sale of oil products and the construction of tanks, logbooks of the steamships "Gilyak", "Lyubimy", "Mordvin", "Anna", "Bashkir" and others, as well as in the acts of ship accidents, contracts, letters, and telegrams regarding the transportation of oil and other products.

The research methodology is represented by a combination of general scientific research principles (systematicity, objectivity, and historicism) and specific historical methods.

Discussion

The history of the Caspian-Volga transit was partly considered in the scientific monographs of I.A. Shubin, N.A. Antonov, N.P. Bogolyubov, E.G. Istomina, Yu.N. Trifonov et al. (Antonov, 1925; Bogolyubov, 1862; Istomina, 1991; Trifonov & Lemachko, 2009; Shubin, 1927) and theses and dissertation studies by R.A. Tarkova and G.V. Aleksushin (Alexushin, 1995; Tarkova, 2007). Lately, the history of Caspian-Volga navigation was analyzed in a number of academic publications (Aleksushin, 2012; Arsentyev, 2013; Afanasyev, 2016; Klimovsky, 2009; Marasanova, 2016; Obnorskaya, 2018). Famous writers and authors of memoirs (Krylov, 2017; Nemirovich-Danchenko, 1877) touched upon it in their works.

The subject matter of the article has also been partly reflected in collective works and monographs on the history of the Astrakhan Region and in generalizations of contemporary researchers.

Results

The mouth of the Volga River has always been difficult to navigate. Below Astrakhan, the delta is divided into many distributaries with a huge number of shoals and rapidly changing bank configurations. Therefore, unlike other large Russian rivers actively used in the 19th century as transport arteries, the Volga delta was a difficult obstacle for trade caravans to overcome (Bogolyubov, 1862, pp. 392-395).

Shoals on the Caspian Sea, annually washed up by strong river courses – the so called Bar – did not allow maritime caravans with a heel of 12 feet (3.65 m) to approach closer than 60 km from the coastline (Antonov, 1925, pp. 6–8). In this regard, the roadstead practice of cargo passage through the Volga mouth gradually developed. The practice was as follows. On the high seas, 60-70 km from the shore, goods were reloaded from large sea-going vessels to small coastal ones with small heel, which transported them to the port of Astrakhan. The place of such exchange of goods was called the 12-foot roadstead ("On the results of participation of the Exchange Society's commissioners...," 1899, p. 56).

The concentration of sea and roadster ships on the high seas, whose crews were engaged in reloading goods, made a huge flotilla of several hundred ships, and the members of their crews – loaders, attendants, administrators and government officials – were the population of this "city at sea", numbering several thousand people. Food shops, hairdressers, hospital, telegraph, customs, and police posts ("On questions about the needs of local shipping," 1914, pp. 24–26) served them. According to the recollections of the contemporaries, in clear weather, when the sea was relatively calm and there were no big waves, the reloading activity on the 12-foot roadstead was bustling. At that time, all the institutions necessary for its needs were functioning "in the city". However, since the roadstead was in the open sea, high winds accompanied by heavy waves were rather common, which interrupted the boisterous activity of reloading goods for an indefinite period of time ("Brief sketch of Astrakhan trade and industry," 1904, p. 111). At such times, communication between the ships anchored off the coast was complicated and often ceased altogether, as did all administrative offices (police, customs, etc.) and the telegraph, which was particularly needed, as in such a congestion, even a slight increase in wind, not to mention a storm or gale, resulted in the loss of boats and small vessels with cargo. It was not possible to report accidents or the need for help to Astrakhan in a timely manner due to such poor communication. Thus, not only were the vast shoals in the Caspian Sea an obstacle to shipping goods from the Caspian Sea to Astrakhan, but also the winds, which caused storms at sea and led to shipwrecks and loss of some of the cargo.

As a rule, the 12-foot roadstead operated more or less normally for seven and a half months of the year (from April to mid-November), although work often continued until early December, with frequent storms and the risk of rapid glacia-

tion (Laktionov, 1925, p. 32). For example, in 1911 the stevedores and ships' crews handled around 5,733,000 tonnes of cargo, or 24,540 tonnes a day, with occasional downtime due to bad weather. (For comparison, 3,276,000 tonnes of cargo passed through the port of Odessa in the same year (Guzhenko, 1984, p. 203). However, as storms were very frequent in the roadstead area and could last for several days, the forced downtime of several days had to be compensated for by intensive and almost non-stop work in calm weather. This regime exhausted people and led to frequent injuries and accidents. In fact, unlike other major Russian sea and river ports, the huge cargo flow from the Caspian Sea to Astrakhan (and vice versa) had to be reloaded twice through the 12-foot roadstead due to natural obstacles. Many goods, which were classified at that time as low-value, i.e. raw materials, such as oil, timber, salt and others, were hardly kept in the zone of profitability given the costs of double reloading (Ausbrink, 2014, p. 56). The cessation of their supply for one reason or another (for example, oil products from Baku) could already cause serious social problems in the country.

Another serious problem with the roadstead practice of transporting goods was the so-called ice storms. The end of navigation in the Caspian roadstead at the beginning of November coincided with a period of increased winds in the area. The southeasterly wind blowing from the sea pushed water onto the coast, filling numerous estuarine Volga distributaries, backwaters and lakes with it. Then, when the wind changed to the northeast, this water, together with young ice which formed faster in the small bodies of water than in the large, rolled back into the sea and contributed to the rapid glaciation of the shallow northern part of the Caspian Sea (Аполлов, 1956, p. 94). Vessels in this situation were unable to break free from the ice trap and found themselves helpless and were destroyed. Aware of this threat, the majority of those involved in the roadstead overloading stopped all work before the end of October and left the roadstead ("On the question of organization of public assistance to ship caravans...," 1909, pp. 49–50). However, commercial interests were stronger than fear from time to time, and ships were delayed in the roads until mid-November. Moreover, ice storms did not happen every year. Nevertheless, on November 13, 1910, nature punished the daredevils ("On questions about the needs of local shipping," 1914, p. 29).

On that day, strong stormy winds brought a significant amount of water into the area where the ships had congregated. The water depth in these areas immediately increased from 3.5 metres to 8 metres or more, contributing to the formation of large waves that sank several dozen roadster and offshore vessels. Then the wind changed and blew backwards from the shore. A rapid glaciation set in, which finished off the remaining ships and boats. Some 300 people perished (the exact number could not be ascertained) and a huge amount of goods were lost in the process. For example, the major shipping company "Caucasus and Mercury" lost seventeen ships during the storm, most of which were still full of goods. Any help from other vessels could not be expected, as most of the roadster ships

were on their way to Astrakhan and it was impossible to reach the wrecked ships from the shore during the ice storm (Laktionov, 1925, pp. 31–34).

The catastrophe of November 1910 prompted representatives of the Astrakhan business community involved in Caspian-Volga transit, through the Astrakhan Exchange Committee, to come down hard on the Government for failing to build the Volga-Caspian channel, which would have significantly reduced the costs and risks of ships passing from the Caspian Sea to Astrakhan.

Already as early as 1845, the government commissioned the Kazan railway district to study the problem and design a project to create a channel between Astrakhan and the Caspian Sea. The first construction project was to create a channel along the Staraya Volga tributary and, according to the designers' calculations, this option would be limited to clearing the bottom and water-regulating structures. It was supposed to save money on excavation work. However, experts in the government were quick to point out the alleged savings of the proposed construction, since the shortest route from the Caspian Sea to Astrakhan was not chosen. The project was dismissed due to its high cost (Maksimovskiy, 1925, pp. 27-30).

After that, the Kamyzyak tributary of the Volga River became the most promising for the future channel. In 1856-1857, construction works costing 1,622,000 roubles were carried out there. They consisted in construction of water-regulating structures and dredging. However, it soon became clear that the average depth of the channel was 2-2.5 metres, which meant significantly more dredging than originally anticipated and, accordingly, increased the cost of the project considerably. Construction was soon halted, although a considerable amount of money had already been spent on preliminary works (Balanin, 1925, pp. 27–28).

After this failure, the Bakhtemir tributary of the Volga, along which the main trade flow of goods between the Caspian Sea and Astrakhan passed, finally attracted the attention of the researchers. Since 1873, dredging started on the Bakhtemir tributary. In 1884-1887, the Volga Research Expedition led by Professor Boguslavsky worked there. Since 1893, a special commission under the Ministry of Railways, headed by engineer Gersevanov, was created, which dealt with the development of navigable ways in the mouth of the Volga. In 1895-1898, a research expedition of engineer Golubev worked on Bakhtemir and Kamyzyak tributaries (Maksimovskiy, 1925, pp. 24–27).

The lack of any meaningful results at ever-increasing costs began to raise suspicions of the business community. In their appeals and complaints to the government in connection with the tragedy on the Caspian Sea in November 1910, Astrakhan entrepreneurs drew the attention of the government to the fact that the difficulty of controlling the efficiency of expenditures and the remoteness of the construction site made possible various corruption schemes during its construction ("On questions about the needs of local shipping," 1914, p. 37). Even the exact route of the channel had not been determined by the outbreak of

the First World War. Despite the existence of a well-trodden path along the Bakhtemir River, the Kamyzyak project kept popping up, and throughout the 1890s and 1900s, costly dredging started there occasionally, scattering funds and leading nowhere. However, officials in Saint Petersburg and Astrakhan were interested in their implementation (Maksimovskiy, 1925, p. 20).

The report of the Astrakhan Exchange Committee "On the needs of modern navigation" prepared in 1911, which summed up some results and made preliminary conclusions about the damage caused by the ice storm in November 1910, stated that the Caspian Sea, which was then fully controlled by the Russian Empire and had no serious claims to it from other powers, in fact, no longer received due attention from the state apparatus. According to the authors of the report, nothing has been done in recent decades to study the Caspian Sea, maps of the sea drawn as early as the 18th century were outdated, there was a shortage of lighthouses on the coast, of developed ports, etc. Yet the most important thing, according to the authors of the report, causing maximum damage to shipping and transit trade, was the absence of the Volga-Caspian channel, which would have made it possible to abandon the 12-foot roadstead and safely deliver cargoes to Astrakhan without overloading at sea ("On questions about the needs of local shipping," 1914, p. 72).

The merchant marine fleet in the Caspian Sea in the 1880s-1900s was constantly expanding with massive oil tankers and dry cargo vessels with low flotation, which could not use the 12-foot roadstead. Therefore, small roadster vessels had to go farther and farther from the shore to reload goods and the risk of working in the roadstead was constantly increasing (Antonov, 1925, pp. 6–8).

In addition to the lack of a solution to the main problem – namely, the construction of the channel – the report lamented the many other problems that have persisted for decades, adding to the dangers of operating the roadster vessels. There were not enough buoys and semaphores marking the waterway on the Bakhtemir, neither other regulating signs, and those that were installed were quickly demolished during ice drifts and floods, and no one monitored their maintenance. Cleaning and dredging of the main waterway on the Bakhtemir River was ineffective. The dredging that did take place, according to the authors of the report, was just a feeble attempt by the authorities to show their interest in the construction of the channel so as not to finally break up with the strong business community interested in the Caspian-Volga transit (Ausbrink, 2014, p. 57).

Since 1901, a special unit of the Ministry of Railways worked in the mouth of the Volga River using the new dredging machine "Duvolant". However, its results over a 10-year period have been modest, limited to clearing the Bakhtemir waterway and facilitating the safer movement of riverboats. The "Duvolant" never made it to the sea. Ministry officials promoted the "miracle machine" in every possible way, calling it a panacea for solving the problems of channel construction. Yet in business circles, soberly assessing the results of 10 years of work, there were doubts about it: "Technically brilliant work of this dredging machine is practically

not able to carry out that grandiose task which is caused by the pressing needs of sea and river navigation in connection with other branches of regional industry and trade" ("On the results of participation of the Exchange Society's...," 1899, pp. 82–93). Already in the Soviet time, in 1925, engineer S. Maksimovsky, one of the long-term participants of dredging works in the mouth of the Volga River, in his article "Volga-Caspian channel" published in the regional economic magazine "Nash Krai" confirmed the suspicions of previous years about the efficiency of the "Duvolant". According to his sources, when this dredging machine was ordered from the Votkinsk factory, a more powerful unit designed by M. Lisovsky already existed and worked successfully on the Dnieper estuary. For some reason, however, a less powerful machine was ordered for the Volga-Caspian channel, although the Votkinsk machine was already well mastered in production, together with its service ships – a dredging caravan. Then, between 1911 and 1914, three more caravans were purchased from the same factory. The author claims that, to the detriment of the business, the Votkinsk factory was "sacrificed" when ordering caravans for the channel by purchasing exactly obsolete "Duvolants" (Maksimovskiy, 1925). The author did not go into further detail, but it is clear from the context of the article that he is negative about capitalist methods of governance.

Conclusion

The subject of this article leads to a number of interesting conclusions, both local and general.

First, the studied material allows us to judge about the scale of cargo turnover passing through the Caspian-Volga trade route in the early twentieth century, which was comparable with the cargo turnover of Russia's largest port in Odessa. The Caspian-Volga route was the main route for the delivery of such economically and socially important goods as paraffin and fish products from Baku to the central regions of the country, which were in dire need among the growing population of industrial cities.

Secondly, the impossibility of passing through the Volga mouth gave rise to such an interesting phenomenon peculiar only to this trade route, i.e., the 12-foot roadstead – a place for reloading goods from large sea ships to smaller roadstead ships – for their further delivery to Astrakhan. The roadstead functioned annually from April to November, giving rise, according to contemporary accounts, to a special floating city with its own administration and infrastructure.

Third, the business community saw the operation of the 12-foot roadstead as a temporary compromise solution to the problem. Due to natural disasters, the roadstead overloading led to loss of cargo, shipwrecks, and loss of lives. Therefore, participants of the Caspian-Volga shipping market, i.e. major oil producing and shipping companies including the Nobel Brothers' Oil Production Association,

in the first decade of the 20th century insisted that the Government build the Caspian-Volga shipping channel.

Fourth, the state apparatus, – officials in the Government and in Astrakhan province, proved incapable of implementing a major infrastructure project, such as the Caspian-Volga channel. For 70 years, there were numerous attempts to start the construction, money was successfully spent, but there were no results. Even the final construction plan could not be determined after such a long period. After 1917, the Soviet press published articles by former participants of the construction works carried out in 1900-1914, which exposed some corrupt schemes of the government and Astrakhan officials to steal the funds invested in the construction of the channel.

Authors' contributions

The article has been written by a team of authors, all authors have taken equal part in the theoretical analysis of the problem and in carrying out the research. S.V. Vinogradov is the author of the idea, who carried out the scientific management of the study. E.V. Savelyeva summarized the data and wrote the text of the article. O.V. Likholet finalized the text and structured the material, prepared conclusions. O.N. Khotinetskiy collected and analyzed source materials, and prepared conclusions.

References

A brief sketch of Astrakhan trade and industry. (1904). In *Report of the Astrakhan Exchange Committee for 1902-1903*. (pp. 106–135). V. Blazhenkov Printing House. (In Russian).

Afanasyev, G. Y. (2016). Transport Everyday Life: Shipwrecks and Navigation Safety in the Russian Empire in the 19th - Early 20th Centuries. *History of Everyday Life*, 2, 74–86. (In Russian).

Aleksushin, G. V. (2012). Samara Breeder Who Constructed Ships. *Volga-Business*, 10, 50–51. (In Russian).

Alexushin, G. V. (1995). *Steamship Company "Caucasus and Mercury"*. Samara. (In Russian).

Antonov, N. A. (1925). *The Lower Volga as a navigable route*. Publishing house of the North Caucasus Planning Commission of the Regional Executive Committee. (In Russian).

Apollov, B. A. (1956). *The Caspian Sea and its Basin*. USSR ACADEMY OF SCIENCES. (In Russian).

Arsentyev, V. M. (2013). Joint-stock forms of industrial entrepreneurship in 19th-century Russia in the pre-reform period (by the example of the Middle Volga region). *Economic History*, 2, 24–37. (In Russian).

Ausbrink, B. (2014). *The Nobel Empire: The Story of the Famous Swedes, Baku Oil and the Russian Revolution*. Algorithm. (In Russian).

Balanin, V. I. (1925). Once again about the Volga-Caspian Canal. *Nash Kray*, 7, 25–30. (In Russian).

Bogolyubov, N. P. (1862). *Volga from Tver to Astrakhan*. Publication of the "Samolet" Society. (In Russian).

Guzhenko, T. B. (Ed.). (1984). *Maritime transport of the USSR (on the 60th anniversary of the industry)*. Transport. (In Russian).

Istomina, E. G. (1991). *Water transport in Russia in the pre-reform period*. Nauka. (In Russian).

Klimovsky, S. D. (2009). American "trace" in river shipbuilding in Russia. *Sudostroenie*, 6, 83–89. (In Russian).

Krylov, A. N. (1979). *My memories*. Sudostroenie. (In Russian).

Laktionov, S. I. (1925). On the organization of Water Management Department of the Volga River Delta. *Nash Kray*, 7, 31–34. (In Russian).

Maksimovsky, S. V. (1925). Volga-Caspian Canal. *Nash Kray*, 6, 19–31. (In Russian).

Marasanova, V. M. (2016). Industrial Development of Yaroslavl and Rybinsk in the Early 20th Century. In V. V. Vozilov (Ed.)., *Historians: The Formation of the Historical School at Yaroslavl State University. Collection of Memoirs and Materials.* (pp. 115–123). n. p. (In Russian).

Nemirovich-Danchenko, V. I. (1877). *Along the Volga. (Essays and impressions of a summer trip)*. I.A. Tuzov Publishing House. (In Russian).

Obnorskaya, N. V. (2018). The role of Yaroslavl residents in the Volga trade in the 19th century. *Trade, Merchants and Customs in Russia in the 16th-19th Centuries. Proceedings of the Fourth International Scientific Conference*, 349–356. (In Russian).

On the needs of local navigation. (1914). In *Report of the Astrakhan Exchange Committee for 1911.* (pp. 16–78). "V. Blazhenkov Printing House". (In Russian).

On the question of organizing public assistance to ship caravans and trappers on the seashore during the sudden onset of frost. (1909). In *Report of the Astrakhan Exchange Committee for 1908.* (pp. 48–52). First provincial printing house. (In Russian).

On the results of the participation of the Exchange Society's commissioners at the congress of Russian figures on waterways. (1899). In *Report of the Astrakhan Exchange Committee for 1897- 98.* (pp. 41–101). "Zeichenstein Printing Works". (In Russian).

Polygon (2007). *Development of water transport in the system of socio-economic relations of the Lower Volga region in 1861-1914.* Astrakhan. (In Russian).

Shubin, I. A. (1927). *The Volga and the Volga Shipping Industry: (History, Development and Modern State of Shipping and Shipbuilding)*. NKPS Transparency. (In Russian).

Trifonov, Y. N., & Lemachko, B. V. (2009). *Russian Society of Steamship and Trade. 1856-1932*. Polygon. (In Russian).

Ushakov, N. M. (Ed.). (2000). *History of the Astrakhan Region*. Publishing house of Astrakhan State Pedagogical University. (In Russian).

Yergin, D. (2008). *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power* (Reissue edition). Free Press.

Список литературы

Yergin, D. (2008). *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power* (Reissue edition). Free Press.

Алексушин, Г. В. (1995). *Пароходное общество «Кавказ и Меркурий»*. Самара.

Алексушин, Г. В. (2012). Самарский Заводчик, Строивший Суда. *Волга-Бизнес*, 10, 50–51.

Антонов, Н. А. (1925). *Нижняя Волга как судоходный путь*. Издательство Северо-Кавказской плановой комиссии при Краевом исполнительном комитете.

Аполлов, Б. А. (1956). *Каспийское море и его бассейн*. АН СССР.

Арсентьев, В. М. (2013). Акционерные формы промышленного предпринимательства России XIX века в дореформенный период (на примере Среднего Поволжья). *Экономическая история*, 2, 24–37.

Афанасьев, Г. Ю. (2016). Транспортная повседневность: Кораблекрушения и безопасность судоходства в Российской империи в XIX - начале XX вв. *История повседневности*, 2, 74–86.

Баланин, В. И. (1925). Еще раз о Волго-Каспийском канале. *Наш край*, 7, 25–30.

Боголюбов, Н. П. (1862). *Волга от Твери до Астрахани*. Издание общества «Самолет».

Гуженко, Т. Б. (Ред.). (1984). *Морской транспорт СССР (к 60-летию отрасли)*. Транспорт.

Истомина, Э. Г. (1991). *Водный транспорт России в дореформенный период*. Наука.

Климовский, С. Д. (2009). Американский «след» в речном судостроении России. *Судостроение*, 6, 83–89.

Краткий очерк астраханской торговли и промышленности. (1904). В *Отчет Астраханского биржевого комитета за 1902-1903 гг.* (сс. 106–135). Печатный дом В. Блаженкова.

Крылов, А. Н. (1979). *Мои воспоминания*. Судостроение.

Лактионов, С. И. (1925). Об организации Управления водным хозяйством дельты реки Волги. *Наш край*, 7, 31–34.

Максимовский, С. В. (1925). Волго-Каспийский канал. *Наш край*, 6, 19–31.

Марасанова, В. М. (2016). Промышленное развитие Ярославля и Рыбинска в начале XX века. В В. В. Возилов (Ред.), *Историки: Формирование исторической школы в ярославском государственном университете. Сборник воспоминаний и материалов* (сс. 115–123). б. и.

Немирович-Данченко, В. И. (1877). *По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки)*. Издательский дом И.А. Тузова.

О результатах участия уполномоченных Биржевого общества на съезде русских деятелей по водяным путям. (1899). В *Отчет Астраханского биржевого комитета за 1897-98 гг.* (сс. 41–101). «Типография Цейхенштейна».

Обнорская, Н. В. (2018). Роль ярославцев в волжской торговле в XIX в. *Торговля, купечество и таможенное дело в россии в XVI-XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции*, 349–356.

Осбринк, Б. (2014). *Империя Нобелей: История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России*. Алгоритм.

По вопросам о нуждах местного судоходства. (1914). В *Отчет Астраханского биржевого комитета за 1911 г.* (сс. 16–78). «Типография В. Блаженкова».

По вопросу организации общественной помощи судовым караванам и ловцам на взморье во время внезапно наступивших заморозков. (1909). В *Отчет Астраханского биржевого комитета за 1908 г.* (сс. 48–52). Первая губернская типография.

Таркова, Р. А. (2007). *Развитие водного транспорта в системе социально-экономических связей Нижнего Поволжья в 1861-1914 гг.* Астрахань.

Трифонов, Ю. Н., & Лемачко, Б. В. (2009). *Русское общество пароходства и торговли. 1856–1932*. Полигон.

Ушаков, Н. М. (Ред.). (2000). *История Астраханского края*. Издательство Астраханского государственного педагогического университета.

Шубин, И. А. (1927). *Волга и волжское судоходство: (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения)*. Транспечать НКПС.

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.364

Frontier Roots of Demographic Stability of Large Modern Russian Settlements in the South of the European Part of Russia

Valery V. Kanishchev[1] **& Sergey K. Lyamin**[2]

G.R. Derzhavin Tambov State University. Tambov, Russia

Abstract

The problem of stability and demographic success of a certain part of Russian rural settlements has been the focus of attention of the general public and representatives of various social sciences and humanities for many decades. Historical science finds its place in the study of the deep roots and causes of such stability and success. Even the major works of regional authors, as a rule, cover several decades of the initial history of the first settlements. Only in a few studies, the southern Russian frontier of the 18th – the first half of the 19th centuries is considered in a long historical retrospective. The aim of this research is to compare the paths to the current state of large settlements in the southernmost territories — the so-called second South Russian frontier. The current state of the studied large settlements in the South of European Russia shows that the decisive role in their stability was played by the initial favorable factors including comfortable natural conditions, support from the state, and the high level of socio-economic activity of people. The article provides additional concrete evidence of the positive result achieved by the state and the Russian population in the development of frontier territories through the skillful use of favorable conditions.

The paper is intended for the specialists in history and social sciences, students and all those interested in the fate of the South Russian frontier.

Keywords

Frontier; Demographic Stability; Large Rural Settlements; Natural and Climatic Factors; Political and Governmental Factors; South of European Russia; Historical Demography; Dymanics of Establishing Settlements; Migration Processes

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

1 Email: valcan[at]mail.ru
2 Email: laomin[at]mail.ru

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.364

Фронтирные корни демографической устойчивости современных крупных русских поселений юга европейской части России

Канищев Валерий Владимирович[1], Лямин Сергей Константинович[2]

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Тамбов, Россия

Аннотация

Проблема устойчивого развития определенной части русских сельских поселений многие десятилетия является объектом внимания государства, широкой общественности и представителей различных социально-гуманитарных наук. Место исторической науки видится в изучении глубоких корней и причин такой устойчивости. Даже крупнейшие работы историков, как правило, охватывают несколько десятилетий начальной истории первых поселений. Только в единичных исследованиях южный российский фронтир XVIII – первой половины XIX в. рассматривается в длительной исторической ретроспективе. Целью исследования являлось определение специфики движения к современному состоянию возникших в зоне фронтира поселений самых южных территорий Европейской России, выявление разнообразных факторов этого процесса. Нынешнее демографическое и социально-экономическое положение изученных крупных поселений свидетельствует, что определяющую роль в их устойчивости сыграли изначальные благоприятные факторы, связанные с комфортными природными условиями, поддержкой государства, высокой социально-экономической активностью населения. В статье продемонстрированы конкретные доказательства позитивных последствий умелого использования государством и русским населением благоприятных условий в освоении фронтирных территорий.

Статья предназначена для специалистов-историков и обществоведов, учащейся молодежи и всех интересующихся судьбой южно-русского фронтира.

Ключевые слова

фронтир; демографическая устойчивость; крупные сельские поселения; природно-климатические факторы; государственно-политические факторы; Юг Европейской России; историческая демография; динамика возникновения поселений; переселенческие процессы

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: valcan[at]mail.ru
2 Email: laomin[at]mail.ru

Введение

В государственной Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., принятой в 2015 г., среди общенациональных функций, выполнение которых призвана обеспечить Стратегия, демографическая названа второй после производственной.

В понятие демографической устойчивости мы включаем двойной смысл: в широком смысле имеется в виду сохранение поселений в ходе долгой истории, в узком – сохранение сравнительно крупных размеров поселений. В данном случае крупными сельскими послениями мы считаем населенные пункты, каковыми во Всесоюзных и Всероссийский переписях считались сельские населенные пункты с численностью свыше 3-5 тыс. чел., а также все сельские районные центры независимо от численности.

Хотя Стратегия помимо прочего нацелена на сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, большинство исследований обществоведов нацелено на изучение современных проблем устойчивого развития сельских территорий. В качестве яркого примера приведем сборник материалов научно-практической конференции, на которой выступали социологи, экономисты, юристы, архитекторы, но не участововало ни одного историка (Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий, 2019).

Мы полагаем, что без исторической науки невозможно понять глубокие корни и факторы устойчивого развития сельских территорий.

И все-таки в первую очередь мы решили найти методологическую опору в работах астраханских философов и культурологов, их коллег из соседних регионов, в которых сформулирован целый ряд методологических положений об особенностях южнорусского фронтира.

Наиболее продуктивными для изучения исторических аспектов развития этой фронтирной зоны вообще мы почитали предложенные С.Н. Якушенковым, О.С. Якушенковой, А.П. Романовой, М.С. Топчиевым различные варианты типологии фронтира, особенно положение о постфронтире, позволяющее анализировать фронтир не как законченное историческое событие, а как современный социокультурный процесс. (Романова & Топчиев, 2014, с. 284-291; Якушенкова & Якушенков, 2015, с. 326-337; Баева, 2014a, с. 54-62; Баева, 2014b, с. 32-38). Такая методологическая основа позволяет изучать современное состояние сельских поселений Юга Европейской России с учетом их фронтирного прошлого.

Из положений о раннем фронтире, собственно фронтире и постфронтире вытекает хронология нашей статьи: XVII – начало XXI в. Наши исследования последних лет, сосредоточенные на изучении исторический корней современного состояния русских сел Центральной России, дали немало оснований для утверждений об особой роли благоприятных изначальных, в т.ч. фронтирных, условий в устойчивом развитии многих старинных сельских

поселений (Канищев, & Жиров, 2021, с. 66-81;. Канищев, 2021a, с. 211-215; Канищев, 2021b, с. 3-7.; Канищев, & Лямин, 2018, с. 60, 73).

Целью данной статьи стало продолжение исследований фронтирного прошлого русских сельских поселений, теперь на материалах самого юга Европейской России. Географические рамки мы ограничили территориями с очень большой долей русского населения (нынешние Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края). Именно от современных поселений этих регионов мы ретроспективно погружаемся в прошлое.

Конечно, в статье невозможно подробно и равномерно рассмотреть все обстоятельства истории сотен поселений за длительный исторический период. Мы сосредоточили главное внимание на современном состоянии поселений, при этом «заглянув» в их фронтирное происхождение. Промежуточные времена нас интересуют ради выяснения наиболее существенных факторов их исторической устойчивости.

Использование предложенных коллегами типов раннего фронтира и собственно фронтира для нашего исследования означает допустимость постановки вопроса о фронтирной зоне Белгородской черты XVII в. как собственно фронтире (1-м южнорусском фронтире), а о южных землях Нижнего Дона, Нижней Волги и Северного Кавказа, в XVII в. едва освоенных русской метрополией, как раннем фронтире (2-й южнорусский фронтир).

Соглашаясь с социально-философскими, культурологическими, антропологическими, психологическими аспектами изучения фронтира, взглядом на него как на ценную эвристическую модель для понимания культурных, экономических процессов (Якушенков, Романова, Баева, Хлыщёва, Морозова, & Якушенкова, 2014, с. 304-314), мы особое внимание обращаем на утверждения о фронтире как подвижной границе. Такая подвижность – исторический процесс, который, кроме обществоведческого осмысления, должен наполняться конкретно-исторической информацией о поселениях, жители которых осваивали это фронтирное пространство. В своих предыдущих исследованиях мы рассматривали южный русский фронтир XVII в. как сравнительно широкую пограничную зону, которая постепенно обретала идентичность с метрополией (старинными районами Центра России), и показали, что этот процесс занял около двух столетий (Жуков, Канищев, & Лямин, 2012, 77-78; Жуков, Канищев, & Лямин, 2019, 137-150; Канищев, & Баранова, 2015, 178-186).

Мы понимаем, что в одной статье невозможно раскрыть все вопросы многоаспектной и сложной темы. Поэтому должны изначально сделать некоторые оговорки.

С одной стороны, важной для себя мы посчитали постановку С.Н. Якушенковым вопроса о необходимости учета природного фактора зоны фронтира как нового ландшафта для русских переселенцев (Якушенков, 2015, 288-298; Якушенков, 2018, 17-21).

Подходя к изучению этого фактора с историко-географических позиций, мы попытались показать конкретную роль природных условий в возникновении и устойчивом развитии крупных сельских поселений зоны в эпоху постфронтира.

С другой стороны, считаем невозможным в данной работе подробно рассматривать фронтир и как культурный феномен. Конечно, культурный фактор как принятие новыми поселенцами местных традиций необходимо учитывать. Но все-таки изучение конкретной исторической роли этого фактора является большой самостоятельной темой. Мы в данной статье позволили себе априорно признать значение такого фактора как непременной основы для демографической устойчивости русских поселений, часть из которых на самом юге Европейской России возникла в инородческой среде, сохранив при этом свою русскую национальную идентичность.

Мы сознательно подробно не рассматриваем политический фактор, считая его слишком широким для определения судеб конкретных поселений, хотя и учитываем его в отдельных случаях (возникновение крепостей в ходе реализации политики присоединения Кавказа, военно-политические последствия войн и восстаний для конкретных поселений, занесения сел в «черные списки» в период раскулачивания и борьбы с саботажниками хлебозаготовок и др.). В большей мере мы рассматриваем государственный фактор, понимая под ним в данном случае инициативу государства в основании некоторых поселений, административно-бюджетную поддержку отдельных населенных пунктов. Предоставление государством статуса уездных и волостных центров в дореволюционной России, районных и сельсоветовских центров в СССР давало дополнительные возможности для развития этой группы сельских поселений. Особенно подчеркнем, что во все времена административные центры получали повышенное бюджетное финансирование.

Осознаем, что не все наблюдения и положения нашей работы бесспорны и убедительны с позиций и самой исторической науки, и особенно с междисциплинарных позиций. Надеемся, что они могут послужить материалом для обмена мнениями и дискуссий в области фронтирной теории, ведущихся на страницах Журнала фронтирных исследований.

В обширной историографии темы заселения Юга Европейской части России мы выделили только те пласты, которые позволяют более-менее четко сформулировать задачи нашей работы. Среди работ общероссийского масштаба специально обратились к тем, которые определяли наиболее весомые факторы выживания населения этой территории, прежде всего умения приспосабливаться к сложным природным, социально-политическим, этническим условиям (Миронов, 1999; Кабузан, 1996).

Наибольший историографический пласт составили работы, посвященные собственно заселению юга Европейской России, особенно государственному регулированию этого процесса. Подчеркнем, что научное значение сохранили

работы об освоении русским населением Поволжья, Черноморского побережья Кавказа, подготовленные в конце XIX – начале XX в. (Верещагин, 1885; Минх, 2010; Перетяткович, 1882). В определенной мере эти работы, содержащие ценные справочные описания первых поселений юга Европейской России, можно считать и историческими источниками.

В конце XX в. подобный справочный подход предложили авторы книги по истории административно-территориальных преобразований на Кубани (Азаренкова, Бондарь, & Вертышева, 1986). Такого рода издания, к сожалению, очень редки. По-своему ценные работы советских и российских демографов, освещающие общую динамику народонаселения СССР и РФ, вряд ли помогут понять конкретные обстоятельства устойчивого развития либо упадка конкретных поселений.

Среди современных работ, посвященных колонизации южных районов Восточной Европы, отметим статьи В.П. Громова, С. Сазоновой, С.Л. Перечницкой, Тикиджьян Р.Г. (Громов, 1983; с. 34-38; Сазонова, 2009, с. 123-128; Перечницкая, 2011, с. 66-69; Тикиджьян, 2014, с. 541-547).

Наиболее убедительным объяснением факторов исторической стойкости сети поселений Юга Европейской России можно признать перечень, предложенный авторами коллективной монографии о казачьем Доне:

- удобная в географическом плане территория проживания;
- геостратегическое положение казачества в приграничных и спорных районах, в регионах переплетения интересов, ослабления и усиления влияния соседних государств;
- внешнеполитические обстоятельства, необходимость военной защиты от иностранной экспансии, особенно для России;
- развитие торгово-экономических связей в политически нестабильном регионе;
- социально-психологический склад характера, эмоциональная «заряженность» большей части казачества, его стремление к воле, военным походам, кочевой жизни;
- смешанный этнический состав казачества, отбор за долгое время пассионарных, отчаянных людей различных народов, усвоивших опыт и достижений целого ряда этносов (Тикиджьян, Скорик, Кочегаров, & Трут, 1994).

Интересным образом эту работу ростовских историков дополняет статья краснодарской исследовательницы Л.Г. Степановой, посвященная Новороссийской губернии XVIII в., часть которой находилась на территории современной Ростовской области. В статье показано, как первым поселенцам Юга России приходилось адаптироваться к природной среде, влиявшей на их

условия хозяйствования, учитывать рельеф местности, состав грунта, растительный покров, вести распашку земель, неосвоенных на более ранних этапах (Степанова, 2020). Именно такие проявления адаптации, на наш взгляд, во многом объясняют будущую устойчивость поселений этой части южнорусского фронтира.

Существенное значение для понимания социально-экономического фактора в заселении юга Европейской России сохраняют фундаментальные работы о заселении и хозяйстве Дона и степного Предкавказья в XVIII - первой половине XIX в., подготовленные А.В. Фадеевым, А. П. Пронштейном, С.А. Чекменевым, В.А. Осиповым. Хотя эти работы написаны во многом в марксистском духе, научную ценность сохраняет тезис о том, что характерной особенностью развития сельского хозяйства на этой территории в XVIII - начале XIX в. являлось зарождение буржуазных отношений (наемный труд, возникновение и рост внутренней и внешней торговли), что привело к более быстрому развитию хозяйства, чем в центральных районах России, где в экономике сильны были пережитки феодализма (Дон и степное Предкавказье, 1977; Осипов, 1985; Фадеев, 1960; Чекменев, 1967).

Более современную, неидеологизированную и разностороннюю характеристику основных этапов заселения Саратовского края содержит книга под редакцией И.В. Пороха (Очерки истории Саратовского Поволжья, 1993).

Для нашего исследования, посвященного сельскому населению южнорусского фронтира, особое значение имеет работа саратовского исследователя М.В. Булычева о крестьянском заселении Нижнего Поволжья (Булычев, 2004).

С современных позиций на роль социально-экономического фактора в заселении Юга России взглянула С.Л. Перечинская. Она обратила внимание на ментальность основной группы переселенцев – казенных крестьян, которая стала залогом социально-экономических преобразований и стабильности, послужила предпосылкой формирования буржуазных отношений на юге страны (Перечинская, 2011, с. 68). Для нашего исследования этот тезис особенно важен в связи тем, что во фронтирных территориях Черноземного Центра основное население также составляли государственные служилые люди, к началу XVIII в. превратившиеся фактически в государственных крестьян.

Основной группой источников по истории возникновения и развития избранного круга селений помимо уже указанных исторических исследований справочного характера стали многочисленные общероссийские, региональные, поселенные справочники историко-географического, демографического, социально-экономического характера.

Само число избранных для изучения крупных поселений определено на основе материалов Всесоюзных и Всероссийских переписей населения 1939, 1959, 1989, 2002 и 2010 гг.

Особенно подчеркнем, что все эти материалы широко использованы в статьях Википедии об отдельных населенных пунктах. Мы в очередной раз

призываем коллег не удивляться серьезному отношению к статьям Википедии как историческому источнику. Наш многолетний опыт обращения к информации этого ресурса об отдельных населенных пунктах свидетельствует о размещении в нем достоверных фактов из старинных исторических и историко-географические источников, работ профессиональные историков и специалистов других областей знаний, региональных и локальных официальных документов. Вносимые в статьи изменения, как правило, представляют дополнения из такого же рода источников (особенно из появившихся в Интернете с 2000-х гг. отчетов сельских советов).

В приложении в качестве образца мы поместили примечания к статье о хуторе Тормосин, который уже перестал быть крупным поселением, но описан на широком для такого поселения круге источников. Статьи об остающихся крупными поселениях основаны на еще больших комплексах источников и исторической литературы.

Возникновение поселений в зоне второго южнорусского фронтира

Из 267 современных крупных сельских русских поселений и появившихся на их основе поселений городского типа в современных Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях 232 возникли в эпоху пребывания этих территорий в зоне южнорусского фронтира. Точности ради скажем, что первоначальный список крупных сельских поселений формировался на основе данных переписи 1939 г., когда Волгоградская область была Сталинградской, а Ставропольский край – Орджоникидзевским. В послевоенные годы в этих регионах происходили административные изменения. Но они существенно не коснулись крупных сельских поселений. Мы выяснили 2 случая перевода в другие регионы. С. Черный Яр Сталинградской области оказалось в составе Астраханской области. Станица Наурская Орджоникидзевского края вошла в состав Чечено-Ингушской АССР. Мы не включили эти поселения в свои подсчеты.

Выявленные источники показали, что сведения о времени основания этих поселений оказались достаточно точными. В Черноземном Центре фронтирной эпохи, как мы не раз указывали, это было связано с основанием первых поселений государством специальными датированными указами (Канищев, & Лямин, 2018, с. 67-73; Жуков, Канищев, & Лямин, 2020, с. 38-57). На самом юге Европейской России, изучаемом в данной статье, государство не только основывало новые поселения, но и «брало под свое крыло» уже существовавшие здесь поселения. Конечно, указания на даты возникновения некоторых селений со слов старожилов, записанные в XIX, а то и в XVIII в., являются вторичной информацией, зачастую легендарной. Но знание общего исторического контекста отдельных регионов позволяло с достаточной для

нашего исследования точностью установить период появления того или иного поселения. Даты основания инородческих поселений зачастую неизвестны. Нас интересует время возникновения на их месте русских сел, которое в большинстве случаев известно или определимо по принадлежности к историческому периоду.

Время основания/ число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
До XVII в.	0	0	3	0	3
XVII в.	12	0	10	1	23
Первая половина XVIII в.	5	1	7	0	13
Вторая половина XVIII в.	10	39	16	23	88
Первая половина XIX в.(включая 1860-е гг.)	11	50	18	26	105
Всего	38	90	54	50	232

Таблица 1. Количество современных крупных русских сельских населённых пунктов, возникших в зоне 2го южнорусского фронтира

Table 1. Amount of contemporary large Russian rural settlements that emerged in the zone of the 2nd South Russian frontier

Время основания будущих крупных поселений в целом было связано с продвижением Российского государства на юг Восточной Европы. Вполне объяснимо зарождение таких поселений в XVII в. на территории современной Волгоградской области, которая вошла в состав России после покорения Астраханского ханства еще в середине XVI в.

Не совсем понятно появление десятка с лишним поселений в XVII в. и тем более в XVI в. на территории Ростовской области. Ведь эта земля официально стала переходить в российское подданство только в период Азовских походов конца XVII в. Однако вольные донские казаки были способны (в смысле умения приспосабливаться к сложным условиям жизни) создавать поселения

на свободной степной земле, лишь «слегка» входившей в зону влияния России. Это обстоятельство служит одним из факторов исторической устойчивости крупных донских поселений. Сработала «закалка» жизни во фронтирных условиях, которые «напрягали» не только российскими претензиями, но и близостью суровой Османской империи, Крымского ханства.

Несколько удивительно выглядят данные основания будущих крупных поселений на Нижней Волге и Нижнем Дону в первой половине XVIII в. Эта внешняя нелогичность все-таки объяснима. Как писал А.Н. Минх, начало активного заселения Нижнего Поволжья было связано со строительством оборонительных сооружений в 1720-х гг. и изданием указов о создании Волжского казачьего войска в 1730-х гг., позволивших обезопасить территорию Царицынского уезда от набегов кочевников (Минх, 2010).

Новые волны заселения Донской земли в первой половине XVIII в., вероятно, сдерживались временной утратой Россией Азова, жестоким подавлением Булавинского восстания, другими военно-политическими обстоятельствами.

Основание будущих крупных русских поселений на землях современных Краснодарского и Ставропольского краев вообще началось только после русско-турецкой войны в 1770-е гг. Большинство поселений здесь возникло в первые десятилетия XIX в., включая время окончания Кавказской войны в 1860-е гг.

В отличие от 1-го южного фронтира, который двигался по «Дикому Полю», освоение территорий Северного Кавказа шло по землям, ранее принадлежавшим другим народам и государствам. Не вдаваясь в специальное изучение этих обстоятельств, отметим только то, что они привели к быстрому обрусению казацкого населения, на которое опиралось Российское государство.

Основатели поселений в зоне южнорусского фронтира

В исследованиях по истории освоения фронтирных территорий особое место уделяется информации о местах выселения первых поселенцев. В зоне 1-го южнорусского фронтира большинство ранних поселений основали выходцы из старых московских уездов, что было индикатором тождества жителей новых поселений с населением метрополии.

На южном фронтире XVIII-XIX вв. главной особенностью было то, что большинство поселений основало местное население.

Регион выселения/число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
Местное население	21	65	18	1	105
Центральные уезды	1	0	1	5	7
Среднее Поволжье	1	0	0	2	3
Центральное Черноземье	2	5	7	27	41
Украина	3	3	8	18	32
Вторичное заселение	6	0	6	5	17
Крым	0	0	1	0	1
Неизвестно или неопределенно	5	19	15	14	53
Всего	39	92	56	72	259

Таблица 2. Районы выселения первых поселенцев современных крупных русских сельских населённых пунктов, возникших в зоне 2-го южнорусского фронтира

Table 2. Areas of settlement of the first settlers of contemporary large Russian rural settlements that emerged in the zone of the 2nd South Russian frontier

Сразу оговоримся, что во всех регионах, особенно Ставропольском крае, число районов выселения превышает число изучаемых населенных пунктов, т.к. в часть из них одновременно заселялись люди из разных регионов.

Количество поселений с неизвестными или нечетко выраженными в источниках местами выхода первопоселенцев составило пятую часть фактов таблицы, что, на наш взгляд, принципиально не меняет выводы по данному вопросу.

Говоря о местном населении, мы прежде всего имеем в виду казаков, которые зачастую жили в поселениях до прихода Русского государства, а также представителей некоторых степных и горских народов, чьи мелкие поселения существовали на месте будущих крупных русских сел.

Вторичное заселение – это продолжение движения казацкого населения той же зоны, только на новые места внутри нее.

Таблица 2 совершенно очевидно свидетельствует о том, что в Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском крае выходцы из Центральной России основали значительно меньшее число будущих крупных поселений, чем в зоне 1-го южного фронтира, где они составили около 40% первых поселенцев (Канищев, В. В., & Лямин, С. К., 2018).

Специфика заселения территории современного Ставропольского края состояла в том, что государство изначально оказывало существенную материальную поддержку переселенцам из Центра страны. Для нашей темы особенно важно то, что среди мест выселения на земли Ставрополья явно преобладали уезды и губернии Центрального Черноземья. В меньшей мере это проявлялось в истории поселений Волгоградской, Ростовской областей и Краснодарского края. В широком смысле, в принципе понятном и закономерном, выселение из центрально-черноземных регионов далее на юг можно назвать вторичным заселением потомками первопоселенцев всей зоны южнорусского фронтира XVII-XIX вв.

Переселенцев из старого московского Центра России среди основателей первых поселений 2-го южнорусского фронтира было мало по понятным причинам. Бежать из центральных уездов и губерний на далекий Юг в XVIII – XIX вв. в условиях сложившейся полицейской системы было намного сложнее, чем в «послесмутные» десятилетия XVII в. Кроме того, государство было заинтересовано в материальной поддержке переселенцев в зону 2-го южнорусского фронтира, уже освоившихся в лесостепных условиях, а, самое главное, бывших «своими», государственными и дворовыми крестьянами. Большая часть представителей этих социальных групп проживала в Черноземном Центре, первые поселения которого уже с конца XVIII в. испытывали аграрное перенаселение.

Существенным отличием 2-го южнорусского фронтира являлось широкое участие в основании поселений выходцев из Украины. В некоторых работах приводятся количественные данные о том, что их было значительно меньше, чем переселенцев из Центра России (Громов, 1983, с. 34). Но все равно такие переселенцев было больше, чем в зоне 1-го южнорусского фронтира, где черкасы не создавали новых поселений, а нанимались на службу в уже существовавшие крепости.

Основателями первых поселений фронтира XVII в. в принципе не могли быть выходцы из Крыма и даже Среднего Поволжья, которое в этот период также заселялось из старого Центра и не давало вторичного переселения в Центрально-Черноземный регион.

Социальные группы/число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
Казаки	11	64	18	6	99
Служилые люди	3	12	11	8	34
Отставные солдаты	0	0	0	2	2
Помещики	0	0	5	0	5
Крестьяне	0	1	3	6	10
Немецкие колонисты	0	0	0	1	1
Армяне	0	0	1	0	1
Переселенцы вообще	9	8	4	16	37
Неизвестные или неопределнные	15	5	12	11	43
Всего	38	90	54	50	232

Таблица 3. Социальные группы первых поселенцев современных крупных русских сельских населённых пунктов, возникших в зоне второго южнорусского фронтира

Table 3. Social groups of the first settlers of contemporary large Russian rural settlements that emerged in the zone of the second South Russian frontier

Таблица 3 является логичным продолжением предыдущей. Она еще раз подтверждает преобладание казаков как особой социальной группы среди основателей будущих крупных русских поселений Юга Европейской России.

Государство силами служилых людей непосредственно создавало меньше поселений. Но мы оговоримся, что казаки первоначально обустраивали свои населенные пункты при поддержке государства.

В сохранившихся крупных поселениях Волгоградской области и особенно Ставропольского края на втором месте находилась неопределенная в социальном отношении группа, которая в источниках называется переселенцы. Конечно, при более углубленном изучении можно установить состав этой категории первопоселенцев. Для нас сейчас важно подчеркнуть, что это были неместные жители, не казаки.

Информация источников только в редких случаях позволила четко выделить крестьян как первых поселенцев населенных пунктов Краснодарского и Ставропольского краев, Волгоградской и Ростовской областей. Косвенные

данные позволяют предполагать преобладание крестьян среди переселенцев вообще. Но мы отнеслись к этим данным осторожно, поскольку среди переселенцев могли быть и служилые люди, и жители полудеревенских посадов центральнорусских и украинских городов.

В таблице 3 мы получили очередное подтверждение важного различия 1-го и 2-го южнорусских фронтиров, связанного с практически полным отсутствием на самом Юге Европейской России помещичьего землевладения и, соответственно, отсутствия помещиков как основателей первых поселений.

Отметим факты основания отдельных сел отставными солдатами (это сопоставимо с основание сел Центрального Черноземья бывшими военными служилыми людьми), а также, казалось бы, экзотические факты основания будущих русских крупных сел немецкими колонистами и крымскими армянами. Да, это было необычно для Черноземного Центра (единичные факты возникновения небольших немецких колоний имели место только в Воронежской губернии). Применительно к зоне 2-го южнорусского фронтира об участии немцев и армян в заселении региона известно достаточно. Другое дело, что представители этих народов смогли создать единичные сельские поселения, которые впоследствии стали крупными.

Для нашей темы было важно в очередной раз подчеркнуть, что поселенческая сеть 2-го южнорусского фронтира главным образом формировалась наиболее подготовленными к жизни в местных условиях казаками, а также переселенцами из степных и лесостепных территорий Центральной России и Украины.

Природно-климатические факторы динамики поселений в зоне южного фронтира

При изучении приспособления как одного из главных оснований исторической устойчивости крупных сельских поселений важно конкретно объяснить роль природно-климатического фактора.

Оговоримся, что речь идет о современных водоемах. Мы понимаем, что мелкие водоемы в жарких краях в ходе истории могли высыхать или, напротив, наполняться водой. Поэтому появилась строка об отсутствии естественного водоема, который четко не просматривается на современных картах. При малых цифрах она не влияет по большому счету на наши выводы по данному сюжету.

Водоемы/число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
Большие реки (тысячи км)	7	0	12	0	19
Средние реки (сотни км)	18	33	16	29	96
Малые реки (десятки км)	13	30	22	20	85
Море	0	27	1	0	28
Нет воодоема	0	0	3	1	4
Всего	39	90	54	50	232

Таблица 4. Расположение современных крупных русских сельских населённых пунктов зоны 2-го южнорусского фронтира относительно водоемов

Table 4. Location of contemporary large Russian rural settlements of the zone of the 2nd South Russian frontier in relation to water bodies

Как видно из таблицы 4, на берегах больших рек (имеются в виду Волга и Дон) находилось около 20% поселений только в Волгоградской и Ростовской областях. Да и это местоположение не всегда было благоприятным. Народная память нынешних жителей сохранила сведения о крупных подтоплениях и переселениях на другие берега.

Станицу Клетская ныне Волгоградской области из-за разливов Дона переносили 4 раза. По тем же причинам неоднократно менял свое местонахождение казачий городок Верхний Курман Яр. Несколько раз с правого берега Дона на левый переносили станицу Семикоракорская. Факты переносов селений из-за мощных разливов Дона помнят современные жители станиц Романовская и Казанская Ростовской области.

Большинство крупных поселений изученных регионов располагались на средних и малых реках. В степной зоне часто возникала проблема пересыхания таких рек. Но, судя по всему, для данной группы поселений проблема не была столько тяжелой, и они выжили. Более того, в памяти жителей некоторых из них также сохранились факты крупных подтоплений и последующих переселений. Приведём два факта на территории современной Волгоградской области. Добринский казачий городок в 1779 г. из-за частых наводнений был переносен на правый берег средней реки Хопер, а с. Алексеевская из-за потопа в 1764 г. – на левый берег небольшой реки Бузулук.

Данные о природных ландшафтах, в которых появились современные крупные поселения, в источниках зафиксированы не очень полно и четко. Мы посчитали допустимым с оговорками использовать их в нашей работе. При ограниченности информации о состоянии природных ландшафтов Юга Европейской России в XVII-XIX вв. строить таблицу с количественными данными было некорректно. Полагаем, что в этом случае достаточен порядок цифр.

Чаще всего (десятки случаев) упоминалось расположение русских селений в степной природной среде. В источниках встретились единичные упоминания расположения русских населенных пунктов в лесных, лесостепных, полупустынных местах.

Упоминания предгорного положения русских поселений звучат в источниках редко. Показателем того, что горы – это не совсем русская природная среда, является единственный факт основания будущей крупной станицы Мингрельская в горах Кавказа в 1863 г. и перенос ее из-за неудобства расположения уже в 1865 г. Именно на новом месте поселение и стало крупной станицей.

Остальные не горные, а именно предгорные поселения Краснодарского края нашли какие-то выгоды из своего положения (между горами и степной равниной, между горами и морем), позволившие им стать крупными населенными пунктами. Предгорные станицы Белореченская, Крымская, Курганская, Лабинская, судя по всему, по комплексу «достижений», стали городами. Станица Ахтырская с 1948 г. успешно развивается благодаря добыче нефти в ее окрестностях. Станица Холмская выгодно расположена на железной дороге и автотрассе Краснодар-Новороссийск. Станица Передовая именно в силу своего географического положения является известным центром горного туризма и курортом. Ну, а станица Лазаревская, благодаря расположению между городами и Черным морем, стала частью большой курортной зоны, микрорайоном города Сочи.

Особо отметим крайне редкое упоминание лесных угодий в районе селений, при этом речь идет о небольших рощах. Возможно, русские переселенцы центральных районов страны не считали такие угодья за леса. Вероятно и то, что небольшие лесные насаждения были давно сведены и не остались в памяти современных жителей. Судя по всему, обосновываясь на Юге Европейской России, русские крестьяне вслед за казаками сумели пережить нехватку лесных ресурсов.

Сумели они преодолеть и другие природные напасти. В частности, известно, что с конца XIX в. во многих регионах Восточной Европы стали проявляться сильные засухи. Крупнейшие циклические засушливые годы (1891-1892, 1905-1906, 1920-1922, 1932-1933, 1946-1947 гг.) затронули и зону бывшего южнорусского фронтира.

Государственно-политический факторы динамики поселений в зоне южного фронтира

Особо отметим, что природные «напасти» конца XIX – первой половины XX в. в данной зоне сочетались с крупными социально-политическими потрясениями. Приходится вспоминать, что эти территории почти полностью напрямую затронули Гражданская и Великая Отечественная войны.

Воспоминания о тяжелых боях периода Гражданской войны до сих пор живут в памяти краснодарских станиц Гривенская, Курганская, Ладожская, Советская, волгоградских станиц Нижне-Чирская, Сиротинская, ростовских селах Веселый Хутор, с. Голодаевка, ростовских станиц Вешенская, Дубовская, Кагальницкая, Константиновская (ныне г. Константиновск), Мечётинская, ставропольском с. Константиновское. Специфически проявилась историческая память в с. Медвецкое Ставропольского края, которое долгие десятилетия носит имя героя Гражданской войны Гофицкого.

Тяжелые последствия для поселений Юга Европейской части России имел не только сам голод 1932-1933 гг., но и сопровождавшие его репрессии. Современные жители станиц Медведовская, Полтавская, Старо-Красно-Корсунская, Уманская, Уруповская Краснодарского края помнят о том, что в 1932-1933 гг. эти поселения попали в черные списки, доски позора, списки саботажников. За несдачу хлеба государству их население было полностью или частично выселено.

В 1942 – начале 1943 г. в зоне тяжелых боев Сталинградской битвы оказались села Верхне-Кумаровская, Калач, Тормосино, хутор Чернышовский. С. Городище вообще находилось в «гуще» событий (там находился штаб Паулюса). По окрестностям с. Суровикино проходила линия обороны Красной Армии. В Ростовской области особо помнят о бомбежках станицы Константиновская, бомбежках, а также артобстрелах и пожарах в станице Чернышевская. В Краснодарском крае вспоминают тяжелые бои в районе станицы Кущевская, об угоне немецкими войсками значительной молодежи в станице Гулевичи. Особым событием в Ставропольском краев была депортация в 1941 г. из с. Великокняжевское российских немцев.

Во многих крупных поселения юга Европейской России сохранилась память об оккупации гитлеровскими войсками в годы Великой Отечественной войны: станицы Динская, Должанская, Кореневская, Лабинская, Ленинградская, Ново-Кубанская, Ново-Титаровская, Тамань, Удобная Краснодарского края, села Анастасиевка, Белая Калитва, Веселый Хутор, Голодаевка, станицы Богаевская, Дубовская, Егорлыкская, Раздорская, Семикоракорская Ростовской области, села Дивное, Константиновское, Московское, Ново-Александровское, Петровское Ставропольского края и др. Сравнение списков крупных сел, непосредственно испытавших тяготы войн XX в., показывает, что целый ряд из них пострадал дважды.

Послевоенные годы принесли новые испытания для нескольких тогдашних крупных сел. Природный, а, можно сказать, социоприродный фактор существенно повлиял на исторические судьбы ряда сел Волгоградской области. С. Верхне-Курмоярское в 1950 г. было расселено при строительстве Цимлянского водохранилища. По той же причине на новое место в 1950-е гг. была переселена станица Нижне-Чирская, а также часть населения с. Луговая Пролейка.

Совершенно особым был случай, связанный с крупным селом Житкур Сталинградской области, которое в 1946 г. были ликвидировано в связи со строительством полигона Капустин Яр.

Для многих поселений бывшего 2-го южнорусского фронтира особые условия для развития создали административно-политические обстоятельства XX в.

		Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край
Число райцентров в 1939 г.	Всего	38	58	56	36
	В т.ч. с числом жителей менее 5 тыс. чел.	30	7	32	7
Сохранили статус райцентров	Остались сёлами	10	20	26	10
	Стали городами и посёлками	8	14	6	13
Утратили статус райцентра	Остались сёлами	19	22	21	12
	Влились в город	1	2	3	1
Весь период сохраняли статус простого села (не райцентра)		0	32	6	21
Всего		38	90	62	57

Таблица 5. Изменения административного статуса сельских райцентров и крупных сел русских регионов Юга Европейской России в 1939-2010 гг.

Table 5. Changes in the administrative status of rural district centers and large villages of the Russian regions of southern European Russia in 1939-2010.

Предоставление десяткам сельских поселений статуса районных центров, поселков городского типа, включение некоторых из них в состав городов

давало разнообразную государственную организационную и финансовую поддержку. Благодаря такой поддержке большинство этих поселений сохранились в разряде крупных. И что важно подчеркнуть для нашей темы, по степени устойчивости и успешности демографического развития русские поселения самых южных регионов превосходили первые фронтирные селения Центрально-Черноземного региона. Проведенное ранее исследование показало, что во второй половине XX – начале XXI в. в условиях урбанизации и депопуляции сельского населения на юге Европейской России сократило свою численность 38% крупных сельских поселений, а в Центральном Черноземье (здесь также большинство крупных сел возникло в период фронтира) – 65%.

С другой стороны, из таблицы 5 можно понять, что не все крупные сельские поселения Юга Европейской России были «обласканы» государством, в течение изученного отрезка времени утратили статус районных центров или вовсе его не имели, всегда были простыми селами или станицами. Они обеспечили свою устойчивость благодаря успехам социально-экономического развития.

Мы уже отмечали факты устойчивого и успешного развития краснодарских станиц Холмская и Передовая. Среди сохранивших крупные размеры, не являющихся районными центрами, но имеющих в начале XXI в. очень развитый по российским сельским меркам экономический уровень можно назвать десятки поселений Волгоградской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. Разнообразные (порой десятки) предприятий промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства, торговли, коммунального хозяйства действуют в волгоградских селах Горный Балыклей, Вязовка, Кайсацкое, Лемешкино, Усть-Бузулуцкое, хуторах Зимняцкий и Тормосино, станице Сиротинской, краснодарских станицах Васюринская, Владимирская, Вознесенская, Гостагаевская, Кавказская, Казанская, Кирпильская, Крыловская, Ладожская, Марьяновская, Медведовская, Михайловская, Ново-Деревянковская, Ново-Леушковская, Ново-Минская, Ново-Мышастовская, Ново-Титаровская, Ново-Щербиновская, Петропавловская, Пластуновская, Роговская, Родниковская, Рязанская, Советская, Старовеличковская, Старо-Нижне-Стеблиевская, Старо-Мышастовская, Старо-Титаровская, Тамань, Терновская, Удобная, Шкуринская, селе Петровское, ростовских станицах Кривянская, Мечётинская, селах Кагальник, Алексеево-Лозовск, Веселый Хутор, Красная Поляна, Мальчевская, Развильное, Самарское, хуторе Базки, ставропольских селах Александрийская, Архангельское, Обильное, Большая Джалга, Нины, Покойное, Прасковея.

Мы привели обширный список крупных, но не самых развитых сельских поселений четырех регионов юга Европейской России, дабы подчеркнуть значение фактора социально-экономической «бойкости» в устойчивом развитии поселений Юга России. Совершенно очевидно, что сельские поселения, оставшиеся райцентрами или влившиеся в состав городов, развиты еще

больше. При этом мы подчеркиваем, что все крупные по численности селения и районные центры стали таковыми благодаря тому, что успешно развивались в досоветское время. Об успешности развития сельских населенных пунктов Волгоградской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев на фоне ранее изученных нами единичных поселений бывшего 1-го южнорусского фронтира мы уже писали (Жиров & Канищев, 2021).

Выводы

Современное состояние изученных крупных поселений Юга Европейской России показывает, что они смогли пережить все упомянутые напасти, тяготы и лишения и в нынешних условиях демонстрируют свою демографическую и социально-экономическую успешность. Определяющую роль в этом сыграли изначальные благоприятные факторы, связанные с комфортными природными условиями, а также поддержкой государства и социально-экономической «бойкостью» населения.

Полагаем, что получили в статье дополнительные конкретные доказательства позитивных последствий умелого использования государством и русским населением благоприятных условий в освоении фронтирных территорий.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.» № 18-18-00187)

Список литературы

Азаренкова, А. С., Бондарь, И. Ю., & Вертышева, Н. С. (1986). *Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.)*. Краснодарское книжное издательство.

Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (2019). Издательство КубГАУ.

Баева, Л. В. (2014a). Зона северного Прикаспия и нижнего Поволжья как фронтир: Классификация и характеристика. В *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции* (сс. 54–62). Южный федеральный университет.

Баева, Л. В. (2014b). Типология и проблемы изучения южно-российского фронтира. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: философия. социология и социальные технологии*, 2, 32–38.

Булычев, М. В. (2004). *Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия*. Издательство Саратовского университета.

Верещагин, А. В. (1885). *Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результат*. Типография Товарищества «Общественная польза».

Громов, В. П. (1983). Соотношение народной и правительственной колонизации Предкавказья в последней четверти XVIII – первой половине XIX века. *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки*, 3, 34–38.

Жиров, Н. А. (2019). Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в 1959–2010 гг. На районном уровне. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 183, 244–251. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-183-244-251

Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2012). Моделирование исторической динамики южнорусского фронтира. XVII – первая половина XIX вв. (ФронтирФрактал). *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*, 42, 77–78.

Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2019). Подходы к фрактальному моделированию процессов освоения зоны южнорусского фронтира: Новая версия модели. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 182, 137–150. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-137-150

Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2020). Формирование поселений зоны южнорусского фронтира XVII – первой половины XIX вв. И современная демографическая ситуация в центрально-черноземном селе (по материалам Тамбовской области). *Журнал Фронтирных Исследований*, 4, 38–57. https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.235

Золотов, В. А., & Агафонов, А. И. (1977). Сельское хозяйство Дона и Приазовья в первой половине XIX века. В *Дон и степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство)* (сс. 100–110). Издательство Ростовского университета.

Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. Материалы научно-практической конференции. (2009). Типография «Плехановец».

Кабузан В. М. (1996). *Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. Этностатистическое исследование*. Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ.

Канищев, В. В. (2017). Влияние «малого ледникового периода» на крестьянское хозяйство юга Центральной России в первой половине XIX в. В *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова* (сс. 362–366). Оргкомитет Чтений памяти академика РАН Л.В. Милова.

Канищев, В. В. (2021a). Историко-демографические судьбы бывших дворянских сел Тамбовского уезда в XVII-XXI вв. В *Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX- XXI вв.* (сс. 211–215). Издательство ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Канищев, В. В. (2021b). Историческая устойчивость поселений Белгородской черты (на материалах Козловского уезда). *Аграрная история*, 6, 3–7.

Канищев, В. В., & Баранова, Е. В. (2015). Пространственное представление движения южнорусского фронтира в середине XVII - середине XIX вв. В *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова* (сс. 178–186). Оргкомитет Чтений памяти академика РАН Л.В. Милова.

Канищев, В. В., & Жиров, Н. А. (2021). Устойчивость в развитии крупных русских сельских поселений Центра и Юга Европейской России во второй половине XX - начале XXI вв. *Вопросы истории*, 11, 66–81. https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi32

Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2018). Факторы фрактальной модели вхождения зоны южнорусского фронтира в состав Московского государства: Новая версия. *Журнал Фронтирных Исследований*, 4, 60–73. https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023

Лиджиева, И. В., & Бадмаева, Е. Н. (2021). Количественный учет инородческого населения Юга России во второй половине XIX в. *Журнал Фронтирных Исследований*, 3, 29–47. https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.289

Миних, А. Н. (2010). *Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия*. Издательство Волгоградской академии государственной службы.

Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Дмитрий Буланин.

Осипов, В. А. (1985). *Саратовский край в XVIII в.* Саратовское книжное издательство.

Очерки истории Саратовского Поволжья: Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. (1993). ИИЦ АО «Заволжье».

Перетяткович, Г. (1882). *Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края*. Типография П. А. Зеленого (О. Г. Ульриха).

Перечицкая, С. Л. (2011). Заселение Юга Российской империи в последней четверти XVIII в. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 9, 66–69.

Романова, А. П., & Топчиев, М. С. (2014). Кавказ как вечный фронтир. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 284–291.

Романова, А. П., Топчиев, М. С., & Саракаева, Э. А. (2013). Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронтира (сравнительный анализ). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 298–303.

Сазонова, С. (2009). Государственное регулирование переселения украинцев на территорию кавказского линейного казачьего войска (конец XVIII – первая половина XIX в.). *Власть*, 4, 123–127.

Степанова, Л. Г. (2020). Освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в.: Структурно-формирующие факторы расселения. В *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы* (сс. 72–81). Издательско-полиграфический центр «Научная книга».

Тикиджьян, Р. Г. (2014). Проблемы трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI-XX вв. В *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции* (сс. 541–547). Южный федеральный университет.

Тикиджьян, Р. Г., Скорик, А. П., Кочегаров, А. В., & Трут, В. П. (1995). Очерк третий. Донское казачество и Российское государство: Исторический опыт взаимоотношений. В *Казачий Дон. Очерки истории. Часть 1. История и культура Ростовской области*. http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000034/index.shtml

Фадеев, А. В. (1960). *Россия и Кавказ в первой трети XIX в.* Издательство Академии наук СССР.

Чекменев, С. А. (1967). *Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII в. и в первой половине XIX в.* б.и.

Якушенков, С. Н. (2015). Фронтир как культурная парадигма. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1, 288–298.

Якушенков, С. Н. (2018). Астраханский фронтир как модель регионального развития в XVII–XIX вв. В *Астраханские Петровские чтения: «Россия –Астрахань –Восток: Интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)»: Материалы Международной научной конференции* (сс. 17–21). Издательский дом «Астраханский университет».

Якушенков, С. Н., Романова, А. П., Баева, Л. В., Хлыщёва, Е. В., Морозова, Е. В., & Якушенкова, О. С. (2014). Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 304–314.

Якушенкова, О. С., & Якушенков, С. Н. (2015). Трансформация образа Чужого в условиях постфронтирной культурной парадигмы. *Научный журнал КубГАУ*, 10, 326–337.

References

Actual issues of sustainable development of rural areas. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. (2019). Publishing house of KubGAU. (In Russian).

Azarenkova, A. S., Bondar', I. Ju., & Vertysheva, N. S. (1986). *The main administrative-territorial transformations in the Kuban (1793-1985)*. Krasnodar Book Publishers. (In Russian).

Baeva, L. V. (2014a). Northern Caspian and Lower Volga Region as a Frontier: Classification and Characterization. In *Borders and Borderlands in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 54–62). Southern Federal University. (In Russian).

Baeva, L. V. (2014b). Typology and Problems of Studying the Southern Russian Frontier. *Vestnik of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2, 32–38. (In Russian).

Bulychev, M. V. (2004). *Peasant colonization of the Saratov region at the end of the 18th century and the first half of the 19th century and its consequences*. Saratov University Press. (In Russian).

Chekmenev, S. A. (1967). *Socio-economic development of Stavropol and Kuban in the late 18th century and the first half of the 19th century*. n. p. (In Russian).

Essays on the History of the Saratov Volga Region: Vol. 1: From Ancient Times to the Abolition of Serfdom. (1993). Zavolzhye Information and Communication Center. (In Russian).

Fadeev, A. V. (1960). *Russia and the Caucasus in the First Third of the 19th century*. USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).

Gromov, V. P. (1983). Correlation of People's and Governmental Colonization of the Pre-Caucasus Region in the Last Quarter of the 18th Century and the First Half of the 19th Century. *Proceedings of the North Caucasus Scientific Center of Higher Education. Social Sciences*, 3, 34–38. (In Russian).

Historical Memory of the Population of Southern Russia about the Famine of 1932-1933. (2009). Plekhanovets Printing House. (In Russian).

Jakushenkov, S. N., Romanova, A. P., Baeva, L. V., Khlyshhjova, E. V., Morozova, E. V., & Jakushenkova, O. S. (2014). The Frontier as a Heuristic Model of Historical and Cultural Knowledge. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 304–314. (In Russian).

Kabuzan V. M. (1996). *Population of the North Caucasus in the 19th – 20th centuries. Ethnostatistical study*. Russian-Baltic Information Center BLIC. (In Russian).

Kanischev, V. V. (2017). Influence of the “Little Ice Age” on the peasant economy of southern Central Russia in the first half of the 19th century. In *Rus’, Russia: Middle Ages and Modern Times*.

Fifth Readings in Memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov (pp. 362–366). Organizing Committee of the Readings in Memory of Academician L.V. Milov. (In Russian).

Kanischev, V. V. (2021a). Historical and Demographic Fates of the Former Noble Villages of Tambov County in the 17th – 21st centuries. In *Russian Statehood in the Faces and Fates of Its Founders: IX-XXI Centuries*. (pp. 211–215). Publishing house of LSPU named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. (In Russian).

Kanischev, V. V. (2021b). Historical stability of the settlements of the Belgorod feature (on the materials of Kozlovsky uyezd). *Agrarian History*, 6, 3–7. (In Russian).

Kanischev, V. V., & Baranova, E. V. (2015). The Spatial Representation of the South Russian Frontier Movement in the Middle 17th - Mid 19th Centuries. In *Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times. Fifth Readings in Memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov* (pp. 178–186). Organizing Committee of the Readings in Memory of Academician L.V. Milov. (In Russian).

Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2018). Factors for a fractal model of the incorporation of the South Russian Frontier into Muscovity: a new version. *Journal of Frontier Studies*, 4, 60–73. https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023 (In Russian).

Kanischev, V. V., & Zhirov, N. A. (2021). Sustainability in the Development of Large Russian Rural Settlements of Central and Southern European Russia in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries. *Voprosy istorii*, 11, 66–81. https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi32 (In Russian).

Lidzhieva, I. V., & Badmaeva, E. N. (2021). Quantitative Account of the Non-Slavic Population of the South of Russia in the Second Half of the 19th century. *Journal of Frontier Studies*, 3, 29–47. https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.289 (In Russian).

Minich, A. N. (2010). *Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province: Southern districts of Tsaritsynsk and Kamyshin. Modern version*. Volgograd Academy of Public Service Publishers. (In Russian).

Mironov, B. N. (1999). *Social history of Russia in the period of empire (18th – beginning of 20th centuries). Genesis of personality, democratic family, civil society and legal state*. Dmitry Bulanin. (In Russian).

Osipov, V. A. (1985). *Saratov region in the 18th century*. Saratov Book Publishers. (In Russian).

Perechitskaya, S. L. (2011). Population of the South of the Russian Empire in the Last Quarter of the 18th Century. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 9, 66–69. (In Russian).

Peretyatkovich, G. (1882). *The Volga region in the 17th and early 18th centuries. (Essays on the history of colonization of the region*. Printing house of P. A. Zelenyi (O. G. Ulrich). (In Russian).

Romanova, A. P., & Topchiev, M. S. (2014). The Caucasus as an Eternal Frontier. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 284–291. (In Russian).

Romanova, A. P., Topchiev, M. S., & Sarakaeva, E. A. (2013). Intercultural Communication on the Frontier and Off the Frontier (Comparative Analysis). *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 298–303. (In Russian).

Sazonova, S. (2009). State regulation of the resettlement of Ukrainians on the territory of the Caucasian Linear Cossack Army (late 18th – first half of the 19th century). *Vlast'*, 4, 123–127. (In Russian).

Stepanova, L. G. (2020). Development of the Southern Territories of the Russian Empire in the Late 18th - First Half of the 19th Century: Structurally Formative Factors of Settlement. In *A Year-*

book of Agrarian History of Eastern Europe (pp. 72–81). Publishing and Printing Center "Scientific Book". (In Russian).

Tikijian, R. G. (2014). Problems of the Don Cossacks' Transformation in the System of the Russian South-Eastern Frontier in the 16th-20th Centuries. In *Borders and Borderlands in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 541–547). Southern Federal University. (In Russian).

Tikijian, R. G., Skorik, A. P., Kochegarov, A. V., & Trut, V. P. (1995). Essay three. The Don Cossacks and the Russian State: Historical Experience of Relationship. In *The Cossack Don. Essays on history. Part 1: History and Culture of the Rostov Region*. http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000034/index.shtml (In Russian).

Vereshchagin, A. V. (1885). *Historical overview of the colonization of the Black Sea coast of the Caucasus and its result*. Printing house of the Public Benefit Partnership. (In Russian).

Yakushenkov, S. N. (2015). The Frontier as a Cultural Paradigm. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1, 288–298. (In Russian).

Yakushenkov, S. N. (2018). Astrakhan Frontier as a Model of Regional Development in the 17th – 19th centuries. In *Astrakhan Peter readings: "Russia-Astrakhan-East: Integral interaction (to the 300th anniversary of the Astrakhan province)": Materials of the International Scientific Conference* (pp. 17–21). Astrakhan University Publishing House. (In Russian).

Yakushenkova, O. S., & Yakushenkov, S. N. (2015). The Transformation of the Alien Image in a Post-Frontier Cultural Paradigm. *Scientific Journal of KubGAU*, 10, 326–337. (In Russian).

Zhirov, N. A. (2019). Strategies of demographic behavior of the rural population of southern Central Russia in 1959-2010. At the district level. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 183, 244–251. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-183-244-251 (In Russian).

Zhukov, D. S., Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2012). Modeling the Historical Dynamics of the South Russian Frontier. 17th – first half of the 19th century (FrontirFractal). *Newsletter of the History and Computer Association*, 42, 77–78. (In Russian).

Zhukov, D. S., Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2019). Approaches to Fractal Modeling of Development Processes of the South Russian Frontier Zone: New Version of the Model. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 182, 137–150. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-137-150 (In Russian).

Zhukov, D. S., Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2020). The Development of Settlements within the South Russian Frontier of the 17th – early 19th centuries and the Current Demographic Situation in the Central Black Earth Region Countryside (Based on Materials from the Tambov Oblast). *Journal of Frontier Studies*, 4, 38–57. https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.235 (In Russian).

Zolotov, V. A., & Agafonov, A. I. (1977). Agriculture of the Don and Azov Region in the First Half of the 19th Century. In *The Don and the Steppe Pre-Caucasus. The 18th century and the first half of the 19th century. (Population and economy).* (pp. 100–110). Rostov University Press. (In Russian).

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.312

The Image of a Man of the Frontier on the example of the Don's Nonresident Peasantry

Mariya A. Kolomeytseva (a) & Alexandr N. Komandzhaev (b)

(a) Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. Email: marijaandreeva[at]mail.ru

(b) Kalmyk State University. Elista, Russia. Email: ak.narma[at]mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the image of a frontiersman on the example of the nonresident peasantry of the Don. On the Don (Don Cossack Region), the formation of the social structure had one important feature: as a result of colonization, two separate categories of the population were formed – indigenous and nonresident, whose rights and status differed. The purpose of the study is to determine to what extent the factor of frontier influenced the formation and functioning of the social space and its communities in their development, focusing the research on a nonresident peasant. In the course of the work, the place and role of the nonresident peasantry in the development and burgeoning of the region are determined, behavioral models are characterized, which were largely conditioned by the traditions laid down during the of frontier period, relations with the indigenous population are considered. The result of the work was picturing of the image of the nonresident peasantry as a type of a "frontiersmen" who actively explore the external space in various aspects of social and industrial life. It is concluded that the frontier was a factor in the formation of a special way of social life; it influenced the formation and development of local communities and the choice of behavioral models. The research materials can be used in the study of micro-and macro-history of Russia; the article is intended for scientists and a broader reading public.

Keywords

Southern Frontier; Socio-Cultural Processes; Don's Region; Agrarian Migrations; Peasant Colonization; Post-Reform Period; Nonresident Peasantry; Integration; Behavioral Models; Mentality

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.312

Образ человека фронтира на примере иногороднего крестьянства Дона

Коломейцева Мария Андреевна (a), Команджаев Александр Нармаевич (b)

(a) Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. Email: marijaandreeva[at]mail.ru

(b) Калмыцкий государственный университет. Элиста, Россия. Email: ak.narma[at]mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению образа человека фронтира на примере иногороднего крестьянства Дона. История и особенности освоения приграничных и окраинных территорий предопределяли социокультурную специфику фронтирных сообществ, как в период существования фронтира, так и на более поздних этапах. На Дону (Область войска Донского) формирование социальной структуры имело важную особенность: в результате колонизации образовались две отдельные категории населения – коренные и иногородние, права и статус которых различались. Цель исследования – определить, как фактор фронтира повлиял на формирование и функционирование социального пространства и его сообществ в их развитии, с локализацией объекта исследования на иногороднем крестьянстве. В ходе работы определены место и роль иногороднего крестьянства в развитии и освоении региона, охарактеризованы поведенческие модели, которые во многом определялись традициями, заложенными в период фронтира, рассмотрены отношения с коренным населением. Результатом работы стало определение образа иногороднего крестьянства как типа «фронтирмена», который активно осваивает внешнее пространство в различных аспектах социальной и производственной жизни. Делается вывод о том, что фронтир выступал фактором формирования специфики социального пространства, влиял на складывание и развитие местных сообществ и выбор моделей поведения. Материалы исследования могут быть использованы при изучении микро- и макроистории России; статья предназначена для ученых, образовательного сообщества.

Ключевые слова

южный фронтир; социокультурные процессы; Донская область; аграрные миграции; крестьянская колонизация; пореформенный период; иногороднее крестьянство; интеграция; модели поведения; менталитет

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

К постановке проблемы

Историческое исследование в рамках теории фронтира предполагает осуществление многомерного анализа, т.к. сам фронтир можно рассматривать в трехмерном пространстве: географическом, временном, социальном[1]. Понимание фронтира как особых – «места, периода, ресурсов и образа жизни» (Романова, Якушенков, & Хлыщева и др., 2014, с. 25) предопределяет необходимость комплексного подхода. Отдельный интерес представляет обращение к вопросу не столько физического освоения и включения тех или иных территорий в общероссийское пространство, сколько особенностей становления социума в зонах фронтира, экономическое, культурное бытование народов[2]. Перспективным представляется проведение анализа того, насколько фактор фронтира влиял на складывание и функционирование социального пространства и его последующее развитие в условиях «постфронтирного» периода, определял формирование и эволюцию социальных типов и связей. Предмет нашего исследования – образ человека фронтира на материалах Дона (Область войска Донского), объект – иногородние крестьяне, являвшие собой весьма примечательную группу в социальной структуре региона – многочисленную, активно участвующую в социально-экономическом процессе, но отличную от массива коренного казачества и крестьянства. С целью рассмотрения влияния фактора фронтира на социальное пространство и его сообщества в их развитии хронологические рамки определены более поздним по отношению к начальному этапу освоения края пореформенным периодом (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Социальные отношения в зоне фронтира имеют определенное своеобразие. Существуя во времени, фронтир соответствует периоду освоения пространства, включения его в основную территорию; но одновременно – интеграции в единую социально-экономическую, правовую, культурную систему во всем многообразии аспектов этой интеграции. Между тем процессы, заложенные в ее основании, не могут прекратиться одновременно с прекращением существования самого фронтира; они находят свое отражение в этно-культурных, социальных особенностях, специфике материальной, производственной, бытовой культуры, возникновении сигнификатов. Каппелер отмечал, что фронтир интересен и уникален как зона «коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» (Каппелер, 2003, с. 49). Замятиной Н.Ю. подчеркивалось, что фронтир –

1 Не случайно, Баррет Т. считал, что российский фронтир следует изучать «во всем его этническом разнообразии… демографическую подвижность, … культурные и экономические отношения и окружающую среду» (Барретт, 2000, сс. 193-194)

2 Социокультурные особенности осваиваемых территорий становились предметом самостоятельных исследований (см., например, Лурье, 1998; Баева, 2016; Немировская & Фоа, 2013; Резун & Шиловский, 2005; Басалаева, 2012; Романова, Якушенков, Хлыщева и др., 2014).

это не граница территории, а «зона особых социальных условий», определявшихся собственно происходящими процессами освоения (Замятина, 1998, с. 76).

Сценарии развития общественной среды пограничных земель в процессе их освоения могли различаться (Мизис, Скобелкин & Папков, 2015). Воспроизведение форм социальной жизни основной территории (метрополии) испытывает воздействие внутренних процессов на осваиваемой территории. Само социальное пространство в период фронтира – не определено, коллективная идентичность членов сообщества – еще не прочная, не сложились окончательно экономические, социальные, управленческие роли, не установлены четко границы, продолжается миграция населения. Колонизационные процессы в зонах фронтира обусловливали постоянное возобновление состава населения, разнообразие социальных и этнических элементов, альтернативность развития сообществ фронтира.

Скажем несколько слов о типе человека фронтирной зоны. Исследователи выделяли ряд особенностей фронтира, влияющих на менталитет его жителей. Так, Рибер А., отмечал, что нередко пограничье отличалось наличием «горячих точек», когда пограничные империи боролись за свое влияние (Рибер, 2004, с. 56-57). Соперничество государств, открытые вооруженные конфликты, смешение этнических и культурных традиций в этих зонах приводило, по мнению Рибера А., к возникновению «специфического типа пограничной культуры». Человек вынужден был действовать согласно «потребности элементарного выживания в этих зонах» (Рибер, 2004, с. 56). Замятина Н.Ю. отмечала в качестве отличительной особенности фронтирных зон, порубежья, чувство свободы – от устоев и традиций, классовых и сословных установок, прошлого самого человека (Замятина, 1998, с. 78). Это чувство свободы было обусловлено рядом факторов: тем, что само общество составлялось из массы переселенцев, освобождавшихся от устоев и границ своего прежнего обитания; отсутствием жесткого государственного, административного контроля; не сложившимися еще устоями сообщества самого фронтира. В то же время, как подчеркивала Замятина Н.Ю., в условиях «стихийной демократии» жители порубежья вынуждены были признавать такое же право свободы за другими, «уважать свободу друг друга» (Замятина, 1998, с. 78).

Фронтир можно понимать как особое пограничное состояние, пограничный статус, что не могло не отразится на социальном поведении человека. Для разных участников фронтира модели поведения могли существенно различаться, нередко происходила кардинальная смена ролей или образа жизни. Являлось ли подобное пограничное положение человека признаком маргинализации? Последний термин вносит известную социально-негативную окраску в понимание утраты принадлежности индивида к определенной общности вследствие занятия им промежуточного положения; отсюда – неустойчивость, неадаптированность, что приводит к социальному, психоло-

гическому разложению, люмпенизации. При утрате традиционных ориентиров и ценностей и неспособности принять новые маргинализирующиеся элементы могут вступать в конфликт с окружением, проявляя деструктивное поведение. Иное дело – человек фронтира, который должен был обладать не только смелостью покинуть прежнюю родину, но также решимостью, готовностью отстоять свое право на пребывание, существование на новом месте жительства. Очевидно, что приходящее на вновь осваиваемые земли население должно было иметь особый склад характера. Как правило, оно демонстрировало высокий адаптационный потенциал, хорошие производственные способности, умение противостоять внешним условиям. Люди фронтира были открыты будущему, новому, хотя их образ не должен быть героизирован. Как верно отмечал Сопов А.В., население фронтира – «далеко не «сливки общества» (Сопов, 2012), а Замятина подчеркивала, что в основном это люди, «вытолкнутые» из традиционного общества своей страны» в силу обстоятельств и собственного характера (Замятина, 1998, с. 77). Можно сказать, что человек фронтира – нередко фигура без прошлого, с которым он порывал; на новом месте обитания он мог менять свой статус, род занятий. Но это отнюдь не маргинализированные элементы, утрачивающие в перспективе социальные ориентиры и ценности; напротив, это должны быть люди энергичные, целеустремленные, предприимчивые, способные к переоценке предыдущего опыта. Сообщество фронтира можно сравнить с саморегулирующейся системой, которая соединяла в своем механизме различные элементы – опыт, вынесенный из метрополии, навык коммуникаций с соседними племенами, сообществами, порядок взаимодействия между самими жителями.

Дон и его население в контексте теории фронтира

Обратимся к конкретно-историческому материалу исследования. Донская область (Область войска Донского) являлась одним из знаковых регионов, с уникальной историей и культурой. Район Подонья и Приазовья крайне интересен с позиций и микро- и макроистории России. Донские земли входили в состав так называемого Дикого поля, издревле переживавшего миграции различных народов. В период раннего Нового времени эта территория стала местом столкновения интересов России, Турции, Крымского ханства; здесь встречались оседлая земледельческая культура и цивилизации кочевников и народов, ведших полукочевой образ жизни; в непосредственной близости развивались кавказские народы. Однако в историографии тематика освоения собственно донского края с привлечением теории фронтира остается недостаточно раскрытой. Подонье рассматривалось чаще в контексте изучения проблематики освоения южных рубежей, Дикого Поля, южнорусского фронтира. Последнее направление – наиболее разработанное[1].

1 См., например, Мизис & Кащенко, 2011; Канищев & Лямин, 2018; Жуков, Канищев & Лямин, 2014; Канищев, 2018; Скобелкин, 2013b.

Каппелер, рассматривая южно-русский фронтир, включая региона Дона, отмечал характерные черты зоны фронтира – взимодействие оседлых народов и культур и земледельческого населения с кочевыми; православного – с мусульманским. Мизисом Ю.А., Скобелкиным О.В., Папковым А.И. определялись условия возникновения и существования южной фронтирной зоны, акцентировалось внимание на приграничном статусе; отмечалось, что эти земли являлись желанным объектом экспансии, а население, пребывающее на территории, имело разный уровень социально-экономического развития. Характер освоения региона также свойственен фронтирной зоне – границы его были подвижны, посредством возведения укрепленных городков происходило постепенно заселение новых районов. При этом расширение контролируемой (прежде всего, силой оружия) территории сопровождалось хозяйственной колонизацией. Наличествовал и характерный признак постоянной военной опасности на границах, которую представляла, прежде всего, Турция. Освоение данной территории казачеством сыграло важнейшую роль в укреплении границ степей причерноморья и приазовья.

Хронологически период фронтира определялся исследователями по-разному. Замятина Н.Ю. относит существование фронтирной зоны Дона и Северного Кавказа на период XVII-нач. XIX в.; Мизис Ю. в определении хронологии освоения южнорусского фронтира в качестве завершающего этапа указывает присоединение Азова и приазовья; основой территории становится междуречье Волги и Дона. Хронологически этот период приходится на XVIII в. Как результат, в последующий период территория фронтира на юге отодвинулась на Кавказ (Мизис, Скобелкин & Папков, 2015).

Социальные процессы, происходившие на Дону, во многом испытывали воздействие фактора фронтира. Сложившая в регионе социальная структура имела свою специфику, обусловленную в том числе особенностями заселения и освоения донских окраин в период раннего Нового времени. В регионе отмечался постоянный приток населения извне. Если рассматривать колонизацию как одну из базовых характеристик фронтира, то Подонье и Приазовье представляют собой не менее интересный объект исследования, чем Сибирь и Восточный край. Важно, что история освоения Дона при рассмотрении её с позиции фронтира не имеет такого признака, как столкновение пришлого населения с автохтонным, по той причине, что до возникновения здесь казачества территория была практически не заселена. Еще одна особенность освоения собственно нижнего и среднего Дона – отсутствие организованного государственного участия в самой колонизации, которая носила народный характер. Заселение территории Донской области шло самостийно, постепенно, путем занятия пустующих районов, обустройства казаками укрепленных пунктов – «зимовников», «городков», что, однако, в целом соответствовало общей схеме колонизации южнорусского фронтира. В течение XV – XVIII вв. происходило уточнение границ, сформировалась особая военно-

политическая организация – Войско Донское. Казачество рассматривало эту землю как родную, собственную. Не случайно до 1870 года территория называлась Землей Войска Донского. Лежащая исторически в основе освоения Донской области стихийная народная колонизация способствовала оформлению сообщества казачества, затем складыванию общности крестьянства и появлению других социальных групп, что признавалось и местными авторами еще дооктябрьского периода (Снесарев, 1870; Овчинников, 1912). В результате в регионе фактически самостийно, без какого-либо стороннего вмешательства, по крайней мере на начальном этапе, образовались 2 разных мира – воинов-казаков и пахарей-крестьян. Социальные роли субъектов были различны, и фактор фронтира во многом повлиял на то, что эти два мира не слились воедино, но при этом и не вошли в конфронтацию, с разных позиций внося свой вклад в дело освоения стратегически важного региона.

В историографии фронтира наиболее наработан опыт изучения казачества. Непосредственно или косвенно районы, заселенные казаками, становились объектом отдельных изысканий[1]. Одним из первых к рассмотрению пограничных территорий вольных казаков обратился Каппелер А., исследовавший южный и восточный фронтиры (Каппелер, 2003). В региональной историографии следует отметить изыскания Сень Д.В.[2] Перспективность использования понятия фронтир в исследованиях «социокультурной специфики» раннего казачества отмечалась Рыбловой М.А. (Рыблова, 2009, с. 12)[3].

Социальные процессы, обусловленные фактором принадлежности региона к зоне фронтира, влияли на положение не только казаков, но и неказачьего населения. Вторую по численности социальную группу составляло крестьянство (от 30-40% всего населения), сыгравшее важную роль в освоении края. Между тем исследования, которые бы рассматривали историю неказачьего населения Дона с позиций теории фронтира, практически отсутствуют. Среди близких по проблематике можно назвать труды, посвященные крестьянской колонизации окраин, которую еще дооктябрьские исследователи считали одной из ключевых особенностей российской истории (например, труды Багалея Д.И., Соколовского П.А., Кауфмана А.А.)[4]. Аграрные миграции стали особым фактором, оказавшим существенное влияние на протекание демографических, социальных, производственных, культурных процессов, ход исторического развития в целом. Каппелер А. выделял 2 особенности освоения подонья в целом: активную миграцию в регион населения из различных областей, а также смешение в результате этих миграций культур и укладов жизни. Он отмечал, что уже на раннем этапе освоения края в регион массами устремлялись «православные восточнославянские крестьяне и горожане», искавшие спасения в степи от налогового бремени и крепостной зависимости.

1 См., например, Боук, 2001; Баррет, 2000; Скобелкин, 2013а
2 См., например, Сень, 2006; Сень, 2007; Сень, 2011
3 По данному вопросу см. также Рыблова, 2008
4 Наиболее известные труды: Багалей, 1887; Соколовский, 1878; Кауфман, 1898; Кауфман, 1905

Вновь прибывшее население осваивало территорию, способствовало строительству укреплённых городков, занималось промыслами, участвовало в походах против степных кочевников, крымских татар и турок. Это пришлое население сыграло важную роль в распространении в регионе земледельческой культуры (Каппелер, 2003, с. 51).

Крестьянская колонизация Дона: ход, особенности, значение

Рассмотрим некоторые моменты крестьянской колонизации Дона. Если использовать формулировку Рибера А. (высказанную им относительно зарубежья) о том, что пограничье – скорее не линия, а зона, «насыщенная возможностями, привлекательностью и ресурсами» (Рибер, 2004, с. 216), то Дон, действительно, был местом весьма ресурсным. Что привлекало сюда крестьянство? Во-первых – воля. Донское казачество в качестве ориентира своего внутреннего развития видело волю; сформировался идеал вольного казака, способного отстаивать свободу и землю с оружием. Надеясь на покровительство и правило об отсутствии выдачи с Дона, тысячи крестьян бежали сюда в поисках свободы. Многие приходили с определенной целью – вступить в ряды свободного казачества (Греков, 1907, с. 72), длительное время эта возможность сохранялась. Во-вторых, для крестьян-переселенцев не менее важным было обилие пустующих земель. Красочно выразился исследователь Дона С.Ф. Номикосов, описывавший природные богатства края и отмечавший, что издавна «привольные степи бассейна Дона манили к себе пришельцев разных национальностей» (Номикосов, 1884, с. 9). Так как казачество долгое время не занималось земледелием, во многом именно крестьянская колонизация способствовала распространению земледельческой культуры, тем сыграв свою роль во включении фронтира в единое экономическое пространство России. Земледельческая культура шла вслед за продвижением границ, наблюдалось постоянное расширение пахотных площадей. Земледелие со временем становится одним из ключевых видов производственной деятельности в регионе. Более того, к началу XX века Дон превращается в один из крупнейших хлебоэкспортных центров страны. И начало этому процессу было положено в период фронтира. В целом, народная крестьянская колонизация Дона явилась одной из характерных черт периода фронтира, она сохраняла свое значение в последующем, даже после прекращения его самого: крестьянские миграции на Дон отмечались на протяжении всего Нового времени, как в дореформенный, так и пореформенный период. Регион стал местом привлечения массы переселенцев, ищущих свободы, земли и заработка.

Интересен сам процесс развития социальной группы крестьянства в казачьем крае. Он отражает ход истории страны в целом, но непосредственно

несет в себе наследие фронтира. Фактически период фронтира – это время поиска путей развития, поскольку будущее – многовариантно. Дон в конечном итоге пошел по сценарию метрополии: по мере вхождения фронтирной зоны в основную территорию государства все отчётливее проявлялась тенденция к установлению феодального порядка. С течением времени здесь закрепляется феодальное землепользование, крепостное право, само казачество превращается в практически замкнутое привилегированное сословие. По указу 1763 г. все осевшие в области переселенцы (в источниках - «черкассы») включались в ежегодный подушный оклад, в связи с чем должны были записываться либо за отдельными лицами, либо за станичными обществами (Карасев, 1867, с. 75-76). Получив такую своеобразную «прописку», пришлое население сохраняло еще свободу, могло «перезаписываться», менять место жительства. На Дону образовались целые крестьянские поселения, слободы, жители которых, по согласованию со станичными обществами или отдельными домохозяевами, занимали участки земли и развивали свое хозяйство. К этому времени усиливается дифференциация внутри собственно казачьего сообщества, выделяется элита (старшины); само казачество становится более замкнутой группой (например, были изданы предписания, ограничивавшие браки между казачьим и крестьянским населением). Возможность вступления в ряды казачества сохранялась, но свобода переселенцев постепенно ограничивалась. Отмечались случаи передачи крестьян от станиц частным лицам, ужесточение контроля над перемещением крестьянского населения (Савельев, 1917, с. 26). В 1796 г. особым указом Павла I предусматривалось окончательное приписание крестьян на местах их фактического проживания, что по сути означало закрепощение крестьянства, ставшее следствием процесса включения Дона в общероссийское социально-экономическое пространство. Окончательно утверждаются феодальные порядки на Дону с принятием Положения по Управлению войском Донским 1835 года, определившим административно-управленческие, поземельные, служебные отношения, а также фактически закрепившим статус зависимого крестьянства.

С одной стороны – налицо единение порядков с метрополией, с другой – исторический опыт фронтира имел свои проявления. Во-первых, особенности складывания социальной структуры испытывали сильное влияние изначальных установок. На этапе освоения региона дух свободы пропитывал этот край, и эта свобода не могла иссякнуть разом. Казаки, даже верхушка казачьего общества – поместные и безпоместные дворяне не были в полном смысле помещиками, оставаясь, прежде всего, воинами. Традиции вольницы вкупе с многолетним опытом проживания бок-о-бок с земледельческим крестьянским населением выразились в более слабом проникновении крепостнического духа в общественную жизнь. К тому же крепостное право просуществовало на Дону недолго, с 1861 года в области проводилась реформа по его отмене. Во-вторых, даже с установлением сословной структуры сохранялась

допустимость социальной мобильности. Несмотря на формальные и неформальные попытки ограничить включение в состав казаков иных элементов, эти процессы продолжались и в XIX веке. Установление крепостного права и превращение казачества в замкнутое сословие, безусловно, ограничили возможности социальной мобильности, однако не привели к их полному исчезновению. В пореформенный период – ежегодно в состав казачьих обществ включались иные элементы. Но особенно значительный процент включений и исключений давали сообщества крестьянства и мещан. В-третьих, сохранялась высокая значимость привлечения сторонних ресурсов – материальных, трудовых в традиционное хозяйство. Переселяющееся крестьянство на всех этапах активно участвовало в экономическом развитии казачьего края. Изначально казачество было ориентировано на военную службу, и, по свидетельству Номикосова С.Ф.,

> «жило исключительно войной и для войны», занимаясь лишь промыслами и скотоводством. Хлебопашество было не только не в почете, но даже воспрещалось, «дабы воинским промыслам помехи не было» (Номикосов, 1884, с. 11).

При этом на начальном этапе на Дону при огромных пустующих пространствах существовало право занимать столько земли, сколько можно было обработать, чем активно пользовались старшинство и рядовые казаки. Не имея возможности, в силу постоянной отвлеченности на походы и службу, самостоятельно вести хозяйство, они испытывали острый недостаток в свободных рабочих руках, в связи с чем охотно разрешали селиться на занятых участках пришлому крестьянству, активно привлекали к работе переселенцев (Греков, 1907, с. 78; Коршиков, 1994, с. 222). Возможны были варианты: из определенной выгоды земли передавались в обработку крестьянам, либо использовался собственно труд переселенцев на определяемых договоренностью условиях, причем не только в земледелии, но также в зарождающемся промышленном производстве (Коршиков, 1997, с. 240). Привлечение сторонних ресурсов в традиционное хозяйство стало обычной практикой. Потребность в этих ресурсах сохранялась стабильно высокой. Не случайно в источниках упоминается, что казаки даже сманивали крестьян из соседних регионов (Савельев, 1917, с. 39). Учитывая массовое бегство крестьян на Дон, правительство всячески пыталось этому воспрепятствовать. Но казачество, отчасти следуя принципам вольницы, отчасти заинтересованное в привлечении крестьянского населения к производственным процессам, препятствовало розыску и поимке беглых, доходило даже до оказания сопротивления (1917, с. 20, 22-23). При крепостном праве использование дополнительного труда являлось привилегий высшего сословия, после – необходимостью для поддержания хозяйства; так или иначе, привлечение сторонних рабочих сил и передача казачьей земли в обработку крестьянскому населению стали одним из традиционных порядков на Дону, нормой, составляя часть экономической системы региона. В пореформенный период эта практика возобновилась, что

явилось благоприятным условием для новой волны миграций аграрного населения. Как и в период фронтира, донские просторы манили тысячи людей. Бежали от малоземелья и налогового гнета, с той лишь разницей, что в ряды казачества теперь уже не стремились попасть в первую очередь. Но легенда о казацкой вольнице и просторах по-прежнему была жива.

Особенности колонизации донских окраин (первая волна – дореформенный период, вторая – пореформенный) привели к складыванию в регионе 2х категорий крестьянского населения – крестьянства коренного (прошедшего через систему крепостной зависимости) и иногороднего; положение, статус, права их разнились. Колонизация пореформенного периода носила тот же народный характер, была стихийной, не имела какой-либо государственной программы в своей основе, поэтому положение иногороднего населения зависело от множества факторов: политики региональной администрации, отношения местного сообщества к переселенцам, собственной обеспеченности, трудоспособности. Важную значимость приобретали ментальные, интеллектуальные, психологические установки, мотивированность, способность к самоорганизации. Сама категория «иногородних» отдельно отмечалась в статистических, исторических, делопроизводственных документах.

Иногороднее крестьянство в социально-экономическом пространстве

Определяя место и роль социальной группы иногороднего крестьянства в пореформенном развитии Донской области, выделим несколько ключевых моментов. Наиболее очевидным является фактор демографический: массовая колонизация южных степных окраин изначально способствовала стабильному приросту населения (Коломейцева, 2018). Ежегодно в область прибывали десятки тысяч иногородних, более половины оставались на постоянное или продолжительное время. Особенно заметным был прирост собственно сельского населения: так, в период 80х гг. XVIII-50-е гг. XIX вв. крестьянское население в области увеличилось примерно в 5 раз (д.м.п.), в период второй половины XIX-начала XX века в 2,7 раза (д.м.п.). Темпы прироста в масштабах страны – весьма примечательные[1]. В состав крестьянских обществ только официально (в основном – через браки) регулярно причислялось несколько тысяч иногородних. Значительное число переселенцев оседали на территории области безо всякого включения в состав местных обществ. По данным на 1900 год, в области насчитывалось около 430 тыс. иногородних лиц, из которых в сельской местности (в волостях и станицах) – свыше 300 тыс.[2]. Проживание иногородних на территории войска официально было возможно на условиях уплаты посаженной платы, аренды, или покупки земли; но имелось и множество

1 Подсчитано по: Марков, 1915, сс. 67-68, 103, 112; Кеппен, 1857, сс. 199-200; Тройницкий, 1861, сс. 26-27; Памятная книжка Области войска Донского на 1899, с. 13; Ведомость о числе жителей…, 1905, сс. 62-63.

2 Подсчитано по: Памятная книжка Области войска Донского на 1900, сс. 4-21

примеров самозахватов. Прибывшие селились на территории станиц и волостей, в черте или за пределами населенных пунктов, вблизи железнодорожных станций, городов, на свободных войсковых землях и на участках частновладельческих (по договоренности с их хозяевами). В области возникали целые поселения иногороднего крестьянства, которые обозначались в источниках чаще как «временные». В материалах переписи 1897 года указывалось, что возникновение таких поселений можно считать «обстоятельством, ярко характеризующим экономическую жизнь донского края» (Список населенных мест по переписи 1897 г., 1905, с. 13). Только на войсковой земле по всей области насчитывалось на момент проведения переписи более 600 таких временных поселений, на частновладельческих землях – свыше 5 тыс. (1905, с. 13). Некоторые могли просуществовать недолго, пока не заканчивался срок аренды, «временность» других растягивалась на жизнь нескольких поколений. Многие из них были весьма многолюдны, с довольно развитой экономической жизнью, другие, не имеющие даже названия, численностью в несколько дворов, исчезали по прошествии нескольких лет, не оставляя сколько-нибудь заметных после себя следов (1905, с. 13).

Важную роль массовая колонизация сыграла в хозяйственном освоении края, его социально-экономическом развитии, что признавалось многими исследователями (Греков, 1905а, с. 34). Пришлое население постепенно проникало практически во всех отрасли производства и торговлю. Приток экономически активного, выгодоориентированного контингента, безусловно, способствовал активизации производственной сферы. Право заниматься экономической деятельностью иногороднее население (как невойсковое) получило в 60х гг. XIX века. Разрешались приобретение и возведение домов, строений, в том числе торговых, заведение садов и рощ и, главное – аренда и покупка земельных участков. Кроме того, уплачиваемая посаженная плата являлась дополнительной статьей дохода в пользу станичных обществ (Тимощенков, 1908а, с. 2). Наглядными примерами положительных результатов более свободной экономической деятельности пришлого населения становились вновь возникающие и быстрорастующие населенные пункты, в которых скапливалось «множество предприимчивого иногороднего населения, и жизнь торговая и промышленная била …ключом» (1908а, с. 2). Часть аграрных переселенцев уходила в города, активно занималась торговлей, ремеслом, нанималась на промышленные предприятия. В отличие от коренного крестьянства и казачества, которые существовали в рамках сложившейся общинной организации, переселенцы были более индивидуализированы. Коренному сообществу в силу традиционных устоев было сложнее встраиваться в отношения рынка; иногороднее население, несмотря на всю неустойчивость своего положения, связанную с отсутствием общественной поддержки и зачастую – малого капитала, активно занималось поиском дополнительных возможностей самореализации.

Поскольку наибольший приток населения давали сельские мигранты, на Дону увеличивался (причем – самостоятельно, без какого-либо участия со стороны правительства) массив населения, активно включающегося (непосредственно или в форме посредничества) в аграрное производство. Со второй половины XIX века Дон, наряду с Кубанью, превращается в один из крупнейших центров зернового производства в России. Наличие нескольких портов, высокие цены на хлеб, в том числе на мировых рынках, создавали благоприятные условия для увеличения оборотов и доходности сельскохозяйственной торговли, что, в свою очередь, стимулировало приток новых ресурсов в производственный процесс, увеличение числа его участников.

Иногороднее крестьянство стремилось к развитию собственного земледельческого хозяйства, многие добивались значительных успехов, составляя серьезную конкуренцию местному населению. Приток ресурсов (людских, финансовых) способствовал увеличению оборотов аграрного сектора. При экстенсивном способе производства Дон демонстрировал, например, стабильный рост посевных площадей, занимая по этому показателю едва ли не 1е место в Европейской России. При этом в капитализирующемся хозяйстве получила новый виток развития практика передачи ресурсов в сторонние руки, если это оказывалось приемлемо или выгодно. Высокий спрос на землю среди переселенцев значительно способствовал развитию земельного рынка. Многие выходцы из казачьей среды, не имевшие возможности обрабатывать свои участки лично, предпочитали сдавать их в аренду переселенцам за деньги или исполу (Овчинников, 1912, с. 731). Кроме того, на Дону имелся особый фонд запасных войсковых земель, участки которого администрацией передавались в аренду с целью пополнения войсковой казны, что приносило существенный доход (до 30% от всех доходов[1]). К специфически региональным обстоятельствам добавлялась общероссийская тенденция: поступление на земельный рынок помещичьих участков. По мере активизации земледельческого производства со второй половины XIX века число пришлых людей, прибегавших к покупкам и аренде, оставалось стабильно высоким. Площади арендуемой земли постоянно росли (достигая по некоторым оценкам, до 3х млн. дес.[2]), поступательно нарастали и площади земель, приобретаемых крестьянами в собственность (Памятная книжка Области войска Донского на 1900, с. 25). При этом значительные объемы покупок приходились именно на выходцев из других регионов[3].

Еще более широкое развитие получила традиция привлечения дополнительных трудовых ресурсов из числа пришлого населения. Масса пересе-

1 По данным ежегодных отчетов войсковых наказных

2 По данным статистических материалов Памятных книжек Области войска Донского на 1905 и 1911 годы. Также использованы сведения: Струков, 1880, с. 2

3 Проследить динамику участия иногороднего элемента в приобретении земельного фонда в области можно по данным отчетов Крестьянского поземельного банка. Нами проанализированы Отчеты за 1901-1905 гг.

ленцев, не имевших возможностей для заведения собственного хозяйства, активно пополняла ряды сельскохозяйственных наемных рабочих. Крупные землевладельцы, арендаторы, в том числе из среды самих переселенцев, и даже средние хозяйства, при экстенсивном способе производства (соответственно, увеличении обрабатываемой площади), остро нуждались в рабочей силе. Во время страды на Дон приходили тысячи иногородних работников; цены в период повышенного спроса иногда устанавливались «баснословные», т.к. отсутствие свободных рук грозило страшными потерями для земледельца (Шурунов, 1874). Широко были развиты сезонный и годичный найм. В целом область демонстрировала одни из самых высоких по России показателей использования наемного труда и отношения пришлых работников к местным[1].

Менталитет и взаимоотношения

От рассмотрения результатов практического участия иногороднего крестьянства в жизни края перейдем к ментальным аспектам. Дополним образ переселенцев некоторыми социально-психологическими характеристиками, многие из которых отражают тип человека фронтирной зоны. Следует отметить высокий адаптационный потенциал переселенцев. Изначально на Дон двигались весьма рисковые люди, ищущие свободы и земли, по словам Номикосова: «Бедные…, несчастливцы, гонимые… – все вообще искавшие в вольной и раздольной жизни казачества забвения от старых ран…». Применительно к начальному этапу освоения региона он подмечал «Дух скитальчества и склонность к переселению, присущая русскому народу, …действовали с неудержимою силой». В современный ему XIX век эта тенденция сохранилась:

> «И ныне на широких задонских степях можно видеть колонии поселенцев, живущих в землянках и мазанках, разве только лучшим устройством печей отличающихся…».

Изменился только источник достижения экономических благ:

> «…теперешним поселенцам не приходится добывать зипунишек головами своими… упования поселенца сосредоточены уже исключительно на матушке-земле» (Номикосов, 1884, с. 15-16).

Положение переселенцев было крайне неустойчивым. Они были лишены общественной поддержки в лице сельского мира; благополучие их полностью зависело от финансовой обеспеченности, легальности пребывания. Далеко не все в группе иногороднего населения являлись состоятельными.

1 В частности, согласно сведениям Погожаева А.В., в Донской области отмечался один из самых высоких показателей соотношения пришлых работников и местного населения (Погожаев, 1906, карта-схема №2). Советские исследователи Ковальченко И.Д. и Бородкин Л.И. в своей аграрной типологии также относились Донскую область к регионам с высокой долей использования труда пришлых работников (Ковальченко, Ковальченко & Бородкин, 1979, с. 92).

Жители некоторых, в основном – небольших поселений на арендованной земле влачили крайне жалкое существование, не имея доступа к каким-либо социальным благам, в условиях, называемых в источниках «убийственными» (Савельев, 1917, с. 55), не могли рассчитывать на помощь сельских обществ, развивали хозяйство порой в крайне стеснительных условиях, на малопригодных участках. Однако при всем при этом исследователи отмечали, что переселенцы, «обладая немалым зарядом энергии», стремились «выбиться в люди» (Козлов, 1992, с. 132), демонстрировали готовность примиряться с трудными условиями обустройства на новом месте «со своей скудной обстановкой в чаяниях будущих благ».

Отметим, что процессы социальной дифференциации в среде иногороднего крестьянства были более выражены, чем среди коренного населения. Жажда к упрочению своего положения через обогащение, индивидуализированность нашли выражение в значительном числе зажиточных, капитализирующихся элементов, наращивающих площади и прочие ресурсы в среде иногородних. Арендуя или покупая участки, пришлое население стремилось всеми силами создать надежную финансовую основу. В руках таких предприимчивых переселенцев при высокой доходности зернового производства скапливались значительные капиталы. Показательно, например, что к началу XX века в области около 1/5 всех усовершенствованных, соответственно, более дорогостоящих сельхоз-орудий приходилось на хозяйства иногородних[1]. Конкуренцию таким хозяевам из числа местных производителей (не считая крупных землевладельцев, бывших помещиков и чиновников) могли составить, пожалуй, только сельские товарищества и общества. В среде иногороднего населения выделялись, помимо непосредственно производящих, разного рода посредники, зарабатывавшие немалый капитал на всевозможных спекуляциях. Чаще практиковалась посредническая аренда: отдельное лицо снимало огромные участки, затем передавало их в субаренду по значительно увеличенной цене. От такой посреднической деятельности, целью которой была единственно – нажива, очень страдали мелкие и средние производители. С другой стороны, в среде иногороднего крестьянства имелась значительная часть малообеспеченных граждан, живших наемным трудом. При этом переселенцы демонстрировали достаточно высокий уровень социальной мобильности, вследствие чего границы этой группы крайне подвижны. Идентифицировать их социальную принадлежность в рамках традиционной сословной структуры иногда весьма затруднительно, т.к. бывшие мещане могли заниматься на Дону сельским хозяйством, а бывшие крестьяне – уходили в торговлю, в города и т.д. Этому же способствовал и начавшийся промышленный подъем на юге. В среде иногороднего населения, в том числе крестьянского, был высок процент предпринимательского элемента, не сосредотачивающегося на одном виде деятельности. Встречались весьма любо-

1 Подсчитано по: Памятная книжка Области войска Донского, 1905, с. 19

пытные экземпляры. Так, например, в 1911 г. в местной прессе печаталось объявление об открытии в г. Нахичеване-на-Дону торгового дома для производства и продажи музыкальных инструментов, учрежденного крестьянином Рязанской губернии А.В. Карасевым и ростовским мещанином М. Бороковым («Нахичеванская на Дону Городская Управа…», 1911, с. 1).

Таким образом, контингент переселенцев был неоднороден по своему составу; в нем выделялись элементы с разной мотивацией, социальными навыками и установками: приходящие на Дон с целью временного заработка, или те, кто действительно планировал обрести новую родину. Но это были не маргиналы, это были вполне социально и экономически активные участники общественных процессов. Покидая места своего прежнего проживания, они могли изменять статус, но при этом не демонстрировали деструктивного поведения массово. Иногородние сумели встроиться в существующую социально-экономическую систему. Особенно интересна их роль в общественном производстве в период разложения традиционного хозяйства и становления капиталистического уклада. Если провести аналогию с выводами Шиловского М.В., выделявшего 3 вида фронтира – внешний, внутренний и «внутрицивилизационный – между старожилами и переселенцами» (Шиловский, 2003, с. 101), можно сказать, что переселенцы пореформенного периода – это своего рода фронтирмены, осваивающие капитализирующееся социально-экономическое пространство традиционного Дона. Именно в среде иногороднего населения приобретали колоссальное значение факторы субъективные: интеллектуальная подготовленность, способность к адаптации, уровень самоорганизации, предприимчивость, производственные навыки, мотивированность. В период капиталистической модернизации эти факторы определяли успешность интеграции в социальную и производственную сферу не только для мигрантов потока «деревня-город», что было характерно в условиях нарастающей урбанизации, но и для переселенцев собственно в сельскую местность (а на Дону таковых было большинство), где они находились в состоянии конкурентной борьбы не только с местным населением, но и между собой. Фактор самоорганизации играл порой решающую роль, прежде всего потому, что легализация присутствия в области подразумевала вступление в обязательственные отношения (с частными лицами, обществом, войском) по поводу приобретения постоянного или временного права проживания, что предполагало исполнение административно-правовых условий, принятие ответственности.

О способности самоорганизовываться свидетельствуют коллективные ходатайства обществ иногороднего крестьянства. Так, например, в 1908 году в Таганрогском округе группа жителей временного поселка, образованного на площадях, арендованных у местного землевладельца, пыталась организованно опротестовать решение своего арендодателя о многократном повышении платы. Крестьяне ходатайствовали о выделении арендатором дополни-

тельного участка для постройки церкви и школы (что свидетельствовало, в свою очередь, об успешности развития временного поселения), однако повышенная плата оказалась непосильной. Поселенцы обратились даже к Русско-Донецкому обществу за помощью, и, идя навстречу просящим, движимым, как указывалось, «религиозным чувством», общество выделило им под постройку церкви и школы земельные участки бесплатно. По мере обострения конфликта поселенцы обратились к местному начальству, ходатайствуя об урегулировании вопросов между ними и землевладельцем (Таганрогский округ, 1908, с. 4).

Характер взаимодействия коренного и иногороднего населения также во многом отражал специфику регионов, осваиваемых по типу фронтира. По мнению Баевой Л.В., фронтир отличается контрастностью, сочетанием в зоне освоения лояльности, терпимости и стремления к продвижению своей культуры (Баева, 2014, с. 35), добавим – установок и ценностей. Иногороднее и коренное население демонстрировало контрастные формы взаимоотношений: от взаимовыгодного сотрудничества до конкуренции. Такой дальний размах можно рассматривать как демонстрацию наследия фронтира, вариативности его развития. В переселенцах коренные жители видели, прежде всего, конкурентов. Изначально демаркация казачьего и неказачьего населения была, безусловно, ощутима, но совместное проживание бок-о-бок коренного крестьянства и казаков позволило говорить об установлении добрососедских отношений.

Но не только сила традиции сближала местное крестьянство и казачество: в конце XIX-начале XX века крестьяне-общинники и казачество, пользовавшееся паевыми наделами, переживали сходные проблемы, связанные с кризисом общинного землепользования и традиционного способа ведения хозяйства, усугублявшиеся необходимостью исполнения различных повинностей. К пришлому же населению относились с известной предубежденностью. Пришлых именовали иногородными, тавричанами, хохлами, мужиками (Овчинников, 1912, с. 273) и проч. В отношении к иногородним присутствовало известное пренебрежение и притеснения, отмечаемые исследователями (Харузин, 1885, с. 29). Известны случаи, когда местное население пыталось препятствовать переселенцам в пользовании угодьями (ГАРО, Оп. 1. Д. 2325. Л. 1-5). Недовольство местных жителей вызывал, например, тот факт, что иногороднее население не участвовало в общественной жизни и содержании разного рода структур – администрации, полиции, учебных заведений и проч., но весьма активно пользовалось их услугами (Тимощенков, 1908c, с. 3). Много говорилось о пагубном влиянии иногородних на местное производство, необходимости «очистить казачью общину от чуждого ей элемента» (Гончаров, 1908b, с. 2), критиковалось «хищническое использование» природных богатств края (Гражданин, 1908a, с. 2; «Местный отдел. Хищническая эксплуатация…», 1908, с. 3), постановлялись приговоры о запрещении иногородним скупать

в одни руки более определенного количества десятин земли с целью спекуляции («Местный отдел. Хутор Павловско-Кундрюческий…», 1908, с. 3). «Предприимчивость» иногородних выражалась в самовольном занятии пустующих земель и участков, относящихся к черте поселений, что вызывало естественное недовольство местных жителей (Гражданин, 1908a, с. 2-3). С другой стороны, сотрудничество между коренным и иногородним населением приносило известные выгоды, как в виде, например, доходов с аренды и посаженной платы, так и за счет притока ресурсов в экономику региона. Возникающие же конфликты и недовольство излишней предприимчивостью пришлого элемента являлись отчасти следствием сложившейся в регионе хозяйственной системы, нередко, – попустительства местной администрации. Так, активное участие иногороднего элемента в земельном рынке, в том числе – спекуляции на перепродажах и субаренде, можно рассматривать как результат самой ситуации упадка надельного землепользования, развивавшегося под влиянием рыночной конъюнктуры, которую пришлые использовали в своих целях. На сделки с иногородними арендаторами охотно шли те, кто самолично землю не обрабатывал, давно порвав с сельской жизнью и мало озабочиваясь общественными интересами. Они передавали свои участки пришлому элементу, используя землю как источник получения дохода. Пришлый арендатор в жажде скорой наживы доводил ее до совершенного истощения или пускал в субаренду по баснословной цене. Чем больше было предложение, тем более увеличивался поток переселенцев.

Сложившаяся ситуация, названная в одном из описаний «злом, возникшим на аграрной почве» (Тимощенков, 1908b, с. 2), являлась прямым следствием процесса трансформации традиционного хозяйства. О ее закономерности рассуждали современники изучаемого период (Пузанов, 1908, с 2-3; Гончаров, 1908b, с 2-3; Гончаров, 1908a, с 2-3; «Местный отдел. Хищническая эксплуатация…», 1908, с. 3). Доставалось и местной администрации, которую критиковали за попустительство в деле сбора с пришлого населения посаженной платы, по которой накапливались огромные долги, между тем как средства эти должны были направляться на общественные нужды (Гражданин, 1908b, с. 2). Негативные стороны активного заселения региона пришлым элементом объективно имелись: переход значительной доли ресурсов в руки иногороднего населения, конкуренция, которую местные производители, сдерживаемые рамками общинной организации, просто не выдерживали. Местное крестьянство значительно уступало многим иногородним в финансовой обеспеченности.

Однако однозначно противопоставлять местное и иногороднее население как «бедное» и «зажиточное» – не следует. Характерная для капитализирующегося аграрного сектора поляризация отмечалась и среди коренного населения – казачьего и крестьянского, и среди пришлого. В составе иногородних встречались крупные арендаторы, спекулянты на субаренде, торговцы, скотопро-

мышленники, сложилась прослойка ремесленников, мелких арендаторов, положение которых мало отличалось от рядового местного населения; имелась огромная масса бедноты, шедшей, чаще всего, в найм. По причине неустойчивости положения в среде иногороднего населения отмечались и негативные социальные явления, отклонения, объяснявшиеся крайней индивидуализированностью жизни пришлого человека, не подчинявшегося локальным исторически сложившимся правилам, традициям, установкам; определенная часть переселенцев была ориентирована на быстрое обогащение любыми способами и склонна к разного рода девиациям, противоправным действиям (Греков, 1905; Номикосов, 1884, с. 331). В целом же усиленная колонизация Дона пришлым, особенно аграрным, населением, являла собой один из интереснейших аспектов пореформенного развития. С одной стороны, формирование социальной группы иногороднего населения имело исторические корни и отражало локальную специфику, испытывало влияние традиций фронтира, с другой, переживало прямое воздействие модернизационных процессов, происходивших в стране.

Выводы

Использование элементов теории фронтира представляется интересным опытом для изучения социальных процессов, происходивших в регионах страны, занимавших пограничное, окраинное положение. Фронтир выступал как фактор формирования особого уклада общественной жизни локальных сообществ, поведенческих моделей, складывания паттернов, особенностей производственной, материальной, бытовой культуры. Обращение к конкретному историческому материалу позволяет проследить влияние фронтира на последующее развитие территории. Область войска Донского – пример того, как процессы, заложенные на начальном этапе освоения региона, получали дальнейшее развитие в социально-экономической жизни. Одним из ключевых моментов являлась массовая колонизация, имевшая народный характер. Масса переселенцев сыграла важную роль в деле хозяйственного освоения края, оказала существенное влияние на социально-экономические отношения в регионе. На фоне начального этапа колонизации происходит завершение этапа фронтира, Дон входит в единую административную, хозяйственную, социальную структуру российского общества.

В пореформенный период колонизация края возобновилась, что явилось прямым продолжением традиции переселения крестьянства на окраины в поисках лучшей доли. Локализованные сообщества казачества и крестьянства, коренного и иногороднего населения тесно контактировали, но известное дистанцирование сохранялось в сфере как правовых, так и экономических отношений. По мере возобновления аграрных миграций казачество и коренное крестьянство в определенном смысле объединялось, проти-

вопоставляя сложившийся традиционный уклад активно вовлекающемуся в общественную жизнь иногороднему населению. Общая социальная память, одно из фундаментальных оснований формирования социального пространства, между коренным и пришлым населением отсутствовала. Иногородние оказались вне мира и казачьей, и крестьянской общности. Для них Дон не имел сакральной силы, не являлся местом памяти. Основания для возникновения общности имелись: например, религиозные (приверженность большинства населения к православию), общее участие в производственных процессах (основная масса населения была задействована в земледелии). Но социальные маркеры различались, иногороднее население было в большей степени свободно от рамок и установок общинной организации, в которой проживало население коренное. Оно было социально менее защищено и обеспечено, но тем сильнее проявлялась предприимчивость и адаптационный потенциал переселенцев. Каждая из упомянутых групп населения аккумулировала накопленный опыт внутренних и внешних взаимодействий, определяя свою идентичность в рамках сложившейся социальной структуры. И если на начальном этапе существования фронтирной зоны переселяющееся крестьянство способствовало утверждению земледельческой культуры и стало фоном для формирования хозяйственного комплекса по типу феодального хозяйства, то в пореформенный период сценарий повторялся, но уже на новом витке – иногороднее население стало во многом проводником утверждения новых отношений капиталистического толка. При этом сохранялись традиции, заложенные еще в период существования фронтира: практика использование сторонних ресурсов в производственных процессах и передачи внутренних ресурсов в руки пришлого населения; отмечалась социальная мобильность, активное освоение окружающего социального и экономического пространства иногородним элементом.

Таким образом, можно судить о существенном влиянии фактора фронтира на формирование традиций, установок, социальных связей, складывание специфики локального сообщества. Важен исторический опыт: принадлежность территории к фронтиру становится сама по себе фактором, влияющим на особенности ее последующего развития.

Список литературы

Багалей, Д. И. (1887). *Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства: Исследование Д. И. Багалея*. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.

Баева, Л. В. (2014). Типология и проблемы изучения Южно-российского фронтира. *Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2, 32–38.

Баева, Л. В. (2016). Проблемы культурной безопасности в изучении фронтирных регионов. *Гуманитарный вектор. Серия: философия и культурология*, 11(2), 37–42. https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42

Барретт, Т. (2000). Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России. В *Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология. Т.2: Императорский период* (с 163–194). Самарский университет.

Басалаева, И. П. (2012). Критерии фронтира: К постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития*, 2, 46–49.

Боук, Б. (2001). Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества. В *Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции* (с 147–155). Вольные мастера.

Ведомость о числе жителей по сословия в области войска Донского за 1904 год. (1905). В *Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1904 год. Ч. 2. Часть гражданская*. Новочеркасск.

Гончаров, А. (1908a, май 20). К переделам станичных общественных земель. I. *Донские областные ведомости*, 105, 2–3.

Гончаров, А. (1908b, июнь 12). К переделам станичных общественных земель.V. *Донские областные ведомости*, 123, 2–3.

Государственный архив Ростовской области. (б. д.). *Оп. 1. Д. 2325. Ф 46.*

Гражданин. (1908a, июль 12). К задолженности иногородными посаженной платы Новочеркасскому станичному обществу. *Донские областные ведомости*, 149.

Гражданин. (1908b, сентябрь 6). Зверевское торгово-промышленное поселение в юрте станицы Новочеркасской. *Донские областные ведомости*, 191, 2–3.

Греков, А. М. (1905a). Нужды Дона в трудах местных сельскохозяйственных комитетов. *Сборник Областного войска Донского статистического комитета*, 5, 16–46.

Греков, А. М. (1905b). *Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской области*. Типография К. Д. Чумаченко.

Греков, А. М. (1907). К истории земельного вопроса на Дону в связи с современным положением и решением его. *Сборник Области войска донского статистического комитета*, 7, 71-98.

Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2014). Эвристический потенциал фрактального моделирования процессов включения южнорусского фронтира в состав России в XVII – середине XIX в. В *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции* (с 233–248). Южный федеральный университет.

Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, 5, 75–89.

Канищев, В. В. (2018). Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронтира в конце XVIII - первой половине XIX вв. (По материалам Тамбовской губернии). *Научные ведомости БелГУ*, 45(2), 318–325. https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-318-325

Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2018). Факторы фрактальной модели вхождения зоны южнорусского фронтира в состав Московского государства: Новая версия. *Журнал Фронтирных Исследований*, 4, 60–75. https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023

Каппелер, А., & Каплуновского, А. (2003). Южный и Восточный Фронтир России в XVI – XVIII вв. *Ab Imperio*, 2003(1), 47–64. https://doi.org/10.1353/imp.2003.0126

Карасев, А. А. (1867). Донские крестьяне. *Труды областного войска донского статистического комитета*, 1, 72–118.

Кауфман, А. А. (1898). *К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений*. Товарищество типографии А.И. Мамонтова.

Кауфман, А. А. (1905). *Переселение и колонизация*. Типография товарищества «Общественная Польза».

Кеппен, П. И. (1857). *Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 г.* Типография Императорской Академии наук.

Ковальченко, И. Д., & Бородкин, Л. И. (1979). Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX-XX веков: (Опыт многомерного количественного анализа. *История СССР*, 1, 59–95.

Козлов, А. И. (1992). Житница Европы. Конец XIX – начало XX веков. *Международная жизнь*, 5, 132–139.

Коломейцева, М. А. (2018). Демографические процессы в среде крестьянства Дона в конце XIX в. *Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН*, 2, 38–46. https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-36-2-38-46

Коршиков, Н. (1994). Земля и воля. Реформирование землепользования на Дону в первой половине XIX века. *Дон*, 1, 222–234.

Коршиков, Н. (1997). Как жили на Дону (XVIII – I половина XIX). *Дон*, 5, 223–252.

Лурье, С. В. (1998). Восприятие народом осваиваемой территории. *Общественные науки и современность*, 5, 61–74.

Марков, К. В. (1915). Крестьяне на Дону. *Сборник Области войска донского статистического комитета*, 13, 25–113.

Местный отдел. Хищническая эксплуатация станичной общественной земли. (1908). *Донские областные ведомости*, 136.

Местный отдел. Хутор Павловско-Кундрюческий, Новочеркасской станицы. (1908). *Донские областные ведомости*, 94.

Мизис, Ю. А., & Кащенко, С. Г. (2011). Проблема формирования русского фронтира на юге России в XVI – первой половине XVIII в. В отечественной историографии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*, 1, 9–16.

Мизис, Ю. А., Скобелкин, О. В., & Папков, А. И. (2015). Теория фронтира и юг России в XVI - первой половине XVIII в. *Вестник Тамбовского государственного университета*, 10, 7–15. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15

Нахичеванская на Дону Городская Управа. (1911). *Донские областные ведомости*, 10.

Немировская, А. В., & Фоа, Р. (2013). Социокультурные особенности фронтира в России. *Социологические исследования*, 4, 80–88.

Номикосов, С. Ф. (1884). *Статистическое описание Области Войска Донского*. Областная войска Донского типография.

Овчинников, Н. Г. (1912). Как может улучшить донской казак свое хозяйство. I В старину и ныне. *Донская Государственная Публичная Библиотека. Vivaldi*. https://vivaldi.dspl.ru/pm0002057/view/?#page=2

Отчеты Крестьянского поземельного банка. (1884). Товарищество «Печатня С. П. Яковлева».

Памятная книжка Области войска Донского на 1899; на 1900; на 1905. (1905). Областная войска Донского типография.

Погожев, А. В. (1906). *Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда*. Типография Императорской Академии наук.

Пузанов, В. В. (1908). Теория и практика (начало. *Донские областные ведомости*, *153*, 2–3.

Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). *Сибирь, конец XVI – начало XX века: Фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. ИД «Сова».

Рибер, А. (2004a). Меняющиеся концепции и конструкции фронтира. В *Новая имперская история постсоветского пространства* (с 199–223). Центр исследований национализма и империи.

Рибер, А. (2004b). Сравнивая континентальные империи. В *Российская империя в сравнительной перспективе* (с 33–71). Новое издательство.

Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Васильев, Д. В., Якушенкова, О. С., Кусмидинова, М. Х., & Топчиев, М. С. (2014). *Нижневолжский фронтир: Культурная память и культурное наследие*. Издатель: Сорокин Роман Васильевич.

Рыблова, М. А. (2008). Социокультурные трансформации на Дону (XVI-XIX вв.). В *Казачество в истории России: Прошлое и настоящее. Сборник научных статей, выпуск 2* (с 3–33). Издательство: ЮНЦ РАН.

Рыблова, М. А. (2009). *Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук*. Санкт-Петербург.

Савельев, Е. П. (1917). *Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк*. Донская Епархиальная Типография.

Сень, Д. В. (2006). Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII–XVIII вв.: Практики взаимоотношений фронтирных сообществ с мусульманскими государствами Причерноморья (в контексте задач и перспектив изучения международных отношений в регионе). В *Историческое знание Кубани: Становление и тенденции развития (конец XVIII – начало XX в.). Материалы научной конференции* (с 81–88). Диапазон-В.

Сень, Д. В. (2007). Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа после церковного раскола: Фронтирные сообщества, религиозный нонконформизм и стратегии выживания. В *Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: Тезисы региональной научно-практической конференции* (с 113–117). Издательство ВолГУ.

Сень, Д. В. (2011). Из «вольных» казаков – в подданные крымских ханов: Казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, *5*, 46–54.

Скобелкин, О. В. (2013a). Служилые люди южного фронтира: Особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, *1*, 58–65.

Скобелкин, О. В. (2013b). Южный фронтир России на рубеже 60-70х гг. XVI в. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10, 43–48.

Снесарев, Н. (1870). Празднование трехсотлетнего юбилея Донского войска в мае 1870 года, в Новочеркасске. *Донская Государственная Публичная Библиотека. Vivaldi*. https://vivaldi.dspl.ru/pm0001439/view#page=5.

Соколовский, П. А. (1878). *Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом*. Типография Ф. С. Сущинского.

Сопов, А. В. (2012). *Концепт фронтира и казаки*. http://www.slavakubani.ru/p-service/public-service/border-security/kontsept-frontira-i-kazaki/

Список населенных мест области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Ч.1. (1905). Областная войска Донского типография.

Струков, И. И. (1880). По вопросу о краткосрочной и долгосрочной аренде земли в Донской области. *Донские областные ведомости*, 44.

Таганрогский округ. (1908). *Донские областные ведомости*, 39, 4.

Тимощенков, И. (1908a). Владимирская станица, Черкасского округа. Продолжение. *Донские областные ведомости*, 53, 2–3.

Тимощенков, И. (1908b). Владимирская станица Черкасского округа (Хозяйственное обследование согласно журн.обл.правл., состоявшегося 30 мая 1907 года, No560. *Донские областные ведомости*, 52.

Тройницкий, А. Г. (1861). *Крепостное население в России по 10-й народной переписи: Статистическое исследование*. Типография Карла Вульфа.

Харузин, М. (1885). *Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. Вып.1*. Типография М.П. Щепкина.

Шиловский, М. В. (2003). Фронтир и переселения (сибирский опыт). В *Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: Общее и особенное: Сборник статей. Вып.3* (с. 101–118). ИДМИ.

Шурунов, И. (1874). Наше сельское хозяйство в Миусском округе, близ Азовского моря. *Донские областные ведомости*, 96.

References

Baeva, L. V. (2014). Typology and Problems of Studying the Southern Russian Frontier. *Vestnik of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2, 32–38. (In Russian).

Baeva, L. V. (2016). Problems of Cultural Security in the Study of Frontier Regions. *Humanitarian Vector. Series: Philosophy and Cultural Studies*, 11(2), 37–42. https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42 (In Russian).

Bagaley, D. I. (1887). *Sketches from the History of Colonization and Life of the Steppe Margin of the Moscow State: A Study by D. I. Bagaley*. Published by the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. (In Russian).

Barrett, T. (2000). Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasus Frontier. In *American Russian Studies. Milestones of Historiography in Recent Years: An Anthology. Vol. 2: The Imperial Period* (pp. 163-194). Samara University. (In Russian).

Basalaeva, I. P. (2012). Criteria of the Frontier: Towards a Problem Statement. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 46–49. (In Russian).

Bowk, B. (2001). Frontier or Borderland? The Role of Fragile Frontiers in the History of the Don Cossacks. In *Social Organization and Customary Law: Proceedings of a Scientific Conference* (pp. 147–155). Vol'nye mastera. (In Russian).

Citizen. (1908a, July 12). To the debts of non-natives to the Novocherkassk stanitsa society. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 149. (In Russian).

Citizen. (1908b, September 6). Zverevsky trade and industrial settlement in the yurt of Novocherkasskaya stanitsa. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 191, 2–3. (In Russian).

Goncharov, A. (1908a, May 20). Toward the redistribution of stanitsa public lands. I. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 105, 2–3. (In Russian).

Goncharov, A. (1908b, June 12). To the redistribution of the stanitsa public lands.V. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 123, 2–3. (In Russian).

Grekov, A. M. (1905a). The needs of the Don in the works of local agricultural committees. *Collection of the Regional Troops of the Don Statistical Committee*, 5, 16–46. (In Russian).

Grekov, A. M. (1905b). *Essays on the economic and economic life of the population of the Don region.* Typography of K. D. Chumachenko.. (In Russian).

Grekov, A. M. (1907). To the History of the Land Question on the Don in Connection with the Present Situation and Solution of It. *Collection of the Region of the Don Army Statistical Committee*, 7, 71–98. (In Russian).

Kanischev, V. V. (2018). Overcoming the Social Specificity of the South Russian Frontier Population in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries (On the Materials of the Tambov Province). *BelSU Scientific Bulletin*, 45(2), 318–325. https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-318-325 (In Russian).

Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2018). Factors for a fractal model of the incorporation of the South Russian Frontier into Muscovity: a new version. *Journal of Frontier Studies*, 4, 60–75. https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023 (In Russian).

Kappeler, A., & Kaplunovsky, A. (2003). The Southern and Eastern Frontier of Russia in the 16th – 18th Centuries. *Ab Imperio*, 2003(1), 47–64. https://doi.org/10.1353/imp.2003.0126 (In Russian).

Karasev, A. A. (1867). The Don peasants. *Proceedings of the Regional Troops of the Don Statistical Committee*, 1, 72–118. (In Russian).

Kaufman, A. A. (1898). *To a question on the causes and probable future of Russian resettlements.* The Association of A.I. Mamontov's Printing House. (In Russian).

Kaufman, A. A. (1905). *Resettlement and Colonization.* Typography of the Public Polity company. (In Russian).

Keppen, P. I. (1857). *The Ninth Revision: A Study on the Number of Residents in Russia in 1851.* Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).

Kharuzin, M. (1885). *Information about Cossack communities on the Don. Materials for Customary Law, collected by Mikhail Kharuzin. Issue.1.* Typography of M.P. Schepkin.. (In Russian).

Kolomeitseva, M. A. (2018). Peasants of the Don River Region: Demographic Processes in the Late 19th Century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, 2, 38–46. https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-36-2-38-46 (In Russian).

Korshikov, N. (1994). Land and Will. Reforming land use on the Don in the first half of the 19th century. *Don*, 1, 222–234. (In Russian).

Korshikov, N. (1997). How they lived on the Don (18th - first half of the 19th century). *Don*, 5, 223–252. (In Russian).

Kovalchenko, I. D., & Borodkin, L. I. (1979). Agrarian typology of the provinces of European Russia at the turn of the 19th-20th centuries: (Experience of multidimensional quantitative analysis). *History of the USSR*, 1, 59–95. (In Russian).

Kozlov, A. I. (1992). The Lodger of Europe. The End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. *International life*, 5, 132–139. (In Russian).

List of settlements of the Don region on the first general census of the Russian Empire in 1897. (1905). Regional Don Army Printing House. (In Russian).

Local Division. Pavlovsko-Kundryuksky farm, Novocherkasskaya stanitsa. (1908). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 94. (In Russian).

Local Division. Predatory exploitation of village public land. (1908). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 136. (In Russian).

Lurie, S. V. (1998). People's perception of the territory under development. *Social Sciences and Modernity*, 5, 61–74. (In Russian).

Markov, K. V. (1915). Peasants on the Don. *Collection of the Don Oblast Troops of the Statistical Committee*, 13, 25–113. (In Russian).

Memorial Book of the Don Region for 1899; for 1900; for 1905. (1905). Regional Don Army printing house. (In Russian).

Misis, Y. A., Skobelkin, O. V., & Papkov, A. I. (2015). The Theory of the Frontier and the South of Russia in the 16th-First Half of the 18th Century. *Bulletin of Tambov State University*, 10, 7–15. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).

Mizis, Yu. A., & Kashchenko, S. G. (2011). The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the 16th – first half of the 18th century in the national historiography. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg University. Series 2: History*, 1, 9–16. (In Russian).

Nakhichevan on the Don City Council. (1911). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 10. (In Russian).

Nemirovskaya, A. V., & Foa, R. (2013). Sociocultural Features of the Frontier in Russia. *Sociological Studies.*, 4, 80–88. (In Russian).

Nomikosov, S. F. (1884). *Statistical Description of the Region of the Don Army*. The Regional Printing House of the Don Army. (In Russian).

Ovchinnikov, N. G. (1912). How the Don Cossack can improve his economy. I In the old days and nowadays. *Don State Public Library. Vivaldi*. https://vivaldi.dspl.ru/pm0002057/view/?#page=2 (In Russian).

Pogozhev, A. V. (1906). *An Account of the Number and Composition of Workers in Russia: Materials on Labor Statistics.* Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).

Puzanov, V. V. (1908). Theory and practice (start). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 153, 2–3. (In Russian).

Register of the number of inhabitants according to estate in the region of the Don Army in 1904. (1905). In *Report of the Supreme Commander of the Army on the state of the Don region in 1904. Part 2. Part of the civil*. Novocherkassk. (In Russian).

Reports of the Peasant Land Bank. (1884). S. P. Yakovlev's Printing House Partnership. (In Russian).

Rezun, D. Y., & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, late 16th - early 20th century: Frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Sova Publishing House. (In Russian).

Rieber, A. (2004a). Changing concepts and constructs of frontier. In *A New Imperial History of the Post-Soviet Space* (pp. 199–223). Center for the Study of Nationalism and Empire. (In Russian).

Rieber, A. (2004b). Comparing Continental Empires. In *The Russian Empire in Comparative Perspective* (pp. 33–71). New Publishers. (In Russian).

Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlyshcheva, E. V., Vasiliev, D. V., Yakushenkova, O. S., Kusmidinova, M. H., & Topchiev, M. S. (2014). *The Lower Volga Frontier: Cultural Memory and Cultural Heritage*. Publisher: Sorokin Roman Vasilievich. (In Russian).

Ryblova, M. A. (2008). Sociocultural Transformations on the Don (16th – 19th). В *Казачество в истории России: Прошлое и настоящее. Сборник научных статей, выпуск 2* (с 3–33). Издательство: ЮНЦ РАН. (In Russian).

Ryblova, M. A. (2009). *Men's communities of the Don Cossacks as a socio-cultural phenomenon of the 16th - the first third of the 19th century*. [PhD Thesis]. St. Petersburg. (In Russian).

Savelyev, E. P. (1917). *The Peasant Question on the Don in Connection with the Cossack Question. Historical and Statistical Sketch.* Don Diocesan Printing House. (In Russian).

Sen, D. V. (2006). The Cossacks of the Don and the Northwest Caucasus at the End of the 17th – 18th Centuries: Practices of Relationships between Frontier Communities and Muslim States of the Black Sea Region (in the Context of Tasks and Prospects of International Relations in the Region). In *Historical Knowledge of Kuban: Formation and Trends of Development (late 18th – early 20th century). Materials of the scientific conference* (pp. 81–88). Diapason-V. (In Russian).

Sen, D. V. (2007). The Cossacks of the Don and the Northwest Caucasus after the Church Schism: Frontier Communities, Religious Nonconformism, and Survival Strategies. In *The Cossacks of the South of Russia in the processes of formation and development of Russian statehood: Abstracts of the Regional Scientific and Practical Conference* (pp. 113–117). VolSU Press. (In Russian).

Sen, D. V. (2011). From Free Cossacks to Subjects of the Crimean Khans: Cossack Communities of the Don and the Caucasus at the End of the 17th and the Beginning of the 18th Centuries. *East. African-Asian Societies: History and Modernity*, 5, 46–54. (In Russian).

Shilovsky, M. V. (2003). Frontier and Resettlement (Siberian Experience). In *The Frontier in the History of Siberia and North America in the Seventeenth and Twentieth Centuries: General and Special: A Collection of Articles. Issue 3* (pp. 101–118). IDMI. (In Russian).

Shurunov, I. (1874). Our Agriculture in the Miussky District, Near the Sea of Azov. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 96. (In Russian).

Skobelkin, O. V. (2013a). Servants of the Southern Frontier: Peculiarities of Land Tenure, Land and Estate Policy of the State in the 2nd Half of the 17th Century. *Vestnik Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 1, 58–65. (In Russian).

Skobelkin, O. V. (2013b). The Southern Frontier of Russia at the Turn of the 60s-70s of the 16th century. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 10, 43–48. (In Russian).

Snesarev, N. (1870). Celebration of the Three Hundredth Anniversary of the Don Army in May 1870, in Novocherkassk. *Don State Public Library. Vivaldi*. https://vivaldi.dspl.ru/pm0001439/view#page=5. (In Russian).

Sokolovsky, P. A. (1878). *The Economic Life of the Farming Population of Russia and the Colonization of the Southeastern Steppes Before Serfdom.* Typography of F. S. Suschinsky. (In Russian).

Sopov, A. V. (2012). *The Frontier Concept and the Cossacks*. http://www.slavakubani.ru/p-service/public-service/border-security/kontsept-frontira-i-kazaki/ (In Russian)

State Archive of the Rostov Region. (n. d.). In. 1. C. 2325. F. 46. (In Russian).

Strukov, I. I. (1880). On the question of short-term and long-term land lease in the Don Region. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 44. (In Russian).

Taganrog County. (1908). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 39, 4. (In Russian).

Timoshchenkov, I. (1908a). Vladimirskaya stanitsa, Cherkassky district. Continued at. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 53, 2–3. (In Russian).

Timoshchenkov, I. (1908b). Vladimirskaya stanitsa of Cherkassky district (Economic survey according to the journal of the regional board, held on May 30, 1907, No560). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 52. (In Russian).

Troinitsky, A. G. (1861). *Serf population in Russia according to the 10th national census: Statistical study*. Carl Wolff Printing House.. (In Russian).

Zamyatina, N. Y. (1998). The Zone of Development (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures. *Social Science and Modernity*, 5, 75–89. (In Russian).

Zhukov, D. S., Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2014). Heuristic Potential of Fractal Modeling of the Inclusion of the South Russian Frontier into Russia in the 17th – Mid 19th Centuries. In *Borders and Borderlands in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 233–248). Southern Federal University. (In Russian).

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.313

Traditional Cuisine of the Nekrasov Cossacks

Tatyana Yu. Vlaskina

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Rostov-on-Don, Russia. Email: vlaskiny[at]mail.ru

Abstract

The article is a comparative historical cross-cultural study of the traditional cuisine of the Nekrasov Cossacks – a group of Russian Old Believers known for their rich migration experience. Since the basis of the food system is fish, Nekrasovite's cuisine has many fish dishes, and at the same time the high status of cereal dishes remains. In the recipe and methods of preparation, the preservation of old Russian traditions is noticeable. In supplements to the main ration, one can see the influence of South European and Turkic cultures.

The purpose of this study is to identify the marking qualities of culinary traditions in the field of the historical dynamics of the cultural identity of the Nekrasov community.

The study shows that in the field of culinary traditions, numerous evidences of the historical path of this unique ethnosocial group have been accumulated. Despite the relative preservation of the ritual sphere, in the everyday and festive cooking of the Nekrasov Cossacks, multiple borrowings from the Danube and Mediterranean cuisine associated with complex processes of discrete inculturation have been revealed. New borrowings in the central zone of culture are explained by the fact that, with multiple migrations, it becomes more and more difficult for migrants to differentiate "their own" and "foreign" in such minute details as required by tradition, since in addition to the main cultural and genetic metropolis, a certain set of places of origin is formed in their minds.

Keywords

Cultural Interactions; Exotic Foods; Folk Cuisine; Food Base; Inculturation; Migration; Natural and Economic Adaptation; Nekrasov Cossacks; Old Russian Cuisine; Tradition

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.313

Традиционная кухня казаков-некрасовцев

Власкина Татьяна Юрьевна

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук. Ростов-на-Дону, Россия. Email: vlaskiny[at]mail.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-историческому кросскультурному исследованию традиционной кулинарии казаков-некрасовцев – группы русских старообрядцев, известной своим богатым миграционным опытом. Их кухня имеет ярко выраженный промысловый характер, поскольку основой системы питания является рыба, и при этом сохраняется высокий статус зерновых блюд. В рецептуре и способах приготовления заметно сохранение старорусских традиций, в дополнениях к основному рациону – влияние южноевропейских и тюркских культур.

Цель настоящего исследования – выявление маркирующих качеств кулинарных традиций в сфере исторической динамики культурного своеобразия некрасовской общины.

В результате исследования установлено, что в сфере кулинарных традиций аккумулированы многочисленные свидетельства исторического пути этой уникальной этносоциальной группы. Несмотря на относительную сохранность ритуальной сферы, в повседневной и праздничной кулинарии казаков-некрасовцев выявлены множественные заимствования из кухни Подунавья и Средиземноморья, связанные со сложными процессами дискретной инкультурации. Проникновения в центральную зону культуры объясняются тем, что при многократных переселениях мигрантам становится все сложнее дифференцировать «свое» и «чужое» в таких мельчайших деталях, как того требует традиция, поскольку помимо основной культурно-генетической метрополии в их сознании формируется некое множество мест исхода.

Ключевые слова

инкультурация; казаки-некрасовцы; межкультурные взаимодействия; миграции; народная кулинария; пищевая основа; природно-хозяйственная адаптация; старорусская кухня; традиция; экзотические продукты

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Introduction

The study of national culinary traditions has become one of the most interesting and fast-developing areas of ethnological research in recent decades. It is closely related to the cultural interaction issues and the natural and economic environment exploration. Any community that experienced long-distance migrations and long-term ethnic contacts has its combination of the original and borrowed dishes in everyday and festive life, filling the recipe with exotic products. Further, I'll consider this phenomenon using the example of the culinary preferences of the Nekrasov Cossacks.

The Nekrasov Cossacks is a group of Russian Old Believers, who, according to a legend, are the descendants of the participants in the Bulavin uprising of 1708-1709. Escaping the Russian imperial power, the survived rebels led by the ataman Ignat Nekrasov found their refuge in the neighbouring lands. At different times, other groups of Old Believers took the same path (Prigarin, 2010). In 1911–1962, immigrants from several Old Believers settlements, who lived in the Asian Minor part of Ottoman Turkey and north-western Dobrudja, began to move back to Russia – first to the Russian Empire, and later to the USSR. Among them, the Nekrasov Cossacks made a significant part. There were also representatives of Lipovans and Dunaks forming separate communities and mixed families. They began to settle in the Don region, the Transcaucasia, and in the North Caucasus – in the Krasnodar and Stavropol Krai. The destinies of these settlements are different (Vlaskina, 2018a; Vlaskina, 2018b). At present, the communities formed by migrants of the last wave (1962), who live in the villages of Novokumsky, Malosadovy, and Kumskaya Dolina in the Levokumsky district of the Stavropol Krai, have the greatest integrity and preservation of the Nekrasov tradition.

The culinary traditions of the Nekrasovites aroused great interest among the authors who were the first to turn to the description of the "Russian subjects of Sultan", namely V. I. Ivanov-Zheludkov (1866), M. S. Tchaikovsky (Sadyk-Pasha) (1891), Ya. I. Smirnov (1896), V. F. Minorsky (1902). As a rule, these authors noted features indicating the Russian origin of Nekrasovites' cuisine. In particular, Smirnov writes about the high importance of fish and wine in the food system. Among the usual snacks, he mentions not only carp caviar with onions but also sauerkraut and wheat bread. As the main course of the parting meal, he mentions "*kashniki*, which are rice pancakes on eggs with honey" (Smirnov, 1896, pp. 12, 28, 30).

Ethnographic and dialectological studies carried out in the Soviet and post-Soviet times in the settlements of the Nekrasov Cossacks in the Stavropol Krai included the culinary questions. It is reflected in the generalizing publications: *Dictionary of Dialect of the Nekrasov Cossacks* by O. K. Serdyukova (2005), a monograph by L. A. Yacobi (2011) dedicated to the cultural heritage of the Nekrasov Cossacks and others.

Methods

The program of ethnolinguistic expeditions of SFU – ISERH SSC RAS 2007, 2010, 2011, 2013 and the project "The Russian Connection" in 2016 (Vlaskina, 2011; Zudin & Vlaskina, 2016, pp. 16, 17, 57, 82–85, 116–122) pay special attention to the traditional food system of the Nekrasovites. In these studies, for the first time, an integrated approach to the study of the traditional heritage of the Nekrasov Cossacks was carried out, and conclusions were drawn about the hierarchical relations between categories of cultural phenomena. The authors determine that in the context of the migration activity of Nekrasovites' communities, ethnographic facts from the field of culinary can be considered as fairly objective markers of the historical dynamics of cultural identity, the formation of which was the product of a balance between the attitude of conservatism and the need to adapt to different natural and economic conditions.

This work follows this direction. Its main source is the materials of expeditions of the SFU – ISERH SSC RAS.

In the last decade, interest in traditional cuisine has increased due to the work of the Novokumsk's branch of the Stavropol Regional Museum of Fine Arts. In the collection of ethnographic material from the old-timers of the Nekrasov community, the recording of culinary recipes is taking an important place, and their preparation and tasting became elements of interactive excursion programs. Agafya Vasilyevna Mironova has contributed much to the development of this collecting work. She herself is a bearer of the Nekrasov Cossacks tradition and at the same time an authoritative employee of the Novokumskiy branch of the Stavropol Regional Museum of Fine Arts. She put forward the idea of creating an illustrated culinary encyclopaedia of the Nekrasov Cossacks. This project was not implemented in the form conceived by her, but the topic became popular. In 2016, the cuisine of the Nekrasov Cossacks was assigned a special page on the website of the Stavropol Regional House of Folk Art. The phenomenon received the status of an object of intangible heritage, characterizing which the compilers of the explanatory text emphasize that the dishes of the Nekrasov Cossacks cuisine are "of particular interest for the study of traditional Russian culture" (Object of Intangible Heritage. Nekrasov Cossacks' Cuisine). This is undoubtedly true, since among everyday and festive dishes, cereal and baked goods of various types, including those based on yeast from home hops, occupy a significant place. At the same time, the cooking process has a number of qualities which are noted by experts as characteristic features of the food customs of Russians (Lipinskaya, 2005, pp. 357–366, Voronina, 2017, pp. 65–72). However, among cereals in the first place there is a porridge made from rice grain which is not too typical for Old Russian cuisine. Moreover, rice retains the Don dialect name *princh* from Turkish *pirinç* (Rybalchenko, 2001, p. 423; Degtyaryov et al., 2003, p. 614) and not the name *Saracenic millet*, which existed everywhere in Russia until the end of

the 19th century (before it was replaced by the borrowing from the Romanian languages – *ris* (Vasmer, 3, p. 485)). The observer will surely notice certain innovations in the preparation of even the most traditional dishes. For example, the archaic everyday dish of *salamata* known from ancient times to the Slavs, Tatars, and popular among the Don and Zaporozhye Cossacks (Novak, Fradkina & Movchan, 2013, p. 184; Korolyov, 2002, p. 402), in the Nekrasovite's cookery, acquired a pronounced Mediterranean flavour due to the complication of the recipe.

A. V. Mironova describes the preparation of *salamata* as follows. Flour whipped in cold water is poured into boiling water in a thin stream and boiled, stirring. Finished salamata can be thick or thin, sweet or salty, depending on the additives to the base. Salt and bread crumbs fried in olive oil with finely chopped onions and ground black pepper are added to the simple one. It is served with kvass. For sweet salamata, which is usually made thicker, crushed peanuts are fried with bread crumbs and sugar is added before removing from the heat. Then the flour base is transferred into forms in layers, sprinkling each layer with sweet fried mass. This salamata is washed down with *kushav* (from the Turkish *hoşaf*), which is a fruit compote (A. V. Mironova, recorded by T. Yu. Vlaskina in 2013, Novokumskoe village).

Thus, even a brief review of the materials shows that the cultural and historical significance of the Nekrasov Cossacks cuisine phenomenon is much more complicated than simply preserving old Russian recipes.

Results and discussion

All available sources, either written, dating back to the 19th century, or numerous modern memories of life in Turkey, testify that fish has always been the basis of the Nekrasovites' food system. First of all, this was due to the fishing industry dominating in their economic structure. A. K. Rabchevskaya, who worked in the Stavropol communities shortly after their re-emigration in 1962, claimed that, according to the stories, the fish menu was so monotonous that it became the cause of diseases which, in the absence of medical assistance, even led to deaths (Rabchevskaya, 2012, p. 31). Perhaps this judgment referred to a certain period or was associated with the desire of the settlers to emphasize the hardships of life in a foreign land. Similar trends can be traced in early records. According to modern interviews, the habit of a certain type of food made it an element of nostalgia:

> "We didn't know any problems there about fish, but here we went crazy without fish, we got used to it. It is our main food, and nobody wants to eat meat because everyone likes fish" (Object of Intangible Heritage. Nekrasov Cossacks' Cuisine).

Not so much a lack of fish in general, as the absence of certain species created problems after arriving in the USSR. Pike, ram, carp, mullet, mackerel, catfish, pike perch, herring, flounder – the variety of fish eaten included not only river, but also species common in the Sea of Marmara and the Mediterranean (Vlaskina, 2014,

p. 153–154). It is not surprising that the fish stalls of the Stavropol Krai made a depressing impression on the Nekrasovites.

> "Hake, pollock – how to cook it? Our people were fishing in Kuma, but there was no luck, there is not always water either" (T. T. Elisyutikova, recorded by T. Yu. Vlaskina in 2010, Novokumskoe village).

Field materials contain a large number of descriptions of fish dishes, some of which are included in everyday menus and others in ritual menus. Nekrasovites cook white fish *steuden* (cold soup) and doused fish (fried and stewed with onions and tomatoes) for a patronal feast and for a commemoration.

Fish dishes of the wedding were salted carp or pike caviar, whipped, with vegetable oil and lemon juice; dried pike salad with vinegar and garlic; crayfish salad. In addition to fish slices, the whole ram was fried for a wedding treat. This action was an element of wedding age and sex symbolism. Dried or dry-roasted medium-sized ram served as a traditional treat for young people during the evenings at the bride's, along with fried watermelon and squash seeds and sweets (M. V. Beresteneva, recorded by T. Yu. Vlaskina in 2013, Novokumskoe village).

Crayfish stuffed with rice are among the complex festive dishes that do not seem to have ritual significance. A similar dish is known to the Old Russian cuisine (Levshin, 1816, p. 61) and in the Don Delta – crayfish soup with shells filled with a mixture of millet or rice groats and crayfish neck meat, which has the same obscure festive status, while being too laborious for everyday meals (Matishov et al., 2012, p. 192). In the Danube Delta, stuffed crayfish appear among the rare preserved recipes, possibly borrowed by the locals from the Cossack settlers (Stroe & Iancu, 2012, p. 76–77).

On weekdays, Nekrasovites cooked *sherba* (fish soup), fish fried in a coppersmith (cast-iron pot with a narrow bottom), baked with cabbage, in porridge, fried on *sopra* (in a large tin pan), fish heads baked with vegetables, fried *axeni* and *maranushki* (fish insides). Another dish of finely chopped fish entrails that resembles porridge is called *sal'nik*. According to the informants, *sal'nik* is a dish from childhood; it was no longer prepared in Russia. In Turkey, Nekrasov Cossacks also prepared salted fish for future use. To cook it they soaked it and baked in large chunks in a Russian oven. Dumplings with fish (usually with catfish meat, they were called catfish dumplings) are still popular. Catfish dumplings also have a ritual status: they are prepared for a special cooker's dinner, which is prepared the day after the patronal feast (Zudin & Vlaskina, 2016, p. 121).

In the preliminary preparation of fish, regionally marked techniques can be traced. For example, the Nekrasov Cossack women prepare large fish for frying in the same way as it is done in the Lower Don region (Vlaskina, 2013, p. 279). A fish stock weighing 2–3 kg is cut along the spine, unfolding in order to remove the entrails. In the Don Delta, this type of cutting is called *na plat* (possibly, could be translated as resembling a piece of cloth). Fins, tail, ridge are separated – these parts are used to prepare fish soup. Then they make frequent cuts that reach the bones

on both halves of a fish carcass (*kuropit'*), and after that cut into portions about three fingers wide (E. I. Babayova, recorded by T. Yu. Vlaskina in 2013, Novokumskoe village).

One of the original dishes of the ritual Nekrasovite's cuisine is white or fish *steuden* (cold fish soup). It resembles a little *okroshka* with dried fish, which is known to Russian cuisine for at least two centuries (Levshin, 1816, p. 47–49), and also to the Don old-timers in the Lower, but especially in the Upper Don (field materials of the author). But in the Don region kvass is often replaced with milk whey. The Nekrasovite's recipe has fewer ingredients, but a more complicated preparation procedure. As it should be in pre-Petrine cuisine the traditions of which are honored by the Old Believers, potatoes are excluded in the white steuden. This emphasizes the ritual status of the dish, since in the daily meal the "sinful" vegetable took a firm place in soups. Nekrasovite's bake it with fish, chopped parsnip, carrot and onion or rice in a coppersmith. There was even a special Nekrasov Cossacks' style of cooking potatoes, frying in large slices.

For fish steuden, fresh pike is cleaned, washed thoroughly and placed in brine for 10 days to 2 weeks. Then the fish is dried, but not until cooked, and baked in a Russian stove. During the baking process, it should turn brownish in color.

> "When the fish is baked, the stove must be heated hot, but burn out so that there is no more fire, and almost extinguished embers remain in the stove ... then it absorbs the smell of haze ... and gives off the smell of damp fish. Then the steuden will not smell of dampness," A. V. Mironova emphasized (recorded by T. Yu. Vlaskina in 2013, Novokumskoe village).

In her collection of materials on cooking, which she made up after a consultation with the most authoritative old cooks, Agafya Vasilyevna paid close attention to such details, trying to achieve the complete identity of the taste, appearance and smell of each dish. While the fish is being baked, water is boiled in a cauldron over a fire in an open hearth. Then the baked fish is placed in boiling water for about 10 minutes, so that it becomes soft enough, after which it is taken out of the cauldron, cooled and taken apart by hand into fibers. Separately, with a very sharp knife, the lemon is cut together with the zest, garlic and dill as small as possible. In order for the dish not to taste bitter, you need to take lemons of thin-crust varieties. All ingredients are mixed, poured with white bread kvass and allowed to brew for two hours.

Despite the importance of fish, the priority and variety of pastries, it is difficult not to notice the abundance of vegetables and spices in the diet of the Nekrasov Cossacks. The most popular are several types of pepper – sweet bell pepper, bitter, pungent, allspice. Beans, peas and other legumes, eggplants, tomatoes, cucumbers, cabbage, corn – these and other garden crops have significantly diversified the fish menu. The same can be noted about Mediterranean fruits, among which are the already mentioned lemons, and besides them figs, grapes, pomegranates, oranges. They used two varieties of squash in cooking: squash-*tambulka* (*Cucurbita*

pepo, from the Turkish *tombul* – round (Serdyukova, 2005, p. 285)) and squash-*rustyanka* (possibly can be translated as Greek squash since in Nekrasovites' dialect *rustyanka* means 'a Greek woman') or *ruskanka* (*Cucurbita moschata*). The squash called *tambulka* is the basis of several colorful dishes. In addition to the pulp of the fruit, squash seeds are eaten, from which, as well as from peanuts, and various nuts halva is prepared, and sauces for sweet dishes. N*ardek*, which was previously well known in the Don region, is sweet syrup brewed from watermelons. Nowadays, when preparing first and second courses, Nekrasovites use more sunflower oil, but they emphasize that olive oil is better and in Turkey they usually use it, which of course influenced the taste of the dishes. Onions and garlic, indispensable in modern Russian cuisine, are consumed by the Nekrasovites in much larger quantities than is usual. There is even an appetizer of onions cooked whole together in beans. The finished onion is removed from the bean broth not allowing it to be boiled, and served as a separate dish. Such attention to onions and garlic corresponds to both oriental tastes and medieval customs of the Russian peasantry. According to experts, "These two potions were essential in the diet of Russians," apparently solving not only nutritional, but also therapeutic and prophylactic problems. (Lipinskaya, 2005, p. 355).

The composition and methods of using herbal products, the peculiarities of the combination of ingredients and spices provide a variety of information for analysis. The author defines three types of perception of culinary innovation by Nekrasovites. First, this is the replacement of inaccessible products with local ones. Such a model, apparently, is the earliest, forced measure when adapting to new natural and economic conditions. Then Nekrasovites began to add previously unused ingredients to traditional dishes, first of all spices, which may indicate changes in taste: slightly bland Russian dishes in exile acquire the pungency and aroma of the East. And finally, a number of exotic dishes are included in the diet practically unchanged, the use of which does not contradict the religious and food taboo of the community. Sometimes exotics retain foreign-language names, which, however, may undergo certain distortions. For example, *plyaschinda* is a puff pie made from unleavened dough with squash filling, popular on the festive table of southern Old Believers, in which the Romanian *placinda* is easily guessed (Dănilă, 2017).

To prepare the dough, they sift the flour into a large cup, make a funnel-shaped hole in it, into which a warm mixture of water, salt and vegetable oil is slowly poured. Then they knead tough elastic dough like homemade noodles, but without eggs. For the filling, the squash should be peeled, grated and placed in a bowl with holes to drain excess liquid. The dough is divided into several parts and rolled out in very thin crumpets which are greased with vegetable oil, sprinkled with grated squash with sugar and rolled up. They put the rolls in a frying pan drizzled with vegetable oil, and then season the whole cake with sour cream on top. *Plyaschinda* is baked in a Russian oven (T. T. Elisyutikova, recorded by T. Yu. Vlaskina in 2010,

village Novokumskoe). Such a dish is typical for the Old Believers of Dobrudja, where, in addition to squash, cheese and fruit are used as a filling. This dish, without a doubt, is a Danube trace in the culinary history of the Nekrasov Cossacks (Zudin & Vlaskina, 2016, p. 16).

Squash, or rather squash seeds are used to prepare the so-called *tabula* noodles. A special sauce is made from fried and carefully crushed seeds, into which the noodles are then thrown, brought to a boil and removed from the fire (A. V. Mironova, recorded by T. Yu. Vlaskina in 2013, in the village of Novokumskoe). Such noodles are also called *halva* noodles, probably because squash seed *halva* is popular in Turkey.

No less significant is the *pyaz* – a salad of beans with onions, garlic, black pepper and dill with a spicy dressing of vinegar and olive oil. In this cold appetizer, Turkish *piyaz* is easily guessed (Bayindir & Bayindir, 2019).

The conservatism of the Nekrasov Cossacks traditions aimed at consciously preserving the culture and language of the ancestors according to Ignat's behests did not contradict the perception of foreign culinary customs in everyday life, since ritual food was carefully protected from foreign influences. It had to remain without distortion, as an element of the axiological core of culture, along with language, faith and Cossack law. In many ways, this task was solved: a complex of ritual dishes was formed, which are still being prepared for the patronal feast.

Their recipes are kept to the smallest detail and it is in the ritual menu that the Old Russian spirit is most noticeable, as well as certain overlaps with the cuisine of the Don Cossacks of the early period. This group, of course, includes *pies with porridge* – large flat pies made of lean dough with rice and raisins, which are baked on the hearth of a Russian oven. The hours-long process of baking *pies with porridge* is quite laborious; they are not prepared for ordinary feasts, only for the patronal feast and for the commemoration. This old pastry has also gone from the wedding menu, according to which pies were served with porridge on the second day of the celebration. However, to this day they remain something of a symbol of an unbroken connection with the heritage of ancestors, which lasts for the third century. The eldest daughter of V. P. Sanichev who brought the Nekrasovites from Turkey in 1962, Maria Vasilyevna once said that her father used a lot of energy in his time to convince the older Cossacks of the need to carefully preserve their traditions. Even if we are talking about difficulties in preparing pies, "they will not exist and we will not exist", he said (M. V. Beresteneva, recorded by T. Yu. Vlaskina in 2013, Novokumskoe village). This thought is echoed by other informants: "The pies with porridge did not begin together with us, and they will not end together with us" (Zudin & Vlaskina, 2016, p. 119).

At the same time, in the ritual sphere, one can find a foreign cultural influence. In particular, the sweet dish under the slightly strange name of the *skulakapyshechki* (can be translated as small crumpets from the fist), which was included in the register of obligatory treats for the patronal feast and for the memo-

rial dinner, is very reminiscent of the Turkish desserts *lokma* and *tulumba*, which are also called "Sultan's delicacies". These are sweet balls of dough, in the first case, fried in oil and poured with sugar or honey syrup, and in the second, boiled in thick syrup with the addition of nuts or peanuts (Kraig & Sen, 2013). The origin of Nekrasovite's traditional low-alcohol drink *buza* which is prepared for the women's meal on the Midwife Day, may be linked both to Old Russian and Turkish culinary traditions. *Buza* has been known in Russia since the 12th century. Buza or *half-beer* was the name of the mash made from boiled and fermented millet with honey (Lipinskaya, 2005, p. 356). However, in Turkish cuisine there is a similar drink with a similar name *boza*, which is the result of fermentation of crushed cereals or flour with yeast and sugar (Bayat & Yıldız, 2019). Their origin is possibly interconnected historically, but the Turkish recipe for *buza* is closer to a Nekrasovian one, since, like the local Turks, they ferment the drink with corn flour with yeast (Object of Intangible Heritage. Nekrasov Cossacks' Cuisine). Such penetrations are associated with complex processes of discrete inculturation. It is obvious that with multiple migrations, it becomes more and more difficult for migrants to differentiate "their own" and "foreign'" in such minute details as tradition requires, since in addition to the main cultural and genetic metropolis, a certain set of places of origin is formed in their minds.

Conclusion

Thus, we can conclude that the significance of the traditional cuisine of the Nekrasov Cossacks lies not only in the opportunity to join the archaic strata of Russian culture, but also in its marking properties. In the sphere of culinary traditions, numerous evidences of the historical path of this unique ethnosocial group have been accumulated, which deserve a deep cross-cultural study.

Acknowledgement

The publication was prepared in the framework of the implementation of the state assignment of the SSC RAS, project number 122020100347-2.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. Проекта 122020100347-2

References

Bayat, G., & Yıldız, G. (2019). The Special Fermented Turkish Drink: Boza. *Journal of Tourism and Gastronomy Studies*, 7(4), 2438–2446. https://doi.org/10.21325/jotags.2019.480

Bayindir, M. S., & Bayindir, B. (2019). Antalya: Antalya piyazi. In M. Yildirim Saçilik & S. Çevik (Eds.), *Bir Yerin Tabaktaki Kimliği [Identity of a Place on a Plate]* (pp. 70–74). Detay Yayıncılık. (In Turkish).

Dănilă, A. (2017). Trade Names of Pastries: Pies. *Studii Şi Cercetări de Onomastică Şi Lexicologie (SCOL)*, 10(1–2), 243–249.

Degtyarev, V. I., Kudryashova, R. I., Protsenko, B. N., & Serdyukova, O. K. (2003). *Great Dictionary of the Don Cossacks*. Russian Dictionaries; Astril; AST. (In Russian).

Vasmer, M. (1987). *Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes* (V. 3). Progress. (In Russian).

Ivanov-Zheludkov, V. (1866). Russian Village in Asia Minor. *Russkij vestnik*, 63(6), 413–451. (In Russian).

Jacoby, L. A. (2011). *Cultural heritage of the Nekrasov Cossacks*. Stavropol Regional House of Folk Art. (In Russian).

Korolev, V. N. (2002). Fried crayfish and salted grapes: From the history of Don Cossack cuisine. In V. Ya. Kiyashko (Ed.), *Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2001, issue. 18* (pp. 398–419). Azov Museum of Local Lore. (In Russian).

Kraig, B., & Sen, C. T. (Eds.). (2013). *Street Food around the World: An Encyclopedia of Food and Culture*. ABC-Clio.

Levshin, V. (1816). *Russian cookery, or instructions on cooking all kinds of authentic Russian dishes and on stocking up on various supplies*. Print shop of S. Selivanovsky. (In Russian).

Lipinskaya, V. A. (2005). Food (12th-20th centuries). In V. A. Aleksandrov, I. V. Vlasova, & N. S. Polishchuk, *Russians* (pp. 354–396). Nauka. (In Russian).

Matishov, G. G., Vlaskina, T. Yu., Venkov, A. V., & Vlaskina, N. A. (2012). *Social and Historical Portrait of the Don Delta: Cossack Farmhouse Donskoy*. UNTs RAS Publishing House. (In Russian).

Minorsky, V. F. (1902). In the Russian subjects of the Sultan. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2, 31–86. (In Russian).

Novak, L. A., Fradkina, N. G., & Movchan, A. S. (2013). *How we had it on the Pacific Don: Historical and Ethnographic Sketches*. Rostovkniga. (In Russian).

ONN. *Cossack Nekrasov cuisine*. (2016). https://skdnt.ru/elektronniy-katalog/onn-kuhnya-kazakov-nekrasovtsev/ (In Russian).

Prigarin, A. A. (2010). *Russian Old Believers on the Danube: The Formation of an Ethno-confessional Community in the Late 18th - First Half of the 19th Centuries*. SMIL, Arheodoksija. (In Russian).

Rabchevskaya, A. K. (2012). *The Newly Found Motherland. About the Nekrasov Cossacks*. Stavropol. (In Russian).

Rybalchenko, T. E. (2001). Turkish-Russian and Russian-Turkish Dictionary = *Türkçe-rusça ve rusça-türkçe sözlük: About 40,000 words and phrases*. Russian language. (In Russian).

Serdyukova, O. K. (2005). *Dictionary of the Cossack-Nekrasov dialect*. RSU Press. (In Russian).

Smirnov, Y. I. (1896). From a trip to Asia Minor: The Nekrasovs in Mada Island on Beisheir Lake, Hamid-Abadagh Sanjak, Konya Vilayet. *Zhivaja starina*, 6(1), 3–31. (In Russian).

Stroe, M., & Iancu, B. (2012). *La masă cu oamenii Deltei. O cartografiere a practicilor gastronomice [Lunch with the people of the Delta. A mapping of gastronomic practices.]*. Coresi. (In Romanian).

Tchaikovsky, M. S. (1891). Notes. *Kievskaja starina*, 1, 40–72. (In Russian).

Vlaskina, N. A. (2014). The subject of fishing in the traditional legacy of the Nekrasov Cossacks. *Russkaya Starina*, 3, 150–160. (In Russian).

Vlaskina, T. Yu. (2011). On the Modern State of Traditional Culture of Nekrasov Cossacks in the Stavropol Territory: Results of the 2010 Comprehensive Expedition of the UNTS RAS – SFU. In O. V. Matveev (Ed.), *The World of the Slavs of the North Caucasus, Issue 6* (pp. 111–119). Ecoinvest. (In Russian).

Vlaskina, T. Yu. (2013). Food system and culinary traditions of the population of the Don delta (based on materials from Donskoye village, Azovsky District, Rostov Oblast). In O. V. Matveev (Ed.), *The World of the Slavs of the North Caucasus, Issue 7* (pp. 270–283). Edvi. (In Russian).

Vlaskina, T. Yu. (2018). Light Pioneers: Russian Old Believers of the Kizlyarsky District of the Dagestan Republic in Field Research by F.V. Tumilevich (1961-1962). *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*, 5(42), 70–77. https://doi.org/10.25744/VESTNIK.2018.42.5.012 (In Russian).

Vlaskina, T. Yu. (2018). Russian Old community in Georgia (based on field materials of 1957–1958). In *IV International Scientific Conference "Development of Georgian-Ossetian Relationship": 100 Years of Tbilisi State University: Proceedings: 13–15 October* (pp. 23–24). Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

Voronina, T. A. (2017). Eating habits of the Ryazan peasants (19th – early 20th century). *Ryazan Ethnographic Bulletin*, 60, 1–234. (In Russian).

Zudin, A. I., & Vlaskina, N. A. (2016). *The Russian Connection: History and Culture of Old Believers in Southern Russia and Abroad*. n.p. (In Russian).

Список литературы

Bayat, G., & Yıldız, G. (2019). The Special Fermented Turkish Drink: Boza. *Journal of Tourism and Gastronomy Studies*, 7(4), 2438–2446. https://doi.org/10.21325/jotags.2019.480

Bayindir, M. S., & Bayindir, B. (2019). Antalya: Antalya piyazi. In M. Yildirim Saçilik & S. Çevik (Eds.), *Bir Yerin Tabaktaki Kimliği [Identity of a Place on a Plate]* (pp. 70–74). Detay Yayıncılık. (In Turkish).

Dănilă, A. (2017). Trade Names of Pastries: Pies. *Studii Şi Cercetări de Onomastică Şi Lexicologie (SCOL)*, 10(1–2), 243–249.

Kraig, B., & Sen, C. T. (Eds.). (2013). *Street Food around the World: An Encyclopedia of Food and Culture*. ABC-Clio.

Stroe, M., & Iancu, B. (2012). *La masă cu oamenii Deltei. O cartografiere a practicilor gastronomice [Lunch with the people of the Delta. A mapping of gastronomic practices.]*. Coresi. (In Romanian).

Vlaskina, T. Yu. (2018). Russian Old community in Georgia (based on field materials of 1957–1958). In *IV International Scientific Conference "Development of Georgian-Ossetian Relationship": 100 Years of Tbilisi State University: Proceedings: 13–15 October* (pp. 23–24). Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

Власкина, Н. А. (2014). Рыболовецкая тема в традиционном наследии казаков-некрасовцев. *Русская Старина*, 3, 150–160.

Власкина, Т. Ю. (2011). К вопросу о современном состоянии традиционной культуры казаков-некрасовцев, проживающих на Ставрополье: Итоги комплексной экспедиции ЮНЦ РАН – ЮФУ 2010 г. В О. В. Матвеев (Ред.), *Мир славян Северного Кавказа, выпуск 6* (сс. 111–119). Экоинвест.

Власкина, Т. Ю. (2013). Система питания и кулинарные традиции населения дельты Дона (по материалам х. Донского Азовского района Ростовской области). В О. В. Матвеев (Ред.), *Мир славян Северного Кавказа*, *выпуск 7* (сс. 270–283). Эдви.

Власкина, Т. Ю. (2018). Светопроходцы: Русские старообрядцы Кизлярского района Дагестанской республики в полевых исследованиях Ф.В. Тумилевича (1961–1962 гг.). *Вестник Академии наук Чеченской Республики*, 5(42), 70–77. https://doi.org/10.25744/VESTNIK.2018.42.5.012

Воронина, Т. А. (2017). Традиции питания рязанских крестьян (XIX – начало XX в.). *Рязанский этнографический вестник*, 60, 1–234.

Дегтярев, В. И., Кудряшова, Р. И., Проценко, Б. Н., & Сердюкова, О. К. (2003). *Большой толковый словарь донского казачества*. Русские словари; Астрель; АСТ.

Зудин, А. И., & Власкина, Н. А. (2016). *Русская связь: История и культура старообрядчества юга России и зарубежья*. б.и.

Иванов-Желудков, В. (1866). Русское село в Малой Азии. *Русский вестник*, 63(6), 413–451.

Королев, В. Н. (2002). Жареные раки и соленый виноград: Из истории донской казачьей кухни. В В. Я. Кияшко (Ред.), *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г., вып. 18* (сс. 398–419). Азовский краеведческий музей.

Левшин, В. (1816). *Русская поварня, или наставление о приготовлении всякого рода настоящих русских кушаньев и о заготовлении впрок разных припасов*. Типография С. Селивановского.

Липинская, В. А. (2005). Пища (XII–XX века). В В. А. Александров, И. В. Власова, & Н. С. Полищук, *Русские* (сс. 354–396). Наука.

Матишов, Г. Г., Власкина, Т. Ю., Венков, А. В., & Власкина, Н. А. (2012). *Социально-исторический портрет дельты Дона: Казачий хутор Донской*. Издательство ЮНЦ РАН.

Минорский, В. Ф. (1902). У русских подданных султана. *Этнографическое обозрение*, 2, 31–86.

Новак, Л. А., Фрадкина, Н. Г., & Мовчан, А. С. (2013). *Как у нас-то было на Тихом Дону: Историко-этнографические очерки*. Ростовкнига.

ОНН. *Кухня казаков-некрасовцев*. (2016). https://skdnt.ru/elektronniy-katalog/onn-kuhnya-kazakov-nekrasovtsev/

Пригарин, А. А. (2010). *Русские старообрядцы на Дунае: Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв.* СМИЛ, Археодоксия.

Рабчевская, А. К. (2012). *Вновь обретенная Родина. О казаках-некрасовцах*. Ставрополь.

Рыбальченко, Т. Е. (2001). *Турецко-русский и русско-турецкий словарь = Türkçe-rusça ve rusça-türkçe sözlük: Около 40000 слов и словосочетаний*. Русский язык.

Сердюкова, О. К. (2005). *Словарь говора казаков-некрасовцев*. Издательство РГУ.

Смирнов, Я. И. (1896). Из поездки по Малой Азии: У некрасовцев на острове Мада на Бейшеирском озере, Гамид-абадагского санджака, Конийского вилайета. *Живая старина*, 6(1), 3-31.

Фасмер, М. (1987). *Этимологический словарь русского языка: В 4 томах* (Т. 3). Прогресс.

Чайковский, М. С. (1891). Записки. *Киевская старина*, 1, 40–72.

Якоби, Л. А. (2011). *Культурное наследие казаков-некрасовцев*. Ставропольский краевой дом народного творчества.

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
South Russia Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.311

Cultural Memory of the North Caucasian Communities in the Conditions of the Risk-Generating Ethnopolitical Situation

Viktor A. Avksentev[1], Galina D. Gritsenko[2], Svetlana Y. Ivanova[3] & Marina M. Shulga[4]

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Rostov-on-Don, Russia

Abstract

The ethnopolitical situation in the North Caucasian communities is characterized by instability, which is caused not only by the socio-economic situation in the region, but also by socio-cultural processes. Recently, in the socio-cultural life of the region, the issues of the memory of history have been actualized in connection with the spread of various cultural meanings manifested in cultural memory, aimed at preserving and reproducing the integrity of the sociocultural organism, and historical memory, which is an ideological reflection of social reality, framed by political interests of ethnic entrepreneurs. The aim of the study is to determine which mechanisms of the reproduction of socio-cultural practices, namely, cultural memory and / or historical memory – prevail in the North Caucasian communities. The study revealed the dominance of historical memory as a factor in the dynamics of socio-cultural processes. This results in the formation by each ethno-nation of its "own" historical memory, the use of which leads to an increase of risks for the stability of ethnopolitical situation in the North Caucasus. The conclusion is made about the importance of activating the mechanisms of consolidation in the socio-cultural practice of the North Caucasian communities, and strengthening peace and cooperation between people of different ethnic and religious identity. This can be facilitated by the reorientation of the historical consciousness of the inhabitants of the North Caucasus region from historical to cultural memory.

Keywords

Cultural Memory; Historical Memory; Ethnopolitical Situation; North Caucasian Community; Risks; Community Integrity; Sociocultural Practice

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: avksentievv[at]rambler.ru
2 Email: dissovet[at]rambler.ru
3 Email: isu-socf[at]yandex.ru
4 Email: shulgamm[at]mail.ru

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Южнороссийский фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.311

Культурная память северокавказских сообществ в условиях рискогенности этнополитической ситуации

Авксентьев Виктор Анатольевич[1], Гриценко Галина Дмитриевна[2], Иванова Светлана Юрьевна[3], Шульга Марина Михайловна[4]

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН.
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Этнополитическая ситуация в северокавказских сообществах характеризуется нестабильностью, что обусловливается не только социально-экономическим положением региона, но и социокультурными процессами. В последнее время в социокультурной жизни региона актуализировались вопросы памяти истории в связи с распространением различных культурных смыслов, проявляющихся в культурной памяти, направленной на сохранение и воспроизводство социокультурным организмом своей целостности, и исторической памяти, являющейся идеологическим отражением социальной действительности и опосредованной политическими интересами этнических антрепренеров. Цель исследования – определить, какие механизмы – культурная память и/или историческая память – преобладают в северокавказских сообществах. В ходе исследования было установлено доминирование исторической памяти как фактора динамики социокультурных процессов. Это ведет к формированию каждым народом-этносом собственной, «своей» исторической памяти, использование которой усиливает рискогенность этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Сделан вывод о важности активизации в социокультурной практике северокавказских сообществ механизмов их консолидации, укрепления мира и сотрудничества между людьми разной этнической и конфессиональной принадлежности. Этому может способствовать переориентация исторического сознания жителей северокавказского региона с исторической на культурную память.

Ключевые слова

культурная память; историческая память; этнополитическая ситуация; северокавказское сообщество; рискогенность; целостность сообщества; социокультурная практика

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: avksentievv[at]rambler.ru
2 Email: dissovet[at]rambler.ru
3 Email: isu-socf[at]yandex.ru
4 Email: shulgamm[at]mail.ru

Введение. Рискогенность современного общества

Характерной особенностью современного мира становится небывалая динамичность и изменчивость, а важнейшей чертой общества – «сконструированные неопределенности» (Beck, 1999, p. 146), события с неопределенными последствиями (Яницкий, 2003a). Вызвано это растущей «негерметичностью» современного социума, расшатыванием системы «координат, в которой протекали жизнь и мышление в эпоху индустриальной модернизации – оси пола, семьи и профессии, вера в науку и прогресс» (Beck, 1992, p. 15). По мнению рискологов, следствием угрожающей мощи модернизации в условиях глобализации становится не просто неопределенность, но риски (Short, 1984), порождаемые «индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности» (Beck, 1992, p. 45). Современные риски при этом есть результат «нормальных процессов <...> общества» (Luhmann, 1993, p. VIII, IX), «мирного» порождения (производства) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка» (Beck, 1992, p. 98), что позволяет любое современное общество рассматривать как рискогенное (Луман, 1994), или общество риска.

В то же время есть отдельные регионы, отличительной характеристикой которых является политическая, или этнополитическая, нестабильность, обусловленная рискогенностью не столько технико-экономических решений, сколько политической полезности, целесообразности (Яницкий, 2003b, с. 12-13).

К таким регионам России относится Северный Кавказ (Avksent'ev & etc., 2020, p. 115-128). Несмотря на уход в последнее время проблематики Северного Кавказа с первых страниц изданий как не самой злободневной темы, уступившей место внешнеполитическим отношениям с США и странами Евросоюза (Тарчокова, 2019; Сафранчук, 2021), социально-политическим событиям на Украине и вокруг Крыма (Кирсанова, 2016; Власов, 2020), вопросы развития северокавказских сообществ остаются в сфере внимания правительства Российской Федерации (Кулько, 2021). Это обусловлено многими обстоятельствами, в том числе и тем, что «реализуемая в последние годы программа социально-экономического развития этого макрорегиона … не принесла ощутимых результатов. По-прежнему достаточно много проблем, которые требуют решения, в том числе на федеральном уровне». Так охарактеризовал результаты ранее принятых технико-экономических решений на Северном Кавказе премьер-министр России М. Мишустин на совещании в июне 2021 г. (Совещание, 2021). Подтверждением рискогенности ситуации может быть существующий разрыв между Северным Кавказом и другими регионами России, который за последний год в экономике увеличился на 3%, хотя, по утверждению министра экономического развития М. Решетникова, ежегодно на развитие Северного Кавказа из федеральной казны выделяются сотни

миллиардов рублей, в прошлом (2020 – прим. авторов) году сумма была рекордная – более 480 миллиардов рублей» (Кривякина, 2021).

Трудности в развитии социально-экономической сферы Северного Кавказа осложняются сохраняющейся концентрацией рисков в этнополитической ситуации, формируемых многими факторами (Авксентьев, Гриценко, 2018a). В настоящей статье делается попытка проанализировать социокультурные практики северокавказских сообществ в контексте общества риска и уточнить, какие механизмы их воспроизводства преобладают: механизмы стабилизации этнополитической ситуации или механизмы порождения рискогенных факторов (Авксентьев, Гриценко, 2018b). Именно факторы риска поддерживают социокультурный раскол на Юге России, который дает основание некоторым авторам утверждать, что «в настоящее время наблюдается медленное, но уверенное, цивилизационное отчуждение Северного Кавказа от России» (Литвинов & Журавель, 2018, с. 62). Такая точка зрения, на наш взгляд, является чрезмерной, однако сложившаяся социокультурная ситуация может быть охарактеризована как социокультурный фронтир, понимаемый как

> «пограничная зона между двумя социокультурными пространствами, обусловленная взаимопроникновением аксиологических элементов обоих пространств <…> Пространство фронтира является ментальным, в большей степени оно детерминировано самой социокультурностью. Фронтир есть зона неустойчивости, обусловленная неустойчивостью и размытостью аксиологического «фундамента» данной зоны… Это перекресток, место встречи разных культурных смыслов» (Шакирова, 2020, с. 129).

Культурная и историческая память: теоретический дискурс

Именно встреча различных культурных смыслов в северокавказских сообществах предполагает наличие разных механизмов воспроизводства социокультурных практик, которыми могут выступать культурная память и / или историческая память. В связи с этим возникает необходимость осмысления соотношения роли этих феноменов в развитии современных поликультурных сообществ.

Понятие «культурная память» в философской и культурологической литературе используется сравнительно недавно. Впервые оно было обосновано в работах Яна Ассмана (Assmann, 1992) и Алейды Ассман (Assmann, 1999). Согласно их концепции, культурная память есть «общее понятие, применяемое для обозначения всех знаний, которые определяют действия и переживания людей в специфическом пространстве интерактивных действий какого-либо общества, которые используются многократно от поколения к поколению как средство обучения и тренировки (воспитания)» (Assmann, 1988).

Для детализации предложенного Ассманами обобщенного понятия культурной памяти современные философы, например Т.Э. Рагозина, обратились к культурно-философскому наследию Ю. Лотмана по семиотике

культуры (Лотман, 2000; Лотман, 1992). В результате удалось очертить «портрет» феномена культурной памяти:

> «Будучи *социальной* по своей природе и *надындивидуальной* по форме своего бытия, функционируя в качестве *негенетического механизма* отбора, сохранения и передачи социально значимого опыта, культурная память выступает как *способ сохранения прошлого в настоящем* и, следовательно – как *условие преемственности исторического процесса и единства человеческого рода*» (Рагозина, 2017b, с. 45).

При этом культурная память как *способ сохранения прошлого в настоящем* предполагает постоянную актуализацию прошлого в настоящем,

> «постоянное присутствие – сознательно и бессознательно – в синхронном срезе культуры глубинных, порой весьма архаических, её состояний, активный диалог культуры настоящего с разнообразными структурами <…>, принадлежащими прошлому» (Лотман, 2000, с. 615).

Следует обратить внимание, что, согласно Ю. Лотману, именно в культурной памяти всегда «работающим оказывается не только последний временной срез, но и вся толща культуры значительной глубины» (Лотман, 2000, с. 616).

Развивая представления о культурной памяти как одной из разновидностей коллективной памяти, ориентированной на сохранение, закрепление и воспроизводство определенного набора сущностных и существенных черт, присущих каждому конкретному обществу, без которых невозможно развитие этого общества, современные исследователи склонны рассматривать культурную память как философское понятие, выражающее имманентное свойство общества, состоящее в его способности сохранять себя во всех своих модификациях, воспроизводя условия своего собственного существования на всех этапах развития (Рагозина, 2017a, с. 14). Так как культурная память – свойство целостности развивающегося во времени социокультурного организма, то она есть не только и не столько

> «представления и образы предметной и духовной культуры, правила реализации всех видов социальных практик – от привычки сидеть за столом <…> до грамматических правил построения фразы в соответствии с нормами языка», сколько «объяснительный принцип, раскрывающий механизмы социального воспроизводства». (Кройтор, 2010, с. 105).

Поскольку механизмы социального воспроизводства базируются на единстве противоположных категориальных характеристик (*развитие – устойчивость*, *изменчивость – преемственность*) социально-исторического процесса (Рогозина, 2017b, с. 14),

> «прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определённых условиях вновь заявить о себе» (Лотман, 2000, с. 615).

При этом, когда «прошлое» вновь заявляет о себе, могут утверждаться «нужные» традиции в качестве официальной памяти общества, то есть, как полагает П. Хаттон, памятью начинают интересоваться «как средством мобилизации политической власти» и отвергать «внутреннюю ценность традиции самой по себе» (Хаттон, 2003, с. 13). Так, в 1980-е годы в рамках очередной методологической ревизии оснований исторической науки, констатирует П. Хаттон, «и возник <…> новый жанр исторической науки. Его можно назвать историей политики коммеморации» (Хаттон, 2003, с. 36). Историография сосредоточила внимание, как утверждает П. Хаттон, на производстве образов в коммеморативных практиках (Хаттон, 2003, с. 14). Коммеморация становится приёмом своеобразной «мнемотехники», целенаправленно созданной этническими антрепренерами технологией вырабатывания коллективной памяти, способной порождать востребованные воспоминания и за счёт этого манифестировать скрытую эмоциональную энергию этнических общностей, направляя ее в «нужное» русло. Так, инспирируется появление концепта «историческая память» как эффективного средства переформатирования исторического прошлого для придания «нужного» вектора развития настоящему.

Наряду с вхождением в научный оборот термина «историческая память» государств-наций в современном мире происходит, по мнению французского историка П. Нора, «бурный расцвет памятей меньшинств» (Нора, 2005), то есть возникновение многочисленных разнообразных форм памяти национальных меньшинств, для которых отвоевание собственного прошлого стало необходимой составляющей утверждения их идентичности (Рагозина, 2017а, с. 18), что «глубоко изменило соотношение и взаимоотношения истории и памяти» (Нора, 2005).

Таким образом, по мнению ряда исследователей, существует принципиальное различие онтологического статуса понятий «культурная память» и «историческая память», обусловленное тем, что культурная память есть понятие, отражающее фундаментальное свойство культуры, состоящее в способности социокультурного организма сохранять и воспроизводить свою целостность, а историческая память есть идеологическое отражение социальной действительности, опосредованное политическими интересами (Рагозина, 2017а, с. 19).

Более того, по П. Хаттону, в современном обществе начинает преобладать историческая память, поскольку историки коммеморации с самого начала введения в научный оборот понятия «историческая память»

> «<…> стремились заключить в скобки вопрос о том, что может быть аутентичным в традиции, или какой силой влияния прошлое обладает само по себе, независимо от наших сознательных попыток его восстановить» (Хаттон, 2003, с. 38).

Это означает, что сегодня у каждой этнической общности, у каждого народа, существующего в едином социокультурном пространстве, есть свое

прошлое, историческая память о котором есть «единственно истинная» картина прошлого. Это означает, что сегодня исчезает общество как целостное полиэтничное образование с общей историей-судьбой для всех проживающих в рамках этого образования этносов, народов и единой для всех памятью о ней. Это означает, что сегодня каждый народ-этнос, сосуществующий с множеством других народов-этносов в рамках единого общества, утверждает с воинствующей нетерпимостью монополию на истину только «своей» исторической памяти, подвергая резкой критики любые притязании остальных этносов на «иную», свою, трактовку прошлого. Такая «оппозиция» памяти истории неизбежно ведет к усилению рискогенности общества, росту нестабильности этнополитической ситуации.

Культурная / историческая память как механизмы воспроизводства социальных практик в северокавказских сообществах

Актуализация исторической памяти, приведшая в отдельных регионах Северного Кавказа к «войне историй», резко повышает угрозы и риски достигнутой относительной стабильности. (Иванова, Шульга & Иванов, 2021). Именно с помощью таких «войн» современные этноэлиты ведут борьбу между собой за ресурсы, а в ряде сюжетов – стремятся получить преференции от федерального центра или от международного сообщества. Различные сюжеты этой борьбы разворачивались с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всего постсоветского периода истории Северного Кавказа.

Рассмотрим несколько основных сюжетов манифестирования исторической памяти за последние годы (2018–2020), которые повлияли на состояние межэтнических отношений в северокавказском регионе.

Одним из таких «постоянных» сюжетов является тема «аланского наследия». Политические элиты Северного Кавказа в целях этноконсолидации пользуются тематикой «аланского наследия», продвигая в общество идеи преемственности и даже полной идентичности тех или иных этносов Северного Кавказа с древними аланами (Шнирельман, 2006). Возможность различного толкования «аланского наследия» является благоприятной почвой как для противоположных профессиональных позиций, так и для бытовых разногласий, которые могут перерасти в межнациональные конфликты (Страсти по Алании, 2019).

Очередное обострение «аланской проблемы» в северокавказских сообществах произошло после опубликования Указа Президента РФ от 14.10.2017 г. № 480 «О праздновании 1100-летия крещения Алании» (Указ Президента, 2017). Причиной напряженности в этнополитической сфере ряда региональных сообществ стал факт игнорирования данного юбилея со стороны официальных государственных структур республик, в которых, по мнению общественных

организаций, защищающих «аланское наследие», «исторически проживают потомки средневековых алан» (Обращение в Администрацию, 2020). А именно, в состав Оргкомитета по подготовке и проведению мероприятия не вошли представители Карачаево-Черкесской Республики, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Ингушетия. В связи с этим Конгресс карачаевского народа, Общественный фонд «Къарачай», Совет старейшин карачаевского народа, Всемирная ассамблея карачаево-балкарского народа, Совет старейшин балкарского народа КБР, Высший Совет РОД РИ «МЕХК-КХЕЛ», Совет тейпов ингушского народа и Союз репрессированных народов России обратились в Администрацию Президента РФ со следующей просьбой:

> «обязать (принудить) руководителей КЧР, КБР и Ингушетии войти в состав Оргкомитета по подготовке и проведению празднования 1100-летия крещения Алании не только из-за экономических и культурно-просветительских перспектив, но и во избежание <…> межэтнических и межконфессиональных коллизий, которые нередко порождаются недооценкой значимости исторической памяти, в особенности в таком конфликтогенном регионе, как Северный Кавказ» (Обращение в Администрацию, 2020).

Весьма остро межэтнические противоречия, вызванные использованием исторической памяти, проявились в Кабардино-Балкарии в 2018 г. Поводом для конфликта послужил конный поход, устроенный кабардинскими активистами 18 сентября в честь 310-летия Канжальской битвы, который пролегал через балкарское селение Кенделен. Для черкесов, кабардинцев и других адыгоязычных народов эта битва является одним из символов национального героизма. Тюркские народы, включая балкарцев, негативно относятся к этому событию, считая факт сражения вымыслом. Традиция отмечать данную дату появилась в 2008 г., когда черкесские активисты на горе Канжал установили памятный знак – «воткнутый в землю кинжал, символ, который в старину означал, что данная земля завоёвана». В 2018 г. в результате отказа местных жителей пропустить участников похода через селение между ними возникли столкновения, пришлось вмешаться сотрудникам органов правопорядка. Волнения охватили несколько селений и столицу республики – г. Нальчик. В ходе массовых беспорядков было задержано более сорока человек. Конный поход, по сути, стал политической акцией, имеющей как земельно-территориальный, так и этносимволический смысл. Балкарцы восприняли его как посягательство на территориальное и историко-социальное пространство их этноса. Кабардинцы – как отстаивание своих гражданских прав: «мы можем пройти по любой улице своей республики». Данная конфликтная ситуация есть своего рода «лакмусовая бумага» реального состояния межэтнических отношений в республике и северокавказском регионе на фоне ухудшающегося уровня жизни, роста безработицы и отсутствия социальных лифтов для молодежи (Ларинцева & Черных, 2018).

Одним из новейших сюжетов «войны памяти» стал спор об этнической принадлежности первого человека, покорившего Эльбрус. В 2019 г. этот вопрос актуализировался в связи с завершением Федерацией альпинизма России проекта «Александр фон Гумбольдт. Богатство российских гор» (Федерация альпинистов, 2019), в рамках которого должны были пройти мероприятия, посвященные 190-летию первовосхождения на Эльбрус кабардинца Килара Хаширова (Информационное письмо, 2019). После официального опубликования данных намерений представители Конгресса карачаевского народа обратились к Федерации альпинизма России с просьбой отказаться от проведения конференции, поскольку это обострит этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе и не будет способствовать укреплению мира и согласия в регионе. Основной аргумент – проводником научной экспедиции на Эльбрус Г. А. Эмануэля был карачаевец Хыйлар (Килар) Хачиров (Конгресс карачаевского народа, 2019). Более того, ситуация осложнилась выходом в свет книги кабардинского исследователя Хадиса Тетуева, потомка кабардинского рода Хашировых, в которой доказывалось, что первопроходцем был кабардинец Килар Хаширов (Тетуев, 2021). Рискогенный потенциал «конфликтов памяти» актуализировался в рамках «дилеммы безопасности»: стремление одних народов укрепить свой статус в истории Кавказа воспринимается другими народами как покушение на роль своего народа в истории.

Исторические споры по поводу оценки действий героев прошлого, в ходе которых монополизируется истина только «своей» исторической памяти, также служат причиной обострения межэтнических отношений. В частности, поводом для обострения дагестано-чеченских отношений стало интервью главы Чеченской Республики о событиях 1999 г., в котором сказано, что, несмотря на осуждение в Чечне вторжения в Дагестан, все последние 20 лет говорят о нападении на Дагестан чеченских террористов» (Хамидова, 2019). В этом же интервью отмечалось, что события 1999 г. продолжались две недели, а действия Шамиля по уничтожению чеченского народа и сожжению Чечни продолжались 20 лет. Такое сравнение вызвало в дагестанском сегменте социальных сетей негативную реакцию. Чтобы снизить напряженность в дагестано-чеченских отношениях, Глава Республики Дагестан призвал жителей Дагестана и Чечни не создавать излишней напряженности вокруг оценки исторической роли имама Шамиля (Владимир Васильев, 2019).

Одним из последних противостояний исторических памятей может считаться установление в январе 2020 г. в Адлере, а затем снос в июле того же года памятного знака, который был поставлен на месте форта, созданного русскими войсками в 1837 году в ходе Кавказской войны (Кравченко, 2021). Надпись на нем гласила:

> «30 июня 1837 года (18 июня по старому стилю) на этом месте было заложено укрепление Святаго Духа, которое входило в число крепостей Черноморской

береговой линии, построенных Россией для обеспечения безопасности морских границ Восточного Причерноморья». (Широкорад, 2020).

Однако, несмотря на нейтральную надпись, черкесские общественные организации посчитали, что памятник солдатам Кавказской войны, установленный на исторических землях черкесов, является оскорблением их национальной памяти, и организовали протесты (Кувалдин, 2020).

Борьба за «свою» историческую память, за «свою» мемориализацию и символизацию исторических событий во многом является отражением противоречивых процессов, происходящих в северокавказских обществах. В их числе противоречия между этноконфессиональной архаизацией и потребности в социокультурной модернизации; конкуренция между общероссийской гражданской идентичностью и этнорелигиозной идентичностью, исламизацией ряда сфер общественной жизни и развитием гражданского общества, а также сужение (количественное и качественное) пространства русской реферирующей культуры и русского языка как интегративных факторов; бытование взаимных негативных этнических стереотипов при наличии как русофобских, так кавказофобских элементов (Авксентьев & др., 2017).

Однако периодически проводимые массовые социологические опросы жителей СКФО показывают, что происходит усиление российского патриотизма и в определенной степени российской идентичности (Адиев, 2020). Такой ситуации в немалой степени способствует укорененность в северокавказских сообществах культурной памяти. Это касается, прежде всего, памяти о Великой Отечественной войне (Кринко, Медведев & Стегленко, 2020), а также о достижениях в освоении космоса.

Так, Великая Отечественная война по-прежнему воспринимается в северокавказском сообществе «личной войной каждого горца» (Гугова, 2019). В последнее время восстанавливается память о битве за Кавказ. Например, из архивов извлечены сведения о сражении в районе Сагопшина, где осенью 1942 г. было остановлено наступление немцев, в том числе элитной 5-й моторизованной дивизии СС «Викинг». Тем самым был прегражден противнику путь к кавказской нефти. Это сражение вошло в историю Великой Отечественной войны как «Кавказская Прохоровка» (Юферев, 2018). Получает должную оценку и успешная оборонительная операция Красной Армии под Малгобеком, которая стала поворотным моментом в битве за Кавказ. Стойкость и самоотверженный героизм защитников Малгобека позволили Малгобекский бастион назвать непокоренным рубежом. Как признание мужества и стойкости не только воинов действующей армии, но и ополченцев, храбро защищавших свою родную землю, в 2007 года Малгобеку было присвоено высокое звание «Город воинской славы» (Зернаева, 2020). Именно поэтому в этом городе в рамках международной акции «Сад Памяти» высажена 1 тыс. деревьев в честь погибших в Великой Отечественной войне (Таргимов, 2021).

Для обеспечения должного места в общественном сознании культурной памяти большое внимание уделяется описанию вклада тружеников тыла Северного Кавказа в победу в Великой Отечественной войне (Дзарахова, 2015; Тимаралиева, 2015).

Актуализация культурной памяти о Великой Отечественной войне на генетическом уровне как страшной войне, победа в которой была обеспечена подвигом всего советского народа в целом и каждой семьи в отдельности, объединяет жителей северокавказских республик в различных общероссийских акциях, прежде всего таких, как «Бессмертный полк» (Нунаева, 2021b; Костоева, 2021), «Юные герои Великой Победы» (Абубакаров, 2021a); во Всероссийской акции «Мое детство — война» (Смит, 2021a), в акции «Защитим память героев» (Абубакаров, 2021b) и во флешмобе Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия» «Защитим ветеранов» (Смит, 2021b), а также в выставке архивных материалов «Без срока давности» (В Национальной библиотеке, 2021). Во многих учреждениях образования и культуры всех республик ежегодно проводится международная патриотическая акция «Диктант Победы» («Диктант Победы», 2021).

Культурная память свойственна и в отношении событий, посвященных Дню Космонавтики. Так, в северокавказских сообществах активно были поддержаны Всероссийские акции «Мечты о космосе» (Нунаева, 2021a) и «Космическая открытка» (Смит, 2021c), а также участие во Всероссийском космическом диктанте (Иден, 2021).

Однако воспоминания о Великой Отечественной войне или Дне Космонавтики приурочены к конкретным датам: 9 мая, 22 июня или 12 апреля, а следовательно, события, непосредственно связанные с культурной памятью, занимают в социокультурном пространстве северокавказских сообществ значительно меньшее место, чем события в рамках исторической памяти.

Выводы

Память о событиях прошлого в северокавказских сообществах развивается в соответствии с отмеченной П. Хаттаном мировой тенденцией: преобладанием не культурной памяти как механизма воспроизводства социальных практик, направленных на укрепление целостности социокультурного организма, а исторической памяти, которая есть не что иное, как функция власти, определяющая содержание репрезентации прошлого, и которая воспроизводит конфликтную рискогенную социокультурную практику. Этнические антрепренеры стремятся сконструировать у своего народа-этноса с помощью специально отобранных культурных смыслов «свою» историческая память как единственно истинную картину прошлого, собственный взгляд на исторические события, собственные оценки деятельности героев прошлого. В итоге появляется воинствующая нетерпимость по отношению к любой «иной» трак-

товке прошлого. На практике это означает, что историческая память, на которой акцентируют внимание этнические антрепренеры, усиливает рискогенность этнополитической ситуации в северокавказском регионе, служит основой для «укоренения» конфликтов и повышает вероятность возникновения манифестных конфликтов с этническим компонентом. Такое соотношение культурной и исторической памяти северокавказских сообществ не способствует социокультурной интеграции как внутри региона, так и интеграции Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство. Воспроизводится и закрепляется эффект социокультурного фронтира.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации ГЗ ФИЦ ЮНЦ РАН, г/р. № 122020100306-9

Список литературы

Assmann, A. (1999). *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses [Memory spaces. Forms and transformations of cultural memory]*. Verlag C.H. Beck. (In German).

Assmann, J. (1988). Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität [Collective memory and cultural identity]. In *Kultur und Gedächtnis [Culture and memory]* (pp. 9–19). Suhrkamp (In German).

Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen [The cultural memory: Writing, memory and political identity in early advanced cultures]*. Verlag C.H. Beck. (In German). https://doi.org/10.17104/9783406703409

Avksent'ev, V. A., Gritsenko, G. D., Ivanova, S. Y., & Shulga, M. M. (2020). Risks in the North Caucasus: Potential or Real Escalation of the Ethnopolitical Situation. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 25(3), 115–128. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a new modernity*. Sage.

Beck, U. (1999). *World Risk Society*. Polity Press.

Luhmann, N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. Walter de Gruyter.

Short, J. F. (1984). The Social Fabric at Risk: Toward the Social Transformation of Risk Analysis. *American Sociological Review*, 49(6), 711. https://doi.org/10.2307/2095526

«Диктант Победы» пройдет 29 апреля на 16 тысячах площадок в 80 странах мира. (2021, апрель 28). ТАСС. https://tass.ru/obschestvo/11262387

Абубакаров, С. (2021а). Десятки тысяч людей присоединились к акции «Единой России» и волонтерских объединений «Защитим память героев». *Вести Республики*. http://vesti95.ru/2021/02/desyatki-tysyach-lyudej-prisoedinilis-k-aktsii-edinoj-rossii-i-volonterskih-obedinenij-zashhitim-pamyat-geroev/

Абубакаров, С. В. (2021b). В Чеченской Республике проходит акция «Юные герои Великой Победы». *Вести Республики*. http://vesti95.ru/2021/03/v-chechenskoj-respublike-prohodit-aktsiya-yunye-geroi-velikoj-pobedy/

Авксентьев, В. А., & Гриценко, Г. Д. (2018a). Противоречивость этнополитических тенденций на Северном Кавказе: Экспертные оценки. *Гуманитарий Юга России*, 7(3), 139–154. https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.11

Авксентьев, В. А., & Гриценко, Г. Д. (2018b). Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа. *Научная мысль Кавказа*, 4, 81–91. https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-96-4-81-91

Авксентьев, В. А., Гриценко, Г. Д., Лепилкина, О. И., & Шульга, М. М. (2017). Северный Кавказ: Нестабильная стабильность. *Наука Юга России*, 13(1), 115–125. https://doi.org/10.23885/2500-0640-2017-13-1-115-125

Адиев, А. З. (2020). Общероссийская гражданская идентичность в массовом сознании жителей Республики Дагестан (по данным социологического опроса 2019 года). *Соотношение конфессиональной, этнической, региональной и гражданской общероссийской идентичности в общественной и политической среде Республики Башкортостан: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции, 26-28 марта 2020 г.*, 12–19.

Владимир Васильев изложил ФСБ свою позицию по конфликту с границей и истории имама Шамиля. (2019, август 21). Bezформата. https://mahachkala.bezformata.com/listnews/vladimir-vasilev-izlozhil-fsb/77087576/

Власов, А. А. (2020). *Права крымчан на самоопределение: Предпосылки и эволюция «крымской весны»*. Аспект Пресс.

Гугова, М. Х. (2019). Гражданское население Кабардино-Балкарии и движение сопротивления в условиях германской оккупации (1942-1943 гг.). *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*, 3, 72–76. https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-72-76

Дзарахова, З. М.-Т. (2015). Женщины Ингушетии в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева*, 1, 8–11.

Зернаева, Т. (2020, апрель 22). Малгобекский бастион: Непокорённый рубеж. *Власть Советов*. https://vlast-sovetov.ru/malgobekskij-bastion-nepokorjonnyj-rubezh/

Иванова, С. Ю., Шульга, М. М., & Иванов, В. В. (2021). Конфликтогенность «воин истории» на Северном Кавказе. *Конфликтология*, 16(2), 94–106.

Иден, М. (2021, апрель 12). *Ингушские школьники приняли участие во Всероссийском космическом диктанте*. «Ингушетия» — интернет-газета. https://gazetaingush.ru/news/ingushskie-shkolniki-prinyali-uchastie-vo-vserossiyskom-kosmicheskom-diktante

Информационное письмо. (2019). Федерация альпинистов России. http://humboldt250.tilda.ws

Кирсанова, Е. Г., & Панкратов, С. А. (2016). Воссоединение Крыма с Россией в контексте тенденций и противоречий развития современного политического процесса. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 21(6), 76–82. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.8

Конгресс карачаевского народа. (2019, апрель 3). Конгресс карачаевского народа. https://business.facebook.com/karachay.kongress/posts/2010255625689871/

Костоева, М. (2021, апрель 20). *«Бессмертный полк» начал регистрацию участников майского шествия*. «Ингушетия» — интернет-газета. https://gazetaingush.ru/news/bessmertnyy-polk-nachal-registraciyu-uchastnikov-mayskogo-shestviya

Кравченко, С. (2021). *Власти Адлера отмежевались от инцидента с уничтожением народного мемориала*. Кавказский Узел*. https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/358685/

Кривякина, Е. (2021, июнь 15). *Мишустин: Миллиарды выделяем, а Кавказ и ныне там*. Комсомольская правда. https://www.kp.ru/daily/27291/4429354/

Кринко, Е. Ф., Медведев, М. В., & Стегленко, Е. В. (2020). Институционализация памяти о Великой Отечественной войне на Дону и Северном Кавказе в 2000-е гг. *Научная мысль Кавказа*, 1, 42–49. https://doi.org/10.18522/2072-0181-2020-101-1-42-49

Кройтор, С. Н. (2010). Культурная память как механизм воспроизводства социальных практик. *Социологический Альманах*, 1, 97–105.

Кувалдин, С. (2020). *Славить свою историю vs уважать соседей. Нужно ли учитывать мнение черкесов при установке памятника в Адлере*. Сноб. https://snob.ru/selected/entry/169231

Ларинцева, А., & Черных, А. (2018, сентябрь 19). *Горы и предубеждения: Спор из-за битвы XVIII века привел к столкновениям в Кабардино-Балкарии*. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/3745753

Литвинов, Н. Д., & Журавель, В. П. (2018). Северный Кавказ как территория деформации Российской государственности (по материалам Кавказских агентств). *Юридическая наука: история и современность*, 9, 47–68.

Лотман, Ю. (2020). *Семиосфера*. Искусство-СПБ.

Лотман, Ю. М. (1992). Память в культурологическом освещении. В *Избранные статьи* (сс. 200-202). Велес.

Луман, Н. (1994). Понятие риска. *THESIS*, 5, 135–160.

Мухаметшина, Е. (2018, август 26). *В России резко выросли ксенофобные настроения*. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/26/779030-v-rossii-ksenofobnie-nastroeniya

Национальная Библиотека Чеченской Республики—В Национальной библиотеке ЧР им. А.А. Айдамирова состоялось открытие выставки «Без срока давности». (2021, февраль 8). Национальная библиотека Чеченской Республики им. А.А. Айдамирова. http://biblioteka-chr.ru/index.php/1903-v-natsionalnoj-biblioteke-chr-im-a-a-ajdamirova-sostoyalos-otkrytie-vystavki-bez-sroka-davnosti

Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*, 2. https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html

Нунаева, А. (2021a, апрель 9). С 10 по 12 апреля 2021 года проводится Всероссийская акция «Мечты о космосе». *Вести Республики*. http://vesti95.ru/2021/04/s-10-po-12-aprelya-2021-goda-provoditsya-vserossijskaya-aktsiya-mechty-o-kosmose/

Нунаева, А. (2021b, апрель 29). Как стать участником акции «Бессмертный полк»? *Вести Республики*. http://vesti95.ru/2021/04/kak-stat-uchastnikom-aktsii-bessmertnyj-polk/

О развитии Северного Кавказа говорил Михаил Мишустин на совещании в Пятигорске. Новости. Первый канал. (2021, июнь 15). https://www.1tv.ru/news/2021-06-15/408193-o_razvitii_severnogo_kavkaza_govoril_mihail_mishustin_na_soveschanii_v_pyatigorske

Обращение в Администрацию Президента РФ о праздновании крещения Алании. (2020, июль 28). Конгресс карачаевского народа. http://kkn09.ru/news/580-obraschenie-v-administraciyu-prezidenta-rf-o-prazdnovanii-krescheniya-alanii.html

Перевалов, С. (2017, март 25). Страсти по Алании. *Свободный взгляд*. http://free-view.org/2017/03/25/strasti-po-alanii/

Рагозина, Т. Э. (2017a). Культурная память versus историческая память. *Наука. Искусство. Культура*, 3, 12–21.

Рагозина, Т. Э. (2017b). Проблема культурной памяти как способ рефлексии над социальной формой. *Культура и цивилизация* (Донецк), 1, 42–55.

Сафранчук, И. А., & Лукьянов, Ф. А. (2021). Современный мировой порядок: Структурные реалии и соперничество великих держав. *Полис. Политические исследования*, 57–76. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05

Смит, В. (2021a, февраль 1). *Библиотеки Сунженского района приняли участие во Всероссийской акции «Мое детство—Война»*. «Ингушетия» — интернет-газета. https://gazetaingush.ru/news/biblioteki-sunzhenskogo-rayona-prinyali-uchastie-vo-vserossiyskoy-akcii-moe-detstvo-voyna

Смит, В. (2021b, февраль 22). *Ингушские юнармейцы приняли участие в флешмобе «Защитим ветеранов»*. «Ингушетия» — интернет-газета. https://gazetaingush.ru/news/ingushskie-yunarmeycy-prinyali-uchastie-v-fleshmobe-zashchitim-veteranov

Смит, В. (2021c, апрель 8). *Ингушские юнармейцы поддержали всероссийскую акцию «Космическая открытка»*. «Ингушетия» — интернет-газета. https://gazetaingush.ru/news/ingushskie-yunarmeycy-podderzhali-vserossiyskuyu-akciyu-kosmicheskaya-otkrytka

Совещание с членами Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа. (2021, июнь 15). Правительство России. http://government.ru/news/42494/

Тамов, А. (2018, сентябрь 9). *«Священно для предателей». Зачем кавказцев венчают с Россией?* Кавказ Реалии*. https://www.kavkazr.com/a/svyashchenno-dlya-predateley/29479823.html

Таргимов, Х. (2021, апрель 17). *В память о защитниках Малгобека в Ингушетии высадили 1 тыс. деревьев*. «Ингушетия» — интернет-газета. https://gazetaingush.ru/news/v-pamyat-o-zashchitnikah-malgobeka-v-ingushetii-vysadili-1-tys-derevev

Тарчокова, А. А. (2019). Международная легитимация действий во внешней политике России в контексте украинского и сирийского конфликтов: Концепция «ответственность по защите». *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История, Регионоведение. Международные отношения*, 1, 207–215. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.18

Тетуев, Х. (2021). *Во время стояния на Кавказе* – 1829. Проза.ру. https://proza.ru/2021/05/29/1151

Тимаралиева, А. В. (2015). Вклад тружеников тыла в победу в Великой Отечественной войне. *Вестник Чеченского государственного университета*, 2, 75–78.

Указ Президента Российской Федерации от 14.10.2017 г. № 480 «О праздновании 1100-летия крещения Алании». (2017, октябрь 14). Президент России. http://kremlin.ru/acts/bank/42372

Федерация Альпинизма России завершает проект «Александр фон Гумбольдт. Богатство российских гор». (2019, декабрь 11). Русское географическое общество. https://www.rgo.ru/ru/article/federaciya-alpinizma-rossii-zavershaet-proekt-aleksandr-fon-gumboldt-bogatstvo-rossiyskih

Хамидова, М. (2019, август 7). *«Пора говорить правду»: Рамзан Кадыров о ботлихских событиях и имаме Шамиле - РИА Дербент*. РИА Дербент. https://riaderbent.ru/pora-govorit-pravdu-ramzan-kadyrov-o-botlihskih-sobytiyah-i-imame-shamile.html

Хаттон, П. Х. (2003). *История как искусство памяти* (В. Ю. Быстров, Пер.). Владимир Даль.

Шакирова, Е. Ю. (2020). Социокультурный фронтир современности: Результат аксиологических метаморфоз. *Вестник ВГУ (Воронежский). Серия: Философия*, *2*, 124–130.

Широкорад, А. Б. (2020, июль 30). *Грядет эпоха варварства и хаоса*. Независимое военнное обозрение. http://nvo.ng.ru/history/2020-07-30/13_1102_monument.html

Юферев, С. (2018, октябрь 6). *«Кавказская Прохоровка». Сражение у Сагопшина*. Военное обозрение. https://topwar.ru/147829-srazhenie-u-sagopshina-kavkazskaja-prohorovka.html

Яницкий, О. Н. (2003a). *Социология риска*. Издательство LVS.

Яницкий, О. Н. (2003b). Социология риска: Ключевые идеи. *Мир России. Социология. Этнология*, *12*(1).

* СМИ в РФ признано иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента

References

"The Victory Dictation" will be held on April 29 at 16 thousand sites in 80 countries. (2021, April 28). TASS. https://tass.ru/obschestvo/11262387 (In Russian).

Abubakarov, C. (2021a). Tens of thousands of people joined the campaign of "United Russia" and volunteer associations "Let's Protect the Memory of Heroes". *Vesti Respubliki*. http://vesti95.ru/2021/02/desyatki-tysyach-lyudej-prisoedinilis-k-aktsii-edinoj-rossii-i-volonterskih-obedinenij-zashhitim-pamyat-geroev/ (In Russian).

Abubakarov, S. V. (2021b). "Young Heroes of the Great Victory" event in the Chechen Republic. *Vesti Respubliki*. http://vesti95.ru/2021/03/v-chechenskoj-respublike-prohodit-aktsiya-yunye-geroi-velikoj-pobedy/ (In Russian).

Adiev, A. Z. (2020). All-Russian Civic Identity in the Mass Consciousness of the Residents of the Republic of Dagestan (based on the data of a 2019 sociological survey). *The Correlation of Confessional, Ethnic, Regional and Civil All-Russian Identities in the Social and Political Environment of the Republic of Bashkortostan: Proceedings of the All-Russian Youth Scientific School-Conference, March 26-28, 2020.*, 12–19. (In Russian).

Appeal to the Presidential Administration of the Russian Federation to celebrate the Baptism of Alania. (2020, July 28). Congress of the Karachay People. http://kkn09.ru/news/580-obraschenie-v-administraciyu-prezidenta-rf-o-prazdnovanii-krescheniya-alanii.html (In Russian).

Assmann, A. (1999). *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses [Memory spaces. Forms and transformations of cultural memory]*. Verlag C.H. Beck. (In German).

Assmann, J. (1988). Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität (Collective memory and cultural identity). In *Kultur und Gedächtnis (Culture and memory)* (pp. 9–19). Suhrkamp (In German).

Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen (The cultural memory: Writing, memory and political identity in early advanced cultures)*. Verlag C.H. Beck. (In German). https://doi.org/10.17104/9783406703409

Avksent'ev, V. A., & Gritsenko, G. D. (2018a). Contradiction of Ethnopolitical Trends in the North Caucasus: Expert Evaluations. *Humanities of the South of Russia*, 7(3), 139–154. https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.11 (In Russian).

Avksent'ev, V. A., & Gritsenko, G. D. (2018b). Risk Factors and Situations in the Ethnopolitical Sphere of the North Caucasus. *Scientific Thought of the Caucasus*, 4, 81–91. https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-96-4-81-91 (In Russian).

Avksent'ev, V. A., Gritsenko, G. D., Ivanova, S. Y., & Shulga, M. M. (2020). Risks in the North Caucasus: Potential or Real Escalation of the Ethnopolitical Situation. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 25(3), 115–128. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

Avksentyev, V. A., Gritsenko, G. D., Lepilkina, O. I., & Shulga, M. M. (2017). The North Caucasus: an Unstable Stability. *Science in the South of Russia*, 13(1), 115–125. https://doi.org/10.23885/2500-0640-2017-13-1-115-125 (In Russian).

Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a new modernity*. Sage.

Beck, U. (1999). *World Risk Society*. Polity Press.

Congress of the Karachay People. (2019, April 3). Congress of the Karachay People. https://business.facebook.com/karachay.kongress/posts/2010255625689871/ (In Russian).

Dzarakhova, Z. M.-T. (2015). Women of Ingushetia during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Ch. E. Akhriyev Ingush Research Institute for the Humanities*, 1, 8–11. (In Russian).

Eden, M. (2021, April 12). *Ingush schoolchildren took part in the All-Russian Space Dictation*. "Ingushetia" – online newspaper. https://gazetaingush.ru/news/ingushskie-shkolniki-prinyali-uchastie-vo-vserossiyskom-kosmicheskom-diktante (In Russian).

Federation of Mountaineering of Russia completes the project "Alexander von Humboldt. The Riches of the Russian Mountains". (2019, December 11). Russian Geographical Society. https://www.rgo.ru/ru/article/federaciya-alpinizma-rossii-zavershaet-proekt-aleksandr-fon-gumboldt-bogatstvo-rossiyskih (In Russian).

Gugova, M. Kh. (2019). Civil Population of Kabardino-balkaria and Resistance Movement Under the Conditions of German Occupation (1942–1943). *KBIHR Bulletin*, 3, 72–76. https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-72-76 (In Russian).

Hutton, P. H. (2003). *History as the Art of Memory* (V. Yu. Bystrov, Trans.). Vladimir Dal'. (In Russian).

Ivanova, S. Yu., Shulga, M. M., & Ivanov, V. V. (2021). The Conflictogeny of the "Wars of History" in the North Caucasus. *Conflictology*, 16(2), 94–106. (In Russian).

Khamidova, M. (2019, August 7). *"It's time to tell the truth." Ramzan Kadyrov on the Botlikh events and Imam Shamil*. RIA Derbent. https://riaderbent.ru/pora-govorit-pravdu-ramzan-kadyrov-o-botlihskih-sobytiyah-i-imame-shamile.html (In Russian).

Kirsanova, E. G., & Pankratov, S. A. (2016). Reunion of Crimeaand Russia in the Context of Trends and Contradictions of Contemporary Policy-making. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 21(6), 76–82. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.8 (In Russian).

Kostoeva, M. (2021, April 20). *The "Immortal Regiment" began registering participants of the May march*. "Ingushetia" – online newspaper. https://gazetaingush.ru/news/bessmertnyy-polk-nachal-registraciyu-uchastnikov-mayskogo-shestviya (In Russian).

Kravchenko, S. (2021). *Adler authorities disassociated themselves from the incident with the destruction of the people's memorial*. Kavkazskij Uzel*. https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/358685/ (In Russian).

Kreutor, S. N. (2010). Cultural Memory as a Mechanism of Social Practices Reproduction. *Sociological Almanac*, 1, 97–105. (In Russian).

Krinko, E. F., Medvedev, M. V., & Steglenko, E. V. (2020). The Institutionalization of the Memory of the Great Patriotic War in the Don and the North Caucasus in the 2000s. *Scientific Thought of the Caucasus*, 1, 42–49. https://doi.org/10.18522/2072-0181-2020-101-1-42-49 (In Russian).

Krivyakina, E. (2021, June 15). *Mishustin: We allocate billions, but the Caucasus is still there*. Komsomol'skaja pravda. https://www.kp.ru/daily/27291/4429354/ (In Russian).

Kuvaldin, S. (2020). *Honoring our history vs. respecting our neighbors. Should the opinion of the Circassians be taken into account when erecting a monument in Adler?*. Snob. https://snob.ru/selected/entry/169231 (In Russian).

Larintseva, A., & Chernykh, A. (2018, September 19). *Mountains and prejudice: A dispute over an 18th-century battle has led to clashes in Kabardino-Balkaria*. Kommersant. https://www.kommersant.ru/doc/3745753 (In Russian).

Litvinov, N. D., & Zhuravel, V. P. (2018). North Caucasus as a territory of deformation of Russian statehood (based on the materials of the Caucasus agencies). *Legal Science: History and Modernity*, 9, 47–68. (In Russian).

Lotman, Yu. (2020). *Semiosphere*. Iskusstvo-SPB. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1992). Memory in cultural studies. In *Selected articles* (pp. 200–202). Veles. (In Russian).

Luhmann, N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. Walter de Gruyter.

Luhmann, N. (1994). The concept of risk. *THESIS*, 5, 135–160. (In Russian).

Meeting with members of the Government Commission on the socio-economic development of the North Caucasus Federal District. (2021, June 15). Russian government. http://government.ru/news/42494/ (In Russian).

Mikhail Mishustin spoke about the development of the North Caucasus at a meeting in Pyatigorsk. News. Channel 1. (2021, June 15). https://www.1tv.ru/news/2021-06-15/408193-o_razvitii_severnogo_kavkaza_govoril_mihail_mishustin_na_soveschanii_v_pyatigorske (In Russian).

Mukhametshina, E. (2018, August 26). *Xenophobic sentiments rose sharply in Russia*. Vedomosti. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/26/779030-v-rossii-ksenofobnie-nastroeniya (In Russian).

National Library of the Chechen Republic The A. Aydamirov National Library of the Chechen Republic hosted the opening of the exhibition "Without Statute of Limitations". (2021, February 8). The A. A. Aydamirov National Library of the Chechen Republic. A.A. Aidamirov. http://biblioteka-chr.ru/index.php/1903-v-natsionalnoj-biblioteke-chr-im-a-a-ajdamirova-sostoyalos-otkrytie-vystavki-bez-sroka-davnosti (In Russian).

Newsletter. (2019). Federation of Mountain Climbers of Russia. http://humboldt250.tilda.ws (In Russian).

Nora, P. (2005). A World Celebration of Remembrance. *Neprikosnovennyj zapas*, *2*. https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html (In Russian).

Nunaeva, A. (2021a, April 9). From April 10 to 12, 2021, the All-Russian action "Dreams of Space" takes place. *Vesti Respubliki*. http://vesti95.ru/2021/04/s-10-po-12-aprelya-2021-goda-provoditsya-vserossijskaya-aktsiya-mechty-o-kosmose/ (In Russian).

Nunaeva, A. (2021b, April 29). How do I become a member of the "Immortal Regiment" campaign? *Vesti Respubliki*. http://vesti95.ru/2021/04/kak-stat-uchastnikom-aktsii-bessmertnyj-polk/ (In Russian).

Perevalov, S. (2017, March 25). Passion for Alania. *Svobodnyj vzgljad*. http://free-view.org/2017/03/25/strasti-po-alanii/ (In Russian).

Presidential Decree No. 480 of 14.10.2017 "On Celebrating the 1100th Anniversary of the Baptism of Alania". (2017, October 14). President of Russia. http://kremlin.ru/acts/bank/42372 (In Russian).

Ragozina, T. E. (2017a). Cultural memory versus historical memory. *Science. Art. Culture*, 3, 12–21. (In Russian).

Ragozina, T. E. (2017b). The Problem of Cultural Memory as a Way of Reflection on Social Form. *Culture and Civilization (Donetsk)*, 1, 42–55. (In Russian).

Safranchuk, I. A., & Lukyanov, F. A. (2021). The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries. *Polis. Political Studies*, 57–76. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05 (In Russian).

Shakirova, E. Y. (2020). Sociocultural Frontier of Modernity: The Result of Axiological Metamorphosis. *Vestnik VSU (Voronezh State University). Series: Philosophy.*, 2, 124–130. (In Russian).

Shirokorad, A. B. (2020, July 30). *An era of barbarism and chaos is coming*. Independent Military Review. http://nvo.ng.ru/history/2020-07-30/13_1102_monument.html (In Russian).

Short, J. F. (1984). The Social Fabric at Risk: Toward the Social Transformation of Risk Analysis. *American Sociological Review*, 49(6), 711. https://doi.org/10.2307/2095526

Smith, W. (2021b, February 22). *Young soldiers from Ingushetia participated in a flash mob "Let's Protect Veterans"*. "Ingushetia" – online newspaper. https://gazetaingush.ru/news/ingushskie-yunarmeycy-prinyali-uchastie-v-fleshmobe-zashchitim-veteranov (In Russian).

Smith, W. (2021c, April 8). *Young soldiers from Ingushetia supported the all-Russian "Space Postcard" campaign*. "Ingushetia" – online newspaper. https://gazetaingush.ru/news/ingushskie-yunarmeycy-podderzhali-vserossiyskuyu-akciyu-kosmicheskaya-otkrytka (In Russian).

Smith, W. (2021a, February 1). *Libraries of the Sunzhensky District took part in the All-Russian campaign "My Childhood - War"*. "Ingushetia" – online newspaper. https://gazetaingush.ru/news/biblioteki-sunzhenskogo-rayona-prinyali-uchastie-vo-vserossiyskoy-akcii-moe-detstvo-voyna (In Russian).

Tamov, A. (2018, September 9). *"Sacred to traitors." Why are Caucasians married to Russia?* Kavkaz Realii*. https://www.kavkazr.com/a/svyashchenno-dlya-predateley/29479823.html (In Russian).

Tarchokova, A. A. (2019). International Legitimization of Russian Foreign Policy Actions in the Context of the Ukrainian and Syrian Conflicts: the 'Responsibility to Protect' Conception. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 1, 207–215. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.18 (In Russian).

Targimov, H. (2021, April 17). *In memory of the defenders of Malgobek, 1,000 trees were planted in Ingushetia*. "Ingushetia" – online newspaper. https://gazetaingush.ru/news/v-pamyat-o-zashchitnikah-malgobeka-v-ingushetii-vysadili-1-tys-derevev (In Russian).

Tetuev, H. (2021). *During the standing in the Caucasus – 1829*. Proza.ru. https://proza.ru/2021/05/29/1151 (In Russian).

Timaralieva, A. V. (2015). Contribution of home front workers to the victory in the Great Patriotic War. *Bulletin of the Chechen State University*, 2, 75–78. (In Russian).

Vladimir Vasilyev outlined his position on the border conflict and the history of Imam Shamil to the FSB. (2019, August 21). Bezformata. https://mahachkala.bezformata.com/listnews/vladimir-vasilev-izlozhil-fsb/77087576/ (In Russian).

Vlasov, A. A. (2020). *Crimean Citizens' Rights to Self-Determination: The Prerequisites and Evolution of the "Crimean Spring"*. Aspekt Press. (In Russian).

Yanitsky, O. N. (2003a). *The Sociology of Risk*. LVS Publishers. (In Russian).

Yanitsky, O. N. (2003b). The Sociology of Risk: Key Ideas. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*, 12(1). (In Russian).

Yuferev, S. (2018, October 6). *"Caucasian Prokhorovka." The Battle of Sagopshin*. Military Review. https://topwar.ru/147829-srazhenie-u-sagopshina-kavkazskaja-prohorovka.html (In Russian).

Zernayeva, T. (2020, April 22). Malgobek Bastion: The Unconquered Frontier. *The Power of the Soviets*. https://vlast-sovetov.ru/malgobekskij-bastion-nepokorjonnyj-rubezh/ (In Russian).

* Mass media is recognized as a foreign media outlet performing the functions of a foreign agent and (or) a Russian legal entity performing the functions of a foreign agent in the Russian Federation

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Global Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.355

Running From the Edge of Earth: Desertion During Circumnavigations of the 16th Century

Dmitry V. Mikheev

The Herzen State Pedagogical University of Russia. Saint Petersburg, Russia.
Email: tankred85[at]mail.ru

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the cases of desertion in Spanish and English circumnavigations undertaken during the 16th century. Only four expeditions were able to overcome the Strait of Magellan and enter the Pacific Ocean, but there were many more attempts to repeat the voyages round the world, and in each we meet cases of desertion. The aim of the study is to identify common features of the described cases of desertion, and characteristics of the methods of maintaining order and discipline on ships. The crucial moment for most expeditions was the sectors from La Plata to the Strait of Magellan and attempts to cross the Strait of Magellan, as the ultimately dangerous part of the route. We find only one case of desertion in the Pacific Ocean, caused by the quarrel of the crew over captured spoil. In most part of the examples, desertion was caused by fear of the unexplored sea roads, by conflicts of interest and social contradictions, by personal enmity of crew members or by dissatisfaction with the actions of the leader of the expedition. The punishment for deserters at their homeland was surprisingly mild. The captains of the escaped ships not only saved their lives, but also continued their careers. But for every circumnavigation loss of even one ship was critical and could lead to difficulties or complete failure of the voyage.

Keywords

Circumnavigation; Desertion; Mutiny; New World; Strait of Magellan; Ferdinand Magellan; Francis Drake; Thomas Cavendish; Edward Fenton; Richard Hawkins

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Зарубежный фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.355

Бегущие с края земли: дезертирство в ходе кругосветных экспедиций XVI века

Михеев Дмитрий Владимирович

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия. Email: tankred85[at]mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу случаев дезертирства в испанских и английских кругосветных экспедициях, предпринимавшихся на протяжении XVI столетия. Лишь четыре экспедиции смогли преодолеть Магелланов пролив и выйти в Тихий океан, однако попыток повторить кругосветную экспедицию было намного больше, и в каждой мы встречаем случаи дезертирства. Целью исследования является выявление общих черт в описанных случаях дезертирства, характеристика методов поддержания порядка и дисциплины на кораблях. Наиболее критическим моментом большинства экспедиций становились участки маршрута от Ла-Платы к Магелланову проливу и, конечно, попытки перехода через Магелланов пролив, как самый опасный участок пути. Мы почти не встречаем случаев бегства кораблей при пересечении Тихого океана. В большинстве рассмотренных примеров дезертирство было вызвано страхом перед опасностями предстоящего пути, а мятежи недовольством действиями руководителя экспедиции. Наказания, которым подвергались дезертиры на родине, были удивительно мягкими, что и провоцировало повторение подобных случаев. В свою очередь потеря даже одного корабля для части экспедиций носила критический характер и являлась фактором, приводившим к их провалу.

Ключевые слова

кругосветная экспедиция; дезертирство; мятеж; Новый Свет; Магелланов пролив; Фернан Магеллан; Фрэнсис Дрейк; Томас Кавендиш; Эдвард Фентон; Ричард Хокинс

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Эпоха Великих географических открытий неразрывно связана с организацией крупных заморских экспедиций, позволивших не только расширить границы известного европейцам мира, но и сделать серьезный шаг по пути торгово-колониальной экспансии, без которой невозможно представить борьбы великих держав того времени за доминирование на международной арене. Основной целью первых морских экспедиций стал поиск пути к богатствам стран Востока. В результате подписания в 1494 г. Тордесильясского договора так называемый восточный маршрут к Индии, Китаю и островам пряностей оказался в португальской сфере влияния, а значительная часть еще толком не исследованного Американского континента и более протяженный западный маршрут – во власти католических монархов Кастилии и Арагона. Именно борьба за острова пряностей заставила молодого испанского короля и императора Священной Римской империи Карла V согласиться на реализацию амбициозного проекта португальского мореплавателя Фернана Магеллана, предлагавшего западным путем достичь стран Востока, т.е. сделать, наконец, то, что планировал когда-то совершить Христофор Колумб. Несмотря на огромные трудности и гибель большей части экипажа, а также самого руководителя экспедиции, Хуан Себастьян Элькано смог завершить начатое путешествие, доставив через португальскую Индию на корабле «Виктория» груз пряностей в Севилью, совершив таким образом первое кругосветное путешествие. Успешный исход экспедиции поставил ее руководителей в один ряд с Христофором Колумбом и Васко да Гама. Первая морская кругосветная экспедиция Фернана Магеллана и Себастьяна Элькано на долгие десятилетия подтвердила лидерство Испании на международной арене и превосходство ее флота на просторах мирового океана.

Осуществление подобного предприятия в рассматриваемый период было равнозначно претензии на мировое лидерство. Неудивительно, что первыми подобный проект смогли осуществить испанцы, как и то, что вызов им был брошен спустя почти полвека именно английскими моряками, дважды повторившими кругосветную экспедицию. Первая состоялась под руководством елизаветинского корсара и первооткрывателя Фрэнсиса Дрейка. Предприятие сочетало в себе черты торгово-разведывательной экспедиции и грабительского рейда. Географические свидетельства, собранные в ходе экспедиции, открыли то, о чем умалчивали или не знали испанские первооткрыватели. По популярности предприятие Дрейка ничем не уступало путешествию Магеллана – Элькано. Споры о том, каковы были истинные цели экспедиции, ведутся до сих пор, и далеко не все исследователи склонны считать, что изначально экспедиция задумывалась как кругосветная (Andrews, 1968, pp. 724–741). Удачный исход экспедиции Дрейка преподнес обширный пласт информации о богатствах и особенностях Нового Света и Ост-Индии, а сокровища, приве-

зенные в Европу, способствовали всплеску интереса к подобного рода предприятиям. Впрочем, попытки подданных английской королевы повторить экспедицию Дрейка в начале 1580-х гг. завершились провалом. Успех вновь сопутствовал англичанам только в условиях начавшейся в 1585 г. англо-испанской войны. Новую кругосветную экспедицию смог совершить молодой английский дворянин и первооткрыватель Томас Кавендиш. Неоднократные английские попытки повторения подобного предприятия, после возвращения Кавендиша в Англию не увенчались успехом. Наконец, голландцы только на рубеже XVI–XVII в. смогли совершить свою кругосветную экспедицию под руководством Оливье ван Ноорта, озвучив тем самым свои претензии на морское господство и долю в переделе колониальных владений и рынков.

Осуществление кругосветного путешествия в эпоху раннего Нового времени требовало колоссальной подготовки и концентрации усилий огромного числа людей. Проведение подобной экспедиции без государственной поддержки выглядело почти немыслимо. Однако успех всего предприятия зависел не только от объема вложенных в него средств и разработки четкого плана путешествия. Огромную роль играли качества руководителя экспедиции, его умение поддерживать дисциплину на кораблях, решительность и способность четко действовать в критической ситуации, увлекая за собой экипаж, поддерживая в нем уверенность в успешном исходе предприятия. Как показывала практика, чем дольше проходило путешествие, чем дальше от освоенных европейцами частей света проходила экспедиция, тем выше была вероятность мятежа и дезертирства. Волнения среди моряков часто были связаны со злоупотреблениями командования или акциями проникавших на борт кораблей подстрекателей. В XVI–XVII вв. они обрели новую экономическую и социальную окраску (Чистозвонов, 1989, с. 58). Несомненно, огромную роль в дальних заморских экспедициях играл страх их участников перед неизведанными районами океанического и земного пространства, находившимися за границей исследованных территорий, либо же в зоне пограничной и толком не описанной, что порождало многочисленные домыслы и страхи. В результате, в ходе большинства предприятий, связанных с преодолением Магелланова пролива и повторением экспедиции Магеллана – Элькано, мы встречаем случаи мятежей, как настоящих, открытых, так и мнимых, а также дезертирства, нередко влиявшего на сам ход путешествия.

Источниковую базу исследования составили многочисленные свидетельства непосредственных участников кругосветных экспедиций, представленные в виде дневников и кратких отчетов (Andrews, 1959; Hakluyt, 1904; Markham, 1878; Purchas, 1906; Stanley, 1874; Taylor, 1957; Vaux, 1854; Пигафетта, 1950). Помимо этого, ценные сведения представляют нам материалы допросов, учиненных над участниками кругосветных экспедиций и свидетелями, встречавшимися с ними (Nuttall, 1914). Некоторые были составлены в результате разбирательств над дезертирами после их возвращения на родину, другие –

результат допроса путешественников, попавших в руки противника, в первую очередь захваченных испанцами при различных обстоятельствах участников английских кругосветных экспедиций. Отдельную и достаточно своеобразную группу источников составляют донесения представителей испанской колониальной администрации и испанских дипломатов в связи с английскими кругосветными экспедициями (Hume, 1894, 1896). Собирая информацию буквально по крупицам, испанские агенты в Англии очень часто вынуждены были довольствоваться слухами и неподтвержденными данными, которые всегда необходимо соотносить с прочими свидетельствами для выявления истины.

Подавление мятежей и борьба с дезертирами

Попытки прекратить экспедицию против воли командира и вернуться домой условно можно разделить на открытые мятежи, подразумевавшие силовой захват одного или нескольких кораблей, и на бегство одного из кораблей при возникновении благоприятных условий. Обычно дезертировали ночью, либо в плохую погоду. Это позволяло говорить о потере из вида флагманского корабля, дабы оправдать бегство при возвращении на родину.

Случаи мятежа или дезертирства в ходе продолжительных экспедиций отмечаются обычно в самый критический момент путешествия. Чаще всего он наступал накануне или в момент преодоления наиболее сложного участка маршрута, которым для мореплавателей, решавшихся перейти из Атлантического в Тихий океан, неизменно становились эстуарий Ла-Платы, берега Патагонской пустыни, простиравшейся перед входом в Магелланов пролив, и сам пролив, соединявший два океана. Так отзывался о проливе в своих донесениях последней четверти XVI столетия Педро Сармьенто де Гамбоа: «Магелланов пролив, как считалось, было почти невозможно исследовать, пройдя через Южное море из-за бесчисленных проходов и каналов, которые можно встретить до того, как добраться до него, где многие исследователи, направленные губернаторами Перу и Чили, были потеряны. Хотя были люди, которые пытались попасть в него через Северное море, но им это так и не удалось. Некоторые пропали без вести, а другие вернулись, разбросанные штормами и сомневающиеся, что можно обнаружить [пролив], так что все боялись подобного плавания» (Markham, 1895, p. 4). Из не менее чем пяти испанских экспедиций к Магелланову проливу, последовавших после завершения первой кругосветной экспедиции и предшествовавших экспедициям де Гамбоа, как минимум одна закончилась мятежом и гибелью руководителя. В январе 1535 г. корабль Симона де Алькасова достиг пролива, однако взбунтовавшаяся команда убила своего капитана и вернулась обратно в Испанию (Markham, 1911, p. 135–158; Morison, 1974, p. 596–597; Spate, 1979, p. 96). Тяжелейшие условия, суеверный страх перед неизведанными и крайне опасными южными водами

пробуждали среди матросов желание повернуть обратно, отказавшись от рискованного предприятия.

Необходимо учитывать еще один важный момент, когда мы говорим о причинах дезертирства. Зачастую цели экспедиции держались в секрете от рядовых членов команды. Магеллан, крайне скрытный по своей натуре, держал план экспедиции в секрете не только от моряков, но и от испанских капитанов, которым не доверял. Фрэнсис Дрейк и Ричард Хокинс, действуя подобным образом, пытались ввести в заблуждение многочисленных испанских агентов, следивших за подготовкой их экспедиций. В результате уже в открытом море моряков обычно ставили перед фактом относительно того, насколько сложное и опасное путешествие им предстоит. Можно представить себе ситуацию, в которой моряки внезапно понимали, что вместо экспедиции к Александрии они должны направиться вместе с Дрейком к Магелланову проливу. Впрочем, успех экспедиции последнего, по мнению Флоренс Дэйр, изменил отношение к дальним путешествиям, в том числе к Магелланову проливу. Возвращение корабля Дрейка в 1580 г., нагруженного сокровищами, и надежда, что подобное предприятие может привести к аналогичной добыче, сделали английских моряков вполне готовыми присоединиться к более поздним экспедициям на Запад, даже несмотря на то, что они плыли к неизвестным портам. Это также помогало переносить тяжелые условия жизни моряка в дальних морских путешествиях с большей легкостью, в ожидании богатой добычи (Dyer, 1924, p. 134). Однако чем выше были ожидания, тем сложнее было оправдать даже случайные неудачи руководителей экспедиции, когда корабли несколько недель вынужденно простаивали без дела, либо из-за плохих погодных условий не могли преодолеть Магелланов пролив. Среди экипажа зрело недовольство, грозившее перерасти в открытый бунт или закончиться дезертирством части команды.

Дезертирство часто бывает сложно отличить от непреодолимых обстоятельств, заставляющих участников экспедиции отделиться от основной части флота или повернуть обратно. Еще Магелланом в ходе путешествия была применена система световых сигналов, позволявших кораблям следовать за флагманом экспедиции. При необходимости могли использоваться звуковые сигналы (Пигафетта, 1950, с. 45). На случай, если корабли по какой-либо причине разлучались, руководителем предприятия составлялись подробные инструкции, где отмечалось место встречи и действия, которые необходимо было предпринимать для воссоединения кораблей. Так, например, Фрэнсисом Дрейком в ходе его экспедиции в качестве места встречи кораблей был определен район побережья Чили (Vaux, 1854, p. 83). Однако когда Дрейк попытался добраться до указанного места сбора, то обнаружил, что испанские карты, которыми он пользовался, назначая место рандеву, не соответствуют действительности. Таким образом, сложность с действиями в малоисследованных районах южной Атлантики и южной части Тихого океана заключалась

в том, что верных карт побережья еще не существовало. Это в свою очередь не позволяло точно определить место сбора для кораблей. Качественные карты южного побережья Чили и Магелланова пролива были составлены в ходе испанской экспедиции под командованием Педро Сармьенто де Гамбоа, главной целью которого как раз и являлась подготовка подробного описания пролива, введение его в испанское владение и определение места для будущей колонии (Markham, 1895, pp. 9–15). Карты и описания, хотя и менее подробные, составлялись в ходе прочих экспедиций. Однако как в случае с экспедицией де Гамбоа, так и в случае с другими предприятиями, судовые журналы и карты держались в строжайшем секрете. Португальский штурман Нуньо да Силва, долгое время находившийся на борту «Золотой лани», отмечал, что Дрейк пользовался испанскими и португальскими картами, а капеллан Флетчер регулярно сопоставлял свои наблюдения с дневниками экспедиции Магеллана, которые тоже имелись в распоряжении англичан (Nuttall, 1914, p. 303). Томас Кавендиш, отправляясь в свое первое кругосветное путешествие, вероятно, имел копии карт, составленных Дрейком (Копелев, 2013, с. 50). Главным преимуществом английских капитанов, начиная с 1580-х гг. предпринимавших попытки повторить кругосветную экспедицию, выйдя в Тихий океан через Магелланов пролив, всегда было наличие на борту моряков, имевших опыт участия в экспедиции Дрейка.

Таким образом, именно южная часть Атлантического или Тихого океана в районе Магелланова пролива, представлявшая наибольшую проблему при навигации в ходе кругосветных путешествий, была самым удобным местом для мятежа или бегства на родину. Потеря одного из кораблей в ходе экспедиции в неисследованных и даже не нанесенных на карты районах создавала большие проблемы при их поиске, чем и стремились воспользоваться дезертиры.

В то же время потеря даже самого маленького корабля в ходе путешествия всегда таила в себе угрозу всему предприятию. Численность экипажа даже при самом удачном исходе путешествия постоянно сокращалась, в отдельных случаях потери могли превышать половину всего состава участников экспедиции (Гаврилов, 2014, с. 149). Кроме того, малые корабли всегда использовались для разведки в прибрежных водах, опасных для судов с большой осадкой. Известный английский флотоводец, ученый и первооткрыватель Ричард Хокинс в сочинении, посвященном своему неудавшемуся кругосветному путешествию (1593–1594 гг.), писал о дезертирстве сопровождавшего его небольшую флотилию 60-тонного пинасса у Ла-Платы: «Перед заходом солнца Роберт Фарлтон, шкипер «Фэнси», взял круто к ветру, не дав нам никакого сигнала или знака о том, что у них возникли проблемы; приближалась ночь, и мы зажгли свои [сигнальные] огни, но они не ответили нам, поскольку держали курс прямо к Англии, что нарушило ход всего путешествия, так как у нас не было более пинассов, чтобы они шли впереди, разведывая опасности,

маршруты и якорные стоянки, чтобы помогать нам пополнять запасы воды и прочие припасы; а также провизию, множество полезных предметов и людей они унесли с собой, хоть их и было немного, но они пригодились бы нам в битвах» (Markham, 1878, p. 184).

Потеря большого корабля была чревата утратой столь необходимых в ходе долгого пути припасов и людей. В малоисследованных водах корабли теряли связь с основной частью флота достаточно часто. Фрэнсис Флетчер, капеллан экспедиции Дрейка, так описал исчезновение одного из кораблей: «Он отделился от нас 28 марта, но на следующий день 29 марта он нашел нас снова, доставив всем немало радости, так как на его борту было 28 наших людей и лучшая часть нашей провизии для питья, его недолгое отсутствие вызвало большую печаль и сомнения среди всего экипажа» (Vaux, 1854, p. 32).

Чем чаще разлучались корабли в ходе экспедиции, тем больше усиливались опасения руководителя предприятия, что однажды пропавший корабль может не вернуться и дезертировать. В подобной ситуации можно было пойти на различные ухищрения: сменить капитана потерявшегося корабля, под предлогом ненадлежащего исполнения обязанностей, или даже заменить значительную часть экипажа. Ритуал смены капитанов или их переназначения и перетасовки команды накануне перехода через Магелланов пролив мы наблюдаем как у Магеллана, так и у Дрейка (Stanley, 1874, p. 249; Vaux, 1854, p. 214). Но если у первого это было вызвано подавлением открытого мятежа, то Дрейк скорее укреплял собственный авторитет, демонстрируя свое полное превосходство перед остальными офицерами флота.

Одной из крайних мер могло стать сокращение численности флотилии, так как меньшее количество кораблей всегда проще контролировать. Кроме того, это в очередной раз позволяло перетасовать команды и даже сместить некоторых офицеров с их постов. Так поступил в ходе своей экспедиции Фрэнсис Дрейк, после того как его корабли несколько раз отделялись от основной части флота. В начале было разобрано на части небольшое судно «Суон» (Vaux, 1854, p. 46), а чуть позже португальское призовое судно «Кристофер», захваченное англичанами у африканского побережья (Vaux, 1854, p. 70).

Еще одной мерой борьбы с растущим недовольством была изоляция зачинщиков волнений и показательные наказания. Важно было «обезглавить» готовящийся мятеж, лишить возможных дезертиров шанса на успех. В этой ситуации рядовые матросы представляли намного меньше опасности, так как самостоятельно, без хорошего руководителя, умевшего определять маршрут и управлять кораблем, они имели мало шансов на успех в малознакомых водах южной Атлантики.

Аресту в ходе провальной экспедиции Эдварда Фентона (1582–1583 гг.) подвергся Уильям Хокинс-младший, являвшийся лейтенантом на адмиральском корабле. Однако арест Хокинса немного выбивается из общего ряда

случаев. Он вместе с Джоном Дрейком, кузеном знаменитого корсара, возглавлял в ходе масштабной торгово-разведывательной миссии группу участников первой английской кругосветной экспедиции, так называемых «людей Дрейка», ратовавших за более решительные действия и повторение грабительского рейда (Bradley, 1999, p. 374; Taylor, 1957, p. XXXIV). Когда у побережья Бразилии стало известно о том, что Фентон опасается испанской эскадры, направленной к Магелланову проливу, Хокинс потребовал продолжить путешествие. Чтобы предотвратить мятеж и дезертирство кораблей, Фентон, который не мог похвастаться высоким авторитетом среди участников экспедиции, решил арестовать своего первого помощника, пользовавшегося поддержкой ряда офицеров и популярного среди матросов (Taylor, 1957, p. 149, 283; Williamson, 1969, p. 218). Более серьезные меры он предпринять не решился, учитывая влиятельность семьи Хокинсов в Англии.

О попытках вооруженного мятежа мы узнаем из различных источников: дневники, описания путешествий, материалы допросов. Обычно все заканчивалось подавлением выступления, будь оно реальное или мнимое. Иногда заговор удавалось раскрыть задолго до открытого мятежа. В этой ситуации всегда возникают споры относительно того, насколько справедливы были обвинения в адрес заговорщиков. В ходе двух первых кругосветных экспедиций основное недовольство действиями руководителя предприятия также концентрировалось вокруг высших офицеров. В случае португальца Магеллана, недовольные ходом экспедиции сплотились вокруг инспектора флота Хуана де Картахены. Конфликт возник не только между португальцами и испанцами, он развивался и в другой плоскости. Многие офицеры флота занимали, как им казалось, неподобавшее их статусу низкое место (Kelsey, 2016, p. 16). Назревавший конфликт разрешился в результате восстания в порту Сан Хулиан, ход которого достаточно подробно отражен в источниках (Stanley, 1874, p. 3, 243–256; Пигафетта, 1950, с. 57). Отметим только, что целью заговорщиков было именно прекращение экспедиции и возвращение на родину. Захватив три корабля, мятежники попытались покинуть бухту, но были остановлены благодаря решительным действиям Магеллана.

Дрейк, отличавшийся не меньшей, чем его предшественник, скрытностью и нетерпимостью к посягательствам на его прерогативы как руководителя, нашел оппонентов в лице Томаса Даути и вице-адмирала Джона Уинтера. Споры о том, существовал ли заговор на самом деле, не утихают до сих пор (Andrews, 1984, p. 148–149; Bawlf, 2003, p. 98–106; Corbett, 1899, p. 238–248; Cummins, 1995, p. 80–84; Kelsey, 1998, p. 107–110; Morison, 1974, p. 642–643; Whitfield, 2004, p. 50–56). Основные обвинения обрушились на Даути, участвовавшего в подготовке экспедиции и принятого на борт кораблей в качестве волонтера. Несомненно, образованный и начитанный, но в то же время отличавшийся надменным характером, уверенный, что его социальный статус позволяет ему на равных говорить с руководителем экспедиции, Даути не смог

наладить отношений с рядовыми матросами, подозревавшими его в колдовстве, и испортил отношения с Дрейком (Parry, 1984, p. 6). Однако среди офицеров у него оказалось немало друзей. Подорвать авторитет возможного руководителя зревшего мятежа, а именно так преподносил ситуацию сам Дрейк, было необходимо для блага всей экспедиции. Главной же виной Даути было то, что он поставил под сомнение статус руководителя экспедиции, привыкшего к безоговорочному подчинению команды.

Необходимо было заставить экипаж поверить, что без капитана невозможно будет не только продолжить экспедицию, но и вернуться на родину. Обвинив Даути в предательстве и намерении помешать ходу экспедиции, Дрейк заявил, что является доверенным лицом королевы и имеет специальный патент, действуя от ее лица (Vaux, 1854, p. 216). Следовательно, Даути предал не только его, но и выступил против воли монарха. Вынося Даути обвинительный приговор, руководитель экспедиции переложил груз ответственности на членов экипажа. Для суда над ним был сформирован трибунал из более чем 40 человек, включавший в том числе друзей подсудимого (Vaux, 1854, p. 65). Впрочем, участники суда хорошо понимали, что они могут вынести только одно приемлемое решение.

Повторение трагедии с мятежом накануне пересечения Магелланова пролива в ходе двух первых кругосветных экспедиций наводит на мысль о том, что расправа, учиненная Дрейком, стала калькой с ситуации 1520 г., – ведь даже казнь состоялась на месте стоянки флотилии Магеллана в порту Сан Хулиан, рядом с сооруженной по приказу португальского капитана виселицей. Мятежные настроения среди офицеров флота необходимо было усмирить, пролив кровь, что и было сделано как в первом, так и во втором случае. Однако эффект от подобной акции оказался частичным. При переходе через пролив у Дрейка, как и у Магеллана, дезертировал вице-адмиральский корабль.

В отношении рядовых участников экспедиции обычно применялись менее жестокие меры: угрозы физической расправы, арест, а иногда более изощренное наказание – марунирование, предполагавшее высадку провинившегося на безлюдный берег. К последнему средству прибегал Дрейк в ходе своей кругосветной экспедиции (Vaux, 1854, p. 211–212). Наказывать матросов, участников мятежа, либо, как в случае с Даути, сочувствовавших «заговорщику», было сложно. Находясь в буквальном смысле на краю земли и хорошо понимая, что пополнить экипаж, скорее всего, не получится, руководитель экспедиции должен был дорожить каждым матросом. По этой причине четыре десятка рядовых участников заговора были помилованы Магелланом и лишь один из руководителей мятежа Гаспар де Кесада – казнен. Примечательно, что еще двое участников заговора против Магеллана – Хуан де Картахена и священник Санчес де Рейна были приговорены к изгнанию (Пигафетта, 1950, p. 57), что было равнозначно долгой и мучительной смерти в Патагонской пустыне.

Угроза оказаться в одиночестве на незнакомом диком побережье, без надежды самостоятельно добраться до европейских поселений или встретить случайный корабль, почти не оставляла шансов на спасение. Именно по этой причине мы не встречаем случаев дезертирства отдельных участников кругосветных экспедиций. Чтобы рассчитывать на успех в случае бегства, нужны были сообщники и корабль.

Беглецы и их судьбы

Впрочем, как показывала практика, даже самые суровые наказания не могли полностью предотвратить случаев дезертирства. Бегство одного из кораблей сулило участникам экспедиции дополнительные лишения и проблемы, а кроме того, серьезно тормозило ход самого путешествия, так как, не будучи уверенным, что спутники бежали, руководитель экспедиции обычно был вынужден ожидать пропавший корабль в условленных местах, искать его следы в ходе дальнейшего плавания, рассчитывая, что спутники могли уйти вперед, либо, наоборот, отстали.

В основном успешные примеры дезертирства мы встречаем во время перехода через плохо исследованный Магелланов пролив. Для бегства обычно необходим был подходящий случай, который нередко преподносила погода. Частые в данном регионе шторма были прекрасным поводом для потери из вида флагманского корабля. Однако в отдельных случаях даже подобного оправдания не требовалось. Так, самый крупный корабль в экспедиции Фернана Магеллана «Сан-Антонио», штурманом на котором был португалец Эштеван Гомиш, дезертировал ночью. На его безрезультатные поиски было потрачено несколько дней. Гомишу и взбунтовавшимся матросам, не верившим в успех предприятия, удалось арестовать капитана корабля «Сан-Антонио», родственника Магеллана Альваро де Мескиту. В сочинении Антонио Пигафетты, основном источнике о ходе первой кругосветной экспедиции, отмечается, что Гомиш завидовал Магеллану и сам мечтал возглавить экспедицию (Пигафетта, 1950, p. 59). Однако причина мятежа Гомиша скорее всего намного прозаичнее; он, как опытный моряк, полагал, что с имевшимися припасами добраться до Молуккских островов почти невозможно. На самом деле, переход через Тихий океан стоил жизни нескольким десяткам спутников Магеллана, в первую очередь из-за нехватки припасов. Вернувшись в Испанию и пытаясь оправдаться, Гомиш и бежавшие с ним моряки обвинили Магеллана в том, что капитан сошел с ума и солгал Его Величеству, потому что он не знал, где находятся острова пряностей. Кроме того, они выдвинули обвинения против капитана де Мескиты в том, что тот убедил Магеллана проявить особую жестокость для наказания заговорщиков в бухте Сан Хулиан (Stanley, 1874, p. 7). Несмотря на то, что Гомиш подвергся аресту, домашний арест по его обвинению был наложен и на родственников Магеллана, находившихся в Испании.

А после возвращения Элькано Гомиш был отпущен на свободу и даже принимал активное участие в новых экспедициях для поиска северного прохода в Тихий океан в 1525 г. в качестве руководителя (Магидович & Магидович, 1983, с.181–182), а погиб в ходе экспедиции к Ла-Плате в 1538 г.

Не менее успешный случай дезертирства демонстрирует нам экспедиция Фрэнсиса Дрейка. Вице-адмирал экспедиции Джон Уинтер попытался сохранить видимость законности своих действий. Являясь одним из друзей казненного Даути и опасаясь в итоге разделить его судьбу, он использовал начавшуюся при выходе из пролива бурю, разлучившую корабли Дрейка уже в Тихом океане. Отнесенный к устью пролива, вице-адмиральский корабль «Элизабет» три недели ожидал появления «Золотой лани», и только после этого было принято решение возвращаться на родину (Vaux, 1854, p. 281). Однако Уинтер нарушил инструкции руководителя экспедиции, определившего местом сбора кораблей участок тихоокеанского побережья Америки в районе 30° южной широты. Попыток искать «Золотую лань» в месте рандеву или продолжить путешествие вице-адмирал не предпринимал. Спустя три дня после того, как бушевавшая буря прекратилась, 1 ноября 1578 г. Уинтер направился обратно в Атлантический океан. У Дрейка было мало шансов обнаружить пропавший корабль. Прибыв в Англию, капитан и члены экипажа «Элизабет» представили противоположные версии случившегося. Моряки утверждали, что решение о возвращении принял Уинтер (Vaux, 1854, p. 281), а он в свою очередь говорил, что принял решение под давлением экипажа, желавшего вернуться домой (Hume, 1894, p. 592).

Возвращаясь в Англию, беглецы стремились выставить себя в наиболее выгодном свете, и история одного из дезертиров стоит здесь особняком. Питер Кардер смог вернуться на родину спустя 9 лет после дезертирства вице-адмиральского корабля под началом капитана Уинтера. Зная, какими славой и почетом пользуются в Англии Дрейк и члены экипажа «Золотой лани», Кардер не желал прослыть предателем и придумал, как ему казалось, правдоподобный рассказ. Он утверждал, что вместе с несколькими матросами на небольшом пинассе был отправлен Дрейком на поиски пропавшего корабля в районе Магелланова пролива во время шторма, «с запасом провизии всего на один день, без карты или хотя бы компаса» (Purchas, 1906, pp. 136–137). Потеряв флагманский корабль, они якобы были отнесены штормом в Атлантический океан и потерпели крушение у берегов Бразилии. Удивительно, но многие поверили в невероятный рассказ о чудесном спасении. Так, в частности, Самюэль Перчас включил его рассказ в свой сборник о путешествиях, являющийся продолжением собрания Ричарда Хаклюйта. Ни один другой источник сведений о ходе экспедиции не упоминает о том, что Дрейк отдавал подобный приказ. Однако есть свидетельство о том, что в районе Ла-Платы капитаном Уинтером на обратном пути в Англию был потерян пинасс с 8 членами экипажа (Vaux, 1854, p. 282). Амилькар де Авила де Мело,

изучив свидетельства Кардера, выявил несоответствие скорости пинасса, с которой он якобы преодолел путь через Магелланов пролив и далее прошел побережье Патагонии (de Mello, 2007, p. 264). Это достаточно убедительно доказывает, что Кардер и его спутники потерпели крушение у Ла-Платы и были именно дезертирами. Именно этот нелицеприятный факт Кардер попытался скрыть, выдумав историю о героическом поступке 8 матрасов, выполнявших приказ известного капитана в Магеллановом проливе.

Необычный пример мятежа и дезертирства уже у Тихоокеанского побережья Нового Света дает нам экспедиция Томаса Кавендиша (1586–1588 гг.). Здесь важно отметить, что целью экспедиции изначально было ограбление испанских владений в Америке. Экспедиция проводилась в самом начале англо-испанской войны, так что, отправляясь в море, Кавендиш намеревался повторить грабительский рейд Дрейка в больших масштабах, пользуясь началом военного конфликта.

К моменту захвата Манильского галеона «Санта Анна» добыча английских корсаров достигла огромных масштабов, так что часть захваченных на галеоне товаров попросту решили предать огню. В ходе начавшегося дележа добычи возник первый конфликт. Часть экипажа оказалась недовольна причитавшейся им долей, в основном это были моряки вице-адмиральского корабля «Контент». Однако первое волнение удалось усмирить (Hakluyt, 1904, p. 326).

Спустя несколько дней, 19 ноября 1587 г., в первую же ночь после выхода кораблей в открытое море для пересечения Тихого океана, «Контент» отделился от флагмана Кавендиша. Точных свидетельств о том, куда направился дезертировавший корабль, нет, как и нет сведений о судьбе экипажа. Скорее всего, «Контент» потерпел крушение при попытке перейти Тихий океан, либо экипажу просто не хватило припасов. Существует мнение, что экипаж мог попытаться вернуться на родину через Магелланов пролив или пролив Аниан (Williamson, 1938, p. 339). В любом случае, попытка дезертирства закончилась катастрофой для беглецов. «Дизаер» Кавендиша благополучно вернулся в Плимут в сентябре 1588 г., завершив таким образом третью кругосветную экспедицию в истории.

Происходили во время отдельных экспедиций и необычные случаи дезертирства. Так, например, в ходе экспедиции Эдварда Фентона один из кораблей отделился от английского флота, чтобы продолжить путешествие к Магелланову проливу и далее в Тихий океан, так как руководитель предприятия отказался от задуманного, узнав о появлении в районе пролива испанской эскадры. Дезертирство Джона Дрейка, совсем недавно вернувшегося из кругосветного путешествия со своим кузеном Фрэнсисом Дрейком, не принесло ему славы и успеха. Молодой человек переоценил свои силы, и его корабль потерпел крушение в районе Ла-Платы. Остаток своих дней Джон Дрейк

провел в Новом Свете, о чем свидетельствуют материалы его допросов (Nuttall, 1914, p. 18–56).

Случаи дезертирства регулярно происходили в английских экспедициях, следовавших по стопам Дрейка и Кавендиша на рубеже 1580–1590-х гг. Однако в отличие от первых двух успешных английских кругосветных экспедиций, для новых предприятий случаи дезертирства имели более ощутимые негативные последствия.

Экспедиция Джона Чидли, попытавшегося в 1589 г. повторить кругосветную экспедицию Кавендиша и попасть в Южное Чили, также сопровождалась дезертирством, уже во время перехода через Атлантику к побережью Южной Америки (Andrews, 1959, pp. 61–62). Потеряв еще на подходе к проливу несколько кораблей, решивших действовать самостоятельно (Bradley, 1999, p. 390), и значительную часть экипажа, руководитель экспедиции погиб, а команда оставшихся в строю кораблей не смогла выйти в Тихий океан. Экспедиция закончилась полным провалом (Williamson, 1938, p. 340), однако колониальные власти Чили были встревожены слухами о появлении английских кораблей и готовились к отражению атаки (Andrews, 1959, p. 63).

В 1591 г. неудачей завершилась новая экспедиция Томаса Кавендиша и Джона Дэвиса. И вновь один из кораблей экспедиции дезертировал в самый ответственный момент (Williamson, 1938, p. 341). Не сумев преодолеть пролив, разочаровавшись в своих партнерах, бросивших его без поддержки, Кавендиш, как полагают, помутился рассудком и умер на пути домой (Bradley, 1999, p. 393–398; Rowse, 1955, p. 189).

Наконец, неудачей закончилась и экспедиция Ричарда Хокинса, о которой мы уже упоминали выше. После дезертирства одного из кораблей, не имея достаточных сил в Тихом океане, он был вынужден сдаться превосходившим его по числу кораблей и солдат испанцам (Markham, 1878, p. 307–309). В результате, после провала экспедиции Хокинса, от идеи повторения кругосветных экспедиций англичане отказались в пользу восточного маршрута к богатствам португальской Индии, в обход мыса Доброй Надежды.

Заканчивая разговор о дезертирах, необходимо подчеркнуть еще один важный момент. Беглецы, возвращаясь на родину, оказывались ценнейшими, хоть и не всегда правдивыми, информаторами. Так, упомянутый уже выше капитан Уинтер, вернувшись на родину, стал на время главным источником для слухов о целях и ходе кругосветной экспедиции Дрейка. Испанский посол в Англии Бернардино де Мендоса, после возвращения английского капитана, наконец-то получил сведения об истинных целях экспедиции Дрейка, прошедшего через Магелланов пролив (Hume, 1894, p. 592). Описания английского капитана, сопоставленные со свидетельствами Магеллана, были признаны заслуживающими доверия. Узнали испанские агенты со слов Уинтера и о месте встречи, назначенном Дрейком для кораблей у побережья Чили (Hume, 1894, p. 602). Наконец, из рассказов английского капитана появились первые слухи

о том, что Огненная земля является всего лишь островом, но не частью большого южного материка, что, по мнению испанского посланника, кардинальным образом отражалось на тактике обороны испанских колоний на тихоокеанском побережье (Hume, 1896, p. 340–341).

Выводы

Как показывает практика, мятежи и дезертирство не были редкостью для дальних заморских экспедиций XVI столетия, и почти каждая кругосветная экспедиция, либо попытка ее совершения, отмечены фактами бегства одного или даже нескольких кораблей. Нередко это, в совокупности с прочими обстоятельствами, могло играть решающую роль в провале предприятия.

Основные случаи мятежа и дезертирства приходятся на самый трудный участок маршрута, от Ла-Платы к Магелланову проливу. В ходе английских экспедиций, пройдя пролив, их участники обычно подвергали разграблению тихоокеанское побережье испанских колоний в Новом Свете. Здесь они достигали желанной цели, по этой причине есть только один случай дезертирства корабля в данном регионе, вызванный ссорой членов экипажа при распределении захваченной добычи.

В свидетельствах о ходе экспедиций мы не встречаем упоминаний о злокозненных действиях иностранных агентов, которые могли бы проникать на корабли и провоцировать мятеж и дезертирство. Хотя подобного очень опасались сами организаторы. Многочисленные ухищрения руководителей экспедиций и даже проявляемая жестокость в отношении мятежников лишь отчасти спасали ситуацию. Даже Дрейк, обладавший большим авторитетом среди матросов, столкнулся в ходе своего путешествия с фактом дезертирства. Виной всему лишения, которые испытывали путешественники в ходе долгого плавания, страх перед неисследованными морскими маршрутами, ссоры, вызванные конфликтом интересов и социальными противоречиями, иногда личная неприязнь и, конечно, на удивление мягкие наказания, которым подвергались дезертиры на родине, что провоцировало повторение подобных случаев.

Список литературы

Andrews, K. R. (Ed.). (1959). *English Privateering Voyages to the West Indies 1588–1595*. Cambridge: Cambridge University Press.

Andrews, K. R. (1968). The Aims of Drake's Expedition of 1577-1580. *The American Historical Review*, 73(3), 724. https://doi.org/10.2307/1870669

Andrews, K. R. (Ed.). (1984). *Trade, plunder and settlement. Maritime enterprise and the genesis of the British Empire, 1480-1630*. Cambridge University Press.

Bawlf, S. (2003). *The Secret Voyage of Sir Francis Drake: 1577-1580*. Walker & Company.

Bradley, P. T. (1999). *British Maritime Enterprise in the New World: From the Late Fifteenth to the Mid-eighteenth Century*. The Edwin Mellen Press Ltd.

Corbett, J. S. (1899). *Drake and Tudor Navy* (Vol. 1). Burt Franklin.

Cummins, J. G. (1995). *Francis Drake*. St. Martin's Press.

de Mello, A. D. (2007). Peter Carder's Strange Adventures Revealed. *The Mariner's Mirror*, 93(3), 261-268. https://doi.org/10.1080/00253359.2007.10657034

Dyer, F. E. (1924). The Elizabethan Sailorman. *The Mariner's Mirror*, 10(2), 133–146. https://doi.org/10.1080/00253359.1924.10655268

Hakluyt, R. (1904). *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Over-land* (Vol. 11). J. MacLehose and Sons. https://doi.org/10.5962/bhl.title.6515

Hume, M. (Ed.). (1894). *Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas* (Vol. 2). Public Record Office.

Hume, M. (Ed.). (1896). *Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas* (Vol. 3). Public Record Office.

Kelsey, H. (1998). *Sir Francis Drake: The Queen's Pirate*. Yale University Press.

Kelsey, H. (2016). *The First Circumnavigators: Unsung Heroes of the Age of Discovery*. Yale University Press. https://doi.org/10.12987/yale/9780300217780.001.0001

Markham, C. R. (Ed.). (1878). *The Hawkins' voyages during the reigns of Henry VIII, Queen Elizabeth, and James I*. Hakluyt Society.

Markham, C. R. (Ed.). (1895). *Narratives of the Voyages of Pedro Sarmiento de Gambóa to the Straits of Magellan* (Vol. 91). Hakluyt Society.

Markham, C. R. (2017). *Early Spanish voyages to the Strait of Magellan*. Hakluyt Society. https://doi.org/10.4324/9781315578545

Morison, S. E. (1974). *The European discovery of America: The southern voyages, A.D. 1492-1616*. Oxford University Press.

Nuttall, Z. (Ed.). (1914). *New Light on Drake, a Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577-1580*. Hakluyt Society.

Parry, J. H. (1984). Drake and the World Encompassed. In *Sir Francis Drake and the famous voyage, 1577-1580* (pp. 1–11). University of California Press. https://doi.org/10.1525/9780520328310-005

Purchas, S. (Ed.). (1906). *Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells by Englishmen and others* (Vol. 16). James MacLehose and Sons.

Rowse, A. L. (1955). *The Expansion of Elizabethan England*. Macmillan & Company. https://doi.org/10.1057/9780230597136

Spate, O. H. K. (1979). *The Spanish Lake, Canberra*. Australian National University Press.

Stanley, H. E. J. (1874). *The First Voyage Round the World by Magellan Translated from the Accounts of Pigafetta and Other Contemporary Writers*. Hakluyt Society.

Taylor, E. G. R. (1957). *The Troublesome Voyage of Captain Edward Fenton, 1582–1583*. Hakluyt Society.

Vaux, W. S. W. (Ed.). (1854). *The World Encompassed by Sir Francis Drake*. Hakluyt Society.

Whitfield, P. (2004). *Sir Francis Drake*. New York University Press.

Williamson, J. A. (1938). *The Age of Drake*. A. & C. Black.

Williamson, J. A. (1969). *Hawkins of Plymouth: A New History of Sir John Hawkins and of the other Members of His Family Prominent in Tudor England*.

Гаврилов, С. Н. (2014). *Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт*. Южный федеральный университет.

Копелев, Д. Н. (2013). *Раздел океана в XVI–XVII веках*. Крига.

Магидович, И. П., & Магидович, В. И. (1983). *Очерки по истории географических открытий* (Т. 2). Просвещение.

Пигафетта, А. (1950). *Путешествие Магеллана*. Государственное издательство географической литературы.

Чистозвонов, А. Н. (1989). Торгово-колониальная экспансия Нидерландов в XVI-XVII вв. и восстания на судах океанских флотов. *Средние века*, *52*, 47–63.

References

Andrews, K. R. (1968). The Aims of Drake's Expedition of 1577-1580. *The American Historical Review*, 73(3), 724. https://doi.org/10.2307/1870669

Andrews, K. R. (Ed.). (1959). *English Privateering Voyages to the West Indies 1588–1595*. Cambridge: Cambridge University Press.

Andrews, K. R. (Ed.). (1984). *Trade, plunder and settlement. Maritime enterprise and the genesis of the British Empire, 1480-1630*. Cambridge University Press.

Bawlf, S. (2003). *The Secret Voyage of Sir Francis Drake: 1577-1580*. Walker & Company.

Bradley, P. T. (1999). *British Maritime Enterprise in the New World: From the Late Fifteenth to the Mid-eighteenth Century*. The Edwin Mellen Press Ltd.

Chistoznov, A. N. (1989). Trade and colonial expansion of the Netherlands in the 16th-17th centuries and revolts on the ships of the ocean fleets. *Middle Ages*, *52*, 47–63. (In Russian).

Corbett, J. S. (1899). *Drake and Tudor Navy* (Vol. 1). Burt Franklin.

Cummins, J. G. (1995). *Francis Drake*. St. Martin's Press.

de Mello, A. D. (2007). Peter Carder's Strange Adventures Revealed. *The Mariner's Mirror*, 93(3), 261-268. https://doi.org/10.1080/00253359.2007.10657034

Dyer, F. E. (1924). The Elizabethan Sailorman. *The Mariner's Mirror*, 10(2), 133–146. https://doi.org/10.1080/00253359.1924.10655268

Gavrilov, S. N. (2014). *The English Tudor Navy as an institution of state*. Southern Federal University. (In Russian).

Hakluyt, R. (1904). *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Over-land* (Vol. 11). J. MacLehose and Sons. https://doi.org/10.5962/bhl.title.6515

Hume, M. (Ed.). (1894). *Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas* (Vol. 2). Public Record Office.

Hume, M. (Ed.). (1896). *Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas* (Vol. 3). Public Record Office.

Kelsey, H. (1998). *Sir Francis Drake: The Queen's Pirate*. Yale University Press.

Kelsey, H. (2016). *The First Circumnavigators: Unsung Heroes of the Age of Discovery*. Yale University Press. https://doi.org/10.12987/yale/9780300217780.001.0001

Kopelev, D. N. (2013). *Partition of the Ocean in the 16th and 17th Centuries*. Kriga. (In Russian).

Magidovich, I. P., & Magidovich, V. I. (1983). *Essays on the History of Geographical Discovery* (Vol. 2). Prosveshhenie. (In Russian).

Markham, C. R. (2017). *Early Spanish voyages to the Strait of Magellan*. Hakluyt Society. https://doi.org/10.4324/9781315578545

Markham, C. R. (Ed.). (1878). *The Hawkins' voyages during the reigns of Henry VIII, Queen Elizabeth, and James I*. Hakluyt Society.

Markham, C. R. (Ed.). (1895). *Narratives of the Voyages of Pedro Sarmiento de Gambóa to the Straits of Magellan* (Vol. 91). Hakluyt Society.

Morison, S. E. (1974). *The European discovery of America: The southern voyages, A.D. 1492-1616*. Oxford University Press.

Nuttall, Z. (Ed.). (1914). *New Light on Drake, a Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577-1580*. Hakluyt Society.

Parry, J. H. (1984). Drake and the World Encompassed. In *Sir Francis Drake and the famous voyage, 1577-1580* (pp. 1–11). University of California Press. https://doi.org/10.1525/9780520328310-005

Pigafetta, A. (1950). *Magellan's Journey*. State Publishers of Geographical Literature. (In Russian).

Purchas, S. (Ed.). (1906). *Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells by Englishmen and others* (Vol. 16). James MacLehose and Sons.

Rowse, A. L. (1955). *The Expansion of Elizabethan England*. Macmillan & Company. https://doi.org/10.1057/9780230597136

Spate, O. H. K. (1979). *The Spanish Lake, Canberra*. Australian National University Press.

Stanley, H. E. J. (1874). *The First Voyage Round the World by Magellan Translated from the Accounts of Pigafetta and Other Contemporary Writers*. Hakluyt Society.

Taylor, E. G. R. (1957). *The Troublesome Voyage of Captain Edward Fenton, 1582–1583*. Hakluyt Society.

Vaux, W. S. W. (Ed.). (1854). *The World Encompassed by Sir Francis Drake*. Hakluyt Society.

Whitfield, P. (2004). *Sir Francis Drake*. New York University Press.

Williamson, J. A. (1938). *The Age of Drake*. A. & C. Black.

Williamson, J. A. (1969). *Hawkins of Plymouth: A New History of Sir John Hawkins and of the other Members of His Family Prominent in Tudor England*.

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Global Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.428

Native Chieftains and Chinese Judges. The Struggles for Power and Property in the Eighteenth-century South China Frontier

Asia A. Sarakaeva

Hainan University. Haikou, China. Email: asia-lin[at]mail.ru

Abstract

In the article the social, political and economic situation of the XVIII-century Southern Chinese frontier is viewed through the lenses of court felony trials. Two cases from different parts of this vast, culturally and ethnically diverse frontier zone are analyzed in detail. The article is a study of mutual relations of the local peoples and the Chinese administrations, it singles out some strategies of communication and self-presentation employed by locals in their dealings with the Qing officials. I also analyze problems of property and power within the native communities. These problems gave rise to typical conflicts in the frontier region, while the Chinese empire played its role both in provoking and in settling the conflicts.

Keywords

South China Frontier; Trial; Mediation; the Qing Dynasty; Power and Property; Economic and Political Conflicts

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Зарубежный фронтир | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.428

Туземные вожди и китайские судьи. Борьба за власть и собственность на южнокитайском фронтире XVIII века

Саракаева Ася Алиевна

Хайнаньский университет. Хайкоу, Китай. Email: asia-lin[at]mail.ru

Аннотация

В настоящей статье через призму судебных дел рассматривается социальная, политическая и экономическая ситуация, сложившаяся к XVIII в. на южнокитайском фронтире. Автор подробно анализирует два дела, которые произошли в разных частях этой огромной фронтирной зоны, неоднородной в этническом и культурном отношении. В статье предпринята попытка на материале изученных дел исследовать взаимные отношения местных народов и китайских администраций, стратегии взаимодействия варваров с цинскими чиновниками, особенности самопрезентации китайцев неханьского происхождения при контакте с представителями империи. Также проанализированы имущественные и потестарные отношения в варварских общинах, служившие предпосылками для типичных конфликтов, выявлена роль китайской империи как в возникновении, так и в урегулировании этих конфликтов.

Ключевые слова

южнокитайский фронтир; суд; медиация; династия Цин; власть и собственность; экономические и политические конфликты

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

На протяжении всей своей истории Китайская империя медленно, но неуклонно увеличивалась, поглощая все новые и новые сопредельные территории с населяющими их народами. Ассимиляция этих народов, приведение их к общему – ханьскому – культурному стандарту всегда рассматривалась как некая программа-максимум, которая обеспечит самим покоренным процветание, а империи – их лояльность. Тем не менее, в большинстве случаев китайские правительства не форсировали ассимиляцию, сохраняя непрямое управление в областях, населенных преимущественно инородцами (Herman, 2006, pp. 137-138). В результате сложился огромный и подвижный фронтир, чрезвычайно разнородный в культурном, языковом и социально-экономическом отношении. Ко времени правления последней династии Цин (1644-1911) на юге этот фронтир простирался на землях нынешних провинций Гуандун, Гуанси, Хайнань, Гуйчжоу, Юньнань, кроме того в преимущественно ханьских по составу населения провинциях Фуцзянь, Цзянси и Сычуань тоже сохранялись значительные фронтирные зоны.

Без преувеличения можно сказать, что вся жизнь обитателей этого громадного фронтира была обусловленна именно взаимовлиянием и взаимопроникновением местных и китайской культур: их социально-экономические уклады, административные системы, торговые взаимосвязи, даже их религии были сформированы постоянным и все возрастающим давлением со стороны империи и необходимостью сформулировать собственные ответы на имперские вызовы.

В настоящей работе мы подробно рассмотрим два судебных дела, разбиравшихся в XVIII веке в разных провиниициях, чтобы на их материале исследовать типичные конфликты из-за власти и собственности в аборигенных обществах южнокитайского фронтира, роль имперских администраций в возникновении и разрешении этих конфликтов, а также кризисные стратегии взаимодействия втянутых в тяжбу сторон.

Но прежде следует сделать несколько замечаний общего порядка.

Проблема терминологии

Первая сложность подстерегает исследователя этой темы уже при попытке назвать объект своего изучения. Как обозначить неханьское население южнокитайского фронтира? Такие слова как «туземец» или «варвар» несут в себе мощный заряд национально-культурной превознесенности «цивилизованного» империалиста над покоренными народами, «абориген» в сознании русскоязычных читателей устойчиво отсылает к доколониальному населению Австралии. Более нейтральные и безоценочные выражения «местное население» или «локальная культура» тоже не могут точно отразить ситуацию. Сама специфика фронтирной зоны состоит в том, что местным

становится уже не только автохтонное население, но и иммигранты разной этнической принадлежности; так, ханец, чьи предки переселились в Гуандун несколько поколений назад, может сам считаться «местным» по сравнению с *хакка*, только что мигрировавшим в эти земли из Фуцзяни или Цзянси, но не по отношению к *яо*, предки которого жили здесь много веков. «Локальность» культур данного региона тоже весьма относительна, достаточно посмотреть на этнос, в китайском языке обозначаемый как *мяо*, но на самом деле, являющийся частью народа хмон, проживающего по всей Юго-Восточной Азии.

Попытка обойтись без обобщений и называть неханьское население южного Китая этническими терминами, такими как *мяо*, *яо*, *дун*, *чжуан*, *хакка* или *ли*, тоже не вполне отражает реальное положение. Дело в том, что большинство этих названий условны, изобретены китайскими чиновниками и географами имперского периода или учеными-этнографами середины XX в., и практически всегда в основу классификации были положены не языковые или культурные особенности описываемых народов, а место их проживания или их отношение к центральному правительству. Так, термин «*яо*» возник в трудах китайских путешественников не ранее династии Сун (XI-XII вв.) и заменил собой название «*лиляо*», которому предшествовало слово «*юэ*» - своего рода зонтичный термин для всех южноазиатских народов. Слово «*дун*» по своему первому значению – это просто долина среди гор, и этим словом китайские чиновники маркировали неханьское население, жившее в подобных долинах, занимавшееся оседлым сельским хозяйством и платившее налоги, вне зависимости от их языка и культуры, тогда как обитатели гор, «не имевшие вождей и не внесенные в списки», назывались древним словом «*мань*», которое значит просто «южный варвар». Словом «*ли*», которое сейчас считается названием аборигенного народа острова Хайнань, описывалось любое некитайское население любых южных островов (Faure, 2007, pp. 44-46).

Также проблематичным является применение к этим сообществам таких терминов как «этнос» или «племя». Данные общности находились на совершенно разных стадиях этногенеза и политогенеза, и в большинстве случаев у нас просто недостаточно фактов, чтобы судить о том, было ли население той или иной местности сложившимся этносом или частью некоего другого этноса, было ли оно простым или сложным вождеством и т.д. Само использование слова «племя» в приложении к китайскому материалу приводит к понятийным искажениям. Дело в том, что в европейской антропологии сохраняется идущее еще от Моргана и Энгельса понимание племени как типа социальной организации, ведущим признаком которого служат кровнородственные связи между членами, деление на роды и фратрии, племенная эндогамия (Морган, 1934; Энгельс, 1989). В китайском языке этому понятию соотвествует термин 部落 buluo, он употребляется очень широко, начиная с текстов II-III вв и до наших

дней. При этом о его изначальном значении можно судить по этимологии: 部 bu – это отряд вооруженных людей, а 落 luo – это поселение, таким образом, buluo – это поселок людей, которые в мирное время занимаются сельским хозяйством, а в военное превращаются в отряд воинов. Здесь совершенно не предполагаются какие-либо кровные связи между участниками, наличие какой-либо родовой структуры. Более того, китайские авторы прямо осуждают варваров за отсутствие родовых структур и утрату памяти о предках. Для китайцев, особенно неоконфуцианцев позднеимперского времени, варвары, в первую очередь, тем и отличаются от цивилизованных людей, что не почитают своих предков, не возводят им храмы, не приносят им жертвы, соответственно, их общины построены по территориальному, а не родовому принципу, они легко объединяются вокруг какого-либо вождя, и так же легко распадаются, стоит вождю умереть (Atwood, 2010, pp. 594-595). Китайское buluo, другими словами, – это своего рода анти-племя, нечто противоположное морганoвскому племени.

Итак, мы видим, что терминов, полностью адекватных социальным реалиям южнокитайского фронтира, попросту нет. Поэтому нам остается лишь пользоваться не вполне адекватными терминами, при этом все время делая поправку на лексическую неточность.

Административная система южнокитайского фронтира. Экономические проблемы и этнические конфликты

Территория нынешнего южного Китая была объектом внимания и интереса китайских династий еще с древности, императоры периодически посылали войска на «умиротворение варваров», принимали капитуляции и заключали договоры с правителями политий этого региона, строили форты и фактории, в частности, в качестве таких опорных пунктов центрального правительства возникли города Гуанчжоу, Наньнин и Гуйлинь. Но по-настоящему масштабным завоевание юга стало только с периода правления монгольской династии Юань (1271-1368), затем пришедшая ей на смену национальная династия Мин (1368-1644) продолжила освоение этих земель. Однако южные земли вовсе не пустовали, они были населены разнородным, разноязычным населением, и у империи попросту не хватало ресурсов для того, чтобы поставить всех этих людей под свой полный контроль. Решению этой проблемы послужила система непрямого управления: непосредственное администрирование районами с преобладающим неханьским населением осуществляли так называемые «местные чиновники» – *тусы*. Это были вожди или старейшины туземных поселений, лояльные центральному правительству и получавшие от него ряд преференций, в первую очередь, право эксплуатировать соплеменников и собирать собственные вооруженные отряды. Должность *тусы* была наследственной (Faure, 2013, pp.1-2).

Маньчжурская династия Цин, унаследовав эту систему непрямого управления, сохранила ее в общих чертах, однако все время стремилась расширить свой собственный контроль над фронтиром. Она учредила параллельно с местными чиновниками и китайские *ямыни*, так называемые «ханьские залы», в их обязанности входило наблюдение за *тусы* и управление «гостями», то есть ханьскими насельниками фронтирной зоны. Постепенно в функции китайских чиновников перешло рассмотрение всех серьезных уголовных дел, в частности, об убийстве. А со временем подданные местных чиновников стали обращаться в «ханьские залы» с жалобами на все типы правонарушений, даже те, которые еще формально оставались в ведении *тусы* (Wilkerson, 2013, pp. 187, 198). На протяжении всей истории Цин не прекращалась дискуссия о целесообразности скорейшей отмены непрямого правления и учреждения в фронтирном регионе новых префектур и уездов под управлением чиновников, назначаемых на общих основаниях после сдачи экзаменов. Правительство проводило соответствующий политический курс, но фактически так и не могло довести его до конца, по необходимости довольствуясь дроблением наследственных владений *тусы*, чтобы ослабить их военный потенциал (Herman, 2006, p. 158-159).

Важнейшим из нововведений, принесенных империей в социальную организацию аборигенных обществ, стало развитие кланов. Начиная с минского времени правительство взяло курс на регистрацию всех подданных империи, включая инородцев, которым вменялось в обязанность ведение генеалогических записей. Разумеется, и генеалогии, и даже регистрация так и не распространились на все территории и на все население страны, и все же постепенно все большее количество жителей фронтира оказывалось – с большей или меньшей степенью условности – приписаны к тому или иному клану или фамилии, причем нередко вся деревня принимала одну и ту же фамилию. Практической целью государства в проведении такой политики было повышение управляемости через внедрение коллективной ответственности и взаимного надзора среди местного населения. На идеологическом же уровне клан в Китае всегда мыслился как своего рода школа политической лояльности: тот, кто привык повиноваться отцу и старшим братьям, сумеет слушаться также императора и чиновников; кто ощущает свою ответственность перед предками и потомками, тот не рискует будущим всего клана в политических авантюрах.

Но и народам Южного Китая возникновение кланов тоже приносило некоторые выгоды, поскольку предоставляло защиту от чужаков, включая и китайских чиновников. Кланы, как пишет крупнейший исследователь южнокитайского фронтира Дэвид Фор, давали возможность «...выражать интересы общины на языке, приемлемом для государства» и определяли «...местные интересы в терминах государственных интересов» (Faure, 2007, p. 7). Именно кланы получали от государства свидетельства о праве собственности

на землю, и впоследствии, даже если чужаки и поселялись на этой земле, они были существенно ограничены в правах по сравнению с членами клана – только родне было позволено распахивать целину, строить на пустошах новые дома, собирать хворост в лесу, ловить рыбу и собирать моллюсков, хоронить своих покойников на данной территории (Faure, 2007, p.4). Неслучайно те народы, в которых кланы так и не распространились, были вынуждены в тот же исторический период выработать альтернативные методы социального объединения, такие как альянсы деревень или братские союзы. Хороший пример таких альтернативных объединений дает народ *хакка*, который к середине XVIII в. создал множество деревенских альянсов, каждый из которых насчитывал от десяти до нескольких сотен поселений. Не менее активно они заключали и тайные союзы, скрепленные клятвой побратимства и обрядом жертвоприношения курицы или коровы с последующим совместным распитием вина с кровью жертвенного животного. Такие союза *хакка* получили название Триады[1], они, как и деревенские альянсы, создавали собственные вооруженные отряды, с помощью которых *хакка* активно и весьма успешно вторгались в земли своих соседей-*яо*, а также вели войны с ханьцами и даже с правительственными войсками (Antony, 2016, pp. 32, 35).

Здесь уместно будет оговориться, что распространение кланов среди этнических меньшинств Южного Китая было выгодно им не само по себе – так как они веками существовали без патриархальных многопоколенных семейных структур, а именно во взаимодействии с китайским государством, как способ приспособления к управленческим методам и политический философии этого государства.

Ведущим экономическим трендом XVIII в. в этом регионе становится открытие фронтира для хозяйственного освоения ханьцами. Это была вынужденная мера, цинское правительство, очевидно, предпочло бы поддерживать сепарацию инородцев от ханьского большинства. Д. Саттон, исследовавший политику центральных властей по отношению к народу *мяо*, подробно описывает дискуссию в китайских чиновных кругах о желательности ассимиляции этого народа и перечисляет различные запреты и предписания с целью карантинировать *мяо*, и, в первую очередь, эти запреты ограничивали право ханьцев на переселение в *мяоские* поселения, на торговые и финансовые дела с *мяоской* стороной и заключение смешанных браков. Дело в том,

1 Название «Триада», само по себе, имеет интересную историю, оно возникает и изменяет свое значение в результате взаимопроникновения культур. Термин «Триада» был создан миссионером и ученым У. Милном в 1820х гг, так он попытался передать название Sanhehui 三合会, буквально означающее Общество трех объединившихся (или единых), причем под тремя едиными здесь понимаются легендарные герои средневекового китайского романа «Троецарствие» - Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй. Поскольку они побратались и всю жизнь соблюдали взаимную верность, то считаются покровителями всех братских союзов. А уже в XX в. триадами стали называть китайскую мафию, поскольку криминальные группировки Китая тоже скреплялись братскими клятвами. Итак, хакка заимствуют у ханьцев образы героев-побратимов для формирования своих тайных союзов самообороны, а ханьцы, в свою очередь, заимствуют у хакка название их союзов, чтобы обозначить любые тайные антисоциальные коллективы.

что в правящих кругах Цинского Китая бытовало практически аксиоматическое убеждение, что виновниками всех конфликтов и мятежей на фронтире являются ханьские иммигранты, обозначаемые в императорских эдиктах и докладах чиновников емким и труднопереводимым термином 贱民 jianmin[1]. Именно эти «дурные простолюдины», проникая в варварскую среду, с одной стороны, портили первобытную чистоту нравов местного населения, приучали их к порокам и роскоши, поощряли их не слушаться начальства; с другой стороны, они пользовались невежеством и наивностью туземцев, чтобы отнять у них землю или вогнать их в долговую кабалу (Sutton, 2006, pp. 193-199).

И, тем не менее, хоть и нехотя, но правительство было вынуждено последовательно снимать свои ограничения и позволять ханьцам селиться на новых землях. В 1742 г. был издан указ, разрешающий как «варварам», так и «народу» возделывать любой доступный участок целины (Csete, 2006, p. 249). Предполагалось, что иммигранты будут владеть только целиной, которую они своими руками ввели в хозяйственный оборот, но на практике это быстро привело к массовым захватам земли и вытеснению местных племен в более бедные и труднодоступные районы. Правительство не предпринимало решительных мер по исправлению этой ситуации, так как в центральных районах Китая в то время все возрастало демографическое давление на стремительно скудеющие ресурсы. Быстрый рост населения в XVII-XVIII вв. привел к малоземелью и огромному числу избыточных рабочих рук, поэтому покорение новых земель и открытие фронтирных зон для всех желающих стали неизбежны как едва ли не единственные способы борьбы с пауперизацией населения.

Результатом этого стало обострение этнических конфликтов на фронтире, вылившихся в целый ряд восстаний, которые начались еще в XVIII веке, но основного размаха и ожесточения достигли уже в XIX. Например, *ли* восставали в 1766, 1781, 1803-1804, 1817, 1829-1830, 1831, 1836-1841 гг, *мяо* в 1795-1806, *и* – в 1817-1821 гг., *яо* – в 1831-1833, 1836 гг, и т.д. Некоторые из этих восстаний преследовали политические цели, такие как отделение от Цин и создание независимого государства, но в большинстве случаев повстанцы желали лишь истребления или изгнания захватчиков со своих земель. Они нападали на ханьские деревни, убивали ханьцев, угоняли скот и похищали зерно, но их попытки штурмовать города или форты оказывались чаще всего неудачными. Китайские правители уездов и областей в ответ организовывали карательные рейды в горные районы, что иногда кончалось неудачей, когда каратели просто не могли никого найти в незнакомой и непроходимой местности, но иногда приводило к массовому истреблению местного населения целыми деревнями (Antony, 2016, pp. 13-14).

1 贱 – значит «дурной, коварный». 民 – это народ, все подданные империи, не состоящие на государственной службе. Документы цинского времени никогда не используют этнического названия для ханьцев фронтира, вместо этого всегда называя их просто «народом».

Таков был социально-экономический и политический контекст, на фоне которого были совершены и расследованы два преступления, о которых мы намерены подробно рассказать в настоящей работе.

Вендетта в Лагао. Провинция Гуанси, 1728 г.

11 марта 1728 г. в небольшой деревне Лагао, принадлежащей *чжуанскому* клану Тань, отмечали праздник местного бога, жители деревни выпили немало рисового вина и легли спать поздно ночью. А уже перед рассветом 12 марта они были разбужены криками и заревом пожара: бамбуковый частокол, окружавший деревню, оказался сломан, в Лагао ворвались враги, все семнадцать домов были подожжены. Два человека, схвативших дубинки и пытавшихся оказать захватчикам сопротивление, были тотчас зарублены, еще один старик умер вследствие падения, все остальные, сумевшие выбежать из горящих домов, спаслись. Но, к несчастью, девять жителей деревни – дети, больные или пьяные после пира – не смогли выбраться из пожара и тоже погибли.

Наутро глава клана, Тань Хунжэнь, подсчитал потери и отправился в ямынь жаловаться. В своем заявлении он не забыл перечислить не только человеческие жертвы, но и материальный ущерб – сгорело 13 складов с зерном, угнано 19 голов скота. А самое главное, Тань Хунжэнь с уверенностью указал на виновников трагедии – это были люди из другого *чжуанского* клана, Чжоу, в этом не могло быть ошибки, ведь бесчинствуя в Лагао, они громко кричали, что им приказали сделать это Вэньцю и Вэньчжуан – старейшины рода Чжоу. У этого клана, как утверждал заявитель, была старая тяжба из-за деревни Лагао и окружающих ее полей площадью в 37 му[1]. Однако деревня издревле принадлежала именно Таням, о чем у них имелось выданное властями свидетельство (Hegel, 2009, pp. 149-150, 156).

Впрочем, опрошенные властями Тани не полностью подтвердили слова своего старейшины: склады для зерна были практически пустыми, а коровы попросту бежали от огня и разбрелись по горе, где и были на следующий день найдены и возвращены, таким образом, оказалось, что нападение не сопровождалось грабежом. И, что еще важнее, никто из погорельцев не слышал, чтобы нападавшие называли имена Чжоу Вэньцю и Чжоу Вэньчжуана.

Вэньцю и Вэньчжуан, тем не менее, были задержаны и на допросе изложили свою версию истории: в поколении их деда клан Чжоу купил две деревни с угодьями, одной из них как раз и была пострадавшая деревня Лагао. Но в 1683 г. клан Тань, оспаривая у них эту собственность, напал на деревню. Чжоу обратились за поддержкой к властям и получили признание своих прав на спорную недвижимость. В 1695 г. произошло второе нападение, за которым снова последовала тяжба, окончившаяся в пользу Чжоу. Но в октябре 1717 г. Тань Хуньфа со своими родичами окружил Лагао, убил четырех членов клана

1 2,46 га.

Чжоу и захватил само поселение и его земли. По жалобе Чжоу Тань Хуньфа был схвачен и приговорен к смертной казни, но сумел сбежать, и с тех пор его местонахождение было неизвестно. Но парадоксальным образом, деревня Лагао осталась за захватчиками, о чем уездный начальник и выдал свидетельство на право собственности. Чжоу Вэньцю и Чжоу Вэньчжуан несколько раз пытались оспорить это решение, но всякий раз безрезультатно, и потому, согласно их показаниям, в конце концов, смирились с несправедливостью и переселились в городские предместья. Они утверждали, что не принимали участие и не санкционировали нападение, но зато им был известен настоящий организатор – тридцатилетний Чжоу Вэньцян, отец и мать которого погибли от рук Таней в 1717 г. (Hegel, 2009, pp. 152-153).

Чжоу Вэньцяна арестовали 23 апреля. Кроме него, были схвачены еще два участника ночной атаки, на арест всех остальных, предположительно двенадцати человек, были выписаны ордера, но они бежали в горы или в другие чжуанские селения, и так никогда и не были найдены. Вэньцяна допрашивали многократно и под пытками, поскольку он давал признания крайне неохотно, сознательно путал следствие и брал всю вину на себя. Он заявил, что давно уже ненавидел Таней и хотел им отомстить за смерть своих родителей, но не получив поддержки от старейшин клана, перестал с ними общаться и не сообщил им о своих планах. Вместо того, он заручился поддержкой нескольких молодых Чжоу. При этом Вэньцян назвал только три имени и настаивал на том, что их и было-то только четверо.

Но более всего уездных чиновников озадачило другое его показание: якобы, он не был инициатором атаки, и стал готовиться к нападению лишь тогда, когда к нему пришли два брата по фамилии Вэй и предложили ему свою помощь. Семья Вэй тоже проживала в Лагао, они были батраками Таней и до сих пор неплохо ладили со своими нанимателями. Но Чжоу Вэньцян утверждал, что Тань Хунжэнь решил выгнать Вэев, и они в досаде примкнули к кровным врагам своего хозяина. За это Вэнцян дал им сорок лянов серебра и посулил еще сорок лянов, если они помогут ему схватить Тань Хунжэня и доставить его на суд. Договорившись, сообщники отправились в храм и выпили вина с кровью. В ночь атаки, согласно утверждению Чжоу Вэньцяна, он сам и его товарищи не посмели ломать изгородь и вторгаться в деревню, пока Вэи не подожгли дома (Hegel, 2009, pp. 153-155).

Сами Вэи и их наниматель Тань Хунжэнь категорически отвергли эти обвинения: Тань Хунжэнь и не думал выгонять Вэев со своей земли, они не вступали в заговор с мстителями, не брали никаких денег, не поджигали деревню, в которой жила их собственная семья. Позже, после еще одной пытки, Чжоу Вэньцян отказался от своих слов и признал, что нарочно оклеветал Вэев, также он был вынужден признать, что в ночной атаке участвовало 15 человек, из которых всего четверо остались на страже за изгородью, и 11 человек ворвались в деревню, поджигая дома.

Два других юноши из клана Чжоу, арестованные за участие в набеге, в общих чертах подтвердили показания своего вожака. Как и Вэньцян, они твердили, что не планировали массового истребления Таней, хотели лишь захватить старейшину Тань Хунжэня в отомщение за кровь своих близких, но не знали, в котором именно доме он живет, и поэтому подожгли все дома в деревне (Hegel, 2009, pp. 165-168).

Пока тянулись допросы, Чжоу Вэньцян внезапно умер от аппендицита, из двух других схваченных Чжоу один был приговорен к смертной казни, другому наказание смягчили до порки и ссылки на три года, поскольку он стоял в карауле и лично не участвовал в поджогах и убийствах. А несколько позже, в октябре, их враг Тань Хунжэнь заболел дизентерией и тоже скончался. 13 октября пятеро мужчин из клана Тань подстерегли еще двоих Чжоу – участников налета на деревню, и застрелили их из мушкета. Все пятеро были арестованы, их преступление было расследовано и рассмотрено судом отдельно от лагаоского дела. Что до многострадальной деревни Лагао, то губернатор провинции Гуанси постановил изъять ее у *чжуанов*, чтобы не провоцировать их на продолжение кровавой вражды, и вывести в государственную собственность, а урожаи с этой земли хранить в качестве резервного фонда на случай голода или неурожая. Император утвердил и приговор, и постановление об отчуждении земли (Hegel, 2009, pp. 171-174).

«Дикая и склонная к насилию натура *мяо* и *чжуанов*». Несколько замечаний о деле Лагао

Китайские чиновники, рассматривавшие это преступление, выносившие и утверждавшие приговор, нисколько не затруднялись с выяснением основной причины трагедии: это был врожденный характер варваров, их «дикая и склонная к насилию натура» (Hegel, 2009, pp. 171). Такая точка зрения возникла у них отнюдь не только из высокомерия завоевателя по отношению к покоренным народам, ведь в отсутствие государства взаимное насилие в первобытных обществах носит системный характер, и любой конфликт, который не был тотчас не урегулирован с помощью посредничества и переговоров, грозит перерасти в многолетнюю кровавую вендетту. Так, по данным современных наблюдений за племенами, остающимися в состоянии первобытности, потери горцев Новой Гвинеи в набегах и стычках между соседскими деревнями в процентном соотношении намного превосходят потери европейских государств в двух мировых войнах (Даймонд, 2016, с. 104). Логично, что не имея опыта наблюдения за множеством догосударственных народов в разных частях света, китайские чиновники и ученые могли приписать распространенность насилия среди варваров только их врожденному психологическому складу. Характерно замечание одного из оклеветанных батраков по фамилии Вэй. Он отрицает, что помогал захватчикам изнутри Лагао и открыл для них ворота

деревни, а на вопрос судьи, почему же тогда деревню оказалось столь нетрудно захватить, признает: «Мы заслуживали поражения. Все напились на празднике в ту ночь» (Hegel, 2009, pp. 168). Эти слова опытного воина из уст деревенского батрака должны были лишний раз утвердить китайских чиновников в их убеждении, что *чжуаны* воинственны от рождения.

Но нам, в отличие от них, кажется очевидным, что изначальным толчком, запустившим цепную реакцию насилия между *чжуанскими* кланами в Лагао, был приход в этот регион китайского государства и китайских переселенцев. Иммигранты из внутренних районов Китая принесли на фронтир более передовые аграрные технологии, под их влиянием *чжуаны* перешли от подсечно-огневого земледелия к полностью оседлому образу жизни и хозяйствования. В то же время, переселенцы постепенно распахивали целину, захватывали или выкупали пригодную для возделывания землю. Все это вместе привело к земельному голоду, к увеличению значимости каждого, даже совсем небольшого участка земли. В рассматриваемом случае, в Лагао за 45 лет произошло пять вооруженных столкновений, погибло более 20 человек, и все это из-за поля размером менее двух с половиной гектаров земли. О том, сколь высока была потребность людей в земле, говорит такая деталь: в набеге, организованном Чжоу Вэньцяном, приняли участие четыре человека по фамилии Мэн. У них не было никакой вражды с Танями, их единственным мотивом для совершения преступления было желание получить немного земли – Вэньцян пообещал им, что в случае победы разрешит им поселиться в Лагао вместе с кланом Чжоу (Hegel, 2009, p. 158).

Империя же, в лице своих уездных и областных начальников, с одной стороны, всячески старалась ограничить насилие, с другой – запутывала и усложняла конфликт, поддерживая то одну, то другую сторону. В своем постановлении о секвестре сельскохозяйственных угодий в Лагао, губернатор Гуанси восстанавливает историю деревни: изначально она принадлежала семье Вэй, которая сдала ее в аренду клану Чжоу. Затем Чжоу накопили долгов по налогам за эту землю, и деревня была передана некоему Вэй Гуандину[1] во временное управление. Он же принял сумму задолженности семьи Чжоу за цену земли вообще, счел себя вправе распоряжаться спорной собственностью и продал ее клану Тань. Чжоу тогда подали в суд и выиграли его, поскольку имели свидетельство о праве собственности, выданное ямынем. После того, в 1717 г., Тани захватили эту деревню силой, убив нескольких человек. Предводитель набега, Тань Хунфа, был за это преступление арестован и приговорен к смерти, но земля, тем не менее, осталась за его родственниками, и теперь уже они, в свою очередь, получили сертификат на нее

1 Вероятнее всего, этот Вэй не состоял ни в каком родстве ни с настоящим владельцем земли, ни с батраками Вэями из истории о набеге 1728 г., иначе этот факт непременно был бы кем-нибудь упомянут. Но фамилии вообще были относительным нововведением на южнокитайском фронтире, местное население принимало их под давлением китайской администрации, и, как правило, в каждом регионе оказывалось всего несколько фамилий, к которым приписывалось все население региона.

(Hegel, 2009, p. 172-173). Из этого видно, что цинские власти весьма небрежно выдавали такие свидетельства, не учитывая всех обстоятельств и не заботясь о справедливости, им было важнее установить подходящего налогоплательщика, чем законного владельца земли.

И все-таки, как ни сложно было для местного населения взаимодействовать с китайскими чиновниками, такое взаимодействие было неизбежно, поэтому им приходилось изобретать стратегии для успешной коммуникации в условиях крайнего дисбаланса власти и возможностей. В рассмотренном нами судебном деле, прежде всего, обращают на себя внимание регулярные обращения конфликтующих *чжуанов* к суду. Они охотно получают от уездных начальников свидетельства о собственности на землю и ссылаются именно на эти свидетельства для обоснования своих прав. Впрочем, как можно видеть на примере старейшин клана Чжоу, иногда этот способ не работает, и тогда с решением китайских чиновников остается только смириться. Старейшины клана смирились, их законопослушание и постепенное сближение с китайскими переселенцами и властями манифестируются даже в пространственном отношении – потеряв Лагао, они переселяются в городское предместье, поближе к ямыню. Напротив, молодежь клана Чжоу, взявшая месть в свои руки, тяготеет к горам и маленьким деревенькам, где и теряется без следа после набега, чтобы избежать ареста и казни. Еще интереснее поведение членов клана Тань – здесь одни и те же люди чередуют насилие с апелляциями к закону. В 1717 г. они тотчас же за налетом на Чжоу, невзирая на арест своего вождя, сумели получить свидетельство о праве собственности на Лагао; в 1728 г., сами, в свою очередь, пережив нападение, Тани сначала обращаются в суд, а затем организуют засаду на врагов, избегших ареста.

Но, пожалуй, чаще всего, общаясь с китайским чиновником, обе стороны конфликта прибегают к откровенной лжи. Лжет Тань Хунжэнь, утверждая в своей жалобе, что Лагао издревле принадлежала его семье, что деревня подверглась не только сожжению, но и разграблению, что нападавшие выкрикивали имена старейшин клана Чжоу. Лжет и его враг Чжоу Вэньцян: про малое количество своих сообщников, про свое намерение всего лишь схватить Хунжэня и доставить его в суд, про соучастие Вэев. Каждое утверждение в этом потоке лжи очень легко дезавуировать. Кто мог бы напасть на деревню, сжечь ее, убить одиннадцать человек силами всего лишь четырех нападающих? Зачем насильно захватывать и доставлять на суд человека, который не прячется от суда, и против которого невозможно выдвинуть никаких конкретных обвинений? И, тем не менее, оба противника лгут уездному начальнику едва ли не в каждом своем показании. И в их лжи, так же как и в быстрых переходах от легальных процедур к партизанской войне и обратно, проявляет себя свойственное покоренному населению фронтирной зоны оппортунистическое отношение к государственной власти:

при малейшей возможности следует привлечь мощь империи на свою защиту, использовать ее к своей выгоде; если же такой возможности нет, то следует всячески избегать начальства и действовать самостоятельно втайне от него.

И, наконец, это происшествие и сохранившиеся протоколы допросов показывают нам неочевидные, но глубокие различия между представлениями ханьцев и *чжуанов* о клане и кровной мести. На протяжении всего процесса, в ходе многочисленных допросов уездный начальник Чжан Мэнбай упорно пытается выяснить, существовали ли какие-то причины для личной вражды между молодыми Чжоу и погибшими от их рук Танями, на что оба допрошенных участника нападения, Чжоу Вэньцян и Чжоу Фуцюань, твердят, что они имели в виду только захват или убийство главы поселка – Тань Хунжэня, а остальные погибли случайно (Hegel, 2009, p. 156-166).

Но, с точки зрения китайского чиновника, даже Хунжэнь – не подходящий адресат для мести, и он вновь и вновь спрашивает у каждого арестованного, за что же они хотели убить Тань Хунжэня, если убийцей их собственных родителей был не он, а его брат Тань Хуньфа. Ответы преступников не особенно убедительны: Чжоу Вэньцян утверждает, что при нападении на Лагао в 1717 г. Хунжэнь «был внутри деревни» (Hegel, 2009, p. 163), Чжоу Фуцюань говорит, что в 1717 г. ему было всего восемь или девять лет, он сам ничего не знает, и считает Хунжэня виновником смерти своих отца и дяди только потому, что так ему сказал Вэньцян (Hegel, 2009, p. 166). Если сказанное ими – правда, значит, они пошли на тяжкое преступление, учинили массовую расправу со спящими людьми и разрушили свои собственные жизни, чтобы уничтожить человека, который всего лишь стоял подле их обидчика, да и то не наверняка. Эти объяснения не удовлетворяют уездного начальника, и он в своем приговоре приходит к выводу, что кузены Чжоу называют месть своим основным мотивом лишь с целью облегчить меру наказания, ведь в уголовном деле 1717 г, включая жалобы семьи Чжоу, Тань Хунжэнь ни разу не упоминается в качестве убийцы (Hegel, 2009, p. 171).

В не меньшее недоумение китайского судью ставит и вопрос о соучастии батраков Вэев. И даже, когда Чжоу Вэньцян признается, что оклеветал их, уездный начальник по-прежнему не понимает причин такой клеветы на совершенно посторонних людей, не сделавших клеветнику никакого зла. Зато все допрошенные *чжуаны* прекрасно понимают эти причины. Глава деревни Лагао Тань Хунжэнь, едва лишь услышав о подозрениях против своих работников, тотчас же отвергает их: Вэньцян говорит такое, потому что ненавидит Вэев. Сами братья Вэи дают то же объяснение: не сумев убить их своими руками, Вэньцян пытается их погубить руками судьи и палачей (Hegel, 2009, p. 156, 159, 160). Наконец, и Вэньцян открыто говорит о своих мотивах: «Эти двое теперь занимают нашу деревню и наши поля. Я так ненавижу их, что не мог не втянуть их в это дело!» (Hegel 2009, p. 164). На этом судья почитает за лучшее оставить

этот вопрос и не допытываться далее, за что же преступник так ненавидит людей, которые всего лишь нанялись работать на его врага.

Но мы хотели бы предложить свое собственное видение этой ненависти и породившего ее конфликта. Мы полагаем, что неуклюжие оправдания мстителей – не столько ложь (хотя они, конечно, постоянно лгут), сколько попытка как-то объяснить допрашивающему их китайцу то, что им самим совершенно ясно и не нуждается в объяснениях. С точки зрения молодых *чжуанов* из клана Чжоу, Тань Хунжэнь заслуживает смерти безотносительно того, участвовал ли он сам в набеге 1717 г., убивал ли их отцов и старших братьев, был ли он «внутри деревни» или нет. Он должен быть убит просто потому, что он – нынешний глава вражеского клана, на него закономерным образом переходит месть за злодеяния, совершенные прежним главой. В точности так же, для самого Тань Хунжэня, на самом деле, неважно, отдавали ли Чжоу Вэньцю и Чжоу Вэньчжуан приказы о нападении на его деревню, важно лишь, что они – старейшины дома Чжоу, а значит, виновны априори.

Более того, эта коллективная ответственность отнюдь не ограничена вождями, она распространяется на всех членов рода. Если бы мстители, и вправду, не планировали массовой бойни в Лагао, они бы наверняка предвидели заранее, что поджог бамбуковых хижин ночью повлечет за собой множество жертв, и придумали бы какой-то другой способ добраться до Тань Хунжэня. Правда состоит в том, что им и не нужен был никакой другой способ, учитывая, что их собственные родители были точно так же заживо сожжены Танями.

Но даже и кровное родство с врагом не является необходимым условием; месть, как мы видели на примере батраков Вэев, обращается и на чужаков, если они пришли и живут вместе с вражеским кланом. Подобные пришельцы в глазах пострадавших *чжуанов* выглядят в точности такими же захватчиками и вызывают такую же ненависть, что и сами убийцы, и их родственники.

И в этом проявляется социальная реальность местного общества, скрытая за привнесенной из центрального Китая терминологией. Китайская политическая и управленческая идеология считала основной ячейкой общества патриархальную многопоколенную семью, потому и на фронтире стимулировала формирование кланов путем выдачи прав на землю именно семьям, а не каким-либо другим коллективным или индивидуальным собственникам. Варварские общины вынуждены были соответствовать этим требованиям империи, они заимствовали у ханьцев фамилии и конституировались как кланы. Однако под прикрытием китайских фамилий сохранялась унаследованная ими от предков коллективная идентичность, в рамках которой главной социальной единицей была не семья, а деревня. Все люди, жившие в этой деревне, вне зависимости от наличия генетической общности, были родней для своих соседей. И если, под влиянием китайских властей, их права на возделываемую ими землю были уже не равны (только кровная родня имела

всю полноту прав), то кровомщение распространялось на них всех в равной степени. И хотя некоторые обитатели Лагао назывались Танями, а другие Вэями; некоторые претенденты на эту землю носили фамилию Чжоу, а другие Мэн, фактически перед нами предстает древнее 部落 buluo – укрепленное поселение людей, которые были земледельцами в мирное время и становились бойцами на войне.

Война за Муляньское наследство. Провинция Юньнань, 1760 г.[1]

В 1760 г. в уделе Мулянь на севере Юньнани умер местный чиновник *туму*[2] по имени Но Цзяю.

Он и его подданные принадлежали к народу, который современная этнология называет *насу*, а в то время китайцы именовали их восточными *и*. В отличие от только что рассмотренного общества *чжуанов* из Гуанси, юньнаньские *насу* в XVIII в. были весьма стратифицированным обществом: большинство из них были крестьянами-общинниками под властью местного *туму*, которому они были обязаны оброком и отправкой молодых мужчин в его личную армию. Администрированием удела *туму* занимались его слуги, чей статус по-китайски обозначался как *тоуму*, а на языке насу – как *мо*; Эрик Мюгглер переводит это словом «крепостные», что, с нашей точки зрения, не вполне верно, так как в крепостной поземельной зависимости находились скорее крестьяне, тогда как *тоуму*, тоже не будучи лично свободными, земли не имели и управляли хозяйством господина. Для удобства мы будем называть их просто слугами. Еще ниже их в социальной иерархии находились рабы, которые выполняли весь физический труд в доме *туму*, обслуживая его и его семью. Статусные различия вообще были настолько важны в мировоззрении народа *насу*, что большая часть их текстов (а у них была собственная письменность) – это руководства для различения между собой разных классов существ, таких как родственники и свойственники, слуги и рабы, духи и призраки (Mueggler, 2021, p. 103). Также с известной степенью условности мы называем территорию под управлением *туму* его уделом. Официально, для китайских властей, это был его административный округ; с экономической точки зрения это было большое поместье, состоящее из десятков деревень; наличие

1 К сожалению, мы не имели возможности ознакомиться с подлинными протоколами допросов по мульяньскому делу, и потому вынуждены полагаться на пересказы, содержащиеся в статье Э. Мюгглера «Переписывая крепостную зависимость: грамотность и рабство в одном из цинских аборигенных владений». Цитируемая работа предоставляет читателю важные сведения о социальном устройстве народа насу, но, на наш взгляд, довольно искусственно акцентирует вопрос о письменности и грамотности в этом обществе, рассматривая все (от жалоб в ямынь до внешнего облика города) как текст, что, само по себе, не вызывает возражений, но оставляет без должного внимания другие значимые аспекты этого интереснейшего происшествия.

2 То же самое, что и *тусы*, о которых мы уже писали во вводной части этой работы.

собственной армии и значительной внутренней автономии позволяет говорить о таком владении как о феодальном уделе.

И для всего этого сложно устроенного социального организма смерть Но Цзяю представляла опасную проблему, ведь у него не было сына-наследника. У Но было две жены – госпожа Ань и госпожа Тан, обе из аристократических родов, владевших другими уделами восточных *и*; были три сестры, выданные, в свою очередь, замуж в соседние уделы; была несовершеннолетняя дочь от госпожи Ань. Но согласно законам и обычаям, никто из них не мог возглавить Мулянь после смерти правителя, а это значит, что над уделом нависла угроза ликвидации вообще, ведь цинские власти могли упразднить местное владение под предлогом отсутствия наследников и перевести территорию под прямое управление империи.

И тут 14 слуг вдруг заявили, что перед смертью *туму* собрал их всех подле своего ложа и признался, что ребенок, только что рожденный в его доме молодой рабыней по фамилии Шэнь, – его сын, и должен унаследовать имущество и власть. Он не оставил завещания, не сообщил ничего своей родне, и предполагаемое отцовство стало известно только через слуг. Поэтому, явившись в Мулянь на похороны, муж старшей из сестер Но, владетель соседнего удела Садянь по имени Чан Шоусы первым делом запер рабыню Шэнь и ее младенца в дальней комнате и не позволил им присутствовать на погребальных обрядах. Похороны продолжались почти месяц, затем Чан Шоусы и другие зятья покойного *туму* разъехались, а их жены, сестры Но, остались погостить еще немного по приглашению своей овдовевшей невестки госпожи Ань.

Властное поведение соседского *туму* насторожило слуг из Муляня, они испугались, что в ближайшем будущем госпожа Ань выдаст дочь замуж за сына Чан Шоусы, юный зять переедет к ним в дом, и под предлогом помощи своему сыну Чан Шоусы фактически захватит всю власть в Муляне. Поэтому слуги поспешили перехватить инициативу. Они освободили девушку Шэнь и ее ребенка и подговорили нескольких рабов напасть на госпожу Ань. Рабы ворвались в покои хозяйки, избили ее, отняли у нее деньги и ценности, принадлежавшие ей и ее дочери, а также приблизительно четыре тысячи лянов серебра, оставленные в наследство сестрам Но. Перепуганная и униженная Ань убежала из дома и смогла укрыться в резиденции своих золовок, куда мятежники уже не стали врываться вслед за ней, удовольствовавшись тем, что окружили дом и не выпускали оттуда дам.

Но уже на следующий день рабы раскаялись в нападении на хозяйку и пошли к ней просить прощения и заступничества, и один из них взялся отправиться в Садянь и известить Чан Шоусы о происходящем. Получив такое сообщение, *туму* Чан немедленно подал жалобу цинскому чиновнику, и тот распорядился вызвать госпожу Ань в ямынь, чтобы заслушать ее лично. Мятежные слуги не стали чинить ей препятствий, а вскорости за нею в суд отправились и

все прочие участники или заинтересованные лица: и госпожа Тан, и сестры покойного Но Цзяю, и слуги с рабами (Mueggler, 2021, p. 103-110).

Последовавшие за этим разбирательства были долгими, эмоциональными и запутанными. Слуги из Муляня не стали отрицать событийную канву своего противостояния с госпожой, но они продолжали утверждать, даже под пыткой, что они действовали исключительно из верности покойному *туму*, а новорожденный сын рабыни Шэнь, получивший имя Сяньцзун, - родной сын Но Цзяю. Все тяжущиеся стороны и свидетели обвиняли друг друга. Госпожа Ань при поддержке Чан Шоусы обвиняла мятежных слуг не только в нападении на нее и разграблении имущества семьи Но, но и в присвоении привилегированного статуса слуги, тогда как, на самом деле, они были всего лишь рабами. Она также обвиняла госпожу Тан в том, что та вступила в незаконную связь с главой бунтовщиков по имени Цюй Маоцай, а кроме того, помогала своему отцу расхищать ценности Но: якобы отца госпожи Тан видели после похорон, выводящим из Муляня восемь мулов, груженных серебром. Чан Шоусы усиленно подчеркивал, что преступление слуг было совершено по предварительному сговору: они собрались в храме и пили вино с кровью жертвенного животного. Слуги, в свою очередь, пытались бросить тень на самого Чан Шоусы, критикуя его дурной характер и называя его «известным кляузником», который ранее уже сложил в ямыне «гору исков, на которых еще тушь не просохла» (Mueggler, 2021, p. 117). Помимо прочего, они упоминали о том, что его отец погиб в вооруженном противостоянии цинским войскам (Mueggler, 2021, p. 117-119).

Для выяснения подлинного статуса мятежников в суд были вызваны свидетели – шесть деревенских старейшин, главы альянса, охватывающего тринадцать так называемых «нижних» деревень на границе удела Мулянь. Они не поддержали утверждение госпожи Ань, что эти люди – просто рабы, но и слугами признать их отказались, предположив, что 14 бунтовщиков – недавние пришельцы и наемники.

Пока тянулись все эти дискуссии, госпожа Ань вдруг выступила с невероятным заявлением – по ее словам, в их доме была не одна, а две рабыни по фамилии Шэнь, родные сестры, и обе они только что разрешились от бремени. И сын второй сестры Шэнь, получивший имя Яоцзун, – тоже рожден от Но Цзяю. И вот этого-то ребенка госпожа Ань пожелала принять на воспитание и провозгласить наследником.

Китайский чиновник, вероятно, устав от этой семейной склоки, спешно выработал решение и предложил сторонам собраться и подписать итоговый документ. Согласно его предложению, оба ребенка должны были признаваться сыновьями Но Цзяю и передавались на воспитание госпоже Ань как старшей и законной жене покойного вождя. В то же время госпоже Ань выносилось порицание за необоснованные нападки на госпожу Тан. Слугам предписывалось вернуть все захваченное имущество. Но такое решение дела не устроило тяжу-

щиеся стороны. Госпожа Ань не согласилась признать себя неправой, хотя все-таки выразила готовность подписать договор. Госпожа Тан наотрез отказалась признавать предложенный проект соглашения, требуя, чтобы детей передали на воспитание именно ей. Старшие члены семьи Но не пожелали подтвердить, что у их покойного главы было два сына, о которых они прежде ничего не знали.

Положение спасли шесть глав деревенского альянса – они предложили компромиссное решение, учитывающее интересы всех противников. Обоих детей следовало признать законными, а затем разделить: старшего, Но Сяньцзуна, отдать на воспитание старшей госпоже – Ань, младшего, Яоцзуна, - наложнице госпоже Тан. Соответственно нужно было поделить и сам удел Мулянь: 60% территории и имущества отходило Сяньцзуну, 40% - Яоцзуну и его приемной матери. Этот вариант был одобрен всеми заинтересованными лицами, подписан и приведен в исполнение. А пока господа делили младенцев и землю, главы альянса подали уездному начальнику собственное прошение: изъять «нижние деревни» из состава Муляня и принять под прямое управление уезда. Начальник согласился, а муляньские господа были на тот момент не в состоянии возражать. Поэтому тринадцать деревень отныне были обложены поземельным налогом, но зато освобождены от всех повинностей в пользу семьи Но.

Как ни странно, судебная история удела Мулянь на этом не закончилась. Через 20 с лишним лет подросший Но Сяньцзун напал на Яоцзуна и отобрал у него его часть владения, заявляя, что тот – сын рабов, не имеющий никакого отношения к покойному Но Цзяю. Яоцзун подал жалобу в суд, разбирательство этой жалобы передавали все выше и выше по инстанции, пока оно не дошло лично до императора. Император командировал инспекторов в Юньнань, и они вынесли решение в пользу агрессора Сяньцзуна, Яоцзун был признан самозванцем и сослан в армию, где его следы и теряются. Но Сяньцзун управлял вновь объединенным уделом до своей смерти в 1815 г. Ирония истории состоит в том, что и он скончался, не оставив сыновей, и уже через несколько месяцев его вдова явилась в ямынь, чтобы принести первое в длинной череде прошений о судьбе муляньского наследства (Mueggler, 2021, p. 126-128).

«Эти глупые *и*, не осознающие своих ошибок». Несколько выводов из муляньского конфликта

Из рассмотрения этого казуса явствует, во-первых, что в мировоззрении *насу* XVIII в. чрезвычайно значимыми представляются вопросы правильного определения своего и чужого статуса в социальной иерархии[1]. Для избитой и

1 Рабовладение и крепостничество так глубоко проникли в социальную идеологию насу, что кажутся древним способом организации восточно-*иского* общества, а между тем они возникают в юго-западном регионе относительно поздно и только в результате взаимодействия с ханьцами. Осознав, под влиянием

ограбленной госпожи Ань, когда она обращается за защитой в ямынь, важно не только зафиксировать нанесенный ей материальный и моральный ущерб, но и доказать, что ее обидчики принадлежат к более низкому классу, чем принято о них думать.

Интересно, что цинские чиновники, причем на самом высоком уровне, вынуждены считаться с менталитетом *насу* в этом вопросе и позволяют подвластному народу навязывать судебным инстанциям соответствующую повестку. Согласно собственно китайским представлениям о «пяти отношениях», посягательство нижестоящего на вышестоящего преступно в любом случае, и не важно, был ли агрессор слугой, рабом, подчиненным по службе или младшим членом семьи. Однако в данном случае уездный начальник согласился уделить время и внимание, вызвать множество свидетелей, чтобы прояснить вопрос о правовом статусе четырнадцати мятежников как рабов либо слуг клана Но, хотя такие дистинкции и не были никак отражены в цинских кодексах. Аналогично и инспекторы, присланные императором в 1780-х гг., приговаривают Но Яоцзуна к ссылке в солдаты, хотя лично он и не совершил никакого преступления. Они, по сути дела, наказывают его за то, что, будучи рабом по происхождению, он посмел претендовать на статус *туму*, и это даже несмотря на то, что Яоцзун не был самозванцем – сыном Но Цзяю его признал суд в 1760 г. Заблуждаться в том, кто именно был твоим отцом, не было преступлением с точки зрения китайского закона, но вот зато с позиции *насу* гармония в обществе была грубо нарушена тем, что человек низшего из всех существующих статусов посмел действовать как член высшей социальной страты. Печальная судьба Но Яоцзуна показывает, таким образом, что власти империи не были совершенно ригидны в своих методах управления фронтиром и не чуждались некоторой аккомодации к сложившимся у местных народов убеждениям и практикам, если только это не несло угрозы господству самой империи в регионе.

Также нельзя не отметить определенной беспомощности китайского чиновника в урегулировании конфликта и, напротив, высокой политической инициативности *насу* – причем, безотносительно их социального статуса. Так, слуги и рабы Но Цзяю выступают основными акторами всего происшествия: именно они принимают его приказ возвести новорожденного Сяньцзуна в ранг *туму*, либо составляют заговор с целью фальсифицировать такой приказ. Они собирают родственников покойного вождя на похороны, освобождают из заключения рабыню Шэнь, нападают на госпожу Ань, затем принимают

своих ханьских советников, преимущества более передовой агротехнологии Срединной равнины над подсечно-огневым земледелием, вожди народа *и* стали спешно вводить у себя сельское хозяйство по китайскому образцу, но для этого им были нужны люди, владеющие соответствующими умениями. Проблема была решена путем набегов на ханьские деревни и массового угона ханьцев в рабство. Именно таким образом и сложилось жестко стратифицированное общество; а китайская империя, в свою очередь, закрепила неравноправие *насу*, награждая местных вождей за лояльность правом эксплуатировать население их уделов (Herman, 2006, p. 151).

решение отпустить ее на суд. Они даже под пыткой настаивают на своей правоте: «Мы... не более, чем верные жертвы в этом деле», и не боятся возлагать вину за сложившуюся неразбериху на своего умершего хозяина, который «... зло и жестоко поступил, не сказав (своей родне – А.С.), есть ли у него сын» (Mueggler, 2021, p. 115). Было бы, наверное, преувеличением утверждать, что слуги дома Но действуют совершенно бескорыстно, но их мотивы – не финансового, а политического порядка: они не для того отбирают серебро у Ань, чтобы присвоить его, а для того, чтобы воспрепятствовать вывозу казны из Муляня; они восстают против союза Ань и Чан Шоусы, чтобы не позволить последнему узурпировать власть в уделе. В конечном итоге, целью их мятежа является сохранение Муляня как автономной политической единицы, то есть слуги и рабы в данном случае ведут себя не как движимое имущество своего господина, а как министры независимого государства в момент династического кризиса.

Начальник уезда, в свою очередь, проявляет себя достаточно двойственно. С одной стороны, он правильно понимает свою роль в деле как роль третейского – а не уголовного – судьи, и пытается обеспечить своему решению поддержку со стороны всех участников конфликта. С другой, над его сознанием явно довлеют интеллектуальные конструкты, присущие обществу с развитой государственностью, в частности, идея об установлении правого и виноватого и о восстановлении справедливости как главных целях суда вообще. Поэтому в своем приговоре он не может удержаться от того, чтобы не вынести порицание госпоже Ань за неподобающее поведение, но в то же время, он принимает решение полностью в ее пользу, без учета интересов ее противников, исходя только из собственного (и общекитайского) понимания правоты. Но вот для конфликтного менеджмента догосударственных обществ, наоборот, не так важны вопросы справедливости, как выработка взаимоприемлемого компромисса, ведь в отсутствие государственного репрессивного аппарата единственное, что может удержать вчерашних врагов от нового витка насилия – это их удовлетворенность положением, достигнутым в результате третейского суда. И поэтому неудивительно, что задачу медиации берут на себя пожилые *насу* - главы альянса «нижних деревень», они-то и добиваются приемлемого компромисса, учитывающего желания всех тяжущихся сторон, как правых, так и виноватых.

Но, если китайский судья не проявляет глубокого понимания социальной психологии *насу*, то вот они, напротив, достаточно хорошо знают или интуитивно чувствуют, как следует вести себя с представителем империи, и как можно манипулировать сложившимися у него стереотипами. Недаром Чан Шоусы так акцентирует тот факт, что слуги-бунтовщики, сговариваясь о совместных действиях, собрались в храме и пили вино с кровью. Этому ритуалу китайские судьи вообще всегда придавали особое значение – вспомним, что и в деле о поджоге *чжуанской* деревни Лагао чиновник считает

достаточно важным и достойным внесения в протоколы тот факт, что юноши клана Чжоу скрепили свое решение о нападении на врагов совместным посещением храма и распитием кровавого вина (Hegel, 2009, pp. 153-155). Вино с кровью, как показывает Роберт Энтони в своей монографии «Неуправляемый народ», было неотъемлемой частью обряда побратимства, принятого у народов южнокитайского фронтира, побратимство же, в свою очередь, стало основным способом оформления тайных вооруженных союзов, объединявшихся с целью самозащиты от соседей, от ханьских иммигрантов-захватчиков земли, и даже от китайского государства (Antony, 2016, p. 108). Таким образом, люди, по ночам распивавшие кровавое вино в храмах, оказывались у судей под особым подозрением в умышлении на мятеж. И, зная это, Чан Шоусы усиленно подчеркивает эту деталь в поведении своих недругов.

Сходным же образом госпожа Ань использует другую коллективную фобию китайцев – сюжет о распутной наложнице, которая изменяет мужу, зачастую с его же собственным слугой, и подталкивает любовника к убийству обманутого супруга. Мы рассматривали этот сюжет в китайской приключенческой литературе и судебной практике династии Цин в одной из своих предыдущих работ (Саракаева, 2021, сс. 103-106) и не будем сейчас подробно останавливаться на нем. Достаточно будет сказать, что из всех описанных китайскими писателями преступлений самым частотным является именно убийство мужа женой-изменницей и ее любовником, иными словами, женское распутство в литературе и менталитете китайцев того времени трактовалось как угроза не только чести, но и самой жизни мужчины, а также благополучию его семьи. Мы не знаем, была ли женщина из народа *насу* сколько-нибудь знакома с китайской новеллистикой, но, если и не была, то она интуитивно уловила этот важный мотив и, желая скомпрометировать свою противницу госпожу Тан, обвинила ее в прелюбодеянии с вожаком мятежных слуг. И, хотя она и не подозревала Тан в убийстве Но Цзяю, даже намек на супружескую измену должен был сделать Тан преступницей в глазах китайского чиновника и дисквалифицировать ее как возможную регентшу Муляня.

Но и противная сторона тоже старается манипулировать предрассудками своих судей, а иначе зачем бы слугам из Муляня было упоминать о том, что двадцать лет тому назад отец Чан Шоусы погиб в вооруженном противостоянии с китайской армией. Тем самым они отводят от себя обвинения в мятеже, ведь они восстали всего лишь против вдовы своего хозяина, тогда как их противник Чан был сыном человека, восставшего против самой Великой Цин, а значит, и его собственная преданность империи была под вопросом.

Эти попытки играть на подозрительности китайцев были интересной, но не единственной стратегией подстройки *насу* к реалиям китайского владычества и китайского суда. Еще более важным для элиты варварского общества было постепенное сближение с правящим классом империи, частичное вхождение в его состав. А это, в первую очередь, достигалось с помощью клас-

сического конфуцианского образования. Так, Чан Шоусы, помимо того, что он унаследовал от отца статус местного чиновника-*туму*, также сдал экзамены и имел низшую ученую степень *сюцая* (Mueggler, 2021, p. 117). Да и само частое и охотное обращение варварской элиты в суд для урегулирования своих имущественных претензий тоже можно рассматривать как стратегию взаимодействия с китайском государством, которая одновременно позволяла и использовать государственную мощь в собственных интересах, и продемонстрировать лояльность.

Социальные низы местного общества, лишенные доступа к китайскому образованию, при необходимости контактировать с китайскими властями компенсировали недостаток учености настойчивым подчеркиванием своего невежества. Фраза, вынесенная нами в заголовок данного параграфа, взята из ходатайства, поданного в ямынь рабами госпожи Ань, когда они просили о снисхождении к своему кратковременному заблуждению и участию в бунте. В прошении они называют себя «эти насекомые», которые «...глупо послушались...» слуг-заговорщиков, и объясняют свое нападение на хозяйку тем, что «...эти глупые *и*, не осознающие своих ошибок, легко могут быть вовлечены в дурное дело» (Mueggler, 2021, p. 99). Вся стилистика этого текста призвана показать просителей, во-первых, униженными и раболепными, то есть не склонными к восстанию, во-вторых, - неразумными в силу своего некитайского происхождения, то есть лишь ограниченно вменяемыми.

При этом, как мы видели, на самом деле, социально-непривилегированные *насу* не были ни глупы, ни наивны. Они прекрасно сознавали собственные классовые интересы и смели их преследовать: слуги дома Но видели свою выгоду в сохранении удела Мулянь, а коалиция «нижних деревень» - напротив, считала более удобным для себя выйти из-под власти *туму* и перейти под прямое управление цинского чиновника. И любопытно, как в данном случае интересы закрепощенных варваров противоречили интересам их знатных соплеменников, при этом совпадая с целями правительства в далеком Пекине.

Заключение

Судебные протоколы минувших эпох предоставляют исследователю редкую возможность услышать голоса бедняков, преступников, инородцев, увидеть их глазами современное им общество с его этническими и классовыми конфликтами, почувствовать, как они видят сами себя и своих судей, как презентуют себя для своих инокультурных правителей. Анализ двух судебных дел, рассмотренных в разные декады XVIII века в разных частях южнокитайской фронтирной зоны позволил нам проследить, какие формы приобретали местные общества под влиянием китайской культуры и империи; и как эти общества сохраняли традиционный уклад, лишь едва замаскированный

заимствованной из центрального Китая терминологией, либо же переживали социальную трансформацию, столь радикальную, что она глубоко проникала в политические практики и массовую психологию местных народов. Мы выделили ряд коммуникативных стратегий, к которым прибегали народы фронтира для успешного взаимодействия с китайским управленческим аппаратом – стратегий, нацеленных на демонстрацию политической лояльности, на извлечение наибольшей возможной выгоды, или же на обход ограничений, налагаемых властями империи на самоуправление и саморегуляцию местных общин. Более того, мы определили, что этот процесс приспособления не был односторонним – китайские чиновники тоже иногда приспосабливались к потребностям или особенностям менталитета варварских народов. И эти совместные усилия по налаживанию коммуникации, несмотря на огромный дисбаланс власти и болезненные противоречия, в перспективе послужили сближению народов, формированию новой мультиэтничной общности и интериоризации фронтира, его постепенному врастанию в китайскую нацию в целом.

Список литературы

Antony, R. J. (2016). *Unruly People: Crime, Community, and State in Late Imperial South China*. Hong Kong University Press. https://doi.org/10.5790/hongkong/9789888208951.001.0001

Atwood, C. P. (2010). The Notion of Tribe in Medieval China. Ouyang Xiu and the Shatuo Dynastic Myth. In D. Aigde, I. Charleux, V. Goosaert, & R. Hamayon (Eds.), *Miscellanea Asiatica. Melanges en l'honneur de Francoise Aubin* (pp. 593–621). Institut Monumenta Serica.

Csete, A. (2006). Ethnicity, Conflict, and the State in the Early to Mid-Qing. The Hainan Highlands, 1644-1800. In P. K. Crossley, H. F. Siu, & D. S. Sutton (Eds.), *Empire at the Margins. Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China* (pp. 229–252). University of California Press. https://doi.org/10.1525/california/9780520230156.003.0009

Faure, D. (2007). *Emperor and ancestor: State and lineage in South China*. Stanford University Press. https://doi.org/10.11126/stanford/9780804753180.001.0001

Faure, D. (2013). Introduction. In D. Faure & Ts'ui-P'ing Ho (Eds.), *Chieftains into Ancestors. Imperial Expansion and Indigenous Society in Southwest China* (pp. 1–40). UBC Press.

Hegel, R. A. (Ed.). (2009). *True Crimes in Eighteenth-Century China. Twenty Case Histories*. University of Washington Press.

Herman, J. E. (2006). The Cant of Conqest. Tusi Offices and China's Political Incorporation of the Southwest Frontier. In P. K. Crossley, H. F. Siu, & D. S. Sutton (Eds.), *Empire at the Margins. Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China* (pp. 135–168). University of California Press. https://doi.org/10.1525/california/9780520230156.003.0006

Mueggler, E. (2021). Rewriting Bondage: Literacy and Slavery in a Qing Native Domain. *Comparative Studies in Society and History*, 63(1), 99–132. https://doi.org/10.1017/S0010417520000390

Sutton, D. S. (2006). Ethnicity and the Miao Frontier in the Eighteenth Century. In P. K. Crossley, H. F. Siu, & D. S. Sutton (Eds.), *Empire at the Margins. Culture, Ethnicity, and Frontier*

in Early Modern China (pp. 190–228). University of California Press. https://doi.org/10.1525/california/9780520230156.003.0008

Wilkerson, J. (2013). The Wancheng Native Officialdom: Social Production and Social Reproduction. In D. Faure & Ts'ui-P'ing Ho (Eds.), *Chieftains into Ancestors. Imperial Expansion and Indigenous Society in Southwest China* (pp. 187–205). UBC Press.

Даймонд, Д. (2016). *Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке*. АСТ.

Морган, Л. Г. (1934). *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Издательство института народов Севера ЦИК СССР.

Саракаева, А. А. (2021). Рука закона и тело семейного коллектива. Семья, страх и суд в цинском Китае. *Corpus Mundi*, 2(2), 83–119. https://doi.org/10.46539/cmj.v2i2.45

Энгельс, Ф. (1989). *Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана*. Политиздат.

References

Antony, R. J. (2016). *Unruly People: Crime, Community, and State in Late Imperial South China*. Hong Kong University Press. https://doi.org/10.5790/hongkong/9789888208951.001.0001

Atwood, C. P. (2010). The Notion of Tribe in Medieval China. Ouyang Xiu and the Shatuo Dynastic Myth. In D. Aigde, I. Charleux, V. Goosaert, & R. Hamayon (Eds.), *Miscellanea Asiatica. Melanges en l'honneur de Francoise Aubin* (pp. 593–621). Institut Monumenta Serica.

Csete, A. (2006). Ethnicity, Conflict, and the State in the Early to Mid-Qing. The Hainan Highlands, 1644-1800. In P. K. Crossley, H. F. Siu, & D. S. Sutton (Eds.), *Empire at the Margins. Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China* (pp. 229–252). University of California Press. https://doi.org/10.1525/california/9780520230156.003.0009

Diamond, J. (2016). *The World until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies?* AST. (In Russian).

Engels, F. (1989). *The Origin of the Family, Private Property, and the State. A Discussion of Lewis H. Morgan's Ancient Society*. Politizdat. (In Russian).

Faure, D. (2007). *Emperor and ancestor: State and lineage in South China*. Stanford University Press. https://doi.org/10.11126/stanford/9780804753180.001.0001

Faure, D. (2013). Introduction. In D. Faure & Ts'ui-P'ing Ho (Eds.), *Chieftains into Ancestors. Imperial Expansion and Indigenous Society in Southwest China* (pp. 1–40). UBC Press.

Hegel, R. A. (Ed.). (2009). *True Crimes in Eighteenth-Century China. Twenty Case Histories*. University of Washington Press.

Herman, J. E. (2006). The Cant of Conqest. Tusi Offices and China's Political Incorporation of the Southwest Frontier. In P. K. Crossley, H. F. Siu, & D. S. Sutton (Eds.), *Empire at the Margins. Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China* (pp. 135–168). University of California Press. https://doi.org/10.1525/california/9780520230156.003.0006

Morgan, L. H. (1934). *Ancient Society Or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. Publishing Institute of the Peoples of the North CEC of the USSR. (In Russian).

Mueggler, E. (2021). Rewriting Bondage: Literacy and Slavery in a Qing Native Domain. *Comparative Studies in Society and History*, 63(1), 99–132. https://doi.org/10.1017/S0010417520000390

Sarakaeva, A. A. (2021). The Hand of Law and the Body of Family. Family, Fear and the Court of Law in Qing China. *Corpus Mundi*, 2(2), 83–119. https://doi.org/10.46539/cmj.v2i2.45 (In Russian).

Sutton, D. S. (2006). Ethnicity and the Miao Frontier in the Eighteenth Century. In P. K. Crossley, H. F. Siu, & D. S. Sutton (Eds.), *Empire at the Margins. Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China* (pp. 190–228). University of California Press. https://doi.org/10.1525/california/9780520230156.003.0008

Wilkerson, J. (2013). The Wancheng Native Officialdom: Social Production and Social Reproduction. In D. Faure & Ts'ui-P'ing Ho (Eds.), *Chieftains into Ancestors. Imperial Expansion and Indigenous Society in Southwest China* (pp. 187–205). UBC Press.

Journal of Frontier Studies. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Identifying Self and the Other | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436

A Comparativistic Analysis of the Transformation of Alimentary Aspect of the Other's Image: 2018-2022

Rastyam T. Aliev[1] **& Olesya S. Yakushenkova**[2]

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Abstract

The study focuses on the transformation of the alimentary models of the imaginative Other. Based on the statistics of the Russian Internet queries, the authors identified a number of markers, determining the main alimentary models of the Other. They carried out a comparative analysis of the obtained in 2018-2019 (pre-Covid-19) models with similar Post-Covid models for 2021-2022. The researchers' hypothesis is that the queries can reveal the attitude of the modern Russians to the Other, determine the criteria by which the images are formed and the factors, affecting their transformation.

The study showed that interest in the Other's food is unstable. The number of queries constantly fluctuates. Both external factors (geopolitical, etc.) and contact with the objects of foreign mass culture can influence the growth of interests. At the same time, all markers (and stereotypes) can be conditionally divided into two groups: stable (fixed for several years), and situational, determined by external factors.

The long-term analysis allowed the authors to trace the increased relevance of a number of cannibalistic markers in the image of the Other, the main reason for which, according to the researchers, was the pandemic, and the subsequent decline of interest in them in 2022.

We should also mention the growing interest in video content (mukbang) In our view, this interest may be indicative of the observer's desire to transcend cultural boundaries and interact more closely with the Other. It is also particularly curious that this interest is directed toward the most alert models of the Other.

Keywords

The Other; Modeling; Alimentariness; Otherness; Queries; Mukbang; Internet

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: rastaliev[at]gmail.com
2 Email: jestershadow[at]mail.ru

Журнал Фронтирных Исследований. 2022. No 3 | ISSN: 2500-0225
Определяя себя и Чужого | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436

Компаративистский анализ трансформации алиментарного аспекта образа Чужого: 2018-2022 гг.

Алиев Растям Туктарович[1], **Якушенкова Олеся Сергеевна**[2]

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Аннотация

Исследование посвящено изучению трансформации алиментарной модели имагинативного Чужого под воздействием ряда факторов (в частности, пандемии КОВИД-19). На основе статистики запросов россиян в сети Интернет были выявлены маркеры, определяющие основные алиментарные модели Чужого. Нами был проведен компаративистский анализ полученных в 2018-2019 гг. (доковидных) моделей с аналогичными постковидными, полученными нами в 2021-2022 гг.. Гипотеза исследователей заключается в том, что анализ запросов пользователей сети Интернет может выявить отношение современного населения России к Чужому, определить те критерии, с помощью которых формируется его образ и факторы, которые влияют на его трансформацию.

В процессе исследования было выявлено, что интерес к алиментарности Чужого нестабилен. Количество запросов постоянно колеблется. На рост интереса могут влиять как внешние факторы (геополитические обстоятельства и т. д.), так и столкновение с объектами массовой культуры. При этом, все маркеры (и соответственно, стереотипы) можно условно разделить на две группы: стабильные, т. е. фиксируемые на протяжении нескольких лет, и ситуативные, интерес к которым определяется внешними факторами.

Долгосрочный анализ позволил проследить повышение актуальности ряда каннибалистических маркеров в образе Чужого, основной причиной чего, на взгляд исследователей, явилась Covid-19 пандемия, и последующий спад интереса к ним в 2022 г..

Следует также отметить возрастающий интерес к видео-контенту (мокпан) и многозначность этого явления. На наш взгляд, этот интерес может свидетельствовать о желании преодоления культурных границ и более плотного взаимодействия с Чужим. Особенно любопытно и то, что этот интерес направлен на наиболее алертные модели Чужого.

Ключевые слова

Чужой; моделирование; алиментарность; инаковость; запросы; мокпан; Интернет

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: rastaliev[at]gmail.com
2 Email: jestershadow[at]mail.ru

Введение

За последние годы многие аспекты межкультурной коммуникации оказались предметом пристального изучения учёных различных областей знания: от философов и культурологов до историков и антропологов. Трансформации, которые происходят в этой области человеческого бытия, стали возможными благодаря научно-техническому прогрессу и ускоренному развитию цифровых технологий. В предыдущие периоды основными источниками информации были книги и «старые» медиа, а местами, специализирующимися на накоплении этой информации, библиотеки и различные архивы. Теперь же топологический или темпоральный характер не ограничивают наши возможности для получения информации, а с помощью банального смартфона любой человек сегодня потенциально способен «прикоснуться» к практически любым знаниям мира. Преодоление такого технологического фронтира (границы) позволяет расширить наши методологические горизонты для изучения новых проблематик межкультурного общения и взаимодействия, превращая наш мир, как выразился Г. М. Маклюэн, в «глобальную деревню» (Маклюэн, 2007, с. 43), где любой «чих» можно проанализировать с помощью большого количества цифровых инструментов.

Одним из важнейших аспектов межкультурной коммуникации – это образ Другого / Чужого, являющийся «лакмусовой бумажкой», которая даёт возможность, как выразился российский историк и антрополог С. Н. Якушенков, определить

> «состояние болезни или здоровья, в котором то или иное общество находится, а возможно, и намечать те “лекарства”, которые этому обществу требуются» (Якушенков, 2012b, с. 264).

Именно Чужой является тем самым отражением, в котором выкристаллизовываются характерные для социума черты. Иными словами, взгляд на Чужого даёт нам возможность определить характер межкультурной коммуникации, вскрывая ее потаённые черты, которые могли бы объяснить многие проблемы.

Чужой может быть как реальным, так и Воображаемым. Реальный Чужой осязаем, его можно увидеть, взаимодействовать с ним напрямую. Но Воображаемый является продуктом наших фантазий. На наш взгляд, такой Чужой выступает отражением бессознательного, а иногда даже коллективного бессознательного. И будучи воображаемым, он всё же не перестаёт влиять на многие процессы межкультурной коммуникации, выступая то мостиком, то, наоборот, преградой на пути взаимопонимания между представителями различных культур. Чужой конструируется на основе трёхчленной модели взаимодействия алиментарных, вестиментарных и сексуальных паттернов (Якушенков, 2012a).

Динамично развивающийся мир, «сузившийся» до состояния «глобальной деревни» постоянно ставит перед человечеством массу проблем. Субъекту приходится коммуницировать не только с привычном кругом общения, но и оказываться «лицом к лицу» с представителями других этнических групп. Мы живем в эпоху активных культурных контактов, и даже когда эти контакты происходят не на физическом уровне, а на информационном, интенсивность их не только не ослабевает, но и порой усиливается. В этих условиях субъект оказывается перед сложнейшим вызовом, возникшим в результате отсутствия нужной информации о Другом/Чужом.

Если в обычной фронтирной ситуации (в рамках конкретного локуса) когнитивные лакуны заполняются с помощью прямых или опосредованных контактов, то в условиях опосредованных контактов представления субъекта о Чужом достаточно важны. В условиях информационного общества различные поисковые системы глобальной сети Интернет, позволяют субъекту подкрепить или опровергнуть свои опасения или надежды по поводу Чужого. При этом эти запросы позволяют сделать выводы о «настрое» субъекта по отношению к Чужому: превалирует ли в них алертность, или простое любопытство.

Но схожесть в фронтиром часто проявляется не только на уровне встраивания субъекта в культурные контакты. Нередко состояние фронтира может быть порождено некоторыми иными ситуациями. Недаром слово «фронтир» в настоящий момент употребляется не только по отношению к особым географическим и культурным пространствам. Все чаще слово «фронтир» употребляется по отношению к передовым направлениям науки, техники и т.д.. Все так, но человечество сталкивается с фронтирной ситуацией и в массе других случаев. Еще недавно пандемия Covid-19 поставила мир на грань новой реальности. Состояние угрозы смертельного заболевания, вынужденная изоляция, распространение различных слухов (порой непроверенных) – все это породило культурный шок среди множества групп населения, в том числе и в России. В этих условиях культурные контакты с Чужим получили новое прочтение, что и проявилось на уровне Интернет запросов. Темпоральный фронтир, вызванный сложными внешними условиями, как нельзя лучше показал, в каком направлении развивается современное общество, и насколько наше восприятие мира зависит от культурных контактов с Чужим (реальных или воображаемых).

На протяжении последних лет мы занимались наблюдениями за статистикой поисковых запросов, связанных с рядом этнических групп и их восприятием в российском сетевом пространстве. Основное внимание мы уделили этим трём группам паттернов конструирования Чужого. Результаты этих исследований показали повышение интереса к сексуальности и алиментарности Чужого (Алиев & Якушенкова, 2021) и снижение интереса к вестиментарным маркерам (2021). Это связано с самим характером информации,

которая получила распространение в первые месяцы пандемии, когда основным «виновником» были объявлены традиционные алиментарные пристрастия китайцев, выразившиеся в потреблении ряда животных, которые могли бы быть разносчиками коронавируса. Поэтому в данном исследовании мы сосредоточились на анализе алиментарности Воображаемого Чужого.

Основным объектом нашего исследования стал образ Чужого в представлениях россиян, сформированный на основе поисковых запросов в сети Интернет в рамках определенной выборки этносов. Наша гипотеза заключается в том, что с помощью систематизации и анализа подобных запросов мы можем выявить отношение современного населения России к Чужому, определить критерии, с помощью которых и формируется его образ.

Данное исследование посвящено изучению трансформации образа алиментарного Чужого под воздействием определённого ряда факторов (в частности, пандемии КОВИД-19). Для этого мы провели компаративистский анализ полученных в 2018-2019 гг. (доковидных) моделей с аналогичными постковидными, полученными нами в 2021-2022 гг..

Этот подход позволяет делать сравнительных анализ как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях. Первый даёт возможность выделять наиболее актуальные маркеры; второй – проследить происходящие изменения на определённом темпоральном отрезке, т.е. увеличение или снижение количества запросов.

Поисковые запросы являются универсальными средствами анализа потребностей пользователей сети Интернет[1]. Анализ интернет запросов позволяет исследовать целый круг различных аспектов человеческой жизни: сексуальное поведение, психическое здоровье, социальные предрассудки, социальное неравенство, реакцию общества на политику и т. д. (Lai et al., 2017)

Исследование, проведенное международной группой ученых в 2001 г., выделило ключевые категории, по которым происходит поиск. Сюда вошли «развлечения» (16.9 %), вопросы связанные с сексуальностью (16.8%), торговля, путешествия, занятость, экономика (13.3), компьютеры, Интернет (13.2), здоровье, наука (9.5%), люди, места, вещи (6.7%), общество и религия (5.7%), образование, изобразительное искусство (5.4%), правительство (3.4%) (Spink et al., 2001).

Поиск нужной информации может рассматриваться в научной среде как способ удовлетворения базовых потребностей, способствующий адаптации и повышающий возможности к выживанию и воспроизводству, и в то же время как разновидность потребительского поведения, превращающую интернет-серфинг в большей степени в развлекательный медиум, а не инструмент доступа к реальной информации (Lai et al., 2017, p. 597). Действительно, как

1 Сложностям, потенциальным проблемам и опасностям диджитал-методов исследования (в том числе неравному распределению ресурсов в случае с корпоративным контролем данных и использованию личных данных сторонними лицами) посвящена работа Хелен Кеннеди и др. (Kennedy et al., 2015)

видно из общего обзора полученных нами данных, значительная часть запросов посвящена именно поиску развлекательного контента, зачастую с сексуальным подтекстом.

Интернет-запросы ранее анализировались в связи с расовыми стереотипами (Stephens-Davidowitz, 2014). Иными словами, интернет-запросы отражают стереотипные представления о тех или иных народах / этносах / национальностях и т. д., что позволяет говорить об образе Чужого в призме цифрового межкультурного диалога.

Они также дают нам возможность отслеживать всплеск интереса к конкретным темам и его стремительное угасание. Поверхностный анализ подобных запросов в летний период 2022 г. показывает, что, например, по запросу «Китай» наблюдается реакция на конфликт вокруг Тайваня. Однако на 14 месте популярности – как только все запросы про конфликт уходят на задний план – всплывает «порно», а далее идут «товары» и «дорамы». На конец февраля – март 2022 также приходится резкий всплеск интереса к новостям из КНР. Иными словами, условно все запросы можно подразделить на 2 группы: стабильные, повторяющиеся из месяца в месяц, и ситуативные, интерес к которым определяется внешними факторами.

Так, запросы «коронавирус» и «ковид» на данный момент не показывают связи с конкретными этносами, хотя в 2020 году значительная доля запросов с этими ключевыми словами была связана с КНР.

Таким образом мы видим, насколько важно изучение интернет-запросов для выявления тех или иных моделей образов Чужого. Это позволит нам делать выводы о культурном, социальном и духовном состоянии российского общества.

Методы и методология исследования

Наблюдая за статистикой запросов, связанных с едой, мы обратили внимание на тот факт, что ряд пользователей не просто интересуется рационом «Чужого», но стремится найти видео самого процесса «потребления».

Это заставило нас обратиться к анализу такого явления как «мокпан»[1] – форме видеоблогинга (влогинга), представляющего собой трансляцию процесса поедания еды. Некоторые исследователи отмечают, что просмотр подобных видео помогают справиться с одиночеством городской жизни и удовлетворяют интерес к личной жизни публичных фигур (Schwegler-Castañer, 2018, p. 783). Как можно догадаться из названия этой формы влогинга, изначально она зародилась в Южной Корее:

1 Или «мукбанг», как чаще присутствует этот термин в формулировке пользовательских запросов. К примеру, «мукбанг корея» (3 675 запросов в месяц, август 2022).

> Единение является ключевой особенностью корейской трапезы. В последние годы, однако, традиционная практика совместного приема пищи приобрела новую мультимодальную форму среди молодого поколения Кореи. Пользователи включают свои электронные устройства и смотрят мокпан, корейскую прямую трансляцию приема пищи, через сайт онлайн-вещания (Choe, 2019, p. 171).

Мокпан – это новый способ быть с другими людьми и удовлетворять желание не есть в одиночестве[1] (2019). Иными словами, это новый способ быть включенным в социум[2]. Некоторые исследователи отмечают возможность трансформации онлайн пространства в воображаемое сообщество с семейными чувствами, где еда является катализатором и посредником солидарности из-за обмена вкусовыми кодами (Bruno & Chung, 2017). Мокпан порождает особую форму взаимодействия, преодолевающую физическое расстояние, и опирающуюся на телесность и скоординированное сенсорное внимание (Choe, 2019). Эта связь асимметрична, стример и зритель используют различные способы для управления процессом, при этом каждая сторона преследует собственные цели и вносит собственный вклад в создание связи (2019).

Глен Доннар рассматривает мокпан через призму сексуальности, отмечая, что это явление размывает границы личного и публичного, а также «обычных» пространств и «необычных» продуктов, и представлений о еде, и создает у зрителей целый спектр различных чувств: удовольствие, желание, вожделение, ужас, отвращение или стыд (Donnar, 2017).

Весь круг аспектов, отмеченных различными исследователями в связи мокпан-видео, можно объединить в 4 группы: сопутствующее (или заместительное) потребление, развлекательное, эскапистское и сексуальное использование (Kircaburun et al., 2021). Мокпан-видео помимо прочего «удовлетворяют тягу к еде тех, кто не может или не хочет есть такие сложные блюда»[3] (Choe, 2019). Взгляд на поисковые запросы через призму мокпан помог нам исключить негативную трактовку некоторых запросов, о чем мы поговорим позже.

В данном исследовании в качестве инструментария были использованы статистические методы сбора данных в сети Интернет, составлялись корреляционной матрицы, производились расчёты парной корреляции по Пирсону каждого из структурных маркеров и выявлялись сильнейшие корреляционные связи между этими маркерами. Для конструирования, структурирования и классификации моделей Воображаемого Чужого мы использовали визуализацию корреляционных связей маркеров на плоскости, что дало возможность выделить, с одной стороны, количество моделей, а, с другой, их качественную

1 К аналогичным выводам приходят и другие исследователи (Song, 2018; Woo, 2018)

2 Здесь надо отметить, что мы не делаем автоматический вывод о желании всех без исключения пользователей быть включенными в социум Чужого.

3 Некоторые также отмечают, что потребление подобного видео-контента «насыщает» зрителя, уменьшая тягу к такой же или похожей пищи, откладывая потребление или переключая внимание на другую еду (Tu & Fishbach, 2017).

характеристику, выраженную в наполненности моделей этими сгруппированными маркерами. Более подробно с методами можно ознакомиться в предыдущих наших исследованиях (Алиев & Якушенкова, 2021, сс. 171–174).

Для прикладной части нашего исследования мы использовали статистические методы сбора больших данных в сети Интернет. В частности, для выявления количества тех или иных запросов нами были проанализированы данные с сервисов https://wordstat.yandex.ru/ и https://trends.google.ru/. Эти сервисы позволяют увидеть конкретные запросы в разные промежутки времени, классифицировав их по регионам. Применив расчёт корреляции по Пирсону каждой пары структурных маркеров, мы выявили сильнейшие корреляционные связи между ними. А для визуализации этих корреляционных связей маркеров на плоскости мы использовали метод графов (семантические связи) с помощью пакета программного обеспечения для сетевого анализа и визуализации данных Gephi. Это дало возможность выделить, с одной стороны, количество моделей, а, с другой, их качественную характеристику, выраженную заполненностью моделей сгруппированными маркерами.

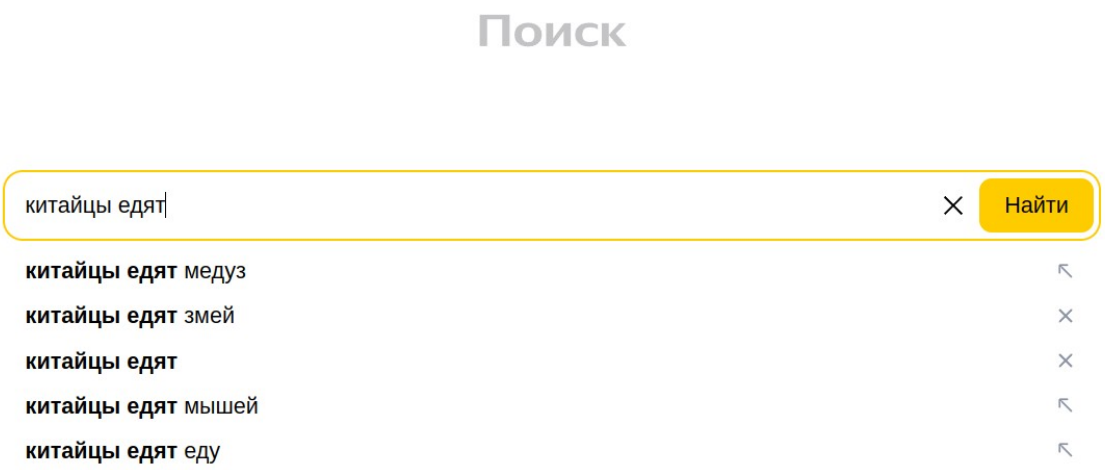

Рисунок 1. Пример формирования поисковых запросов в Яндексе

Figure 1. Example of search query generation in Yandex

Данное исследование было выстроено поэтапно. Прежде всего, мы выбрали 12 больших этнических групп, куда вошли китайцы, японцы, корейцы, французы, немцы, англичане, казахи, армяне, азербайджанцы, грузины, таджики. Выбор на них пал в силу многих причин, которые можно объединить в две большие:

1. Представители геополитических партнёров или конкурентов современной России.
2. Представители стран бывшего СССР.

На втором этапе мы определились с формой поисковых запросов для выявления структурных маркеров. Исходя из предмета исследования и учитывая то, что методологически это исследование зиждется на трёхчленной структуре образа Другого / Чужого, мы сформировали шаблоны поисковых запросов по типу «“представители этноса” едят / пьют...» (См. Рисунок 1).

Далее мы собрали данные с сервисов https://wordstat.yandex.ru/ и https://trends.google.ru в одну базу данных поисковых запросов россиян (см. Таблицу №1)

Для формирования данных данной таблицы мы учитывали только утвердительную формулировку (к примеру, «китайцы едят рис»). В нее не вошли вопросительные формулировки («едят ли китайцы рис») и отрицательные («не едят гречку»). Все подобные запросы анализировались нами отдельно.

Запрос	Китайцы	Японцы	Корейцы	Французы	Немцы	Англичане	Американцы	Казахи	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Таджики	Итальянцы
русскую еду	0	0	18	0	0	0	20	0	0	0	0	0	11
окрошку	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
собак	418	54	2148	0	0	0	0	0	0	0	0	35	0
макароны	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	78
Спагетти	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	43
котов	24	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
свинину	0	47	28	0	0	0	22	143	264	42	0	105	0
плов	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	36	0
Хинкали	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	32	0	0

Таблица 1. Пример части корреляционной матрицы

Table 1. Example of a part of correlation matrix

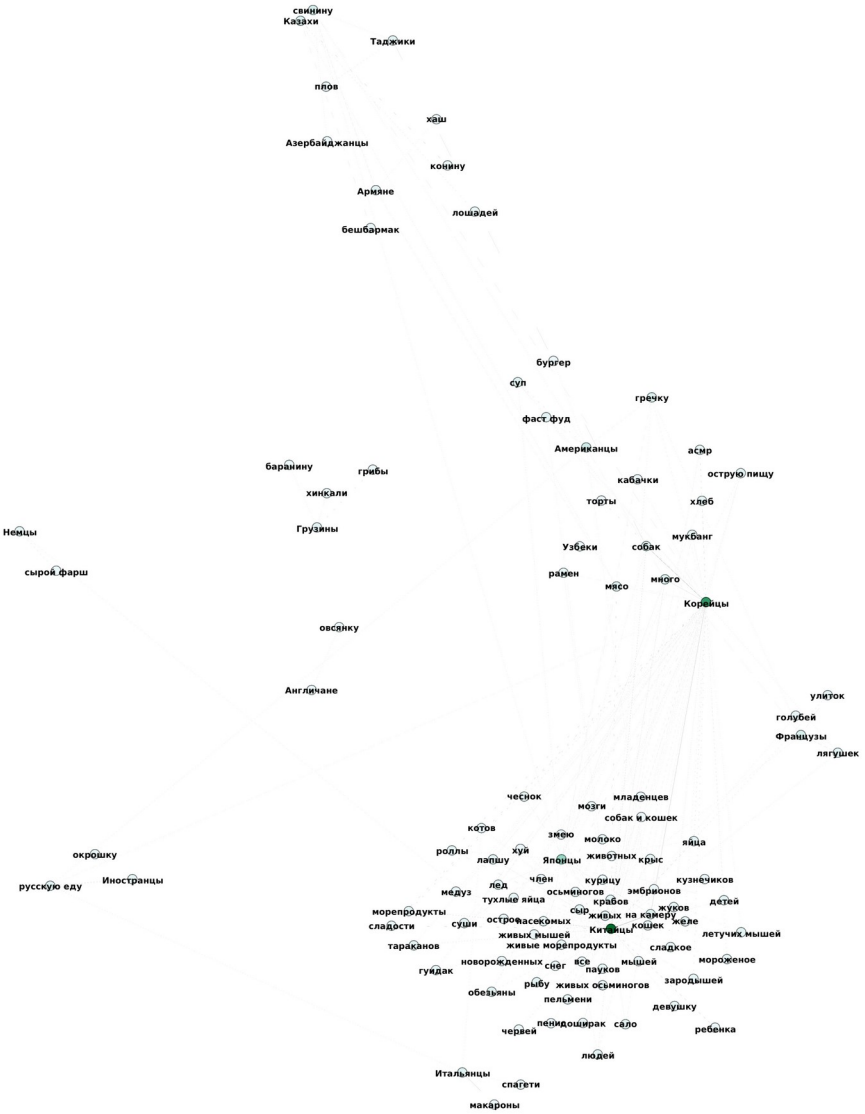

Рисунок 2. Карта сгруппированных между собой структурных маркеров инаковости

Figure 2. Map of the structural markers of the otherness grouped together

На следующем этапе мы провели расчёт корреляции каждой пары выявленных нами маркеров. И выявив сильнейшие корреляционные связи между найденными нами структурными маркерами, с помощью пакета программного обеспечения для сетевого анализа и визуализации данных Gephi мы построили на плоскости граф, в котором эти маркеры сгруппировались в отдельные кластеры, образовавшие структурные модели инаковости в отношении того или иного исследуемого нами этноса (см. Рисунок 2).

Перед началом обсуждения результатов мы также хотели бы отметить, что не разделяем стереотипные представления пользователей, а лишь соби-

раем статистику и анализируем ее. Так же, часть запросов не отображена в иллюстрациях в соответствии с российским законодательством.

Результаты

Модель Чужой-китаец (см. Рисунок 3) интересна тем, что она на протяжении всех лет исследования оставалась аллертно-агрессивной, состоя из ряда каннибалистических алиментарных маркеров, а также таких маркеров, как «ест насекомых / тараканов / лёд / крыс / летучих мышей» и т.д. (то есть поедание такой еды, которая выходит из рациона обычных россиян и относятся либо к маргинальной, либо к экзотической; иными словами, либо пугает, либо воспринимается с настороженным любопытством). При этом нами отмечается интересный сдвиг в наполненности данной модели теми или иными маркерами. Так в 2018 г. данная модель содержала в себе наравне с другими каннибалистические маркеры, а в 2019 г. запросов по типу «китайцы едят людей / младенцев / эмбрионов» уменьшилось. С 2021 года после вспышки пандемии Ковид-19 количество каннибалистических маркеров снова увеличилось в запросах россиян, но параллельно с этим маргинальные и экзотические маркеры тоже поднялись по числу запросов. Например, с началом ковидных событий маркер «едят летучую мышь» сначала был одним из популярных запросов в российских поисковиках, но позже сдал позиции.

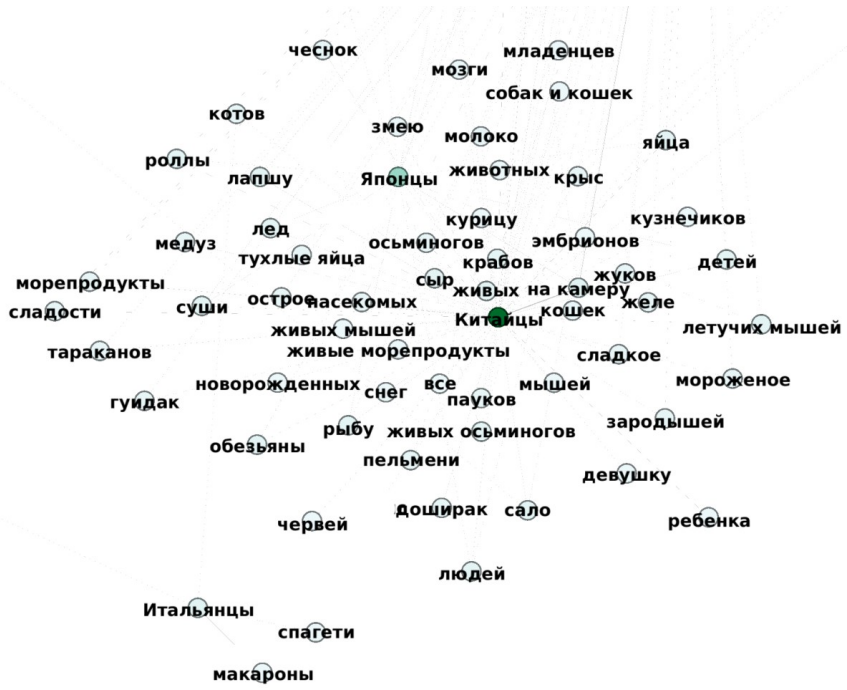

Рисунок 3. Модели Чужой-китаец и Чужой-японец 2022

Figure 3. The Other-Chinese and The Other-Japanese Models of 2022

Иными словами, эта модель оказалась самой восприимчивой к трансформации (хотя саму алертно-агрессивную суть она не меняла) на фоне внешних факторов (экзофакторов). В частности, хоть и незначительно количественно, но качественные изменения модели находились под влиянием пандемии и связанных с ней мифов, фейков и т.д. (например, начало распространения коронавируса связывали с поеданием летучей мыши). Таким образом, модель Чужой-китаец является самой чувствительной к внешним факторам, но при этом и вызывающей максимальный интерес и чрезвычайно вариативной по количеству (и качеству) маркеров.

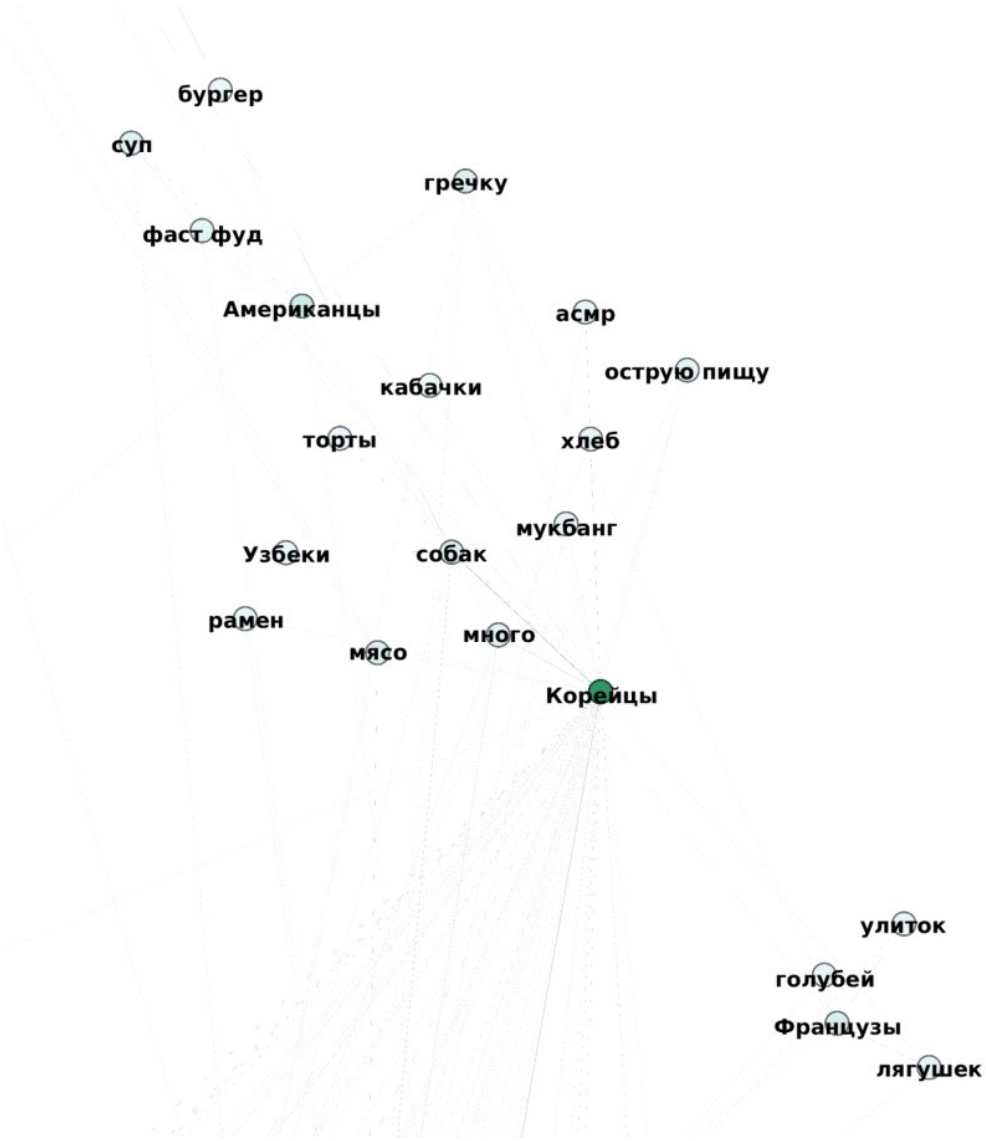

Рисунок 4. Модель Чужой-кореец 2022

Figure 4. The Other-Korean model of 2022

Модели Чужой-японец (см. Рисунок 3) и Чужой-кореец (см. Рисунок 4) в 2018-2019 гг. представляли собой алертно-нейтральные образы, отличающиеся от модели Чужой-китаец. В основе маркеров лежали экзотические паттерны алиментарного поведения (едят палочками, лапшу, дельфинов, рис, мясо, суши, лёд и т.д.). Из маргинальных маркеров выделяется только «ест собак» в запросах, связанных с корейцами.

Статистика по запросу «японцы едят» говорит о значительном интересе пользователей к поведению чужого: здесь лидируют запросы типа «что едят японцы» (1159), «едят ли японцы» (709), «почему японцы» (404), «+что едят японцы +на завтрак» (136), «+что едят японцы +в повседневной жизни». Конечно, подобные запросы характеризуют не только интерес к японцам, их можно найти и в связи с другими этносами. Они, в некоторым смысле, выходят за рамки интереса к тому, что именно ест Чужой, и показывают интерес к пространству, в котором он существует, повседневностям его жизни и поведению.

+что едят корейцы +в повседневной жизни	227
+что едят китайцы +в повседневной жизни	196
+что едят японцы +в повседневной жизни	109
+что едят узбеки +в повседневной жизни	53
+что едят турки +в повседневной жизни	36
+что едят индусы +в повседневной жизни	28
+что едят корейцы +в повседневной жизни список	25

Рисунок 5. Запросы, касающиеся повседневной жизни

Figure 5. Quiries related to everyday life

На наш взгляд, запросы вроде «японцы едят +на камеру» также свидетельствуют об выраженном интересе к алиментарному поведению Чужого, поскольку позволяют пользователю собственными глазами «понаблюдать» за Чужим, а не получить только текстовый ответ.

С началом пандемии наблюдается трансформация этих моделей, что включает их в общий с Чужим-китайцев кластер Дальневосточных моделей Чужого. У Чужого-японца появляются нехарактерные для него ранее такие маркеры, как «ест собак, людей, живых, обезьян» и т.д.. Эти же маркеры наблюдаются и у модели Чужой-кореец. Подобная трансформация и сближение

с моделью Чужой-китаец говорит о том, что и эти образы Чужого являются чувствительными к внешним факторам, таким как пандемия Ковид-19.

Ещё одной особенностью этих моделей (впрочем, как и модели Чужой-китаец) с 2021 года является набирающий большое количество в поисковиках запрос «едят на камеры» (см. Таблица №2). В рамках нашего исследования важно отметить, что пользователи ищут как реакцию иностранцев на российские блюда, так и хотят посмотреть, что именно ест Чужой, как он это делает, иными словами, получить информацию о том, насколько Мы и Чужой отличаемся друг от друга или наоборот похожи.

Немалая доля запросов приходится именно на интерес к повседневности Чужого (обычной, не маргинальной еде): «что едят обычно американцы», «+что едят англичане +на завтрак», «сколько раз едят англичане» и т.д.. На наш взгляд, поиск подобных видео свидетельствует о двойственном интересе. С одной стороны, пользователи хотели бы поучаствовать в процессе поедания чужой еды (особенно, это касается запросов с тегом «асмр»[1]). С другой, это позволяет вступить во взаимодействие с Чужим без необходимости есть неприятную еду, поскольку, как мы уже отмечали выше, исследования среди пользователей, потребляющих мокпан видео показывают, что подобные видео снижают потребность зрителя в потреблении продукта, изображенного на видео.

Запрос	Китайцы	Японцы	Корейцы	Французы	Немцы	Англичане	Американцы
«Едят на камеру»	3297	396	1467	0	0	0	30

Таблица 2. Статистика запросов «едят на камеру»

Table 2. Statistics of “eating on camera” queries

Сложно судить именно о желании степени вовлеченности и взаимодействии с Чужим, так как мы не можем сделать вывод о том, хотят ли пользователи найти видеозапись или видеотрансляцию: эти два формата предполагают разную степень вовлеченности в процесс. Дело в том, что трансляция может происходить в реальном времени и, соответственно, давать пользователю возможность просить стримера попробовать тот или иной продукт или совершить то или иное действие. Кроме того, некоторые стримеры отвечают на вопросы аудитории во время процесса поедания и т.д.

В случае с Чужим-корейцем все еще лидирует символическая связь с поеданием собак (запрос «корейцы едят собак» – 2134). Здесь же наблюдается

1 Или «автономная сенсорная меридиональная реакция», феномен восприятия, сопровождающийся приятными ощущениями. В данном случае пользователи пытаются найти определенный жанр видео, позволяющий им максимально погрузиться в процесс восприятия чужой еды, при этом ее не поедая.

и наличие интереса к поведению чужого («корейцы едят +на камеру», «корейцы едят на камеру асмр»). В связи с тремя этими группами также можно отметить интерес к Чужому как обладателю некого знания. Мы делаем этот вывод на основе наличия запросов типа: «почему корейцы много едят +и +не толстеют», «почему китайцы много едят +и +не толстеют» и их вариации «кореянка много ест +и +не толстеет» и «китаянка +которая много ест +и +не толстеет». Эти три этнические группы единственные (+ в формулировке «азиаты») связаны с запросом «много едят и не толстеют».

Конечно, запрос «много едят» может быть трактован в контексте подсознательного страха перед Чужим, который придет и «съест нашу еду». Однако, на наш взгляд эти запросы отражают столкновение российского пользователя с корейскими (и не только) мокпан-видео. Многие из них построены по принципу многочасового поедания большого количества вредной еды, нередко представляющей реальную опасность для здоровья стримера (Bruno & Chung, 2017). Подобный формат особенно популярен в Корее и на данный момент запрещен в КНР (опять-таки, по причине его популярности и в рамках борьбы с пренебрежительным отношением к еде) (Zhou, 2021). Иными словами, даже на родине подобные видео привлекают зрителя возможностью понаблюдать за нарушением привычных алиментарных кодов, так что реакция российского зрителя на них не удивляет.

Часть интереса к повседневности Чужого также объясняется активными контактами пользователя с азиатской массовой культурой. Зрителей интересует, к примеру, почему корейцы в дорамах «отворачиваются, когда пьют алкоголь», «что пьют из пакетиков» и рецепты блюд из аниме. Можно предположить, что подобные вопросы возникают у тех, кто активно увлечён различными жанрами корейской массовой культуры (дорамами, аниме, кей-попом и т.д.). Здесь не простое любопытство, а стремление как можно больше узнать о различных проявлениях традиционной и массовой культуры Кореи. Все подобные запросы глубоко мотивированы познавательным интересом, и демонстрируют некоторое знание о корейской культуре.

Интерес к алиментарной культуре Чужого-вьетнамца достаточно незначителен, несмотря на распространённость и популярность в России в последние годы вьетнамской кухни. Здесь присутствуют в основном запросы вроде «едят собак», «едят кошек», «едят крыс».

Несмотря на общее «осторожное отношение» к Чужому-азиату и стереотипы о поедании собак / живых осьминогов и т.д. наибольший интерес вызывает именно азиатская кухня, и интерес к ней увеличивается с каждым годом, так же как и интерес к грузинской кухне (количество обращений к остальным кухням остается относительно стабильным за последние 2 годы).

Рисунок 6. Запросы со словом «кухня»

Figure 6. Queries with the word “cuisine”

Из графика видно, что наибольший интерес российский пользователь проявляет к русской кухне. При этом вьетнамская кухня с 28 тыс. запросов в месяц гораздо более интересна, чем сами вьетнамцы (информацию о них ищут примерно 15 тыс. раз в месяц). Для сравнения, запрос «китайцы» в месяц набирает 491 тыс. обращений при интересе к китайской кухне в 70 тыс. запросов. При этом пользователей интересуют не только и не столько рецепты, сколько способы попробовать блюда.

Суммируя статистику, мы видим, что модели Чужой-японец и Чужой-кореец изначально находились вне орбиты большой модели Чужого-китайца, но с началом распространения коронавируса, эти модели оказались с китайским в общем кластере, но в то же сохраняют множество отличий в силу наличия уникальных маркеров.

Маленькие модели инаковости не получили больших трансформаций. Основной упор в них делается на стереотипных представлениях россиян о той или иной этнической группе.

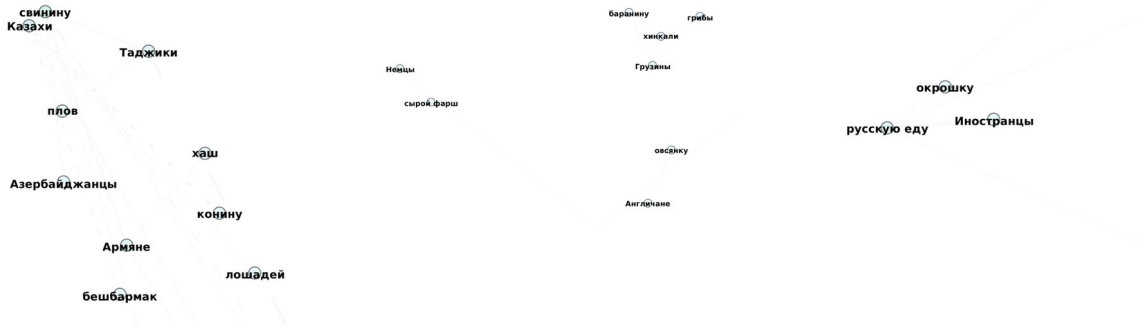

Рисунок 7. Маленькие модели инаковости

Figure 7. The little models of the otherness.

Так, например, для модели:

- Чужого-англичанина по-прежнему характерны употребление чая, овсянки;
- Чужого-американца характерны запросы об употреблении бургеров, фастфуде, русской еде, гречки. Лишь в 2021 и более ранних периодах им приписывались каннибалистические маркеры в виде поедания детей (в 2018 такие маркеры отсутствовали). В 2022 году они снова исчезли;
- Чужого-француза как и прежде характерно употребление лягушек, голубей, улиток, вина и т.д.;
- Чужого-казаха доминируют запросы об употреблении конины, свинины, кумыса, чая с молоком.

В основном своей массе эти маленькие (незначительные по количеству запросов) модели представляют собой не более, чем устоявшиеся стереотипные паттерны конструирования образа имагинативного Чужого на основе некоторых культурных гастрономических знаков. Трансформация алиментарных маркеров со временем у этих моделей настолько незначительна, что это свидетельствует о том, что они (модели) довольно статичны для культурного представления россиян об этих народах.

Параллельно с запросами «этнос+едят» мы анализировали статистику запросов «этнос+пьют». Здесь нами было выделено значительно меньше маркеров (21 шт.). Наиболее разнообразными и многочисленными они оказались в модели Чужой-китаец, включившей 13 маркеров (к примеру, «пьют горячую воду» - 515). Из 6 маркеров состоит модель Чужой-японец. Остальные модели в среднем содержали около 2 маркеров. Объединяющим для всех (за исключением моделей Чужой-армянин и Чужой-грузин) оказался запрос «пьют чай» (наиболее связанный с моделью Чужой-англичанин, 556 запросов), на втором месте запрос «пьют кофе», объединившая 6 моделей Чужих. Модель Чужой-китаец также включила самые маргинальные маркеры

(пиво с пиявками и т.д.). Здесь же прослеживается, пусть и умеренный, но интерес к потреблению Чужим «наших» напитков (пьют русскую водку и т. д.). Модели Чужого-француза и грузина объединили запросы о вине, а Чужого-англичанина и Чужого-казаха — чай с молоком. Пиво оказалось главным образом связано с немцами, американцами, китайцами и англичанами.

Суммируя данные, можно сказать, что эта составляющая (напитки) алиментарной культуры Чужого заботит пользователей в гораздо меньшей степени, нежели остальные аспекты алиментарности, вестиментарности или сексуальности Чужого.

Заключение

Алиментарный аспект по-прежнему оказывается интереснее пользователям, нежели вестиментарные традиции Чужого, однако меркнет перед потребностью познать особенности сексуальных паттернов Чужого. При этом, некоторые модели вызывают больший интерес, нежели другие. Так, к примеру, алиментарные аспекты поведения Чужого-американца и немца менее любопытны, чем поведение Чужого-итальянца. В первых двух случаях наблюдается лишь незначительный интерес к повседневной пище, тогда как в случае с Чужим-итальянцам пользователям интересны как алиментарные коды, так и возможность попробовать итальянскую кухню. Чужой-китаец, кореец и японец в целом сейчас интереснее пользователям, нежели модели иных этнических групп. При всем интересе к грузинской или вьетнамской кухне пользователи демонстрируют меньше интереса к повседневности указанных этносов, в то время как в случае с Чужим-китайцев этот интерес более равномерно распределен. Модель Чужой-китаец содержит гораздо больше характерных и разнообразных маркеров, нежели иные модели. При этом, часть маркеров роднит ее с корейской и японской моделями. Возможно, это также объясняется совпадающими запросами. Как бы оскорбительно это не звучало для представителей данных культур, термин «китаец» может использоваться в поиске как зонтичный, объединяя в себе интерес ко всем трем указанным группам.

Интерес к алиментарной составляющей Чужого нестабилен. Количество запросов постоянно колеблется. На рост интереса могут влиять как внешние факторы (геополитическая ситуация и т.д.), так и столкновение с объектами массовой культуры, мотивирующие пользователя искать информацию, объясняющую алиментарные традиции того или иного народа.

При этом, все маркеры (и соответственно, стереотипы) можно условно разделить в две группы: стабильные, т. е. встречающиеся на протяжении нескольких лет, и ситуативные, интерес к которым определяется внешними факторами. Если в 2020 и 2021 году распространение информации и страх

перед пандемией отображался в модели Чужой-китаец, плотно связывая ее с коронавирусной инфекцией, то данные 2022 года этой связи не демонстрируют.

Мы бы также хотели отметить возрастающий интерес к видео-контенту и многозначность этого явления. Как мы уже писали выше, этот интерес может свидетельствовать о желании преодоления культурных границ и более плотного взаимодействия с Чужим. Особенно любопытно и то, что этот интерес направлен на наиболее алертные модели Чужого.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных. Проект МК-66.2021.2 «Компаративистский анализ доковидных и постковидных образов Воображаемого Чужого: моделирование на основе поисковых запросов россиян в сети Интернет».

Список литературы

Bruno, A. L., & Chung, S. (2017). *Mŏkpang*: Pay me and I'll show you how much I can eat for your pleasure. *Journal of Japanese and Korean Cinema*, 9(2), 155–171. https://doi.org/10.1080/17564905.2017.1368150

Choe, H. (2019). Eating together multimodally: Collaborative eating in *mukbang* , a Korean livestream of eating. *Language in Society*, 48(2), 171–208. https://doi.org/10.1017/S0047404518001355

Donnar, G. (2017). 'Food porn' or intimate sociality: Committed celebrity and cultural performances of overeating in *meokbang*. *Celebrity Studies*, 8(1), 122–127. https://doi.org/10.1080/19392397.2016.1272857

Kennedy, H., Moss, G., Birchall, C., & Moshonas, S. (2015). Balancing the potential and problems of digital methods through action research: Methodological reflections. *Information, Communication & Society*, 18(2), 172–186. https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.946434

Kircaburun, K., Harris, A., Calado, F., & Griffiths, M. D. (2021). The Psychology of Mukbang Watching: A Scoping Review of the Academic and Non-academic Literature. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 19(4), 1190–1213. https://doi.org/10.1007/s11469-019-00211-0

Lai, K., Lee, Y. X., Chen, H., & Yu, R. (2017). Research on Web Search Behavior: How Online Query Data Inform Social Psychology. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 20(10), 596–602. https://doi.org/10.1089/cyber.2017.0261

Schwegler-Castañer, A. (2018). At the intersection of thinness and overconsumption: The ambivalence of munching, crunching, and slurping on camera. *Feminist Media Studies*, 18(4), 782–785. https://doi.org/10.1080/14680777.2018.1478694

Song, H. (2018). The Making of Microcelebrity: AfreecaTV and the Younger Generation in Neoliberal South Korea. *Social Media + Society*, 4(4), 205630511881490. https://doi.org/10.1177/2056305118814906

Spink, A., Wolfram, D., Jansen, M. B. J., & Saracevic, T. (2001). Searching the web: The public and their queries. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 52(3), 226–234. https://doi.org/10.1002/1097-4571(2000)9999:9999<::AID-ASI1591>3.0.CO;2-R

Stephens-Davidowitz, S. (2014). The cost of racial animus on a black candidate: Evidence using Google search data. *Journal of Public Economics*, 118, 26–40. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.04.010

Tu, Y., & Fishbach, A. (2017). The Social Path to Satiation: Satisfying Desire Vicariously Via Other'S Consumption. *ACR North American Advances*, NA-45, 146–151.

Woo, S. (2018). Mukbang is Changing Digital Communications. *Anthropology News*, 59(6). https://doi.org/10.1111/AN.1048

Zhou, V. (2021, May 7). It's Now Illegal to Order Too Much Food or Share Binge-Eating Videos in China. *Vice*. https://www.vice.com/en/article/jg88kp/china-bans-food-waste-mukbang

Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2021). Образ Чужого в (пост)ковидный период: Анализ русскоязычных интернет-запросов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163–190. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237

Маклюэн, Г. М. (2007). *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. Кучково поле.

Якушенков, С. Н. (2012a). Образ Чужого – от деконструкции к конструкции. *Каспийский Регион: Политика, Экономика, Культура*, 3, 242–249.

Якушенков, С. Н. (2012b). Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово). *Каспийский Регион: Политика, Экономика, Культура*, 23, 263–269.

References

Aliev, R., & Yakushenkova, O. (2021). The Image of the Other in the (post-)Covid Period: Analysis of Russian-language Internet Queries. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163–190. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237 (In Russian).

Bruno, A. L., & Chung, S. (2017). *Mŏkpang*: Pay me and I'll show you how much I can eat for your pleasure. *Journal of Japanese and Korean Cinema*, 9(2), 155–171. https://doi.org/10.1080/17564905.2017.1368150

Choe, H. (2019). Eating together multimodally: Collaborative eating in *mukbang* , a Korean livestream of eating. *Language in Society*, 48(2), 171–208. https://doi.org/10.1017/S0047404518001355

Donnar, G. (2017). 'Food porn' or intimate sociality: Committed celebrity and cultural performances of overeating in *meokbang*. *Celebrity Studies*, 8(1), 122–127. https://doi.org/10.1080/19392397.2016.1272857

Kennedy, H., Moss, G., Birchall, C., & Moshonas, S. (2015). Balancing the potential and problems of digital methods through action research: Methodological reflections. *Information, Communication & Society*, 18(2), 172–186. https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.946434

Kircaburun, K., Harris, A., Calado, F., & Griffiths, M. D. (2021). The Psychology of Mukbang Watching: A Scoping Review of the Academic and Non-academic Literature. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 19(4), 1190–1213. https://doi.org/10.1007/s11469-019-00211-0

Lai, K., Lee, Y. X., Chen, H., & Yu, R. (2017). Research on Web Search Behavior: How Online Query Data Inform Social Psychology. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 20(10), 596–602. https://doi.org/10.1089/cyber.2017.0261

McLuhan, H. M. (2007). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Kuchkovo Pole. (In Russian).

Schwegler-Castañer, A. (2018). At the intersection of thinness and overconsumption: The ambivalence of munching, crunching, and slurping on camera. *Feminist Media Studies*, 18(4), 782–785. https://doi.org/10.1080/14680777.2018.1478694

Song, H. (2018). The Making of Microcelebrity: AfreecaTV and the Younger Generation in Neoliberal South Korea. *Social Media + Society*, 4(4), 205630511881490. https://doi.org/10.1177/2056305118814906

Spink, A., Wolfram, D., Jansen, M. B. J., & Saracevic, T. (2001). Searching the web: The public and their queries. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 52(3), 226-234. https://doi.org/10.1002/1097-4571(2000)9999:9999<::AID-ASI1591>3.0.CO;2-R

Stephens-Davidowitz, S. (2014). The cost of racial animus on a black candidate: Evidence using Google search data. *Journal of Public Economics*, 118, 26–40. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.04.010

Tu, Y., & Fishbach, A. (2017). The Social Path to Satiation: Satisfying Desire Vicariously Via Other'S Consumption. *ACR North American Advances*, NA-45, 146–151.

Woo, S. (2018). Mukbang is Changing Digital Communications. *Anthropology News*, 59(6). https://doi.org/10.1111/AN.1048

Yakushenkov, S. N. (2012a). The Image of the Alien: from Deconstruction to Construction. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 242–249. (In Russian).

Yakushenkov, S. N. (2012b). The Evolution of the Alien Image in European Vampire Discourse (We'll Put in a Word for the Poor Vampire). *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 23, 263–269. (In Russian).

Zhou, V. (2021, May 7). It's Now Illegal to Order Too Much Food or Share Binge-Eating Videos in China. *Vice*. https://www.vice.com/en/article/jg88kp/china-bans-food-waste-mukbang

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from 07.04.2015

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050

Editor-in-Chief: Doctor Habilitatus, professor Serguey N. Yakushenkov

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: editorialboard.jsf@jfs.today

or editorialboard.jsf@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор: д.и.н., профессор Сергей Николаевич Якушенков

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: editorialboard.jsf@jfs.today или editorialboard.jsf@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225